И. П. ШМЫГИН

Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

НОВОСИБИРСКИЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

И. П. ШМЫГИН

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В БОРЬБЕ ЗА КРЕСТЬЯНСКИЕ МАССЫ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

УЛЬЯНОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

ОТ АВТОРА

Первая русская революция была одним из замечательных рубежей в жизни нашего народа. В. И. Ленин называл ее «генеральной репетицией», без опыта которой победа революции в 1917 г., как февральской, буржуазной, так и Октябрьской, пролетарской, была бы невозможна[1].

Свыше полувека отделяет нас от бурных событий тех лет. Время и дальше будет свершать свой стремительный бег, но в памяти советских людей никогда не померкнет героика дней этой первой народной революции эпохи империализма.

Революция 1905—1907 гг. явилась богатейшей школой воспитания миллионов трудящихся. На ее славных боевых традициях ленинская партия вырастила замечательное поколение героев Великого Октября, легендарных борцов за свободу и счастье нашей Родины. На боевых делах 1905 г. Коммунистическая партия и впредь будет воспитывать подрастающие поколения в духе беззаветного служения народу, в духе коммунизма.

Первая русская революция имела и огромное международное значение. Такие события, как расстрел питерских рабочих 9 января 1905 г., восстание матросов на броненосце «Потемкин», всероссийская октябрьская политическая забастовка и декабрьское вооруженное восстание, всколыхнули всю мировую общественность и явились поворотным пунктом в развитии революционного рабочего движения в Европе. Под влиянием революции

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 284.

1905—1907 гг. прокатилась мощная волна забастовочного движения в Германии, Франции, Италии, Австро-Венгрии, Румынии, Болгарии. Ведя борьбу против империализма, лучшие представители пролетариата этих стран уже тогда шли по пути русских и пытались решать социально-экономические и политические вопросы «по-русски».

Особенно сильное воздействие оказала первая русская революция на развитие национально-освободительного движения в странах Востока. Следуя примеру русских, угнетенные народы Турции, Ирана, Китая за период с 1905 по 1912 г. совершили буржуазные революции, удар которых был направлен не только против сил внутренней феодальной реакции, но и против иностранного империализма. Мощное освободительное движение развернулось и в Афганистане, Индии, Индонезии.

Характеризуя значение первой русской революции, которая указала народам Азии новый путь решения вопроса о своей судьбе, В. И. Ленин писал: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»[1].

В. И. Ленин очень высоко ценил опыт первой русской революции. В статье «Против бойкота», написанной в июле 1907 г., он призывал к настойчивому распространению в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организации и т. д. Он указывал на то, что «нам надо позаботиться, — и кроме нас некому будет позаботиться, — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее»...[2]

Настоящая книга «Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг.» написана на документальном материале и представляет собой попытку обобщения опыта деятельности большевистских организаций одного из основных районов крестьянских восстаний в те годы.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 66.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 24.

Освещая ход революционно-демократической борьбы крестьянских масс за свободу, за землю, автор старался как можно шире раскрыть формы работы большевистских организаций в деревне, показать, как эти организации в условиях сурового царского режима политически воспитывали и практически боролись за влияние на крестьянство, чтобы сделать его надежным союзником пролетариата в революции.

ВВЕДЕНИЕ

Со времени первой русской революции прошло уже около 60 лет. За эти годы в результате огромной научно-исследовательской работы в нашей стране накопился богатый материал, глубоко раскрывающий содержание бурных событий того времени. Историки, экономисты, философы совместно с работниками государственных и партийных архивов ввели в научный оборот большое количество документов. Историографическая база революции получила на свое вооружение добротные в научном отношении сборники статей и документов, фундаментальные монографические исследования.

Однако тщательное ознакомление с публикациями на темы революции 1905—1907 гг. позволяет сделать вывод о том, что многие вопросы, имевшие важное значение для ее характеристики, оказались неразработанными и в нашей историко-партийной литературе неосвещенными. Существенным пробелом является, например, то, что вопрос о завоевании большевистской партией крестьянства на сторону пролетариата остался в тени. На эту тему нет монографических исследований как среди публикаций дореволюционного времени, так и среди литературы, изданной в 1925 г. к 20-летию революции[1].

Нет книг, освещающих указанную тему и среди многочисленной литературы, изданной в период 1954—1957 гг. в связи с 50-летием первой русской революции. В числе 2898 опубликованных научных работ, с которыми выступили 1853 автора, нет ни одной монографии

[1] В связи с 20-летием революции 1905—1907 гг. в СССР было опубликовано 1046 научных работ.

о работе большевистских организаций в деревне, деятельности революционных крестьянских комитетов, работе большевиков в организациях Крестьянского союза.

Слабое отражение в публикациях 1954—1957 гг. получил также вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства. Из огромного количества литературы мы находим на эту тему лишь одну книгу[1] и не более трех десятков статей, опубликованных как центральными, так и местными издательствами.

Между тем вопрос о крестьянстве, как союзнике пролетариата, в период первой русской революции является весьма актуальным. Он не потерял своей значимости и в наши дни потому, что содержание этого вопроса неразрывно связано с героической борьбой трудящихся масс за свое социальное и национальное освобождение.

Без глубокого и всестороннего изучения опыта первой русской революции как в целом по стране, так и по отдельным ее районам невозможно понять сложность процесса формирования союза рабочего класса и крестьянства как главной и решающей силы общественного развития на всех этапах русской революции.

Следует отметить, что дальнейшая разработка советскими историками темы союза рабочего класса и крестьянства как в период трех русских революций, так и в последующей борьбе за строительство социализма и коммунизма в СССР вызывается также необходимостью решительного разоблачения реакционных социологов буржуазии, которые безудержно клевещут на политику нашей Коммунистической партии в крестьянском вопросе.

Некоторые современные «критики» марксистско-ленинской теории по аграрно-крестьянскому вопросу доходят до чудовищного утверждения. Они заявляют, будто бы Маркс и социализм всегда были враждебны крестьянству, а Ленин и созданная им Коммунистическая партия осуществляли политику союза рабочего класса и крестьянства из чисто тактических соображений.

Буржуазные социологи Д. Митрани, А. Мейер и дру-

---

[1] Ненахов А. Ф. Борьба большевиков за союз рабочего класса и крестьянства накануне и в период революции 1905—1907 гг. Воронеж, Книжное издательство, 1955. Содержание этой книги, в основу которой легли материалы, кандидатской диссертации, представляет несомненный интерес, хотя в ней далеко не раскрыта многогранная деятельность большевиков в деревне.

гие утверждают, что Ленин и большевистская партия на союз с крестьянством шли только для того, чтобы с помощью его боевой силы придти к государственной власти, а затем использовать ее против крестьянства[1].

Грубо извращая взгляды В. И. Ленина по крестьянскому вопросу, как составной части учения о диктатуре пролетариата, г-н Мейер делает бессовестнейшую попытку отождествить взгляды Ленина и Троцкого на роль и место крестьянских масс в освободительном движении пролетариата. Мейер обманывает читателя, умышленно скрывая то обстоятельство, что В. И. Ленин вел непримиримую борьбу с Троцким по всем коренным вопросам русской революции, в том числе и по крестьянскому.

Далее, в капиталистических странах появилась значительная группа реакционных социологов, экономистов и политиков, которые, воскрешая пресловутую «теорию» Мальтуса, пытаются доказать, что в наше время ее правота подтверждается полностью.

В 1957 г. в Бельгии вышла объемистая книжка Жозефа Стассара «Мальтус и народонаселение», где он старается убедить читателя в том, что нищенский уровень жизни многих народов Азии, Африки, Латинской Америки объясняется не войнами, не грабительской политикой современных колонизаторов и не социальными причинами вообще, а лишь быстрым размножением населения.

На мальтузианских позициях находилось и состоявшееся в 1956 г. широкое совещание в Калифорнийском технологическом институте. Защищая интересы монополий США, этих главных виновников величайших бедствий народов многих стран, буржуазные ученые пришли к выводу, что проблему голода можно решить только путем снижения рождаемости.

Чтобы ликвидировать голод, войны и т. п., реакционеры предлагают установить строгий «контроль над рождаемостью населения». Без применения этой меры, заявляют они, невозможно уничтожить даже «эрозию почвы»[2].

Фальсификация марксистско-ленинского учения по

---

[1] D. Mitrany. Marxismus und Bauerntum. München, 1956. S. 23. A. Meyer. Leninism, Harvard University Press, Cambridge, Massacusetts, 1957, pp. 117—118, 120. Обстоятельную критику этих работ см. в статье Б. И. Королева, ж. «История СССР» № 2, 1960.

[2] См. «Новые книги за рубежом» № 8, 1958. Аннотация Э. Араб-Оглы.

аграрно-крестьянскому вопросу и злобная клевета на революционную, научно обоснованную политику КПСС понадобились буржуазным историкам и их хозяевам для того, чтобы парализовать активность крестьянства, как одной из главных сил национально-освободительных, антиимпериалистических революций.

Животный страх перед социальными революциями, боязнь как бы колониальные и зависимые страны Азии, Африки, Латинской Америки не перешли «на сторону коммунизма» — вот что заставляет буржуазных социологов, экономистов и политиков клеветать на великое ленинское учение о революционном союзе рабочих и крестьян как решающей силе в борьбе с империализмом.

Однако при всей ненависти к советскому строю и к проводимой нашей партией политике буржуазные социологи вынуждены признать, что пример большевистского осуществления аграрной революции стал весьма популярным среди народов колониальных и зависимых стран.

Так, западногерманский историк Отто Шиллер, расценивая огромную работу КПСС по революционному преобразованию деревни как пропагандистский пример, вынужден заявить, что «во многих азиатских странах появилось мнение о возможности быстрого развития сельского хозяйства с помощью тех же методов, которые были применены в Советском Союзе и сейчас применяются в коммунистическом Китае»[1].

Необходимость дальнейшей разработки аграрно-крестьянского вопроса и широкой пропаганды ленинского учения о союзе рабочего класса и крестьянства вызывается еще и тем, что в ряде зарубежных стран проявляют активность ревизионисты, правые оппортунисты, которые пытаются грубо извращать ленинскую политику по отношению к крестьянству. Так, например, случилось в недалеком прошлом в Венгрии, когда группа ревизионистов во главе с Имре Надем, выхолащивая главное содержание марксизма-ленинизма — учение о социалистической революции и диктатуре пролетариата, давала такое толкование союза рабочего класса и крестьянства, которое могло привести на практике лишь к установлению товарных

---

[1] «Osteuropa», Stuttgart, 1955, Dezember, S. 406—407.

отношений между рабочим классом и крестьянством. Политика идейно разгромленных венгерских ревизионистов в аграрном вопросе была тесно связана с правооппортунистической теорией о мирном врастании мелкотоварного крестьянского хозяйства в социализм.

Ревизионисты и прочие «критики» марксизма-ленинизма наносят огромный вред коммунистическому движению и политическому воспитанию народных масс. В новой Программе КПСС говорится, что «в современных условиях главную опасность в коммунистическом движении представляет ревизионизм, правый оппортунизм, как отражение буржуазного влияния. Прикрывая свое отступничество от марксизма рассуждениями о необходимости учитывать новейшие условия развития общества и классовой борьбы, ревизионисты выполняют на деле роль разносчиков буржуазно-реформистской идеологии в коммунистическом движении»[1].

Из сказанного видно, что вопрос о борьбе коммунистических и рабочих партий за крестьянство, как союзника рабочего класса в борьбе за революционное преобразование старого мира, имеет огромное не только теоретическое, но и практическое значение.

Интернациональный долг советских историков состоит в том, чтобы помочь зарубежным борцам за свободу и счастье народов правильно разобраться в ленинском учении и умело применить его в практической борьбе за социализм и коммунизм. Советские историки располагают всеми необходимыми для этого условиями.

* * *

Одной из величайших заслуг В. И. Ленина является то, что он первым из русских революционеров дал подлинно научную разработку аграрно-крестьянского вопроса, служившего осью революционного движения в России.

В. И. Лениным написано около двухсот работ, в которых он в той или иной мере касается аграрного вопроса, причем многие из них целиком посвящены этой актуальнейшей проблеме.

Решительно разоблачая «критиков» Маркса по аграрно-крестьянскому вопросу и всесторонне развивая его

---

[1] Программа КПСС, ч. 1-я, разд. V, Госполитиздат, М., 1961, стр. 350.

учение в новых исторических условиях, В. И. Ленин вскрыл социальные корни крестьянского малоземелья, четко определил роль и место крестьянских масс в освободительном движении рабочего класса России, в его героической борьбе за власть.

Руководствуясь идеей Маркса о сочетании крестьянской войны за свободу и землю с пролетарской борьбой за социализм, В. И. Ленин создал стройное учение о союзе рабочего класса и крестьянства, выработал правильную политическую стратегию рабочего класса по крестьянскому вопросу на различных этапах революции, вооружил Коммунистическую партию научной программой борьбы за крестьянские массы, как составную часть той великой общественной силы, которая должна осуществить преобразование старого мира, обеспечить победу социализма и торжество коммунизма в нашей стране.

Многочисленные произведения В. И. Ленина по аграрно-крестьянскому вопросу, в частности такие работы, как «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», «Рабочая партия и крестьянство», «Аграрный вопрос и «критики Маркса», «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» и другие, стали основополагающими материалами для дальнейшей разработки советскими и зарубежными исследователями этой важнейшей социальной проблемы.

Труды В. И. Ленина положены в основу и при написании данной работы. В ней использованы также решения общепартийных съездов и конференций по аграрно-крестьянскому вопросу; газеты и многочисленные листовки большевистских организаций, обращенные к крестьянам; сообщения комитетов РСДРП о работе в деревне; решения специальных аграрных конференций, проведенных большевистскими организациями Поволжья в период первой русской революции.

В процессе работы над темой автор изучил не только документальный материал, хранящийся в государственных и партийных архивах Саратовской, Куйбышевской, Ульяновской областей и Татарской АССР, но и многие документы из центральных государственных исторических архивов Москвы и Ленинграда, архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Большую научную ценность представляют статистические обзоры экономики губерний Среднего Поволжья и отчеты губернаторов в годы первой русской революции; многочисленные донесения земских начальников, уездных исправников, полицейских чиновников и письма помещиков на имя губернаторов; переписка губернаторов с министром внутренних дел и командующим Казанским военным округом; приговоры окружных судов по делам о разгромах помещичьих имений, а также многие другие документы правительственных органов, помогающие осветить ход крестьянской революции и работу большевиков в деревне.

Разрабатывая данную тему, автор изучил все опубликованные труды и защищенные кандидатские диссертации по различным вопросам крестьянского движения и деятельности большевиков в средневолжских деревнях во время революции 1905—1907 гг. Исследованы также все воспоминания активных участников первой русской революции на Среднем Поволжье, в том числе и сохранившиеся в виде рукописей.

Критически исследуя многочисленные архивные документы, опубликованную литературу и кандидатские диссертации о первой русской революции в Среднем Поволжье, автор данной работы пришел к следующим выводам:

1. Будучи не в силах дальше терпеть жестокую кабалу, крестьянская беднота стихийно поднималась на вооруженную борьбу против своих угнетателей и в гневе нередко полностью уничтожала помещичьи усадьбы, скот, продовольственные запасы. Были случаи, когда восставшие и физически расправлялись с наиболее ненавистными землевладельцами, управляющими их имений, представителями царской администрации.

Однако документы, приведенные в настоящей работе, убедительно свидетельствуют о том, что острая классовая борьба крестьян имела своей целью не грабеж, как это утверждали апологеты самодержавия, а экспроприацию помещичьей собственности, революционное уничтожение крупного землевладения.

Борьба крестьянских масс в Поволжье, как и во всей России, была далеко не похожа на «бунт» голодных людей. В. И. Ленин считает, что это была величайшая народная революция, настоящая гражданская война,

главным образом, батрацких и бедняцких масс деревни против помещиков-крепостников.

Относительно тактики крестьянской борьбы В. И. Ленин писал: «Понятно, что, чем сознательнее и организованнее будет это восстание, тем реже будут случаи истребления зданий, имущества, скота и т. п.»[1]. Но В. И. Ленин тут же разъяснял, что «с военной точки зрения для достижения известных военных целей уничтожение — напр., сожжение зданий, а иногда и имущества — есть мера вполне законная и обязательная в известных случаях. Только педанты (или изменники народу) могут особенно оплакивать то, что крестьяне прибегают всегда к таким средствам. Но незачем скрывать от себя, что иногда истребление имущества является лишь результатом неорганизованности, неуменья *взять себе* и удержать за собою имущество врага вместо уничтожения его, — или результатом *слабости,* когда воюющий *мстит* врагу, не имея силы *уничтожить,* раздавить врага»[2].

Что касается исследованных архивных материалов, то необходимо отметить, что документы помещиков и полицейских чиновников наиболее тенденциозно освещали размах и характер движения. Многие авторы их, напуганные крестьянскими выступлениями, сообщали губернаторам о «страшных погромах» и «полном уничтожении» помещичьих усадеб, хотя в действительности нередко оказывалось, что были сожжены лишь отдельные постройки в имениях. Тревожные сообщения ставили, без сомнения, своей целью добиться немедленного вызова воинского подразделения, чтобы с помощью вооруженной силы в зародыше подавить «беспорядки».

Особенно тенденциозно составлялись тогда характеристики на отдельных лиц, участвовавших в аграрном движении. Полицейские власти нередко подвергали аресту первого попавшегося сельского активиста, при помощи домыслов выдавали его за «опасного бунтовщика» и немедленно отправляли в административную ссылку.

Все официальные документы, исходившие от правительственных органов, характеризовали крестьянскую революцию как «разбой» и «грабеж» частной собствен-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 102.
[2] Там же.

ности. Почти такую же оценку, лишь в несколько более мягких выражениях, давали и либерально-буржуазные историки. Так, например, кадет Прокопович утверждал, что крестьянское движение в период первой русской революции было направлено лишь на удовлетворение непосредственной материальной нужды крестьян путем захвата чужого имущества, являлось бунтом людей, решивших прибегнуть к насилию над помещиками, чтобы достать хлеба и дров[1].

В несколько преувеличенной форме освещался иногда ход революционных событий в легальных газетах того времени. Многие корреспонденты рассказывали о событиях в деревне не как очевидцы, а со слов других лиц, в результате чего представление о действительном положении на местах искажалось.

Ближе к истине в смысле освещения хода революционных событий стоят документы окружных судов, в которых наиболее ценным были показания самих обвиняемых[2].

Объективный ход борьбы за свободу и землю отражали тогда лишь материалы, выходившие из комитетов большевистской партии, а также документы, составленные самими крестьянами в виде приговоров сельских сходов, постановлений волостных и уездных съездов, многочисленных жалоб в Государственную думу.

В отличие от документов, авторами которых являются помещики, полицейские чиновники и прочие официальные представители царской администрации, материалы большевистских комитетов, а также документы, исходившие от самих крестьян, были пропитаны духом подлинно народной правды.

2. В. И. Ленин не раз отмечал, что аграрный вопрос был «гвоздем» или, как он говорил еще, «оселком» первой русской революции. Поэтому не случайно этот вопрос занимал тогда центральное место во всей общественно-политической жизни страны и в публицистической литературе.

Проблемам, связанным с крестьянским движением в период революции 1905—1907 гг., были посвящены сот-

[1] См. С. Н. Прокопович. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912, стр. 29, 31.

[2] Карательная деятельность царских судов освещена в четвертой главе данного исследования.

ни книг и брошюр. Их писали тогда очень многие, начиная от истинных доброжелателей крестьянства и кончая его отъявленными врагами. Мы не ставим здесь своей целью рассмотрение всех ранее опубликованных работ по аграрно-крестьянскому вопросу. Достаточно коротко отметить лишь некоторые из них.

Хотя либерально настроенные авторы из лагеря кадетов и признавали земельную нужду крестьян, однако всячески уклонялись от радикального решения вопроса в интересах малоземельного крестьянства. Так, например, А. А. Мануйлов ограничивался рекомендацией передать все казенные и удельные земли в государственный фонд с тем, чтобы в последующем их можно было сдавать в аренду[1].

И. В. Сосновский советовал правительству всемерно развивать переселение крестьян из центральных губерний России, улучшать деятельность Крестьянского поземельного банка, облегчать условия для аренды и покупки земли[2].

Многие авторы того времени усматривали причину всех зол не в помещичьем многоземелье, а... в быстром размножении крестьянского населения! Это был совершенно неправильный, антинаучный, мальтузианский подход к объяснению нищеты большинства населения России.

Особенно много было написано по аграрно-крестьянскому вопросу представителями эсеровско-меньшевистского лагеря. Коренной порок всей их литературы состоял в том, что ее авторы не понимали экономической основы буржуазного аграрного переворота и двух возможных путей его осуществления: помещичье-буржуазного, или, как еще называл его В. И. Ленин, прусского пути, и крестьянско-буржуазного, или американского пути. Вот почему эти авторы все свое прожектерство в аграрном вопросе сводили к никчемной социализации и муниципализации земли.

Наконец, авторы ряда работ открыто выступали с позиций старой крепостнической политики. Так, например, октябрист А. С. Ермолов заявлял, что в России земли мало и что ее все равно не хватит для того, чтобы «облаго-

---

1 См. А. А. Мануйлов. Поземельный вопрос в России. М., 1905.
2 И. В. Сосновский. Землевладение (Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России). С.-Пб., 1904.

детельствовать крестьянское население». Он утверждал: кто пропагандирует, что вся земля должна принадлежать крестьянам, тот сбивает их на ложный путь, путь погромов и разрушения помещичьих имений[1].

В огромном количестве книг и брошюр, написанных с буржуазно-помещичьих позиций и опубликованных в период первой русской революции, не раскрывались истинные причины крестьянского малоземелья, не указывалось правильного решения аграрного вопроса в России.

Эту задачу гениально разрешил в конце XIX и в начале XX века вождь революционных марксистов России В. И. Ленин. Только на основе его многочисленных трудов по этому вопросу большевистская партия осуществила в 1905 г. правильнvю политику по отношению к крестьянству. Позднее, разгромив оппортунизм меньшевиков, партия успешно выполнила ленинскую аграрную программу национализации земли. В результате этого она завоевала крестьянские массы на сторону рабочего класса и обеспечила полную и окончательную победу социализма.

3. Вопрос о крестьянском движении в революции 1905—1907 гг. был впервые широко освещен с ленинских позиций в статьях, брошюрах, книгах, документальных сборниках в связи с 20-летием революции. Здесь, прежде всего, имеются в виду следующие работы: Е. А. Мороховец «Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции» (ГИЗ, М., 1926); А. Шестаков «Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России» (ГИЗ, М., 1926); его же «Крестьянство и революция 1905 г.» (М.—Л., ГИЗ, 1930); С. Дубровский и Б. Граве «Аграрное движение в России в 1905—1907 гг.» (М., 1925); М. Покровский «Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв.» (М., 1927). Авторы этих работ внесли значительный вклад в научную разработку вопросов истории первой русской революции.

Однако в некоторых научных публикациях того времени были допущены серьезные политические ошибки. Так, например, видный ученый-большевик М. Покровский, который первым при поддержке В. И. Ленина начал марксистскую разработку отечественной историографии, исказил ленинскую оценку характера и движущихся сил первой русской революции. Он утверждал, что наиболее

[1] См. А. С. Ермолов. Наш земельный вопрос. С-Пб., 1906.

политически сознательной частью крестьянства были тогда не батраки и бедняки, а кулачество. По мнению М. Покровского, кулак «шел в революции в первых рядах и вел за собой остальную массу»[1].

4. Более зрелый этап разработки историографии первой русской революции связан с ее 50-летним юбилеем. Советские историки завершили к этому времени много новых оригинальных исследований. Углубленное изучение трудов В. И. Ленина, более широкое привлечение архивных материалов о рабоче-крестьянском движении и деятельности Коммунистической партии помогли резко повысить научный и идейный уровень исследовательской работы.

Из центральных изданий на темы революции 1905—1907 гг. вообще и крестьянского движения в частности прежде всего следует отметить содержательные сборники статей: «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России»[2], «Избранные произведения о первой русской революции» В. В. Воровского[3], а также книги И. Флеровского «Первая народная революция в России»[4], С. М. Дубровского «Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг.»[5]

Научная значимость этих трудов состоит в том, что их авторы, руководствуясь марксистско-ленинским учением, дали глубокую по смыслу и яркую по форме характеристику предпосылок революции и, в частности, крестьянского движения. В названных работах обстоятельно раскрыто содержание отдельных периодов движения, подробно исследованы различные формы его, правильно показано значение союза рабочего класса и крестьянства в революции и, наконец, коротко раскрыта борьба большевистской партии за крестьянские массы.

Что касается научных публикаций, связанных с разработкой теории аграрного вопроса в период первой рус-

---

[1] М. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв. М., 1927, стр. 95.

[2] Сборник выпущен вторым изданием в 1955 г. Институтом истории АН СССР под ред. Л. И. Иванова А. М. Панкратовой и А. Л. Сидорова.

[3] Госполитиздат, 1955.

[4] «Московский рабочий», 1955.

[5] Изд-во АН СССР, 1955.

ской революции, то из опубликованных на эту тему работ следует отметить, прежде всего, весьма ценные монографии А. Н. Лопаткина «Аграрная программа большевиков в первой русской революции 1905—1907 годов»[1], Н. Вострова «Ленинская аграрная программа в первой русской революции»[2], А. Воронович «Аграрная программа КПСС и ее осуществление в СССР»[3], а также статьи А. М. Анфимова «В. И. Ленин о характере аграрных отношений в России в начале XX века»[4], М. Ю. Гальперина «Разработка В. И. Лениным аграрной программы большевиков в первой русской революции»[5], П. Александрова и А. Лопаткина «Ленинская аграрная программа и ее роль в укреплении союза рабочего класса и крестьянства»[6].

Авторы названных работ показали, какой поистине колоссальный труд был затрачен В. И. Лениным для изучения аграрного вопроса в России, сумели широко и правильно отобразить борьбу В. И. Ленина и большевистской партии за подлинно революционное решение земельного вопроса в интересах крестьянства и, прежде всего, беднейшей его части.

Ценным вкладом в разработку темы борьбы большевистской партии за союз рабочего класса и крестьянства в революции 1905—1907 гг. являются опубликованные за последние годы труды Е. Д. Черменского, А. А. Шишковой, А. Костина, Н. В. Алексеевой, П. Н. Соболева, Ю. Б. Гертмана, Ю. Новикова, Разумовского и др. Авторы их ярко осветили огромную роль В. И. Ленина в теоретическом обосновании исторической необходимости союза рабочего класса и крестьянства, а также практическую борьбу В. И. Ленина и большевистской партии за создание союза рабочих и крестьян как главной общественной силы в революции.

Следует отметить также несомненную ценность в научном отношении напечатанной в журнале «История СССР» (№ 2 за 1960 г.) статьи Б. И. Королева «Борьба В. И. Ленина против ревизионизма и оппортунизма в кре-

---

1 Изд-во «Знание». М., 1955.
2 Госполитиздат, 1953.
3 Госполитиздат, 1954.
4 «Вопросы истории» № 4, 1960 г.
5 «Вопросы истории» № 11, 1955 г.
6 «Коммунист» № 10, 1954 г.

стьянском вопросе (1899—1907 гг.)». К сожалению, наша историческая наука до сих пор не имеет не только монографической работы, но и обстоятельной журнальной статьи о современных ревизионистах и правых оппортунистах в аграрно-крестьянском вопросе, все еще подвизающихся в международном коммунистическом движении.

5. Ценным источником при разработке избранной нами темы явились опубликованные воспоминания старых большевиков — активных участников первой русской революции в Поволжье. Здесь, прежде всего, имеются в виду сборники: «1905 год в Самарском крае»[1], «1905 год в Симбирске»[2], «1905 год»[3].

Автором использованы также и не опубликованные в печати воспоминания участников аграрного движения и большевистского подполья в Поволжье. В этих документах, хранящихся в областных и республиканских партийных архивах, содержится много интересных сведений, характеризующих работу большевиков в деревне[4].

Вместе с тем следует отметить, что прошедшие со времени революции 1905—1907 гг. десятилетия сгладили в памяти людей многие важные детали революционной борьбы. В ряде материалов, наоборот, приводятся лишь отдельные эпизоды, чаще всего связанные с деятельностью тех или иных лиц, и нет даже попытки обобщения, стремления нарисовать общую картину борьбы. В этом и состоит основной недостаток мемуарной литературы и неопубликованных воспоминаний.

---

[1] Изд-во Самарского губкома РКП(б), 1924.

[2] Изд-во Симбирского губкома РКП(б), 1925.

[3] Сб. воспоминаний участников революционного движения в бывших Самарской и Симбирской губерниях, г. Куйбышев, 1935.

[4] Фролов Нил Спиридонович, проф. Саратовского финансово-экономического института, в 1906 г. руководил окружной группой при Казанском комитете РСДРП (см. его воспоминания в партархиве при Татарском обкоме КПСС, ф. 36, оп. 91, св. 13). В партархиве Куйбышевского обкома КПСС хранятся воспоминания деревенских работников партии: Жукова Л. П. (ф. 3, д. 75), Сегаль Г. Б. (ф. 3, д. 76), Солдатова Г. (ф. 3, д. 78), Муромцева А., Гусева Д. В. (ф. 3, д. 79), Королева (ф. 3, д. 88). См. там же материалы Попова, Канунина, Фролова, Калмыкова, Шехтер, Коростылева и других участников революционного движения в период 1905—1907 гг. Много воспоминаний деревенских работников большевистской партии хранится в Саратовском облпартархиве.

6. Вопрос о деятельности большевистских организаций в деревне был в известной мере освещен и в ряде других книг и брошюр о революции 1905—1907 гг. на Средней Волге. Здесь имеются в виду работы Б. Волина «Ленин в Поволжье» (1956 г.), К. И. Циммермана «1905 год в Среднем Поволжье» (1935 г.), К. Я. Наякшина «Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии» (1955 г.), Ф. Ф. Захарова «Самарские большевики в годы первой русской революции 1905—1907 гг.» (1955 г.), А. Филиппова «1905 год в Самарской и Симбирской губерниях» (1941 г.), И. Н. Фирсова «1905 год в Казани» (1948 г.), С. Лившица «Казань в годы первой русской революции» (1930 г.), П. Н. Николаева «Революционное движение в Чувашии в 1905—1907 гг.» (1956 г.), Т. Е. Куприяшкина «Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовской АССР» (1942 г.), И. И. Фирстова «Мордовия в годы первой русской революции» (1955 г.), С. А. Коробова «Революционное движение в Марийском крае в период буржуазно-демократической революции в России 1905—1907 гг.» (1952 г.), его же работа «Марийский край накануне и в период первой русской революции 1905—1907 гг.» (1955 г.), Р. М. Раимова «Революция 1905—1907 гг. в Среднем Поволжье и Приуралье» (1955 г.) и другие.

В этих книгах и брошюрах обстоятельно раскрывается экономика губерний Среднего Поволжья, положение рабочих и крестьян, а также их борьба с царским самодержавием, капиталистами и помещиками. Авторы сообщают много интересных фактов из деятельности некоторых большевистских организаций в деревне. Однако существенным недостатком всех этих работ является то, что ни одна из них не ставит перед собой специальную задачу осветить ход борьбы большевистских организаций за крестьянские массы в период революции и поэтому не дает читателю стройного и сколько-нибудь полного изложения и анализа указанной проблемы.

Касаясь истории возникновения большевистских организаций в некоторых районах Среднего Поволжья и их деятельности в деревне, приходится ссылаться, к сожалению, только на две книги: «Очерки Саратовской организации КПСС» (Саратов, 1957 г.) Г. Ходакова и «Очерки истории Куйбышевской организации КПСС»

(Куйбышев, 1956 г.)[1], написанные коллективом авторов.

Обе эти работы основываются на богатейшем документальном материале и представляют собой первый положительный опыт научного обобщения и пропаганды деятельности большевистских организаций со дня их возникновения до героической борьбы за упрочение Советской власти в годы гражданской войны. К сожалению, и в этих хороших книгах деятельность большевистских организаций в деревне во время революции 1905—1907 гг. показана бледно.

7. Ценным источником для написания настоящей книги явились документальные сборники, опубликованные издательствами автономных республик и областей Среднего Поволжья в связи с пятидесятилетием первой русской революции. Научная ценность сборников определяется тем, что из 1237 опубликованных в них документов свыше тысячи впервые введены в научный оборот.

В этих изданиях широко представлены материалы, характеризующие размах и остроту крестьянского движения, а сборник «Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг.» полностью посвящен этой теме.

В сборнике, озаглавленном «Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии», опубликовано немало материалов о работе большевиков в деревне. Во втором его разделе, «Нарастание революционного движения крестьян и деятельность Самарского комитета РСДРП в деревне», приведено 35 наиболее ярких документов, публикация которых значительно повышает научную ценность книги[2].

Следует отметить, что куйбышевский сборник является, бесспорно, лучшим среди аналогичных изданий, посвященных революции 1905—1907 гг. в губерниях Среднего Поволжья. Но это не единственно хорошая

---

[1] Очерки подготовлены К. Я. Наякшиным, Г. Н. Рутбергом, Ф. Ф. Захаровым, Н. Д. Кудиновым с участием Н. Н. Мининой, Е. И. Медведева и Ф. Г. Попова. Издание осуществлено под ред. Д. С. Землянского, И. Б. Когана, М. И. Мартынова, К. Я. Наякшина и В. П. Чистякова.

[2] В составлении сборника, выпущенного в Куйбышеве в 1955 г., принимали участие Л. И. Бородянская, Ф. П. Захарова, Э. С. Шарикова, А. П. Яковлев, К. Я. Наякшин. Вступительная статья написана А. Г. Капитоновым и К. Я. Наякшиным.

публикация такого рода. Ценным в научном отношении является также сборник «Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг.», содержащий 149 очень интересных и важных документов[1]. Много хорошего можно было бы сказать и о документальных сборниках, опубликованных республиканскими издательствами Мордовии[2], Чувашии[3], Татарии[4].

Однако сборники не лишены существенных недостатков. Один из них состоит в том, что, например, чувашский и мордовский сборники повторяют многие документы ульяновского, казанский — куйбышевского, хотя ульяновский и куйбышевский вышли в свет раньше. Это произошло потому, что по новому административному делению национальные районы вошли во вновь созданные национальные республики. Так, часть Буинского уезда бывшей Симбирской губернии отошла к Татарской АССР и часть — к Чувашской АССР. Кроме того, в Чувашскую АССР из бывшей Симбирской губернии включены Курмышский и Алатырский уезды, а в Мордовскую АССР — Ардатовский уезд. Из бывшей Самарской губернии в современную Татарскую АССР были переданы Бугульминский уезд, а из Симбирской губернии в современную Куйбышевскую область — районы бывшего Сызранского уезда.

Чтобы избежать в дальнейшем подобных недостатков при публикации документов дооктябрьского периода,

---

1 Сборник вышел в свет в 1956 г. В составлении его принимали участие М. А. Бутаев, И. П. Шмыгин, Ф. А. Уразманов, Н. Н. Смирнов, В. Г. Григорченко, А. Ф. Варламова, В. С. Порецковская. Вступительная статья написана М. А. Бутаевым и И. П. Шмыгиным.

2 Сборник «Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовии» опубликован в 1956 г. В составлении его участвовали А. Е. Захаркина, И. М. Корсаков, И. И. Фирстов, Т. Е. Куприяшкин, М. Ф. Шиганов, К. А. Катков.

3 Сборник «Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905—1907 гг». В подготовке сборника принимали участие П. Ф. Ермолаев, Г. В. Бородина, В. П. Климова, М. Е. Скворцова, М. И. Чуркина, В. К. Хвощева, Л. Я. Шпунгель, П. Г. Григорьев, П. В. Денисов, И. И. Музыкантов, О. М. Волынкова, Н. П. Рукавишникова, В. Н. Любимов. Предисловие написано В. П. Климовой. Книга вышла в свет в 1956 г.

4 Сборник «Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг.». В подготовке сборника принимали участие В. Е. Снедкова, Р. Ш. Хакимова, И. А. Георгиевская, Х. С. Салимов, Х. Х. Хасанов, С. И. Мухамедов, М. Б. Когурова, М. С. Капитонова, Э. М. Ахунзянов. Введение написано Х. Х. Хасановым. Книга вышла в свет в 1957 г.

издательствам следует кооперировать свои силы и выпускать «зональные» сборники, охватывающие более крупные территории. Это повысит их научный уровень.

В некоторых книгах и документальных сборниках при освещении крестьянского движения в губерниях Среднего Поволжья встречаются фактические неточности и даже неправильные, на наш взгляд, утверждения. Так, в содержательной и популярной книге И. И. Фирстова «Мордовия в годы первой русской революции»[1] автор на странице 228 утверждает, что в 1906 г. крестьянское движение в Мордовии было более организованным, более массовым и наступательным, чем в последней четверти 1905 года.

Ошибочное утверждение допускает и X. Хасанов в вступительной статье к документальному сборнику «Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг.». На странице 23 сборника он пишет, что «1906 год был годом наивысшего подъема крестьянского движения в Татарии». Подобные выводы не подкреплены необходимыми доказательствами.

1905 г. поднял к активной политической борьбе миллионы рабочих, десятки миллионов крестьян. Подъем революционной активности масс сказался на росте рядов социал-демократической партии. В 1906 г. партийные организации были созданы почти во всех уездах Среднего Поволжья. Все губернские комитеты РСДРП сформировали аграрные группы, которые специально ведали работой среди крестьян. Кроме того, в 1906 г. приехало в деревню огромное количество рабочих, уволенных с фабрик, заводов и железных дорог за участие в стачках.

Все это, бесспорно, способствовало росту сознательности и организованности крестьянского движения. Однако совершенно неправильно утверждение, что на Средней Волге крестьянское движение в 1906 г. являлось «более наступательным», что «1906 год был годом наивысшего подъема» в крестьянской революции.

Известно, что В. И. Ленин разделял ход первой русской революции на два периода: подъема (1905 г.), или «антиконституционный» период, как называл его В. И. Ле-

---

[1] И. И. Фирстов. Мордовия в годы первой русской революции (исторический очерк). Под ред. доктора историч. наук, проф. В. Н. Бочкарева, Саранск, 1955.

нин, и период спада, или «конституционный» (1906—1907 гг.). Первый из них характеризовался завоеванием и осуществлением народной свободы без полицейского, монархического конституционализма, второй период — угнетением и подавлением народной свободы посредством монархической конституции[1]. Этот ленинский анализ относится не только к рабочему движению, но и к крестьянскому движению в Среднем Поволжье.

Архивные документы свидетельствуют, что не в 1906, а именно в 1905 г. крестьянская революция на Средней Волге являлась наиболее острой по характеру и наиболее мощной по своему размаху. Если на 1905 г. в Саратовской губернии приходится 854 зарегистрированных крестьянских выступления, то в 1906 г. их было только 535[2]. В Самарской губернии в 1905 г. было отмечено 495 выступлений, а в 1906 г. лишь 310[3]. Подобную же картину представляют данные по Симбирской[4] и Казанской губерниям[5].

Характерной особенностью для Среднего Поволжья было то, что если в первые три четверти 1905 г. крестьянское движение здесь шло следом за рабочим движением в городах, то в последнюю четверть года наивысший темп в развитии крестьянской революции совпал по времени с периодом наибольшего подъема рабочего движения.

По данным органов министерства юстиции, крестьяне восьми (из десяти) уездов Саратовской губернии подняли в последней четверти 1905 г. 332 восстания, из которых в октябре произошло 290, в ноябре — 37, в декабре — пять[6].

---

1 См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 14—15.

2 В. М. Гохлернер. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). Ученые записки Саратовского государственного университета, 1955, т. V, стр. 244—245.

3 Ф. Я. Водоватов. Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957, стр. 134.

4 И. П. Шмыгин. Крестьянское движение в Симбирской губернии в революции 1905—1907 гг. Ученые записки Ульяновского пединститута, вып. VII, 1955.

5 М. И. Абдурахманов. Канд. дисс. Деятельность Казанского комитета РСДРП по руководству крестьянским движением в 1905—1907 гг.

6 ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 108, ед. хр. 6828, лл. 11—27.

Почти так же шло крестьянское движение и в других губерниях Среднего Поволжья. В Самарской, например, из 495 выступлений в 1905 г. только на ноябрь падает 246, в результате которых было разгромлено 67 помещичьих и купеческих имений[1].

В Симбирской губернии из 121 частично или полностью разгромленной помещичьей усадьбы за период революции — 104 усадьбы приходится на 1905 г., причем 95 из них падает на конец октября, преимущественно на ноябрь и частично на декабрь этого года[2].

Факты подтверждают, что 1905 г. не является исключением в этом отношении и для тех местностей, которые вошли в современную Мордовию и Татарию. Так, в Ардатовском уезде, бывшей Симбирской губернии (территория этого уезда ныне находится в Мордовской АССР), восставшие почти полностью уничтожили 17 помещичьих усадеб, причем погромы осуществлены, главным образом, в ноябре 1905 г.[3] То же самое было и в Буинском уезде, территория которого отошла к Татарской АССР. В этом уезде в конце 1905 г. подверглось уничтожению 11 имений[4].

И не случайно события 1905 г., а особенно конца его, характеризовались губернаторами Среднего Поволжья, как «проявление буйного своевластия революционной толпы и разгрома землевладельческих усадеб»[5].

В. И. Ленин считает, что для второго периода революции (1906—1907 гг.) характерным было отступление крестьянства. Правда, обороняясь от натиска реакции и стремясь защитить завоевания 1905 г., крестьяне часто

---

1 Ф. Я. Водоватов. Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957, стр. 105.

2 И. П. Шмыгин. Крестьянское движение в Симбирской губернии в революции 1905—1907 гг. Ученые записки Ульяновского пединститута, вып. VII, стр. 25, 45.

3 Там же, стр. 25.

4 Когда мы говорим об октябре 1905 г. для Саратовской губ., о ноябре для Самарской, Симбирской и Казанской, как о периодах наивысшего подъема крестьянского движения, то имеем в виду то обстоятельство, что в этих губерниях рабочее движение, поднявшееся до небывалого ранее уровня, не дошло, к сожалению, в декабре 1905 г. до вооруженного восстания. Вот почему крестьянское движение в губерниях Ср. Поволжья, отбушевав в октябре и ноябре, уже в декабре 1905 г. пошло на заметный спад.

5 ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, 1907 г., ед. хр. 63, л. 3.

производили новые захваты помещичьих земель, делали самовольные покосы лугов, прибегали к массовым порубкам удельных и помещичьих лесов, самовольно увозили с полей заскирдованные хлеба, устраивали поджоги имений и т. д. Однако это был все-таки период спада, а не наступления революции.

Летом 1906 г. крестьянская революция новой мощной волной прокатилась по всей стране. В губерниях Среднего Поволжья движением были охвачены все уезды, но количество выступлений оказалось в это время значительно меньшим, чем в последней четверти 1905 г.

Ошибка И. И. Фирстова и Х. Хасанова, как нам кажется, состоит в том, что они о размахе движения судят по числу уездов, охваченных крестьянскими выступлениями, независимо от того, произошло ли в уезде одно выступление или их было несколько десятков. Об этом особенно убедительно сказано в работе проф. С. М. Дубровского[1]. Мы подробно остановились на данном вопросе потому, что он является весьма принципиальным для исторической науки.

Говоря о размахе крестьянского движения в России в период 1905 г., нам хотелось бы высказать следующее замечание. В тезисах ИМЛ, посвященных 50-летию первой русской революции, указывается, что «в течение 1905 года было зарегистрировано свыше трех с половиной тысяч крестьянских выступлений»[2]. Цифра «3500», взятая из официальной царской статистики, явно преуменьшена. Оно и понятно. Губернаторы вовсе не стремились доносить царю и в министерство внутренних дел о всех случаях крестьянских «беспорядков», пытаясь в какой-то мере сгладить обстановку, показать, что вверенные им губернии находятся в надежных руках. Однако документы, хранящиеся в областных и республиканских государственных архивах, говорят о том, что только в четырех губерниях Среднего Поволжья (Саратовской, Самарской, Симбирской и Казанской) было зарегистрировано в 1905 г. не менее 2000 крестьянских выступлений[3]. Да

---

[1] С. М. Дубровский. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. Изд. АН СССР, 1955, стр. 40.

[2] 50 лет первой русской революции (тезисы). Госполитиздат, 1955, стр. 17.

[3] В IV главе данной книги дана статистика крестьянских выступлений.

и эта цифра только приблизительна. Не обо всех крестьянских выступлениях на местах знали и сами губернаторы.

8. Весьма ценным источником для написания данной книги явились листовки казанских, симбирских, самарских и саратовских большевистских организаций. В этих листовках широко и убедительно раскрыт помещичье-крепостнический гнет в деревне, показано страшное малоземелье и невероятное обнищание крестьянских масс. Эти листовки сейчас почти полностью опубликованы в специальных сборниках[1].

9. О революционной борьбе крестьян и деятельности большевиков Среднего Поволжья в деревне в годы первой русской революции написано за последние 10—15 лет несколько кандидатских диссертаций. К ним относятся следующие работы: «Крестьянское движение в Саратовской губернии в период первой русской революции» (В. М. Гохлернер, Саратовский госуниверситет, 1954), «Крестьянское движение в Самарской губернии в период первой русской революции 1905—1907 гг.» (Ф. Я. Водоватов, Казанский госуниверситет, 1958), «Крестьянское движение в Симбирской губернии в период первой русской революции 1905—1907 гг.» (И. П. Шмыгин, Московский госпединститут им. В. И. Ленина, 1951), «Крестьянское движение в Чувашии в период революции 1905—1907 гг.» (А. И. Мельников, Московский госпединститут им. В. И. Ленина, 1949), «Развитие революционного движения в Марийском крае в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.» (С. А. Коробов, Акад. общ. наук 1950) и другие.

Положительной стороной названных диссертаций является то, что авторы ввели в научный оборот большое количество архивных документов, критически подошли к их анализу, дали правдивое освещение социально-экономического и политического положения крестьянских

---

[1] См. сборник «Прокламации Симбирской организации РСДРП 1904—1907 гг.». Ульяновск, 1951; сборник «Листовки большевиков Среднего Поволжья к крестьянам в период первой русской революции 1905—1907 гг.», ученые записки Ульяновского пединститута, т. XIV, 1959; сборник «Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.», Казань, 1955; сборник «Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП(б) (1902—1917 гг.)», Куйбышев, 1959.

масс в отдельных районах Среднего Поволжья и широко показали их революционную борьбу за свободу и землю. Авторы перечисленных выше работ проявили самостоятельность при решении многих вопросов, сделали правильные выводы. И в этом, бесспорно, состоит их научная заслуга.

Однако в этих диссертациях слабо показаны совместные выступления рабочих и крестьян против царя и помещиков, еще слабее освещается работа большевистских организаций в деревне. Следует отметить, что последний вопрос недостаточно освещен и в таких, на наш взгляд, обстоятельных кандидатских диссертациях, как «Саратовская большевистская организация в годы отступления революции 1905 года» (доцент Хайкин), «Симбирские большевики в революции 1905—1907 гг.» (М. А. Бутаев), «Роль большевистских организаций в революционном движении в Чувашии в годы первой русской революции» (П. Н. Николаев), «Казанская организация большевиков в годы первой русской революции» (Ш. Х. Хамматов), «Большевики Казани в годы революции 1905—1907 гг.» (М. М. Лоньшакова).

Авторы этих диссертаций широко и правдиво осветили работу большевиков среди пролетарской части населения городов, но слабо показали влияние революционной борьбы рабочего класса в городах на размах и характер крестьянского движения, ограничившись лишь описанием отдельных фактов, характеризующих деятельность большевиков в деревне.

То же самое приходится сказать и об очень содержательной кандидатской диссертации М. И. Абдурахманова «Деятельность Казанского комитета РСДРП по руководству крестьянским движением в 1905—1907 гг.». Автор сообщил много ценных сведений о работе социал-демократических групп в деревне, но формы работы большевиков в деревне оставил нераскрытыми.

В ряде кандидатских диссертаций поднимается вопрос о борьбе большевистской партии за создание союза рабочего класса и крестьянства, однако при исследовании этого важнейшего вопроса некоторые авторы показывают деятельность пролетарских коллективов в деревне в отрыве от работы большевистских организаций данной местности. Такая постановка вопроса ведет не только к обеднению рабочего движения, но и к принижению ру-

ководящей роли большевистских организаций в борьбе за установление союза рабочих и крестьян.

Некоторые авторы недостаточно глубоко анализируют объективные процессы социально-экономического и политического развития, не показывают, что сплочение крестьянства вокруг рабочего класса является закономерным процессом, властным требованием жизни.

Существенным недостатком является также и то, что многие авторы кандидатских диссертаций на темы крестьянского движения и деятельности большевиков говорят только о выдвижении В. И. Лениным идеи союза рабочего класса и крестьянства и этим, собственно, ограничивают показ его взглядов на крестьянский вопрос в эпоху революции 1905—1907 гг. К сожалению, подобный подход к вопросу имеет место и в ряде опубликованных печатных работ.

Как известно, великая историческая заслуга В. И. Ленина состоит не только в том, что он первым из русских революционных марксистов вновь выдвинул идею Маркса о союзе рабочих и крестьян, но, главным образом, в том, что он обогатил эту идею обобщением нового опыта классовой борьбы народных масс России, создал на этой основе стройное учение, незыблемые основы которого нашли широкое применение уже в ходе первой русской революции. В. И. Ленин писал: «Союз сил пролетариата и крестьянства не «в идее существовал».., а характеризовал весь первый период русской революции, все крупные события 1905—1907 годов»[1].

Слабой стороной многих кандидатских диссертаций о революции 1905—1907 гг., написанных на материалах губерний Среднего Поволжья, является, во-первых, то, что они носят локальный, краеведческий характер (в диссертациях слабо подчеркивается то обстоятельство, что рабочее и крестьянское движение в Поволжье являлось составной частью общего закономерного процесса народной революции), во-вторых, то, что не раскрывается характерная специфика Среднего Поволжья, как района многонационального.

В губерниях Среднего Поволжья в период революции 1905—1907 гг. жили представители свыше двух десятков

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 305.

различных народов[1], но, несмотря на все это, национальный вопрос не имел здесь самостоятельного значения. Здесь не было зафиксировано ни одного сколько-нибудь заметного случая, когда поднявшиеся на восстание татарские, чувашские, мордовские или башкирские крестьяне выдвигали бы в своих требованиях на первый план чисто национальный вопрос.

В основе борьбы крестьян всех национальных меньшинств против русского царизма был не национальный, а аграрный вопрос. Борьба против пережитков крепостничества, главным из которых были царизм и помещичье землевладение, — вот что составляло тогда основу социального и национального освобождения всех трудящихся.

От самодержавно-крепостнического гнета страдали все народы России, в том числе и русские. Рабочие и трудовое крестьянство всех национальностей были закрепощены и жили в невероятной нищете. Большевистская партия настойчиво разъясняла всем трудовым слоям населения, что бедность — это явление социальное, а не национальное и от численности того или иного народа не зависит. Чтобы освободиться от нищеты и гнета, учили большевики, нужно свергнуть самодержавие и установить власть народа.

Говоря об этом, следует подчеркнуть, что в губерниях Среднего Поволжья никогда не было, чтобы русский трудовой народ и, в частности, русское трудовое крестьянство угнетало крестьян национальных меньшинств. Здесь исстари существовали братские отношения трудового населения всех национальностей. История народов Поволжья знает не один факт, когда трудовые массы всех национальных меньшинств выступали вместе с русскими, в едином братском союзе вели борьбу против общего врага, русского царизма и его оплота — помещиков-крепостников.

Далее, в ряде кандидатских диссертаций, освещающих деятельность отдельных большевистских организаций Среднего Поволжья, слишком лакируется обстановка в деревне. Авторы их не показывают трудностей, совершенно умалчивают о том огромном влиянии, которое оказывалось на крестьянство со стороны эсеров, либеральной буржуазии и либеральных помещиков. В диссер-

---

[1] См. подробно об этом в начале первой главы.

тациях слабо, а в некоторых и совсем не раскрывается идейная борьба большевиков против антипролетарских течений, хотя эти течения в губерниях Среднего Поволжья приносили особенно большой вред народной революции.

Наконец, существенным недостатком многих кандидатских диссертаций, написанных на темы первой русской революции в губерниях Среднего Поволжья, является то, что большинство их было подготовлено и защищено в условиях господства культа личности Сталина. В них поэтому слабо раскрыты творчество народных масс и роль большевистской партии, как руководителя масс.

* * *

Итак, из анализа публикаций видно, что тема борьбы большевистских организаций Среднего Поволжья за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг. в целом по данному району еще не разработана и в нашей историко-партийной литературе не освещена. На эту тему нет ни одной книги. В общей же литературе о революции 1905—1907 гг. приводятся лишь отдельные факты по губерниям Среднего Поволжья, на основе чего невозможно представить себе цельную, стройную картину деятельности большевистских организаций в деревне.

Между тем вопрос о том, как исторически складывался союз рабочего класса и крестьян на первом, буржуазно-демократическом, этапе русской революции, в каких условиях и как наша ленинская партия вела неустанную борьбу за создание этого союза в отдельных районах страны (Поволжье, Урал, Сибирь, Украина, Прибалтика, Закавказье и т. д.), является одним из коренных вопросов истории КПСС и требует всестороннего изучения.

Трудность разработки этой темы состоит в том, что если по рабочему и крестьянскому движению в революции 1905—1907 гг. имеется огромное количество документов, то сохранившиеся данные, особенно о нелегальной работе большевиков в деревне, настолько скудны, что их приходится собирать буквально по крупицам.

В. И. Ленин указывал, что пролетарская партия тысячами незримых путей вносила тогда политическое сознание в среду крестьянства[1]. Задача советских историков состоит в том, чтобы найти эти пути и показать народу весь размах, всю глубину деятельности нашей партии среди миллионных масс крестьянства.

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 401.

Глава первая

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Социально-экономическое и политическое положение крестьянства

Среднее Поволжье, — территория, расположенная в среднечерноземной полосе Европейской части России,— было в начале XX века типичным для страны земледельческим районом. На огромной площади этого богатейшего края, орошаемого самой великой рекой в Европе, жило, по данным переписи 1897 г., 8 855 788 человек[1].

Чрезвычайно сложными оказались исторические судьбы народов Среднего Поволжья. В XIII веке этим районом, который был заселен разными финско-тюркскими племенами, овладели татары. В середине XVI века, с покорением Казани (1552 г.), земли Средней Волги начали осваиваться русскими и многими другими народностями, выходцами из Центральной России. В XVIII веке сюда начали проникать немецкие колонизаторы. Все эти народы образовали в Среднем Поволжье такую пеструю этнографическую смесь, какую едва ли можно было встретить в других областях Европейской России[2].

В результате переписи 1897 г. было установлено, что в Казанской губернии русских жило 38 проц., татар — 31 проц., чувашей — 23 проц., черемисов — 6 проц., мор-

---

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. В Казанской губ. жило 2 170 775 чел. — т. XIV, 1904 г., в Симбирской — 1 527 848 чел.—т. XXXIX, 1904 г., в Самарской—2 751 336 чел. — т. XXXVI, 1904 г., в Саратовской — 2 405 829 чел. — т. XXXVIII, 1904 г.

[2] См. диаграмму на стр. 34.

двинов — 1 проц., вотяков — 0,4 проц. и 0,6 проц. прочего населения, говорившего на 26 языках. В Симбирской губернии русских насчитывалось 70,2 проц., а остальные 29,8 проц. составляло мордовское, татарское и чувашское население. В Самарской губернии русских было 72,3 проц., а остальные 27,7 проц. населения приходились на долю татар, башкир, немцев, эстов, латышей, мордвы, украинцев, вотяков и других. В Саратовской губернии русских было 80 проц., а остальные 20 проц. — немцы-колонисты, украинцы, мордва, татары, башкиры, мещеряки[1]. Из этих данных видно, что самой пестрой в этнографическом отношении являлась Казанская губерния.

Говоря о Среднем Поволжье, как о чрезвычайно разнородном по своему национальному составу районе, следует подчеркнуть ту важную особенность, что приход в свое время русских на Волгу (XVI в.)[2] означал принесение с собой ряда новых элементов, знаменовавших значительный шаг в хозяйственном и культурном развитии Поволжья. Здесь стала широко применяться трехпольная система севооборотов, бурными темпами развивались ремесла и торговля, начали возникать города.

Вхождение в состав российского многонационального государства народов Поволжья и Приуралья (причем в ряде случаев вхождения добровольного, как, например, башкир в 1557 г.) было, без сомнения, исторически прогрессивным фактом. Оно явилось единственно возможным для народов Поволжья средством покончить с тем состоянием разобщенности и изоляции, в каком они находились до этого на протяжении многих столетий. Это вхождение дало им возможность приобщиться к стране, уже тогда стоявшей на сравнительно высокой ступени своего экономического и культурного развития. Народы Поволжья и Приуралья приобрели в лице русского народа верного друга и защитника от порабощения со стороны крымских ханов и Турции.

Однако, несмотря на некоторое оживление экономической жизни, освоение Поволжья шло крайне медленно. Существовавшие в России крепостнические порядки вся-

---

[1] См. первую всеобщую перепись населения Российской империи 1897 г., тт. XIV, XXXIX, XXXVI, XXXVIII.

[2] Завоевание Казанского ханства было осуществлено русскими в 1552 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГУБЕРНИЙ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

по данным переписи 1897 г.

чески тормозили развитие производительных сил и объективно сдерживали всестороннее развитие этого богатейшего края. Даже после возникновения таких крупных городов, как Самара (1586 г.), Саратов (1590 г.), Симбирск (1648 г.), он долго еще оставался отсталым как в экономическом, так и в культурном отношении.

Слабо развивались здесь производительные силы и в последующих столетиях. Статистика показывает, что накануне первой русской революции абсолютное большинство населения Среднего Поволжья принадлежало к крестьянским сословиям и жило в сельской местности.

Процент городского населения был крайне незначительным. Так, по данным переписи населения 1897 г., в Казанской губернии городское население составляло 8,5 проц., в Симбирской — 7 проц., в Самарской — 6,8 проц. и только в Саратовской оно было несколько выше — 13,2 проц. В целом же по всему району городское население достигало к началу XX века лишь 8,1 проц.

Территория Среднего Поволжья являлась в ту пору местом сосредоточения крупнейших дворянских владений. Здесь, по меткому выражению В. И. Ленина, больше всего господствовал позор крупного феодального землевладения, «...больше всего укоренилось *истинно-русское* крепостничество, *истинно-русские* отработки, кабала, надругательство над обедневшим и задолжавшим крестьянином!»[1]

Из официальной статистики видно, что в 1905 г. земельная собственность в Среднем Поволжье распределялась так:

Таблица 1

Губернии	Земля, находившаяся во владении крестьянских обществ (в десятинах)	Земля, находившаяся в частной собственности (в десятинах)	Земля, принадлежавшая казне, уделам, церквам и монастырям (в десятинах)
Казанская[2]	3205412	734591	1558550
Симбирская[3]	1658265	1092496	1247930
Самарская[4]	6712499	3544479	2760450
Саратовская[5]	3948968	2630557	819449
Итого	15525144	8002123	6386379

Эта таблица показывает, что, при общей площади земельных угодий в 29 913 646 десятин, первое место по размерам земельной собственности занимали крестьянские общества, которым принадлежало 15 525 144 десятины, или немногим более 50 проц.; второе место занимали ча-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 240.

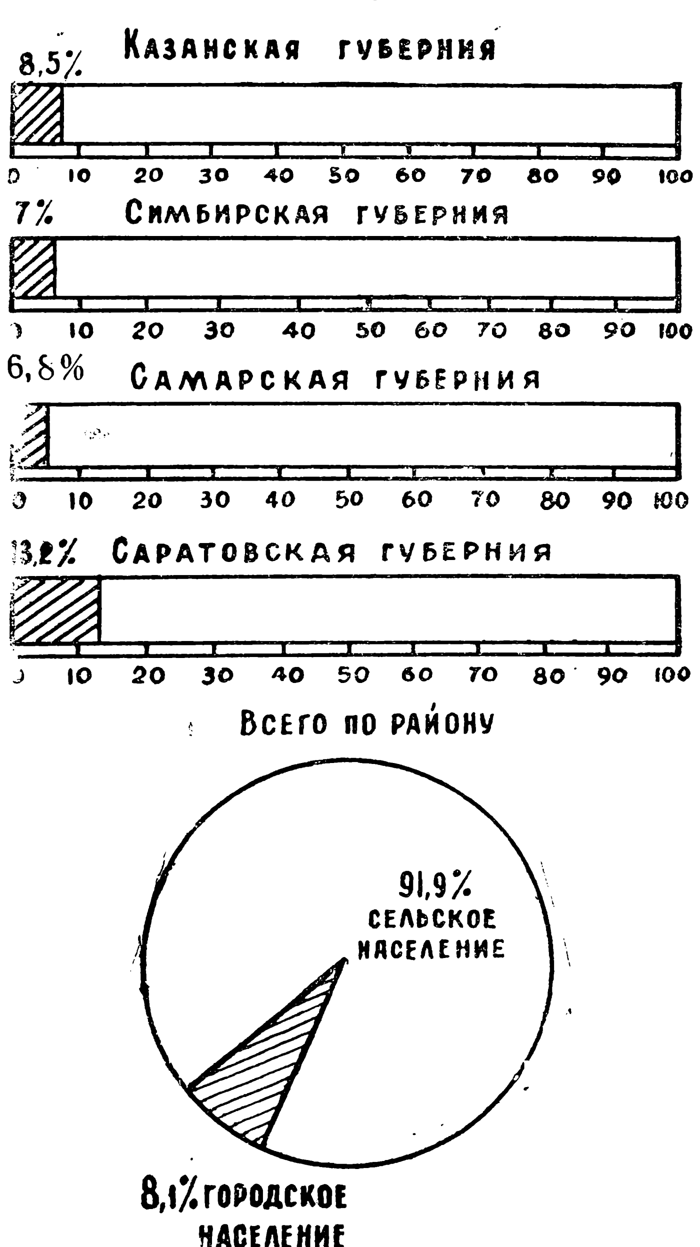
[2] Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. С.-Пб., 1907 (в дальнейшем — Статистика землевладения 1905 г.), вып. VII, стр. 10—11.

[3] Там же, вып. XII, стр. 10—11.

[4] Там же, стр. 11.

[5] Там же, вып. XI, стр. 10—11.

ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
по данным переписи 1897 г.

стные землевладельцы — 8 002 123 десятины, или около 28 проц., и, третье место — казна[1], уделы[2], церкви и монастыри. В их ведении находилось 6 386 379 десятин, или приблизительно 22 проц.

Кому же фактически принадлежала земля на Средней Волге и почему крестьяне вели из-за нее многовековую борьбу?

Из общего количества 8 002 123 десятины земли, находившейся в частной собственности, 3 327 901 десятина, или 41,6 проц., принадлежала помещикам; 1 816 169 десятин, или 22,7 проц., — купцам; 1 570 083 десятины, или 19,6 проц., — духовенству, мещанам, иностранцам и только 1 287 970 десятин, или 16,1 проц., принадлежали отдельным крестьянам, главным образом кулакам[3].

Из этих цифр видно, что первое место среди всех землевладельцев занимали помещики. Это не случайно. Среднее Поволжье было к моменту революции районом, пожалуй, самого плотного сосредоточения дворянской собственности.

Официальная статистика свидетельствует, что в 1905 г. в губерниях Среднего Поволжья было 3 836 помещичьих имений, в которых, как указано выше, числилось 3 327 901 десятина лучшей земли.

По отдельным губерниям помещичья земля распределялась следующим образом:

Таблица 2

Губернии	Количество имений	Количество земли	
		во всех имениях (в десятинах)	в среднем на каждое имение (в десятинах)
Казанская[4]	705	457938	649,6
Симбирская[5]	1046	632714	605,0
Самарская[6]	810	926041	1143,3
Саратовская[7]	1275	1311208	1028,4

[1] Государственные земли назывались тогда казенными.

[2] Удельные земли находились в собственности членов царской фамилии.

[3] Статистика землевладения 1905 г., вып. VII, XI, XII.

[4] Там же, вып. VII, стр. 10—11.

[5] Там же, вып. XII, стр. 10—11.

[6] Там же.

[7] Там же, вып. XI, стр. 10—11.

Отсюда видно, что наиболее крупными землевладельцами являлись помещики Самарской, а затем Саратовской губернии.

У отдельных дворян в Среднем Поволжье были огромнейшие латифундии. Граф Орлов-Давыдов держал в своей собственности 150 тыс. десятин лучшей земли, из них 79 тыс. в Симбирской, а остальные в Самарской губернии. На этого известного феодала работало тогда несколько десятков деревень.

В Сызранском уезде Симбирской губернии крупным имением обладал помещик Ушаков (33 751 десятина). Следует отметить, что в этом уезде из общего фонда в 522 тыс. десятин на долю дворян приходилось 273 тыс. десятин, или 52,3[1] проц., а в целом по Симбирской губернии — 32,9 проц. всей земли.

Еще более значительное сосредоточение земли у помещиков наблюдалось в Саратовской губернии, где они владели 37,2 проц. всей земли[2]. Здесь находились крупные имения известного душителя крестьянской революции Столыпина (Саратовский уезд), его предшественника по управлению министерством внутренних дел Дурново (Аткарский уезд), князя Вяземского (Балашовский уезд), графа Шереметьева (Аткарский уезд)[3].

В Самарской губернии крупными собственниками земли являлись также представители торгового капитала. Так, известный миллионер Аржанов имел 115 тыс. десятин, Шихобалов — около 100 тыс. Крупными землевладельцами были также толстосумы Марков, Климов, Попов, Тюрин, Кошкин, Поликарпов, Борисов, Соколов и др.[4] Скупив по дешевке земли у промотавшихся помещиков, купцы затем втридорога сдавали ее в аренду крестьянам.

Пользуясь антинародной политикой царского прави-

---

[1] ГАУО, Журнал Симбирского земского собрания за 1903 г.

[2] «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», под ред. В. П. Семенова. С.-Пб., 1901, т. VI, стр. 202 (в дальнейшем — «Россия...», под ред. В. П. Семенова).

[3] Гр. Шереметьев имел в России более 300 тыс. десятин земли. В Аткарском уезде Саратовской губ. у него было 31 493 десятины.

[4] Ф. Я. Водоватов. Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг. Ученые записки Куйбышевского пединститута, 1957, стр. 20. (В дальнейшем — Ф. Я. Водоватов. Крестьянское движение...).

тельства, в разграблении земельных богатств России участвовали и привычные к легкой наживе иностранцы, которым власти предоставляли всяческие льготы. Великобританская подданная Перси-Френч имела в Симбирской губернии около 17 тыс. десятин. Крупные массивы находились в собственности иностранцев и в Саратовской губернии. По данным статистики, иностранцы владели в губерниях Среднего Поволжья почти 50 тыс. десятин земли[1].

Чтобы представить себе, как на фоне помещичьего многоземелья нищенски выглядели крестьянские наделы, обратимся к анализу тех 15 525 144 десятин земли, которые находились во владении крестьянских обществ.

Вот данные о надельной земле[2].

Таблица 3

Губернии	Количество земли в десятинах	Число крестьянских обществ	Количество хозяйств	В среднем десятин на двор
Казанская	3205412	3107	374574	8,6
Симбирская	1658265	2111	244870	6,8
Самарская	6712499	2000	337111	19,8
Саратовская	3948968	2455	357126	11,0

Однако надельные земли распределялись среди отдельных категорий крестьян далеко не равномерно, причем у каждой губернии была своя специфика.

Таблица 4

Губернии[3]	Бывшие помещичьи крестьяне имели земли		
	количество десятин	количество дворов	в среднем десятин на двор
Казанская	279080	48330	5,8
Симбирская	529927	95259	5,6
Самарская	284141	40729	6,9
Саратовская	819777	154024	5,3

1 Статистика землевладения 1905 г. Данные взяты из выпусков по отдельным губерниям.

2 Статистика землевладения 1905 г., вып. VII, XI, XII, стр. 10—11.

3 Статистика землевладения 1905 г. Приложение, табл. 19, стр. XXIV—XXV.

Таблица 5

Губернии[1]	Бывшие государственные крестьяне имели земли		
	количество десятин	количество дворов	в среднем десятин на двор
Казанская	2870900	320223	8,9
Симбирская	148126	22816	6,4
Самарская	4396050	192437	22,8
Саратовская	2001017	160547	12,5

Таблица 6

Губернии[2]	Бывшие удельные крестьяне имели земли		
	количество десятин	количество дворов	в среднем десятин на двор
Казанская	55344	6021	9,2
Симбирская	980212	126795	7,8
Самарская	824052	59547	13,8
Саратовская	173162	17708	9,8

Из этих таблиц видно, что разные категории крестьян имели разные наделы; наименьшие наделы были у тех, кто в прошлом принадлежал к числу помещичьих крестьян. Оно и понятно. Реформа 1861 г. была осуществлена руками крепостников, и они осуществляли ее исключительно в своих интересах. Помещики оставили у крестьянина столько земли, чтобы он мог получать от «своего» хозяйства такие «доходы», которые не позволили бы ему и его семье умереть с голоду, но делали крестьянина постоянно зависимым от помещика.

В более выгодном, хотя также в нищенском положении, оказались так называемые государственные и удельные крестьяне. Если в Симбирской губернии разница

[1] Статистика землевладения 1905 г. Приложение, табл. 19, стр. XXIV—XXV.

[2] Там же.

в наделах между различными категориями крестьян была незначительной: бывшие помещичьи крестьяне имели по 5,6 десятины на двор; бывшие государственные — по 6,5; бывшие удельные — по 7,8; то в Самарской губернии эта разница была более заметной (соответственно: по 6,9 десятины, по 23,0 десятины и по 13,8 десятины на двор).

Несколько больший размер надела у государственных и удельных крестьян Самарской губернии объясняется просто. Здесь, на левом берегу, раскинулась бескрайняя степь — еще не тронутая рукой человека целина. Заволжские просторы с их миллионами десятин земли, принадлежавшей казне, а также уделу, и послужили тем резервом, из которого частично удовлетворили безземельных крестьян.

Наличием в Самарской губернии огромных земельных массивов в собственности казны и уделов объясняется и то обстоятельство, что из всех губерний Среднего Поволжья только в Самарской купцы имели земли больше, чем помещики, и купеческие имения оказались крупней помещичьих.

Значительно бо́льшими, чем в Симбирской губернии, были земельные наделы и у отдельных категорий крестьян (кроме помещичьих) Саратовской губернии, хотя их размеры, как видно из таблицы, уступали самарским.

Большой интерес представляет сравнение размеров дворянского землевладения и владений бывших помещичьих крестьян. Цифры показывают, что каждый помещик Казанской губернии имел в среднем столько земли, сколько ее имели 112 крестьянских дворов. По другим губерниям малоземелье бывших помещичьих крестьян представляет не менее мрачную картину. Если в Симбирской губернии каждый помещик имел в среднем столько же земли, сколько ее имели 108 бывших помещичьих крестьянских дворов, то в Самарской — 167, в Саратовской — 194 двора[1].

Обеспеченность крестьян землей к началу XX века представляла в губерниях Среднего Поволжья следующую картину[2].

---

[1] Расчет сделан на основании данных статистики землевладения 1905 г.

[2] «Россия...», под ред. В. П. Семенова, т. VI, стр. 205.

Таблица 7

Губернии	% крестьянского населения, владевшего землей в среднем на двор		
	до 9 десятин	от 9 до 15 десятин	свыше 15 десятин
Казанская	75,4	24,6	—
Симбирская	93,8	6,2	—
Самарская	20,2	20,5	59,3
Саратовская	60,8	17,4	21,8

Из этой таблицы видно, что наибольшую земельную нужду испытывали крестьяне Симбирской губернии. Здесь подавляющее большинство крестьянских дворов (93,8 проц.) имело земли в пределах от ноля до 9 десятин на двор и только 6,2 проц. дворов имели ее от 9 до 15 десятин. У абсолютного же большинства крестьян этой губернии были настолько низкие душевые наделы, что они не могли обеспечить даже полуголодное существование своих семей.

Весьма характерны данные о надельной земле в Ардатовском уезде Симбирской губернии, который был заселен, главным образом, мордовским населением. Согласно положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 19 февраля 1861 г., Ардатовский уезд был отнесен к 3-й местности, где на каждую мужскую душу населения высший надел мог быть доведен до 3 десятин 600 кв. сажен, а низший — до 1 десятины 200 кв. сажен[1]. В условиях Симбирской губернии крестьяне этого уезда считались «средне обеспеченными» землей. Посмотрим, однако, что представляет собой эта «средняя обеспеченность».

Накануне революции 1905 г. в Ардатовском уезде насчитывалось 28.201 хозяйство с надельной землей в количестве 202 408 десятин. Но если из этого фонда исключить занятые лесами, сенокосами, выгонами и прочие неудобные для посева площади, то под пашню оставалось лишь 161 330, или в среднем по 5,7 десятины на каждый двор.

[1] ГАУО, ф. 76, Статистический обзор Симбирской губернии за 1905 г.

Эту цифру — 5,7 десятины — следует считать весьма условной, так как из 28 201 хозяйства уезда 12 213, или 43 проц., были однолошадными и 7731 хозяйство, или 27 проц., — безлошадными, которые, как правило, вообще не имели надельной земли[1].

К моменту революции 1905 г. в Симбирской губернии насчитывались сотни сел и деревень, где у крестьян не было ни пашни, ни сенокосных угодий. В приговоре сельского схода от 20 марта 1907 г. крестьяне русского села Лесного-Матюнина Кузоватовской волости Сенгилеевского уезда записали: «С общего всех согласия желаем снять все пахотные земли, яровые и паровые, а также и луга, принадлежащие госпоже Петровой. Причем мы, крестьяне, заявляем госпоже Петровой, что прочим обществам сдавать запрещаем означенные земли потому, что мы земли имеем только усадебные, а полевой земли у нас ни одной борозды нет»[2].

В Симбирской губернии было немало и таких сел, у которых отсутствовала даже усадебная земля. Чтобы не умереть с голоду, крестьяне были вынуждены на самых тяжелых условиях снимать землю у помещиков. Официально именуемые арендаторами, они накануне революции 1905 г. снимали по всей губернии 174 683 десятины.

Следует отметить, что такого рода аренда была далеко не местным явлением. В. И. Ленин указывает, что «в действительности «наделы» 1861 года означали в большинстве случаев создание не свободного самостоятельного земледельца, а *прикрепление к земле* кабального арендатора, фактически вынужденного отбывать ту же барщину в форме обработки своим инвентарем помещичьей земли за выпас, за выгон, за луга, за необходимую пахотную землю и т. п.»[3]

Такие арендаторы имелись не только в Симбирской губернии. Безземельная категория крестьян была широко представлена во всех губерниях Среднего Поволжья. По данным статистики, безземельных крестьянских дворов к началу первой русской революции в Казанской

---

1 ГАУО, ф. 76, Статистический обзор Симбирской губернии за 1905 г.

2 ГАУО, ф. 76, оп. 1, д. 932, л. 5.

3 В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 86.

губернии было 3,3 проц., в Симбирской — 4,8 проц., в Самарской — 6,1 проц. и в Саратовской — 5,4 проц.[1]

Для характеристики экономического положения арендаторов приведем приговор сельского схода крестьян татарского селения Убей Убеевской волости Буинского уезда[2] Симбирской губернии от 28 ноября 1905 г. Он гласит:

«На сходе мы имели суждение о причинах, которые привели нас к невежеству, к крайней нищете, неизбежному голоду и другим народным бедствиям. После обстоятельного обсуждения мы пришли к тому заключению, что, не имея не только полевой надельной земли, не получая от правительства никакой поддержки для благосостояния нашего экономического положения и не имея даже усадебной земли, которую нам приходится снимать в аренду, платя за клочок земли непосильную плату, мы пришли к тому, что мы все не в состоянии дальше вести свое крестьянское хозяйство»[3].

О безземелии крестьян и помещичьем засилии в сельском хозяйстве Симбирской губернии убедительно свидетельствует и тот факт, что на частных (помещичьих) и удельных землях в губернии жило накануне революции 1905 г. 82 проц. крестьянского населения.

Осуществив пресловутое «освобождение» крестьян в 1861 г., крепостники отняли у них самые лучшие земли, причем отняли их, главным образом, в районах черноземной полосы, где она ценилась дороже. Помещики держались за землю потому, что хотели обеспечить возможность широкого применения полуфеодальных методов эксплуатации крестьян.

По данным П. А. Зайончковского, «отрезки» по 28 губерниям Центральной России составили 3 995 073 десятины, или примерно 16 проц.[4] Царская статистика признавала, что помещики отрезали в 1861 г. у поволж-

---

[1] И. В. Чернышев. Аграрный вопрос в России от реформы до революции (1917 г.). Изд-во «Советская деревня», Курск, 1927, стр. 38.

[2] Территория бывшего Буинского уезда входит ныне в Татарскую АССР.

[3] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 226, лл. 6—7.

[4] П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. М., 1954, стр. 208.

ских крестьян в свою пользу 25 проц. земли[1]. Однако данные царской, приукрашенной, статистики не соответствуют действительности. На самом деле «отрезки» в некоторых губерниях Поволжья были гораздо больше. В Симбирской губернии, например, они составили 403,5 тыс. десятин земли, или 40,5 проц.[2]; в Казанской — 32 проц.[3]; в Самарской — 41,8 проц.[4]; в Саратовской — 42,7 проц.[5]

В Саратовской губернии не произошло никаких изменений в земельной собственности у 28,5 проц. помещичьих крестьян, увеличилась она только у 7,4 проц., а сократилась у 64 проц. При этом сокращение было настолько резким, что если до реформы на ревизскую душу приходилось по 5,9 десятины, то после реформы осталось только по 2,8[6].

В Среднем Поволжье значительная часть крестьянского населения считалась дарственниками. В Самарской губернии, например, они составляли 26 проц.[7] Вот данные о земельных наделах крестьян-дарственников[8].

Таблица 8

Губернии	Получили в надел на душу	Прикупили	Всего стало
	в десятинах		
Казанская	1,0	0,3	1,3
Симбирская	0,9	0,6	1,5
Самарская	1,2	0,7	1,9
Саратовская	1,2	1,2	2,4

[1] История гражданской войны в СССР, т. II, стр. 48.

[2] Н. П. Гриценко. Очерки по истории города Симбирска и Симбирской губернии. Ульяновск, 1953, стр. 188—189.

[3] Р. М. Раимов. Революция 1905—1907 гг. в Среднем Поволжье и Приуралье. Статья в сб. «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». Под ред. Л. М. Иванова, А. М. Панкратовой и А. Л. Сидорова. М., 1955, стр. 716.

[4] Ф. Я. Водоватов. Крестьянское движение... Стр. 7.

[5] Материалы по вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности Саратовской губернии. Саратов, 1903, стр. 13.

[6] А. А. Мануйлов. Поземельный вопрос в России. М., 1905, стр. 13.

[7] Ф. Я. Водоватов. Крестьянское движение... Стр. 9.

[8] И. В. Чернышев. Аграрный вопрос в России от реформы до революции (1917 г.). Изд-во «Советская деревня», Курск, 1927, стр. 35—36.

Ясно, что, обрабатывая нищенский надел, крестьяне не могли обеспечить себе даже минимума средств к существованию. Таблица показывает, что дарственники Казанской губернии располагали самым малым количеством земли (1,3 десятины). Они составляли почти 30 проц. всего крестьянского населения этой губернии, причем основная их масса была сосредоточена в Спасском, Лаишевском и Чистопольском уездах[1].

То, что дарственники были поставлены помещиками в крайне тяжелое экономическое положение, подтверждается самой царской администрацией. Так, во «всеподданнейшем отчете» за 1905 г. казанский губернатор писал: «Крестьянское землевладение в этих уездах[2] находится в исключительно тяжелых условиях. Земельная нужда здесь ощущается наиболее сильно. При выходе из крепостной зависимости бывшие помещичьи крестьяне преимущественно получили надел по 1 десятине земли на ревизскую душу. При таком земельном наделе, обрабатываемом крестьянами самым примитивным способом, и при отсутствии у крестьян сторонних заработков экономическое положение бывших помещичьих крестьян и в годы хороших урожаев не может считаться обеспеченным»[3].

В одной из своих жалоб в I Государственную думу дарственники мордовской деревни Кружевщины Ардатовского уезда Симбирской губернии писали: «После реформы 1861 года мы получили надел на 33 души 33 десятины. На этом наделе нам жить положительно трудно. Скотины мы держали только по одной лошади и по одной корове и то только некоторые крестьяне, потому что пасти скотину негде»[4]. Далее сообщается, что помещик Быков принуждает их арендовать у себя выпасы и пахотную землю по высокой цене: если «у соседних помещиков мужики берут землю в аренду по 25 рублей на круг, то наш помещик Быков сдает нам землю по 38 рублей на круг и то последнего качества»[5]. В конце жалобы говорится: «Просим Государственную думу обра-

---

[1] Главным образом, русские и чуваши.

[2] Имеются в виду названные выше три уезда.

[3] Центральный государственный архив Татарской АССР (в дальнейшем — ЦГА ТАССР), ф. 1, д. 35, стр. 82.

[4] ЦГИАЛ, ф. ГД1, д. 287, л. 146.

[5] Там же.

План землепользования группы селений Ардатовского района, Мордовской АССР, до революции

Земля князя Куракина

Земельный надел крестьян с. Куракино

Земельный надел крест. с Вихляевки

Земельный надел крест. с М. Горки

Земельный надел крест. с. Олевки

Земельный надел крест. с М. Кузьмино

Земельный надел крест. с. Петровки

Усадьвы

тить внимание на наше бедственное положение, наделить нас, крестьян, землею и освободить от рабства помещичьего»[1].

Или вот еще не менее интересный приговор. Крестьяне чувашской деревни Бакшандиной Знаменской волости Курмышского уезда Симбирской губернии, собравшись в марте 1906 г. на сход, в приговоре записали: «Бедны и изнурены нуждою мы, нет у нас земли достаточно. На одну душу мужского пола по одной десятине если и приходится, то и та большей частью за 20 верст от деревни. Земля наша — все овраги да кустарники, а хорошая земля принадлежит помещику, который окружил нас кольцом и держит взаперти. Лесу достать негде, лугов нет, за всем этим приходится обращаться к барину, приходится платить большие деньги... Пахотную землю мы арендуем у своего помещика по 19 рублей за каждую десятину, но и по такой цене не всем ее дает. Бедным нелюбимым земли не дает и на таких условиях»[2].

В. И. Ленин, хорошо знавший жизнь пореформенных крестьян, писал: «...Слишком часто «надел» был так мал, так обременен чрезмерными платежами, так неудачно для крестьянина и «удачно» для помещика отмежеван, что «надельный» крестьянин неминуемо попадал в положение безысходной кабалы, оставался фактически в крепостнических отношениях, отрабатывал ту же барщину (под видом аренды за отработки и т. д.)»[3].

Аренда земли делала крестьянина зависимым от помещика. Мало того, что помещик брал с крестьян непомерно высокую плату, — он заставлял крестьян еще и работать на своих полях. «У меня крестьяне, — хвастались некоторые помещики, — не могут не работать, потому что моя земля подходит под самую деревню, курицы мужику выпустить некуда». Или говорили: «У него отличное имение, отрезки тянутся узкой полосой на четырнадцать верст и охватывают семь деревень; ему за отрезки всю землю обрабатывают»[4].

О невероятно тяжелой жизни крестьян и об издевательствах помещиков над ними говорит такой документ.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. ГД1, д. 287, л. 147.
[2] ГАУО, ф. 78, оп. 6, д. 99, лл. 15—16.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 87.
[4] А. Н. Энгельгардт. Из деревни. Соцэкгиз, М., 1937, стр. 350.

Один из сельских корреспондентов Ставропольского уезда Самарской губернии писал: «Наше общество по объявлению Государем Императором Александром II воли обратилось с просьбой к своему барину дать нам полный надел. Он ответил: «Внесите мне 40 рублей в год с души, тогда дам вам полный надел». Мы ответили: «Народ мы разоренный, не можем, не в состоянии внести этой суммы». «Ну, так нету вам земли. Что же, — говорит, — я вам дам без платежу?» Потом 9 лет платили оброк, а барин все земли не дает и еще больше стал принуждать нас. Барин помер, земля перешла за долги в руки купца или, просто сказать, в руки кулака, теперь и арендуем на год по 26 рублей за две десятины. Урожайный год — то половина общества ходит по миру, а неурожайный — то все общество»[1].

Аренда помещичьей земли крестьянами носила в губерниях Среднего Поволжья очень широкий характер: они нанимали здесь 30—40 проц., или примерно полтора миллиона десятин. Кроме того, арендовали землю у казны и уделов. В Самарской губернии крестьяне нанимали землю и у купцов, причем на условиях очень часто более тяжелых, чем даже у помещиков.

Материалы статистики показывают, что плата за временное пользование землей поглощала 34 проц. валового и 81 проц. чистого дохода, получаемого от нее крестьянами России. Однако это только средние цифры. У бедноты плата значительно превышала их валовой и чистый доход[2].

Диалектика аграрной эволюции в пореформенной России была такой, что беднота не только брала внаймы землю у помещиков или у купцов, но и сама нередко сдавала свои клочки в аренду. В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» приводит данные о том, что в Новоузенском уезде Самарской губернии надельную землю сдавали в аренду 12 проц. всех крестьянских дворов, а в Камышинском уезде Саратовской губернии и того более — 16 проц.[3]

---

[1] Цитир. по книге А. А. Мануйлов. Поземельный вопрос в России, М., 1905, стр. 14.

[2] С. М. Дубровский. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956, стр. 19.

[3] См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 83—84.

Таким образом, одни брали внаймы землю для того, чтобы обеспечить своим семьям хотя бы полуголодное существование, другие же сдавали свои наделы, а иногда и просто бросали их на произвол сельской общины, уходя в город, чтобы там, в условиях капиталистической кабалы, добывать себе кусок хлеба.

В. И. Ленин считает, что такое явление, как сдача крестьянами надельной земли, еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства за счет разоряющейся массы[1].

Вместе с тем данные статистики свидетельствуют, что среди крестьян находились и такие, которые снимали землю для своего обогащения. В. И. Ленин отмечал, что если у деревенской бедноты аренда носила, главным образом, кабальный, полукрепостнический характер — испольщина и отработки, то наем земли деревенскими богатеями имел чисто капиталистический характер[2]. Кулаки арендовали землю, чтобы заводить на ней капиталистическое хозяйство[3]. Подробнее на этой категории крестьян мы остановимся несколько ниже, здесь же разберем состояние хозяйств пролетарской и полупролетарской массы.

Господство помещиков неизбежно вело к окончательному разорению большинства сельского населения. По данным комиссии об оскудении деревни, в 1860 г. средний надел на ревизскую душу по 50 губерниям Европейской части России составлял у бывших государственных крестьян 6,7 десятины, у бывших удельных — 4,9 десятины, у бывших помещичьих — 3,2 десятины. В 1880 г. средний размер надела у всех разрядов крестьян понизился уже до 3,5 десятины, а в 1900 г. — до 2,6 десятины[4].

В губерниях Среднего Поволжья средний надел на одну ревизскую душу равнялся в 1860 г. 4 десятинам,

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 83.

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 48 и далее.

[3] См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 82.

[4] Материалы учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по обследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России (в дальнейшем — Материалы учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии). С.-Пб., 1903, стр. 79.

в 1880 г. — 3,1 и в 1900—2,4 десятины[1]. За 40 пореформенных лет (с 1861 по 1902 г.) земельный надел в Симбирской губернии сократился у бывших помещичьих крестьян с 2,6 до 0,9 десятины, у государственных — с 4,2 до 1,3 десятины, у бывших удельных — с 4,3 до 1,3 десятины[2].

Но особенно страшную нужду переживали дарственники. Из статистических материалов видно, что их средний надел в целом по стране составлял при выходе из крепостной зависимости от 0,5 до 0,9 десятины. К моменту революции 1905 г., в связи с ростом сельского населения, он еще больше понизился. Так, если в Симбирской губернии в 1860 г. было 40 тыс. дарственников, то в 1905 г. их стало уже более 112 тыс., а средний надел понизился до 1/3 десятины. В Саратовской губернии число дарственников против 1861 г. возросло на 36 проц. и в связи с этим душевые наделы их сократились до 0,1 десятины[3].

В результате малоземелья и помещичьего гнета подавляющая часть крестьян была настолько разорена, что многие из них оказались совершенно неспособными платить государству выкупные платежи, поземельные, мирские и прочие налоги. Так, Симбирская уездная земская управа в одном из своих отчетов накануне революции 1905 г. отмечала, что татарские деревни настолько бедны, что с них вообще нельзя собирать никаких налогов. В отчете говорится, что «крестьяне татарских деревень дай бог чтобы с трудом уплатили хотя бы только долг губернскому продовольственному капиталу, который числится на них в сумме 20 339 руб. 60 коп., что причитается на душу при круговой поруке по 3 руб. 60 коп., а на душу каждого из отдельных заемщиков и того больше, а между тем, по собранным ныне сведениям, имущественное положение их настолько бедно, что из 2568 домохозяев окончательно безлошадных 717»[4].

О том, как тяжело жилось тогда малоземельным крестьянам, рассказал колхозник Карам Хайбулов из села

---

[1] А. А. Мануйлов. Поземельный вопрос в России. М., 1905, стр. 20—21.

[2] Там же.

[3] Свод статистических материалов. Изд. комитета совета министров. С.-Пб., 1894. См. также А. А. Мануйлов. Поземельный вопрос в России. М., 1905, стр. 24.

[4] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 51, л. 62.

хозартели «Гигант» Буинского района Татарской АССР: «Село наше, — вспоминает он, — было большое, но очень бедное. На 1200 дворов было всего лишь десятка полтора зажиточных да сотни три дворов середняцких, а остальные, около 900 дворов, были один беднее другого. Хозяйство Сафея Валиуллова, например, было настолько бедным, что он не мог тогда даже засевать имеющиеся у него 7 сажен земли. Лошади у него не было. Так же бедно жил и Сатдин Хамедов и еще сотни подобных им крестьян. Эта масса безлошадных крестьян была настолько разорена, что была совершенно неспособна в срок платить налоги. А неуплата в срок налогов приводила их к еще худшему. В село часто по этому поводу приезжали чиновники и у всех неплательщиков продавали за бесценок последнюю овцу или теленка»[1].

Налоговый пресс царского правительства тяжелым бременем лежал на плечах многострадальных тружеников, особенно на бывших помещичьих крестьянах. Дело в том, что при отводе наделов этой категории выкупная сумма была исчислена не по стоимости земли, а по стоимости повинностей, которые несли крестьяне в пользу своего помещика. Вот почему помещичьи крестьяне по сравнению с другими категориями, например бывших удельных и государственных, платили за выкуп почти в два раза больше. В Симбирской губернии они только по этой статье налогов переплатили государству к моменту революции 1905 г. свыше 10,5 млн. рублей.

Почему же помещичьи крестьяне были поставлены при выходе из крепостной зависимости в более тяжелые условия, чем другие категории? Ответ может быть только один: судьбы помещичьих крестьян решали непосредственно сами помещики. Вот почему при первоначальном выкупном долге помещичьи крестьяне Симбирской губернии должны были уплатить 10 700 тыс. руб., а фактически уплатили с 1866 по 1903 г. 26 млн. руб. и, кроме того, за ними числился долг государству в сумме 7,5 млн. рублей[2].

Как утверждает проф. Ходковский, крестьяне 23 губерний Европейской части России должны были ежегодно

---

[1] Этот материал получен автором из личных бесед с колхозниками.

[2] ЦГИАМ, ф. 518, оп. 1, ед. хр. 44, лл. 25—37.

переплачивать 5 100 тыс. руб. только в виде процентов на выкупные платежи[1]. Но крестьяне не в силах были вносить все суммы по выкупным платежам, и недоимки за ними росли все больше и больше. Согласно данным статистики, если выкупной долг за крестьянами составлял в 1875 г. 29 млн. руб., то к 1900 г. он увеличился уже до 119 млн. руб., т. е. более чем в 4 раза[2].

Однако выкупные платежи были далеко не единственным бременем для пореформенных крестьян. Тяжелым гнетом лежали на них государственный поземельный налог, земские и мирские сборы. Кроме того, они обязаны были за свой счет строить и содержать школы, больницы, церкви, дороги, мосты, содержать волостного старшину, писаря, сельского старосту, урядника, нести ямщицкую повинность, страховать общественные здания и т. д.

Прямые налоги с крестьян России (по всем статьям) составляли в 1901 г. 130 900 тыс. руб. Но и это было еще далеко не все. Кроме прямых налогов, они вносили в государственную казну более огромную дань в виде косвенных налогов, т. е. акциза на соль, сахар, керосин, спички, махорку и другие товары массового потребления. Так, в 1900 г. сбор с проданного пуда сахара равнялся 1 руб. 75 коп., с пуда керосина — 60 коп. Акциз на водку взимался в размере 11,5 коп. с градуса, что составляло 4 руб. 60 коп. с каждого проданного ведра.

Насколько велики были тогда косвенные налоги, свидетельствуют такие данные: акциз на табак давал в государственную кассу 49 млн. руб., на сахаре казна собирала 79 млн. руб., на керосине — 34 млн. руб., на спичках — 8 млн. руб.[3] В 1901 г. косвенные налоги, взимаемые, главным образом, с крестьян (80 проц. населения), приносили казне огромную сумму — 686 600 тыс. руб. Прямые и косвенные налоги вместе составляли в начале XX века 817 500 тыс. руб., так что в среднем на душу населения приходилось 5 руб. 14 коп.[4]

Государственные налоги настолько быстро росли, что к моменту революции 1905 г. они достигли колоссальной

---

[1] См. проф. Ходковский. Земля и земледелец. С.-Пб., 1905.
[2] Материалы учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии.., ч. 1, стр. 291.
[3] ЦГИАМ, ф. 518, оп. 1, ед. хр. 44, лл. 25—37.
[4] Там же.

цифры — 1054 млн. руб.[1] Однако и эти невероятно большие налоги не покрывали все возрастающих расходов царского правительства на содержание огромного бюрократического аппарата управления и на военные цели. Данные статистики свидетельствуют, что государственные расходы увеличились с 1861 по 1905 г. в восемь раз — с 414 млн. руб. до 3205 млн. руб. золотом[2].

Правительство вынуждено было заключать кабальные иностранные займы и этим еще больше увеличивать угнетение народа, утяжелять пресс налоговой политики, основные тяготы которого приходились на долю обедневшей и до крайности разоренной части сельского населения. В. И. Ленин указывал, что у безлошадных и однолошадных, составлявших тогда три пятых всех крестьянских хозяйств России, «... подати и повинности во много раз превышают не только чистый денежный, но и чистый валовой доход»[3].

Таким образом, положение крестьян России в дореволюционные годы было невыносимо тяжелым, они не могли в срок и полностью платить государственные налоги. Да и откуда крестьянин мог взять деньги, если общий доход его хозяйства равнялся в среднем на одного едока 38 руб. в год! Этой суммы не хватало тогда для скромного существования даже одного человека[4].

Насколько тяжелым было в то время положение крестьянства в России, видно из следующих сравнительных данных, показывающих размеры дохода на одного едока в крестьянских хозяйствах трех европейских стран.

Таблица 9

В России	В Германии	Во Франции
38 руб.	112 руб.	156 руб.[5]

[1] Сб. «Листовки казанских большевиков 1903—1907 гг.». Татиздат, 1941, стр. 204—206.

[2] Юбил. сб. Центр. статист. комитета 1863—1913 гг. С.-Пб., 1913, стр. 71—73.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 89.

[4] Сб. «Листовки казанских большевиков 1903—1905 гг.». Татиздат, 1941, стр. 204—206.

[5] Там же.

Столь низкий доход в крестьянском хозяйстве России объяснялся многими причинами, главными из которых были малоземелье и низкая урожайность полей. Данные статистики свидетельствуют, что средний урожай с одной десятины (в пудах) составлял к началу XX века:

Таблица 10

В Бельгии	В Англии	В США	Во Франции	В Германии	В Австрии	В России
129	123	83	81	78	69	41[1]

Господство крепостников всячески тормозило развитие сельского хозяйства. **Согласно официальным** данным, абсолютный прирост производства зерна и других продуктов питания значительно отставал от абсолютного роста сельского населения. Так, если общий сбор зерна на одного человека в 1861—1870 гг. составлял 2,4 пуда, то в 1891—1900 гг. он сократился до 2,1 пуда[2].

В 1900 г. в России не хватало примерно 3,5 пуда[3] хлеба на каждого сельского жителя, а между тем царское правительство не только не ввозило хлеб из-за границы для того, чтобы обеспечить хлебом все население, но само поощряло экспорт зерна. Помещики широко рекламировали лозунг: «Недоедим, да вывезем».

О том, как сокращалось потребление хлеба в царской России в конце XIX века, говорят следующие данные: в 1894 г. в России было потреблено хлеба населением 953 млн. пудов; в 1896 г. — 820 млн. пудов; в 1898 г. — 583 млн. пудов. Таким образом, к концу пятилетия (1894—1898) потребление хлеба сократилось на 370 млн. пудов, тогда как население за тот же период увеличилось примерно на 9 млн. человек[4].

Вот почему в России даже сравнительно небольшой неурожай хлеба сопровождался всегда страшными голодовками и огромной смертностью населения, особенно

---

[1] ЦГИАМ, ф. 518, оп. 1, ед. хр. 44, лл. 25—37.

[2] Материалы учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии.., ч. 1, стр. 89.

[3] Там же, стр. 177.

[4] Сб. «Листовки казанских большевиков 1903—1905 гг.». Татиздат, 1941, стр. 204—206.

крестьянского. Из данных статистики видно, что на 1000 человек населения умирало тогда:

Таблица 11

В Швеции	В Англии	Во Франции	В Германии	В России
16,9	19,1	22	25,1	35[1]

Что же касается смертности населения в губерниях Среднего Поволжья, то она превышала среднероссийскую на 14 проц.[2]

Частые голодовки приводили к прогрессирующему истощению жителей деревни, к большому росту разного рода заболеваний. По данным воинских присутствий, число забракованных новобранцев в 1874—1878 гг. составило 6,1 проц., а за 1896—1901 гг. — уже 13,8 проц[3]. Так, например, в одном из номеров журнала «Вестник русской конницы» за 1910 г. полковник Багратион писал, что из 360 опрошенных им молодых парней-рекрутов 114 ни разу в жизни не ели мяса.

Народное здравоохранение находилось на очень низком уровне. Достаточно сказать, что в 318 волостях Самарской губернии работало в 1900 г. лишь 108 врачей — один врач на три волости! На всю губернию имелись 61 больница, 73 амбулатории и 58 фельдшерских пунктов[4].

Картину невиданной нищеты и угнетения крестьянских масс завершало весьма плачевное состояние дела народного образования. По данным переписи населения 1897 г., грамотных среди всего населения России (в том числе и городов) было лишь 25 проц. Сельское же население в ряде местностей оставалось почти сплошь неграмотным. Так, по данным призыва 1896 г. в армию, среди юношей в Казанской губернии насчитывалось 13 проц., Самарской — 8 проц., Саратовской — 8 проц. и только в Сим-

[1] ЦГИАМ, ф. 518, оп. 1, ед. хр. 44, лл. 25—37.

[2] «Россия...», под ред. В. П. Семенова. С.-Пб., 1901, т. VI, стр. 144.

[3] ЦГИАМ, ф. 518, оп. 1, ед. хр. 44, лл. 25—37.

[4] См. Ф. Я. Водоватов. Крестьянское движение... Стр. 41.

бирской губернии на призывные пункты явилось 20 проц. грамотных[1].

Последнее объясняется, главным образом, тем, что в этой губернии на протяжении многих лет (с 1869 по 1886 г.) в качестве сначала инспектора, а затем директора народных училищ работал отец В. И. Ленина — Илья Николаевич Ульянов. За период его работы в Симбирской губернии, несмотря на сопротивление реакционного дворянства, число школ увеличилось с 89 до 434, было много сделано для просвещения угнетенных национальностей — чувашей, татар. Это и повело к повышению процента грамотности среди молодежи.

В районах Среднего Поволжья особенно низким уровнем грамотности отличалось чувашское население. Так, в Самарской губернии среди мужчин-чувашей грамотных было 8,8 проц., среди женщин — 0,7 проц. Да и откуда быть высокому проценту грамотности, если в деревне царила нищета, а царская администрация и земские деятели отпускали на содержание школ ничтожно малые средства! Так, в 1896 г. на нужды народного просвещения было выдано[2]:

Таблица 12

Губернии	На год (в руб.	В среднем на ученика (в коп.)
Казанская	308	13
Симбирская	112	7
Самарская	405	14
Саратовская	255	10

Оценивая состояние народного образования в России, В. И. Ленин писал: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России. И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, не случайна, а *неизбежна* при гнете помещиков»...[3]

По данным местной статистики, в губерниях Среднего Поволжья на содержание школ и учителей расходовалось

[1] «Россия...», под ред. В. П. Семенова, т. VI, стр. 140.
[2] Там же, стр. 139.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 115.

средств в период первой русской революции гораздо меньше, чем на содержание тюрем и церквей.

В темноте и одичалости народных масс царское правительство видело одну из основ, на которых держался самодержавно-крепостнический строй России. Крестьянские массы, отмечал В. И. Ленин, и после реформы 1861 г. оставались в числе последних сословий в прежней кабале у помещиков, подчиненными им «... и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве»[1].

Малоземелье являлось основным злом для подавляющего большинства крестьянских масс России, в том числе и Среднего Поволжья. Вследствие малоземелья в стране прочно держалась крепостническая кабала, катастрофически падало сельскохозяйственное производство, до небывалых размеров увеличилось к началу первой русской революции обнищание бедняцко-середняцких масс.

Резко уменьшалось сельскохозяйственное производство не только у бедняцкой и середняцкой части населения — катастрофически сокращались посевные площади и в помещичьих хозяйствах. С упадком натурального хозяйства и огромным ростом товарно-денежных отношений помещики все больше и больше стали нуждаться в наличных деньгах, начали все больше и больше прибегать к продаже и закладу в банк под проценты своих наследственных земель. Так, помещики Среднего Поволжья за период с 1859 по 1896 г. распродали 2612 тыс. десятин, или 37,0 проц. всех своих земель[2]. По отдельным губерниям это сокращение шло так:

Таблица 13

Губернии	Площадь[3] помещичьих земель в 1859 г. (в тыс. дес.)	Осталось земли у помещиков к 1896 г. (в тыс. дес.)	Процент убыли помещичьей земли
Казанская	780	397	49,1
Симбирская	1264	978	22,6
Самарская	2524	1413	44,0
Саратовская	2486	1654	33,5
Всего	7054	4442	37,0

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

[2] «Россия...», под. ред. В. П. Семенова, т. VI, стр. 203.

[3] За вычетом земель, поступивших впоследствии в надел.

К 1905 г. земельный фонд помещиков Среднего Поволжья сократился еще на 1115 тыс. десятин.

Приведенные цифры убедительно свидетельствуют о том, что в сельском хозяйстве Среднего Поволжья, как и во всей пореформенной России, совершалось весьма заметное изменение форм частной поземельной собственности: если феодально-крепостническая, или помещичья, собственность на землю резко сокращалась, то буржуазная возрастала. В. И. Ленин говорит об этом общественно-экономическом процессе так: «Убывает власть земли, растет власть денег. Земля все больше и больше втягивается в торговый оборот...»[1]

Несмотря на это, помещики Среднего Поволжья, как и во всей России, по-прежнему оставались к началу первой русской революции самыми крупными собственниками земли[2]. «Об их силе, — писал В. И. Ленин, — можно судить прежде всего по количеству земли, которая находилась в их частной собственности»[3].

Не менее интересны статистические сведения и о размерах заложенных помещиками земель в различных кредитных банках. Вот эти данные[4].

Таблица 14

Губернии	На 1 января 1894 г.		Долг банкам (в рублях)
	заложено земли (в дес.)	в процентах	
Казанская	395063	55,3	12330985
Симбирская	679331	52,1	21907702
Самарская	1161331	55,0	43615740
Саратовская	1565111	55,0	43715740

Уже к концу XIX века большинство помещичьих имений было заложено и перезаложено. Только за 12 лет — с 1886 по 1897 г. — Дворянский земельный банк выдал самарским помещикам ссуды под 607 имений.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 57.
[2] О количестве помещичьей земли в 1905 г. см. табл. 2 (стр. 37).
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 341.
[4] «Россия...», под. ред. В. П. Семенова, т. VI, стр. 209.

Большое количество взятых средств они тратили не на улучшение сельскохозяйственного производства, а на непроизводительное потребление.

В начале XX века помещики стали еще чаще продавать и закладывать свои земли. Так, симбирские помещики с 1896 по 1905 г. заложили в банк 345 286 десятин земли. Большинство заложенных имений не выкупалось, а поступало в продажу с торгов. Губернские газеты то и дело публиковали списки имений, продававшихся из-за невозврата полученных ссуд[1].

Капиталистические отношения проникали и в помещичьи хозяйства. Некоторая часть владельцев, чтобы повысить денежные доходы, заводила в своих имениях паровые двигатели, молотилки, сноповязалки, сеялки, веялки, сенокосилки и другую технику, все больше и больше прибегала к наемному труду при обработке полей, строила заводы по производству спиртоводочных изделий, сооружала мельницы, кирпичные заводы и т. д.

Однако главную статью дохода большинства имений по-прежнему составляла сдача земли в аренду. Задавленные нуждой крестьяне были вынуждены снимать на чрезвычайно кабальных условиях помещичью землю, даже соглашаться на отработку, как при барщине. «Современное помещичье хозяйство в России, — указывал В. И. Ленин в 1905 г., — соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты»[2]. В другом месте он писал, что при отработках помещик выступает не как капиталист, а как ростовщик, пользующийся нуждой соседнего безземельного крестьянина и приобретающий его труд втридешева[3].

В «Проекте речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе» В. И. Ленин отмечал, что *«истинно-русские* отработки... держатся не силой закона — по закону крестьянин «свободен» умирать с голоду! — они держатся силой *экономической зависимости* крестьян. Никакими законами, никакими запретами, никаким «надзором» и «опекой» нельзя ровно ничего поде-

---

[1] «Симбирские губернские ведомости» № 2, 1900 г. и др.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 413.

[3] См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 67.

лать против отработков и кабалы. Для уничтожения этой язвы на теле русского народа есть только одно средство: *уничтожение помещичьей земельной собственности,* ибо она в преобладающей массе случаев есть до сих пор *крепостническая* собственность, источник и опора *крепостнической* эксплуатации»[1].

В России и после отмены крепостного права сохранялись крепостнические формы эксплуатации крестьян. «Отработки» и «барщина» существовали вплоть до первой русской революции. «Отработки, — подчеркивал В. И. Ленин, — это и есть современное крепостничество»[2].

В работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» В. И. Ленин приводит данные об отработках по Саратовскому уезду. Он указывает, что при отработках за аренду одной десятины пашни цена 9 руб. 40 коп., а при вольном найме — 17 руб. 50 коп. Жатва и возка снопов при обработках стоит 3 руб. 80 коп. за десятину, а при вольном найме — 8 руб. 50 коп. В связи с этим В. И. Ленин пишет: «Каждая из этих цифр содержит в себе длинную повесть бесконечной крестьянской нужды, кабалы и разорения. Каждая из этих цифр свидетельствует о том, как *живы* к концу XIX века в России крепостническая эксплуатация и пережитки барщины»[3].

Анализируя пореформенное состояние сельского хозяйства, В. И. Ленин подчеркивал, что конец XIX века застает в России самое острое противоречие между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое в виде латифундий, в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, тяжелых форм татарщины в русской жизни.

Для того, чтобы хотя сколько-нибудь завуалировать хищническое ведение своего хозяйства, помещики широко распространяли ложные слухи о том, что только они якобы вносят культуру в сельскохозяйственное производство России. Разоблачая эту ложь, В. И. Ленин писал: «Помещичья «культура» есть сохранение помещичьего

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 240.
[2] Там же, стр. 236.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 68.

крепостничества. Помещичья культура есть ростовщичество по отношению к обнищавшему крестьянину, которого обирают, как липку, и кабалят за десятину земли, за выпас, за водопой, за лес, за пуд муки, данной в ссуду голодному мужику зимой за безбожные проценты, за рубль денег, выпрошенный крестьянской семьей...»[1]. В. И. Ленин подчеркивает, что такой задавленности и забитости, такой нищеты, как у русских крестьян, не найти не только в Западной Европе, но и в Турции[2].

Прогрессирующую нищету и придавленность основных масс крестьянства довершали постоянные неурожаи в губерниях Среднего Поволжья и все усиливающийся процесс классового расслоения деревни, процесс «раскрестьянивания». Неурожай 1891 г. вызвал в Среднем Поволжье небывалый голод, сопровождавшийся огромной смертностью населения. Сильные неурожаи повторялись в 1898 и в 1901 гг. Неурожаи и частичные недороды хлебов (1896, 1897, 1900, 1903 гг.), а также развитие капиталистических отношений в деревне вконец подорвали экономику крестьянских хозяйств и привели ее к полному упадку.

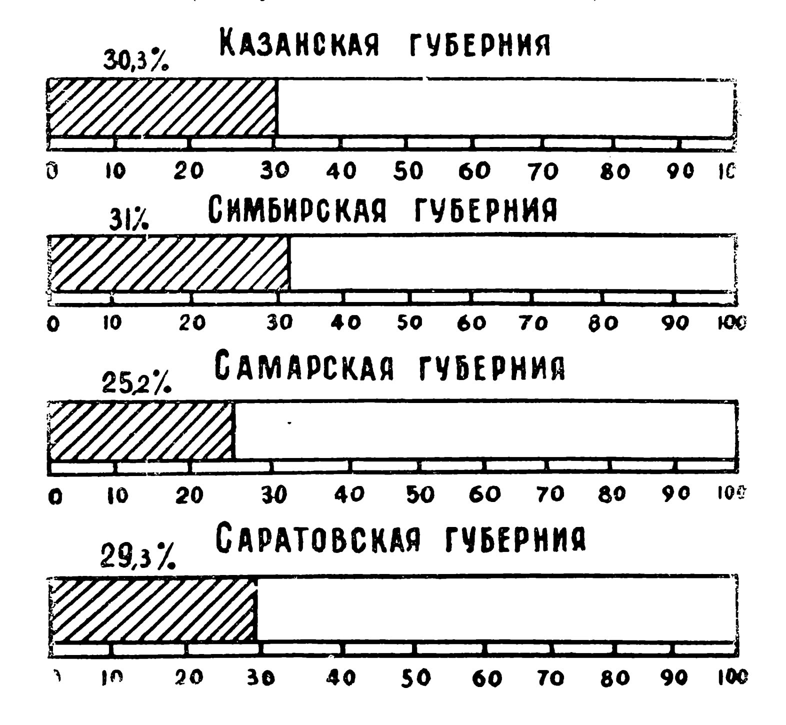
Чтобы представить себе, как велики были разорение и обнищание в деревне к началу XX века, приведем данные о безлошадных дворах. По данным военно-конской переписи 1896 г., в губерниях Среднего Поволжья на сто душ населения приходилось: в Казанской губернии 17,8 лошади, Симбирской — 18,5, Самарской — 31,5 и в Саратовской — 20,9 головы[3].

Однако эти общие средние цифры не дают правильного представления о том, в чьих руках находилось поголовье. Дело в том, что в губерниях Среднего Поволжья уже в конце XIX века насчитывалось свыше 10 проц. кулацких дворов, имевших от четырех и более рабочих лошадей; кроме того, в 187 частных конских заводах содержалось около шести тысяч племенных маток. Картина станет совершенно ясной, если добавить, что в Казанской губернии в 1905 г. насчитывалось 30,3 проц. безлошадных крестьянских дворов, в Симбирской — 31 проц., Самар-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 239.
[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 235.
[3] «Россия...», под ред. В. П. Семенова, т. VI, стр. 228.

БЕЗЛОШАДНЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВОРЫ
(накануне революции 1905—1907 гг.)

ской — 25,2 проц. и в Саратовской — 29,3 проц. В этих губерниях было почти 26 проц. однолошадных хозяйств[1].

Еще более ухудшилось положение основных масс крестьянства в начале XX века. Например, в Саратовской губернии в период революции 1905—1907 гг. безлошадные и однолошадные хозяйства составляли уже 60 проц., двухлошадные — 22 проц., трехлошадные и более — 18 проц. всех дворов. Здесь имелось 72 проц. бескоровных и однокоровных хозяйств[2].

Процесс классового расслоения средневолжской деревни шел в конце XIX века настолько быстро, что к началу революции 1905 г. одна треть населения уже не за-

---

[1] «Россия...», под ред. В. П. Семенова, т. VI, стр. 229.
[2] «Русское богатство» № 8, 1908 г., статья Березова.

нималась земледелием и своих хозяйств, как правило, не имела. Лишь незначительное количество безлошадных засевало не более четверти десятины, а основная масса сдавала свои земли в аренду или вовсе бросала их, уходя работать по найму.

Безлошадные числились крестьянами только по названию, а по существу они являлись пролетариями. «Безлошадный крестьянин, — говорит В. И. Ленин, — это — такой, который стал уже совсем неимущим. Это — пролетарий. Живет он (покуда живет, и вернее сказать, что перебивается, а не живет) не землей, не хозяйством, а *работой по найму*. Это — родной брат городского рабочего»[1].

Немногим лучше безлошадных жили тогда и 25 проц. однолошадных. «...Однолошадный крестьянин, — подчеркивает Ленин, — наполовину перестал быть хозяином, а стал наймитом, пролетарием. Вот почему таких крестьян и называют *полупролетариями*»[2].

Безлошадные и однолошадные крестьяне составляли огромную массу — примерно 2/3 всего крестьянского населения Среднего Поволжья. Из этой части крестьян «рекрутировалась» многочисленная резервная армия наемных рабочих, батраков и отходников.

По данным местной статистики, число отходников в губерниях Среднего Поволжья в конце XIX века доходило до полумиллиона человек. Наибольшее количество их давала тогда Казанская губерния. Из нее уходило в отхожий промысел свыше 180 тыс. человек, или 9 проц. крестьянского населения[3].

На втором месте по числу отходников — до 60 тыс. человек ежегодно — стояла Саратовская губерния, затем Симбирская губерния — 45 тыс. Что же касается Самарской губернии, то она не столько отпускала своих в отхожий промысел, сколько принимала отходников из других губерний, в частности из Казанской, Симбирской, Саратовской, Пензенской и Тамбовской.

Южные уезды этой губернии были наиболее урожайными, располагали огромными массивами купеческой

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 349—350.
[2] Там же, стр. 351.
[3] «Россия...», под ред. В. П. Семенова, т. VI, стр. 265.

и помещичьей земли и в то же время меньше всего были заселены, а значит наиболее нуждались в наемной рабочей силе. По данным комиссии по упорядочению отхожих промыслов (1894—1899 гг.), нужды этих районов в сезонных сельскохозяйственных рабочих определялись в 230 тыс. человек[1].

К началу первой русской революции число отходников в губерниях Среднего Поволжья еще больше возросло. Так, в Симбирской губернии отходничеством занималось уже не 45, а 60 тыс. человек. По сведениям губернской земской управы, в 1905 г. только на сельскохозяйственные работы ушли в другие губернии 25 135 человек.

Сотни тысяч разоренных крестьян ежегодно скитались по стране в поисках работы. Они уходили из родных сел и деревень не потому, что были «плохо привязаны» к ним, как утверждали реакционные помещики, а потому, что им нечего было делать в своих «хозяйствах». Малоземелье неизбежно создавало резервную армию труда.

Говоря об отходниках, В. И. Ленин спрашивал: «Кто работает на постройке железных дорог? кого грабят подрядчики? кто ходит на рубку и сплав леса? кто служит в батраках? кто занимается поденщиной? кто исполняет черные работы в городах и на пристанях? Это все — деревенская беднота. Это все — безлошадные и однолошадные крестьяне. Это все — деревенские пролетарии и полупролетарии»[2].

75-летний колхозник из села М. Нагаткино, ныне Богдашкинского района Ульяновской области, Ферапонт Евдокимович Ерофеев, касаясь причин, которые часто гоняли его тогда в отхожий промысел, рассказывает, что жили они в ту пору бедно. Семья их состояла из 12 человек, а земли имели только три десятины. Арендовать землю у помещицы Сухаревой по 25 руб. за десятину было тяжело, а работать исполу еще тяжелее. Приходилось или идти работать на барский двор или на заработки в чужие края. Работу на барском дворе мужики считали хуже каторги. В других губерниях тоже приходилось за

---

[1] «Россия...», под ред. В. П. Семенова, т. VI, стр. 266.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 351.

бесценок работать от темна до темна, и все же отхожий промысел, по сравнению с барским двором, был для мужика «раем»[1].

Одной из причин широкого распространения отхожего промысла следует считать и то, что цены на рабочие руки в сельском хозяйстве были очень низкие. Так, в Симбирской губернии средняя поденная плата в зимнее время составляла для мужчин 29 коп., для женщин — 16. В летнюю пору мужчине платили 52 коп., женщине — 34. В Курмышском уезде этой губернии, где жило, главным образом, чувашское население, помещик Андиевский платил поденщикам еще меньше[2].

Не менее кабальные условия были для батраков. Кулаки так же, как и помещики, «от пасхи до покрова», т. е. за целых полгода самой горячей рабочей поры, платили батраку в среднем 33 руб. В день 18 копеек — таким был средний заработок батрака в летнее время!

Вот что рассказывает о жизни батрака 70-летний Шарий Хусаинов, ныне член колхоза имени М. И. Калинина Буденновского района Татарской АССР, в прошлом житель с. Б. Цильна Симбирского уезда: «До 18 лет я жил зимой в батраках, а летом пас чужие стада овец и коров. Когда женился и обзавелся семьей, решил заняться своим хозяйством и начал засевать свои 30 саженей земли. Но лошади у меня не было, а крестьянину без лошади, что сапожнику без шила. Пришлось снова пойти в работники и от зари до зари гнуть спину на кулака. Летом еще платили сносно — 10 руб. в месяц, а зимой — 3 рубля. «Доходы» мои были настолько нищенскими, что я никогда не покрывал расходов своей семьи»[3].

Так жила беднота не только в Симбирском уезде, так большинство жило почти повсеместно. В Ардатовском уезде той же губернии, например, из 28 201 хозяйства 7731 было безлошадным и 12 123 — однолошадных. Эти 70 проц. безлошадных и однолошадных дворов и постав-

---

[1] Этот материал получен автором из личных бесед с колхозниками.

[2] Андиевский занимал в период революции 1905 г. пост орловского губернатора.

[3] Этот материал получен автором из личных бесед с колхозниками.

ляли целую армию батраков и отходников. Только по официальным данным губернской земской управы, в 1905 г. из Ардатовского уезда ушло на отхожий промысел в другие губернии 13 958 человек и 1826 человек работало у помещиков своего уезда. А о том, сколько людей в этот год батрачило у кулаков, земская статистика умалчивает.

Однако средневолжская деревня к моменту первой русской революции была далеко не однородной по своему социальному составу. В Среднем Поволжье, как и в других местностях дореволюционной России, бурным темпом шел процесс развития капитализма в сельском хозяйстве, процесс классовой дифференциации деревни, процесс «раскрестьянивания».

В. И. Ленин еще в конце XIX века в своей знаменитой книге «Развитие капитализма в России» убедительно показал наличие в деревне нового буржуазного класса — кулачества. Характеризуя процесс разложения крестьянства в России, В. И. Ленин использовал и материалы некоторых губерний Среднего Поволжья, в частности Самарской и Саратовской.

В Новоузенском уезде Самарской губернии из 28 276 дворов 24,7 проц. были зажиточными, 38,2 проц. — середняцкими и 37,1 проц. — бедняцкими. Таким образом, кулацкие составляли 1/4 часть. Однако у этой четверти крестьянского населения было 63,4 проц. площади посевов, тогда как 75 проц. середняцких и бедняцких хозяйств, вместе взятых, имели лишь 36,6 проц. площади[1].

Капиталистическая часть деревни резко выделялась и по всем другим показателям, в частности по наличию в хозяйствах усовершенствованных орудий сельскохозяйственного производства, концентрации купчей и арендуемой земли, использованию наемной рабочей силы и т. д.

В. И. Ленин приводит данные, из которых видно, что 24,7 проц. зажиточных крестьян Новоузенского уезда держат в своих руках 82,9 проц. всех усовершенствованных орудий производства (главным образом, плуги, конные и паровые молотилки, веялки, жнейки, сноповязалки, сенокосилки и проч.). В руках только самой богатой части

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 62.

деревни было сосредоточено 9/10 всей купчей и 69,7 проц. всей арендованной земли[1].

Данные земской статистики 80-х годов о распределении рабочего скота между отдельными группами хозяйств этого уезда особенно убедительно свидетельствуют о процессе разложения крестьянства. Беднота, составлявшая 37,1 проц. крестьянского населения, имела лишь 6,4 проц. лошадей; середняки (38,2 проц.) — 28,6 проц. лошадей, а кулаки (24,7 проц.) сосредоточивали в своих руках 65 проц. лошадей[2]. При этом 218 наиболее богатых дворов имели в среднем по 271 десятине посевов, по 181 голове скота (в переводе на крупный) и держали по шесть батраков[3].

К началу первой русской революции процесс расслоения крестьян на богатых и бедных еще больше усилился. Если в 90-х годах прошлого века в Самарской губернии беднота составляла 33 проц. от общего числа крестьянского населения[4], то в 1905 г. ее численность возросла до 46,7 проц.[5]

Если 46,7 проц. бедняцких дворов Самарской губернии имели в своих руках лишь 19,6 проц. всей надельной и ничтожную часть купчей и арендованной земли, то кулацкая часть деревни, выросшая к началу революции до 19,9 проц. дворов, сосредоточивала в своих руках 43 проц. всей надельной, до 90 проц. арендованной и свыше 90 проц. всей купчей земли. К этому следует добавить, что если 46,7 проц. крестьянской бедноты имели тогда в собственности лишь 9,8 проц. лошадей, то 19,9 проц. кулацких дворов держали 48,5 проц. лошадей[6].

По данным местной земской статистики, в Самарской губернии в начале 90-х годов XIX века числилось (в сельской и городской местности) 69 389 батраков и батрачек[7]. Перепись населения 1897 г. свидетельствовала, что в Са-

---

1 См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 61—67.
2 Там же, стр. 62.
3 Там же, стр. 221.
4 См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 67.
5 Ф. Я. Водоватов. Крестьянское движение... Стр. 34.
6 Там же.
7 Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 8, вып. 1. Изд. губернского земства, 1892.

марской губернии уже 86 500 крестьян и крестьянок работали по найму, причем 61 500 из них жили в своих деревнях[1] и числились «крестьянами».

Подобная же картина была к концу XIX века в Саратовской губернии. В. И. Ленин приводит данные по Камышинскому уезду этой губернии, которые показывают, что из 40 157 дворов безлошадных было 26,4 проц., однолошадных — 20,3 проц., а в общей сложности беднота составляла 46,7 проц.[2]

Очень интересны и данные о процессе «раскрестьянивания», о процессе образования капиталистического класса в деревне — кулачества. Так, если 46,7 проц. бедноты Камышинского уезда имели тогда 12,3 проц. всей посевной площади и 11,8 проц. всех лошадей, то кулацкая часть деревни, составлявшая лишь 21,1 проц. населения, держала в своих руках 53,3 проц. всей посевной площади и 56,1 проц. лошадей[3].

Без существенных отклонений в ту или другую сторону такое распределение рабочего скота было характерным и для всех других уездов Саратовской губернии. В. И. Ленин приводит данные о распределении рабочего скота также по Вольскому, Кузнецкому, Балашевскому, Сердобскому уездам этой губернии, и всюду наблюдается одна и та же картина: разорение бедноты, рост и обогащение кулачества.

В Симбирской губернии, по данным земской статистики, в 1905 г. насчитывалось 240 579 бедняцких и середняцких хозяйств и 4291 кулацкое. Последние имели в среднем на двор по 32,1 десятины лучшей земли[4]. Классовая дифференциация в этой губернии станет еще очевиднее, если добавить, что в ней к моменту первой русской революции было 64,8 проц. безлошадных и однолошадных, 22,6 проц. двухлошадных и 12,6 проц. зажиточных дворов,

---

[1] Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. Изд. Главного управления землеустройства и земледелия, 1906, стр. 11.

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 68.

[3] Там же.

[4] Сб. «Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг.», 1955.

которые имели от трех и более лошадей[1]. В некоторых же уездах процент безлошадных был еще выше, например в Карсунском уезде он составлял 35, а в Сенгилеевском — 39,8[2].

К началу революции 1905 г. кулачество владело уже большим количеством земли и применяло в своих хозяйствах наемную рабочую силу. Так, у крупного кулака Василия Кузьмина (с. Крестниково, Симбирский уезд) находилось в собственности свыше 200 десятин пахотной земли. Он держал тогда свыше десяти работников.

В деревне Шумовка Симбирского уезда кулак Василий Захаров имел, кроме надельной земли, еще около трехсот десятин купчей. Он завел под городом Симбирском «захарьевские хутора» и эксплуатировал там не один десяток батраков.

С помощью так называемого Крестьянского поземельного банка кулаки скупили значительную часть помещичьих земель. По данным земской статистики, только 272 кулацких хозяйства Симбирской губернии приобрели в конце XIX века через этот банк около 70 тыс. десятин земли.

Лишь в антинаучном представлении народников и их идейных последователей — эсеров крестьянское население могло казаться однородной массой, а сельская община с ее уравнительным пользованием землей — зародышем социализма.

В жизни же было совсем иное. Проникновение капитализма в сельское хозяйство с неудержимой силой раскалывало деревню на богатых и бедных, на эксплуататоров и эксплуатируемых.

Вот данные о количестве наемной рабочей силы в кулацких хозяйствах по Ардатовскому, Буинскому и Курмышскому уездам Симбирской губернии[3].

---

1 ГАУО, ф. 76. Сельскохозяйственный обзор Симбирской губернии за 1904 г. Изд. губ. земской управы, 1904, стр. 191.

2 Статистика землевладения 1905 г. Выпуск II, Симбирская губерния. С.-Пб., 1905, стр. 54.

3 ГАУО, ф. 76, оп. 6, Статистический обзор Симбирской губернии за 1905 г.

Таблица 15

Уезды	Общее количество хозяйств в уезде	Число хозяйств с наемной раб. силой		В том числе хозяйств, имеющих				
		абсолютная цифра	%	одного работника	от 2 до 3 раб.	от 4 до 5 раб.	от 5 до 10 раб.	от 11 и более
Ардатовский	26183	582	2,2	436	120	18	7	1
Буинский	31282	584	1,9	486	88	8	1	1
Курмышский	26776	549	2,0	439	84	9	12	5
Всего	84241	1715	2,0	1361	292	35	20	7

Из этой таблицы видно, что в трех указанных уездах Симбирской губернии работало в кулацких хозяйствах в 1905 г. около трех тысяч батраков (а во всей губернии— до 10 тысяч).

Чтобы закончить рассмотрение вопроса о расслоении крестьянства в районе Среднего Поволжья, нам остается перейти еще к одной губернии — Казанской. Однако она не дает в этом отношении ничего принципиально нового. Достаточно сказать, что если в 1892 г. здесь было 19 проц. безлошадных, а в 1899 г. — 25 проц., то в 1905 г. их стало уже 30 проц.[1]

Говоря о развитии капитализма в сельском хозяйстве Казанской губернии, следует отметить, что здесь значительно больше, чем в какой-нибудь другой губернии Среднего Поволжья, к началу XX века сохранились у отдельных народов остатки патриархально-родовых отношений, которые сдерживали проникновение капитализма в земледелие. Документы свидетельствуют, что половина чувашских крестьянских общин Казанской губернии (227 из 452) составляли сложные общины, в которых крестьяне многих деревень владели землей совместно[2]. Так, сельская община Шумшибаш Алиовской волости Ядринского уезда состояла из 33 селений, община Шуматова того же уезда — из 41 селения. У марийских

[1] М. И. Абдурахманов. Деятельность Казанского комитета РСДРП по руководству крестьянским движением в 1905—1907 гг. Канд. диссертация. Казань, 1947.

[2] Крестьянское землевладение Казанской губернии. Вып. 13. Казань, 1909, стр. 38.

и удмуртских крестьян процент «сложных общин» был еще выше[1].

Все же независимо от этого капиталистические отношения проникали и в эти «сложные общины» — и в национальных деревнях шло расслоение на богатых и бедных, на кулаков и батраков. По данным земской статистики видно, что значительная часть государственных крестьян Казанской губернии пользовалась трудом батраков при обработке земли. К найму рабочей силы среди татарского населения прибегали 27,9 проц. хозяйств, среди мари — 12 проц., чувашей — 8,9 проц.[2]

Капиталистическая часть деревни и в Казанской губернии выдвинулась в начале XX века на первое место в экономическом укладе крестьянской общины. Здесь так же, как и во всей пореформенной России, расслоение деревни приводило к образованию двух новых социальных групп населения: сельской буржуазии — кулачества и сельского пролетариата — класса *«наемных рабочих с наделом»*[3].

Выше был уже показан процесс разложения крестьянства на богатых и бедных, точнее: на сельских капиталистов и сельских пролетариев. Одна часть забрасывала свои надельные земли, сдавала их в аренду, становилась безлошадной, превращалась в батраков, бежала в города и уходила в отхожие промыслы, а другая часть покупала землю, всячески совершенствовала способы ее обработки, сосредоточивала в своих руках большое количество сельскохозяйственных машин, рабочего скота, применяла в своих хозяйствах наемную рабочую силу.

Однако не все разорившиеся крестьяне сразу уходили в батраки или на фабрику. Многие, чтобы поддержать свои «хозяйства», вынуждены были в течение круглого года или в отдельные времена года прибегать к дополнительным, сторонним заработкам в виде кустарных промыслов. В. И. Ленин указывает: «... Разложение земле-

---

[1] Р. М. Раимов. Революция 1905—1907 гг. в Среднем Поволжье и Приуралье. Статья в сб. «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России», под ред. Л. М. Иванова, А. М. Панкратовой и А. Л. Сидорова. Изд. Ин-та истории АН СССР, 1955, стр. 720.

[2] Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии, Казань, 1896, стр. 384.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 145.

дельческого крестьянства необходимо должно было дополняться ростом мелких крестьянских промыслов»[1].

Местная земская статистика подтверждает, что в губерниях Среднего Поволжья десятки тысяч обедневших хозяйств занимались всевозможными промыслами, главным из которых были обработка дерева, металлов, минеральных и волокнистых веществ, продуктов животноводства.

Обработка дерева занимала наиболее видное место. Обилие лесов в отдельных уездах Казанской губернии (Казанский, Свияжский, Козьмодемьянский, Лаишевский, Мамадышский, Царевококшайский), Симбирской губернии (Карсунский, Алатырский, Ардатовский, Сызранский) создавало благоприятные условия для развития многочисленных промыслов.

В остальных губерниях Среднего Поволжья (Самарской и Саратовской) лесов было мало и крестьянские промыслы, связанные с обработкой дерева, развивались слабо. В Самарской, например, ими занимались лишь в северной части Бугульминского уезда. В Саратовской они встречались в Кузнецком, Хвалынском и частично в Вольском и Сердобском уездах.

Главными видами продукции этой отрасли крестьянского промысла были разного рода экипажи, возки, тарантасы, сани, телеги, колеса, дуги, бочки, кадки, ободья, всевозможная деревянная посуда, лопаты, колоды, корыта, оконные рамы, гнутая мебель, столы, шкафы, сундуки, трубки, скрипки, балалайки, улья, дубовый паркет и т. д. Отдельные крестьяне специализировались даже на изготовлении могильных крестов.

Насколько широко был развит тогда кустарный промысел, говорит тот факт, что в одной лишь Симбирской губернии изготовлением продукции самых различных видов занималось в 1905 г. 18 тыс. человек, а их заработок составил 790 тыс. рублей[2].

Не ставя своей целью подробное исследование всех видов крестьянских промыслов в губерниях Среднего Поволжья, считаем необходимым указать на то чрезвычайно важное обстоятельство, что по мере разложения

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 296.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, 1906 г., ед. хр. 92. Обзор Симбирской губернии за 1905 г.

крестьянства, по мере упадка натурального хозяйства в деревне возникают один за другим такие виды обработки сырья, которые, как указывал В. И. Ленин, уже в условиях первых шагов товарного производства и капитализма превращаются «...в особые отрасли промышленности»[1].

Несмотря на то, что крестьянские промыслы в некоторых губерниях не получили широкого развития как разновидность капиталистической промышленности, все же местами, например в Казанской губернии, был ряд сел и волостей, где крестьяне почти поголовно занимались производством тех или иных видов продукции на рынок. Известно, что казанские сани, возки и тарантасы уже с давних времен были далеко известны за пределами губернии.

В тесной связи с капиталистической промышленностью было поставлено в Казанской губернии изготовление обуви из сафьяна — «ичигов». Их производством занимались целые деревни под Казанью (Суконная, Николаевская, Адмиралтейская и другие пригородные слободы) — всего около 2500 человек, которые шили в год почти три миллиона пар на сумму до 5 миллионов рублей[2].

Наиболее характерным здесь являлось то, что выделка и реализация ичигов были поставлены на явно капиталистических основах. Все производство находилось в руках десятка крупных казанских торговцев, которые держали в этих селах своих закройщиков и сбывали товар не только в Казани, но и на Нижегородской, Ирбитской и других больших ярмарках, откуда сафьяновые ичиги шли в Закавказье, Туркестан и соседние азиатские страны[3].

Явно капиталистический характер носило и кожевенное производство. Этот вид кустарного промысла был развит в Саратовской и особенно в Казанской губерниях. Так, в селе Богородском (Шереметьевке) Чистопольского уезда Казанской губернии насчитывалось 46 мелких заводов по выделке и дублению разных сортов кожи. Здесь в конце XIX века выделывалось 7650 пудов шорных изде-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 296.

[2] «Россия...», под ред. В. П. Семенова, т. VI, стр. 250.

[3] Там же.

лий, 5400 пудов черного товара и 1840 тыс. пар кожаных рукавиц. На 46 указанных предприятиях было занято 270 наемных рабочих[1].

2. Промышленность и положение рабочих масс к началу революции 1905—1907 гг.

Аграрный характер Среднего Поволжья в значительной мере определял и развитие фабрично-заводской промышленности. Как и следовало ожидать, первое место по количеству предприятий, объему выработанной продукции и количеству рабочих занимала промышленность, перерабатывавшая сельскохозяйственную продукцию. Ее размеры определялись следующими данными[2].

Таблица 16

Губернии	Число фабрик и заводов	Объем продукции в тыс. руб.	% к общей выработке продукции в губернии	Число рабочих на фабриках и заводах
Саратовская	469	25060	66,1	4645
Самарская	157	20600	33,6	5090
Казанская	138	6850	30,2	4425
Симбирская	138	6220	43,7	2015
Всего	902	58730	44,4	16175

Главное место в промышленности по выработке продовольственных продуктов занимало мукомольное и крупяное производство. Объем их продукции составлял 3/4 от всего объема продукции, выработанной пищевой промышленностью, и свыше 40 проц. всего фабрично-заводского производства губерний Среднего Поволжья.

Насколько большой удельный вес занимало мукомольное производство в экономике губерний Среднего Поволжья, видно также из данных И. Н. Сырнева. Им подсчитано, что в губерниях Среднего Поволжья перема-

---

[1] «Россия...», под ред. В. П. Семенова, т. VI, стр. 249.

[2] Таблица составлена на основании данных, приводимых в кн. «Россия...», под ред. В. П. Семенова, т. VI, стр. 255.

лывалось в конце XIX века почти 20 проц. всего зерна в стране[1]. Мукомольное и крупяное производство было наиболее развито в Саратовской губернии, за ней следовали Самарская, Казанская и Симбирская.

Видное место в промышленности по обработке продовольственных продуктов занимало винокуренное и спирто-водочное производство, за ним шли маслобойное, свеклосахарное, пивоваренное.

Второе место в фабрично-заводской промышленности губерний Среднего Поволжья принадлежало предприятиям по обработке продуктов животноводства — производству стеариновых свечей, олеина и глицерина (г. Казань), кожевенному производству (главным образом Казанская губ.), салотопенному и свечносальному (Самарская губ.), мыловаренному производству (Казанская губ.), скорняжному и овчинному (Казанская и отчасти Саратовская губ.), костемольному и костеобжигательному производству (Самарская губ.).

Третьей наиболее крупной отраслью была промышленность по обработке шерсти. Здесь на первом месте стояла Симбирская губерния, где в конце XIX века насчитывалась 21 суконная фабрика с 9110 рабочими. Они давали 70 проц. всей продукции суконной промышленности Среднего Поволжья.

На четвертом месте по объему выпускаемой продукции находилась промышленность, связанная с обработкой дерева. Она была развита во всех губерниях Среднего Поволжья, причем самое видное место принадлежало лесопильному производству. В губерниях Среднего Поволжья насчитывалось тогда 135 лесопильных заводов с 4740 рабочими. Наибольшее количество заводов было расположено в Казанской (47) и в Саратовской (39) губерниях.

Наконец, пятое место по объему продукции в губерниях Среднего Поволжья занимала к началу первой русской революции промышленность, занятая обработкой металлов, производством машин, станков, строительством и ремонтом речного флота. Эта отрасль была развита, главным образом, в Саратовской и Казанской губерниях. В Саратовской было тогда 28 различных

[1] «Россия...», под ред. В. П. Семенова, т. VI, стр. 256.

предприятий этого типа с 1540 рабочими, в Казанской — 27 с 1265 рабочими[1].

В Среднем Поволжье были относительно развиты и другие отрасли промышленности, например обработка минеральных веществ и керамическое производство. Эти отрасли были представлены к началу XX века 116 предприятиями с 3200 рабочими[2].

Далее, в Среднем Поволжье действовали в конце XIX века 42 хлопчатобумажные фабрики, 26 предприятий по переработке льна и пеньки, 61 предприятие химической промышленности[3].

Заканчивая краткую характеристику промышленности Среднего Поволжья, отметим ее некоторые особенности.

Во-первых, подавляющее большинство промышленных предприятий было расположено в сельских местностях и обслуживалось, главным образом, безземельными и малоземельными крестьянами. В Саратовской губернии в 1904 г. из 9940 предприятий 9150 находились в сельских местностях[4]. В Самарской губернии в 1905 г. из 1533 предприятий только 229 находилось в городах, а остальные 1304 —в сельских местностях[5]. Точно такая же картина наблюдалась в Симбирской и Казанской губерниях.

Как отмечает В. И. Ленин, переселение фабрик и заводов в деревню показывало, что капитализм, преодолевая всевозможные трудности, которые ставила ему сословная замкнутость крестьянской общины, извлекал для себя пользу из этой замкнутости, приобретая в деревне дешевую рабочую силу. «Мужика не пускают на фабрику, — фабрика идет к мужику. Мужик не имеет полной свободы (благодаря круговой поруке и стеснениям выхода из общины) искать себе самого выгодного нанимателя, а наниматель прекрасно умеет отыскивать самого дешевого рабочего»[6].

---

[1] Данные заимствованы из кн. «Россия...», под ред. В. П. Семенова, стр. 245—267.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Г. Саар. Саратовская промышленность в 90-х и в начале 900-х гг. Саратов, 1928, стр. 10—11.

[5] Адрес-календарь Самарск. губ. на 1907 г. Изд. губ. статист. комитета, 1907, стр. 66.

[6] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 459—460.

Однако большое сосредоточение промышленности в сельской местности несло с собой не только экономические выгоды капиталистам. Эта особенность в развитии русского капитализма в пореформенный период объективно сыграла огромную положительную роль и в развитии освободительного движения крестьян, которое возглавлялось молодым и самым революционным классом российского общества — пролетариатом.

Возникновение рабочего класса в сельской местности оказало, как увидим позднее, огромное влияние на политическое воспитание крестьянства, на развитие классовой борьбы в деревне, на вовлечение широких крестьянских масс в активное политическое движение в период первой русской революции.

Во-вторых, подавляющее большинство промышленных предприятий носило мелкий, нередко полукустарный характер. Достаточно сказать, что на 1870 фабриках и заводах Среднего Поволжья, по данным переписи 1897 г., было занято лишь 60 тыс. рабочих[1].

По отдельным наиболее решающим отраслям производства рабочие распределялись так[2]:

Таблица 17

Наименование производств	Число рабочих в них	Из них		
		женщин	подростков	детей
Хлопчатобумажное	444	2	—	—
Шерстяное	13920	2670	1298	447
Льняное, пеньковое и проч.	2836	727	216	52
Обработка дерева	5620	19	62	12
Обработка металлов	4370	—	270	152
Обработка минералов и керамика	4560	233	580	423
Обработка продуктов животноводства	5540	934	206	3
Обработка пищевых продуктов	14690	479	394	59
Химические производства	980	176	135	14
Всего	52960	5240	3161	1162

1 См. «Россия...», под ред. В. П. Семенова, стр. 254—264.

2 Таблица составлена на основании данных кн. «Россия...», под ред. В. П. Семенова, стр. 265.

Среднее количество рабочих на указанных предприятиях равнялось тогда лишь 32 человекам. Например, в Саратовской губернии к концу XIX века насчитывалось четыре десятка предприятий по производству химической продукции, в которых работало всего 428 человек, или в среднем около 11 человек на предприятии[1]. Подобную же картину представляли в своей массе и все другие отрасли производства, связанные с переработкой продукции сельского хозяйства.

Мелкая промышленность играла тогда доминирующую роль как по количеству предприятий, числу рабочих, так и по объему вырабатываемой продукции. Подобное соотношение между крупной и мелкой промышленностью сохранялось и к началу первой русской революции, хотя процесс концентрации производства в Среднем Поволжье шел в начале XX века очень быстрым темпом.

Так, в Саратовской губернии, по данным губернской статистики, в 1891 г. числилось 7143 предприятия с числом рабочих в них 19 069 и суммой выработанной продукции в 22 145 тыс. руб. За 14 последующих лет здесь произошли значительные изменения. В 1904 г. число промышленных предприятий увеличилось до 9940, число рабочих выросло до 51 869 и объем выработанной продукции в денежном выражении достиг 54 532 тыс. рублей[2].

Следует учесть, что губернские отчеты того времени в число «фабрик» и «заводов» включали десятки тысяч мелких сельскохозяйственных и кустарных заведений, в связи с чем в значительной степени затрудняется точный вывод о степени концентрации производства. Однако приведенные цифры свидетельствуют о том, что этот процесс шел довольно быстро.

С 1891 по 1904 г. число промышленных заведений в Саратовской губернии увеличилось лишь на 2797, или на 39 проц., тогда как количество рабочих за это время возросло на 32 800 человек, или на 172 проц., и общий объем выработанной продукции увеличился на 32 387 тыс. руб., или на 146 проц.[3]

Быстро развивалась концентрация промышленности

---

[1] См. «Россия...», под ред. В. П. Семенова, стр. 264.

[2] Г. Саар. Саратовская промышленность в 90-х и в начале 900-х гг. Саратов, 1928, стр. 10.

[3] Там же.

и рабочего класса и в других губерниях Среднего Поволжья. Так, в Самарской губернии за четверть века перед революцией число промышленных предприятий увеличилось на 937, или на 157 проц., количество рабочих — на 8373 человека, или на 160 проц., и объем выработанной продукции в денежном выражении возрос на 337 проц.[1]

В Среднем Поволжье, как в типичном аграрном районе России, процесс развития крупной капиталистической промышленности шел значительно медленнее, чем, например, в московском экономическом районе. Однако развитие судоходства на Волге и ее притоках (Каме, Оке и др.), строительство железнодорожных линий и т. д. в значительной мере способствовали развитию металлургической промышленности, а также созданию крупных предприятий по строительству и ремонту речных судов, производству разного рода машин, станков и моторов.

Так, если в Саратовской губернии в 1891 г. не было ни одного предприятия с количеством рабочих свыше 500 человек, то накануне революции 1905 г. их стало уже пять. При этом на сталелитейном заводе «Урал-Волга» в г. Царицыне работало 1600 человек, на чугунолитейных предприятиях — около трех тысяч. В железнодорожных мастерских было занято свыше трех тысяч рабочих, на паровых мельницах — свыше 7 тысяч[2].

Несколько крупных предприятий было создано накануне революции и в Казанской губернии. К ним относились механический и чугунолитейный заводы Свешникова и Либихта, казенный химический завод и химический завод Ушакова, крупные фабрики и заводы Алфузова, стеарино-мыловаренный завод Крестовникова.

Крупными предприятиями были накануне революции и фабрики по выработке сукон в Симбирской губернии. На 22 суконных фабриках работало тогда 10 926 рабочих, или в среднем по 500 человек на каждом предприятии[3].

Таким образом, к началу революции 1905 г. в промышленности Среднего Поволжья работало уже около

---

[1] Госархив Куйбышевск. обл. (в дальнейшем — ГАКО). Отчет самарск губернатора за 1879 г. Адрес-календарь Самарск. губ. на 1907 г. Изд. губ. статист. комитета, стр. 55.

[2] Г. Саар. Саратовская промышленность в 90-х и в начале 900-х гг. Саратов, 1928, стр. 28.

[3] ГАУО, ф. 76. Статист. обзор Симбирск. губ. за 1905 г.

100 тыс. рабочих, из которых примерно 30 проц. были заняты на крупных предприятиях[1].

Следует отметить, что доля национального капитала в развитии крупной капиталистической промышленности в губерниях Среднего Поволжья далеко не соответствовала проценту национального состава населения. Татарский капитал находил свое применение, главным образом, в торговле и отчасти в развитии предприятий по переработке сырья для текстильных фабрик и по переработке пищевых и животных продуктов.

В Татарии только фабрики Алфузова, Крестовникова, Свешникова относились к крупной капиталистической промышленности, а у мордовского, чувашского и других народов Среднего Поволжья крупной промышленности почти совсем не было. Вот почему у этих народов (за исключением татарского) почти отсутствовал и свой национальный рабочий класс.

В заключение необходимо сказать о положении рабочего класса в Среднем Поволжье. Условия труда были тогда каторжные, заработная плата нищенская, жилищные условия невыносимые. На большинстве предприятий рабочий день длился 12—14 часов. Булочники Казани работали от 15 до 18 часов в сутки, имея лишь три дня отдыха в году[2]. Охрана труда почти отсутствовала.

Насколько тяжелыми были условия жизни рабочих, видно из получаемого ими заработка. По данным губернской статистики и другим печатным источникам, в частности газетам, заработок подавляющего большинства не превышал 7—8 руб. в месяц. И только наиболее квалифицированная, причем незначительная часть рабочих, занятых на чугунолитейных и металлообрабатывающих предприятиях, получала от 20 до 28 руб. ежемесячно.

Сравнительно высокий заработок имела квалифицированная часть типографских рабочих (20—23 руб.). В текстильной промышленности заработок был значительно ниже. Так, рабочие Ишеевской суконной фабрики (под Симбирском) получали: мужчины от 5 до 15 руб., женщины — от 4 до 8 руб. в месяц. В Казани, на фабрике Ал-

---

[1] В указанное число не входят рабочие, занятые в мелких кустарных предприятиях.

[2] Сб. документов «Революционное движение в Татарии в 1905 — 1907 гг.». Татиздат, 1957, стр. 4—5.

фузова, прядильщик получал 11—13 руб., а работающие на приготовительных машинах — от 6 до 7 руб. в месяц[1]. Этот заработок был примерно в два раза ниже того нищенского заработка, который получали в среднем рабочие России.

В. И. Ленин в статье «Заработки рабочих и прибыль капиталистов в России» указывает, что среднемесячный заработок рабочего равнялся в начале XX века 20 руб. 50 коп. Он писал: «Если принять во внимание, что на такую сумму приходится содержать семью, — и это при теперешней дороговизне квартир и жизненных припасов,— то подобную плату нельзя не назвать нищенской»[2].

На жизненном уровне сказывалась тогда не только высокая стоимость жилья, одежды, обуви и продовольствия. Рабочие, как правило, брали продукты питания в кредит в фабричных лавках, а потом расплачивались за них втридорога. Кроме того, их заработки сильно снижались в результате применения штрафов. Так, например, по данным фабричной инспекции, работавшие на «Саратовской мануфактуре» 628 человек были оштрафованы мастерами в 1903 г. 1842 раза, в 1904 г. — 1938 раз[3].

Отсутствие охраны труда на предприятиях приводило к массовым заболеваниям, несчастным случаям и нередко к гибели рабочих. Количество несчастных случаев на предприятиях Саратовской губернии росло из года в год. Так, с 1901 по 1902 г. число несчастных случаев увеличилось на 70 проц., с 1903 по 1904 г. — на 95 проц.[4]

Вот что писал фабричный инспектор 4-го участка Яроцкий об условиях труда на Вольских цементных заводах: «Рабочие здесь страдают от повреждения спинных хребтов, болеют грыжей, страдают от болезней легких. Работа у ярко освещенных печей производится без очков... Рабочие, имеющие дело со щелочами, не снабжены даже голицами. Устройства для омывания рук не существует, в результате имеют место массовые заболевания — нарывы, увечья пальцев и кистей рук»[5].

---

[1] Сб. документов «Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг.». Татиздат, 1957, стр. 5.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 233.

[3] ГАСО, Своды отчетов фабричных инспекторов за 1906 г., стр. 77.

[4] ГАСО, ф. ст. фабричного инспектора, 1904 г., д. 7, стр. 30.

[5] Там же, стр. 13.

В очень тяжелом положении оказался рабочий класс России, когда разразился экономический кризис 1900—1903 гг., в результате чего было закрыто до трех тысяч предприятий и выброшено на улицу свыше 100 тыс. человек. Голодные толпы бродили по улицам, не имея возможности заработать на кусок хлеба. Экономическое угнетение пролетариата приняло в те годы чудовищные размеры. Многие рабочие вынуждены были идти в наем только ради хозяйских харчей[1].

Пролетариат России был политически совершенно бесправен. Профессиональных союзов не существовало. Закон стоял на стороне капиталистов и помещиков, охраняемых полицейской силой. Отмечая тяжелые условия жизни пролетариата, В. И. Ленин писал: «На русском рабочем классе лежит двойной гнет: его обирают и грабят капиталисты и помещики, а чтобы он не мог бороться против них, его связывает по рукам и по ногам полиция, затыкая ему рот, преследуя всякую попытку отстоять права народа»[2].

Но рабочие не мирились с положением, в котором они находились по воле капиталистов и царского правительства. Они нередко поднимались на борьбу против своих угнетателей, требовали введения в России 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, установления демократических свобод.

Особенно острая борьба рабочих за свое социальное и политическое освобождение развернулась в годы первой русской революции. Пролетарии Поволжья выступили в ней как боевой отряд единой армии рабочего класса России.

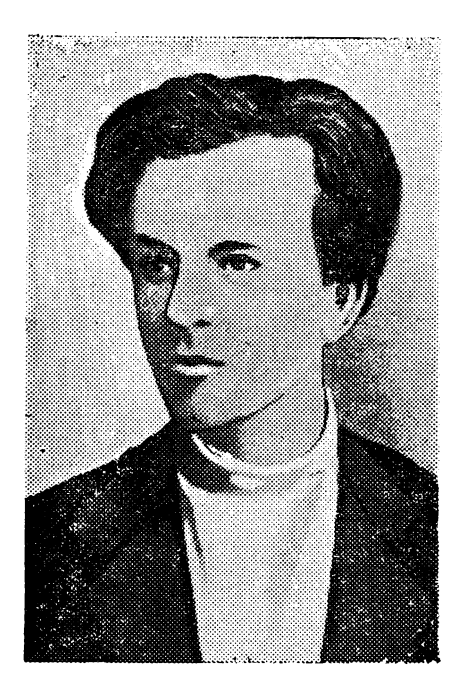
3. Формирование большевистских организаций в губерниях Среднего Поволжья

Длительное господство феодально-крепостнических порядков отрицательно сказалось не только на экономике страны, но и на общественном развитии. До начала XX века в России не было политических партий, не существовало и профессионального движения. Политиче-

---

[1] С. С. Дмитриев. Хрестоматия по истории СССР. Т. 3. Учпедгиз, М., 1948, стр. 464.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 193.

ское воспитание народа, как отмечал В. И. Ленин, было крайне ничтожным.

Н. Е. Федосеев
(в 1888—1889 гг.)

Первая русская марксистская организация — группа «Освобождение труда» появилась за границей в 1883 г. Однако, несмотря на это, она сыграла видную роль в распространении идей марксизма, в подготовке революционных кадров в России. На таких произведениях Плеханова, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»,— отмечал В. И. Ленин,— «воспиталось целое поколение русских марксистов»[1].

Г. В. Плеханов был выдающимся пропагандистом марксизма. Благодаря его неутомимой работе в России уже с середины 80-х годов начали возникать первые марксистские организации: благоевская «Партия русских социал-демократов» (1884—1887 гг.), «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» Точисского (1885—1888 гг.), брусневская социал-демократическая группа (1888—1892 гг.) и другие.

Такого типа организации создавались в это время и в губерниях Среднего Поволжья. Первые марксистские кружки в Казани возникли в 1887 г. Организатором их был крупный революционер и образованнейший мар-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 243.

ксист своего времени Н. Е. Федосеев. В работе одного из кружков Н. Е. Федосеева некоторое время[1] принимал участие В. И. Ленин.

В Казани В. И. Ленин впервые включился в революционную работу. Здесь, в ночь с 4 на 5 декабря 1887 г., его арестовали, исключили из университета, и 7 декабря того же года он отбыл в первую свою ссылку, в деревню Кокушкино Черемышевской волости Лаишевского уезда Казанской губернии.

Но марксистские кружки Н. Е. Федосеева вели свою работу в Казани недолго. В июле 1889 г. они были разгромлены царской полицией, а многие участники их, в том числе и Н. Е. Федосеев, — арестованы[2]. В. И. Ленин 3 мая 1889 г. выехал с семьей из Казани на постоянное жительство в Самарскую губернию и только поэтому избежал ареста.

Однако растущее рабочее движение выдвинуло на арену политической борьбы новую большую группу мужественных борцов с самодержавием. Жандармерия еще не успела получить от царского правительства награды за проявленное ранее усердие, как в Казани возникает ряд новых кружков, руководящую роль в которых играли

---

[1] В. И. Ленин жил в Казани дважды: первый раз — с июня по декабрь 1887 г., когда учился на юридическом факультете Казанского университета; второй раз — с октября 1888 г. по май 1889 г. по возвращении из Кокушкинской ссылки. В этот, второй, период своего пребывания в Казани В. И. Ленин и принимал участие в работе одного из федосеевских кружков.

[2] Б. Волин в книге «Ленин в Поволжье» на стр. 74 пишет, что Н. Е. Федосеев за 10 лет своей марксистской революционной деятельности всего лишь около года находился на свободе. Все остальное время он провел в тюремных одиночках Казани, Петербурга, Владимира, Москвы. Три года Н. Е. Федосеев пробыл в Сольвычегодской ссылке (в бывшей Вологодской губернии) и трагически погиб в 1898 г. в Верхоленске (Восточная Сибирь), куда был сослан на пять лет.

«...Для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, — пишет В. И. Ленин, — была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера» (Соч., т. 33, стр. 415).

ИСКРА

ИСКРА

Газета «Искра».

ближайшие сторонники В. И. Ленина Н. Э. Бауман[1] и А. М. Стопани[2].

Марксистские кружки Н. Э. Баумана и А. М. Стопани[3] развернули широкую пропагандистскую работу среди рабочих и студенческой молодежи города. Из состава этих кружков и была создана в 1899 г. социал-демократическая организация. Сначала она действовала как группа, а накануне второго съезда партии, в январе 1903 г., в Казани был оформлен комитет РСДРП, кото-

---

[1] Н. Э. Бауман родился в 1873 г. и до 1895 г. жил в Казани. В начале 90-х гг. учился в Казанском ветеринарном институте. Состоял членом петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Позднее стал активным работником русской организации «Искры».

[2] А. М. Стопани в начале 90-х гг. XIX в. учился в Казанском университете. Позднее — активный работник русской организации «Искры».

[3] Социал-демократические кружки Н. Э. Баумана и А. М. Стопани действовали в Казани с 1892 г. См. документальный сборник «Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг.». Казань, 1957, стр. 6.

рый с первых же шагов своей деятельности твердо стал на позиции ленинской «Искры»[1].

В постановлении Казанского комитета РСДРП по этому поводу говорилось: «Признавая отсутствие между большинством комитетов и групп РСДРП как теоретического, так и практического единения, видя в этом громадный вред для дальнейшего развития в России социал-демократического дела, признавая в то же время только программу «Искры» вполне соответствующей чистоте социал-демократических принципов, а также учитывая практические потребности времени, считая, наконец, организацию «Искры» единственно могущей объединить все современные комитеты и группы под знаменем РСДРП, Казанский комитет постановляет признать без изменения программу «Искры» и считать ее, «Искру», своим руководящим органом»[2].

Старейший деятель большевистской партии Н. А. Семашко, работавший в Казанской организации РСДРП с 1898 по 1901 г., в своих воспоминаниях об этом периоде указывает, что первый номер «Искры» явился для них целым открытием. «Мы горячо обсуждали его в нашей организации... Пропаганда идей «Искры» стала для нас основной задачей в работе среди рабочих»[3].

В Казани действовало тогда несколько социал-демократических рабочих кружков. Н. А. Семашко пишет: «Благодаря искусству Н. К. Крупской мы получали дорогую для нас «Искру», напечатанную на папиросной бумаге, читали и изучали ее буквально до дырок и все, даже отдельные кусочки этой дорогой газеты ходили по рукам рабочих и читались ими взасос»[4].

Через широкую сеть агентов «Искра» доставлялась во все города Среднего Поволжья. Н. А. Бауман в октябре 1901 г. сообщал в редакцию: «Если у меня будет в достаточном количестве товара[5], то могу удобно доставлять в Нижний, Казань, Самару... Со всеми этими пунктами установлены способы доставки»[6].

---

[1] См. «Искра» № 35, 1 марта 1903 г.

[2] Там же.

[3] «Пути революции» № 2, 1922 г., стр. 17—18.

[4] Н. А. Семашко. Клочки воспоминаний (От зари революции до ее рассвета). Изд. «Молодая гвардия», М., 1930, стр. 26.

[5] Имеется в виду газета «Искра» и другая нелегальная литература.

[6] «Пролетарская революция» № 1, 1939 г., стр. 226.

Несколько позднее, в 1903 г., при активном участии С. М. Кирова, который начал тогда в Казани свою революционную деятельность, здесь была создана подпольная типография[1]. Сохранившиеся большевистские листовки того периода свидетельствуют, что Казанский комитет вел большую работу по мобилизации рабочих масс на борьбу против фабрикантов и заводчиков, по идейному воспитанию пролетариата как руководителя общедемократического освободительного движения трудящихся масс города и деревни.

Влияние большевиков на массы особенно усилилось после второго съезда РСДРП, когда Казанский комитет развернул борьбу с меньшевиками и резко повысил уровень всей своей деятельности. Однако отсутствие мощного индустриального пролетариата в губерниях Среднего Поволжья затрудняло эту борьбу. Господство мелкого производства в экономике района создавало благоприятную почву для распространения мелкобуржуазного оппортунизма. В рядах социал-демократов Среднего Поволжья, в том числе и в казанской организации, было много сторонников меньшевизма, которые временами брали верх и сбивали комитеты с правильных, ленинских, позиций.

В качестве примера можно привести то, что Казанский комитет РСДРП, стоявший перед II съездом и некоторое время после съезда на идейных и организационных позициях ленинской «Искры», начал в 1904 г. проявлять колебания в сторону примиренчества с меньшевизмом. Комитет отказался признать руководящим органом партии созданную В. И. Лениным большевистскую газету «Вперед», долгое время не поддерживал предложение В. И. Ленина о немедленном созыве III съезда партии.

Дезорганизаторская деятельность меньшевиков сыграла свою пагубную роль, между прочим, и в том, что, когда 20 января 1905 г. рабочие алфузовских предприятий в Казани объявили стачку братской солидарности с питерским пролетариатом, поднявшимся на революцию, эта стачка не превратилась во всеобщую.

В. И. Ленин, внимательно следивший за развитием событий в России, принимал все меры к тому, чтобы местные социал-демократические организации правильно

[1] М. М. Ланьшакова. Большевики Казани в революции 1905—1907 гг. Автореферат. МГУ, 1950, стр. 5—6.

поняли свою роль в начавшейся революции. Не осталось без внимания Владимира Ильича и состояние дел в казанской организации.

В середине февраля 1905 г. по рекомендации В. И. Ленина из Костромы в Казань переезжает для постоянной работы Я. М. Свердлов, который с помощью И. А. Саммера, Н. И. Дампера, В. М. Лихачева, Х. М. Ямашева, А. С. Кулеша, В. В. Адоратского, Н. Н. Накорякова быстро добивается ликвидации влияния меньшевиков на работу Казанского комитета РСДРП[1]. 20 марта последний принимает резолюцию, в которой высказывается за предложение В. И. Ленина о необходимости созыва III съезда[2]. Делегатом от казанской организации был послан стойкий большевик И. А. Саммер, избранный на съезде в состав Центрального Комитета.

Что касается казанских меньшевиков, то после III съезда их лидеры не только не прекратили своей дезорганизаторской деятельности, а еще шире развернули ее. Отказавшись признать законность съезда и его решения, они образовали из своих единомышленников так называемую «казанскую группу РСДРП». Однако эта группа была малочисленной и сколько-нибудь серьезной роли не играла.

После III съезда РСДРП и особенно после опубликования работы В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», на страницах которой оппортунизм меньшевиков подвергся уничтожающей критике, положение в казанской организации значительно улучшилось. Это незамедлительно сказалось на росте рядов большевистской организации. Летом 1905 г. в Казани были созданы три районные организации: Алфузовская (объединявшая, главным образом, рабочих алфузовских предприятий), Первая городская и Вторая городская (крестовниковская, объединявшая, главным образом, рабочих предприятий Крестовникова). Появились две уездные организации (в Козьмодемьянске и Чистополе). При Казанском комитете РСДРП летом 1905 г. была создана Окружная группа, ведавшая работой среди крестьян.

---

[1] Документальный сборник «Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.». Казань, 1955, стр. 13.

[2] «Искра» № 96, 5 апреля 1903 г.

Иной оказалась обстановка в Самаре, сложившаяся там к концу 80-х годов. Среди прогрессивной части населения, главным образом интеллигентской, преобладала народническая идеология. Ее антимарксистское направление находило свое отражение и в деятельности революционных кружков того времени. Именно такую обстановку и застал в Самаре В. И. Ленин, когда он в октябре 1889 г. прибыл сюда с хутора близ деревни Алакаевки Самарской губернии, где находился с первых чисел мая 1889 г. после выезда вместе с семьей из Казани[1].

Под влиянием В. И. Ленина, который упорно работал над овладением революционной теорией и уже тогда в совершенстве знал основные произведения Маркса и Энгельса, на сторону марксизма переходит руководитель одного из народнических кружков А. П. Скляренко[2], а немного поздней на позиции марксизма стала и значительная часть революционной молодежи Самары, ранее принадлежавшая к народническим кружкам[3]. Одним из ближайших соратников В. И. Ленина по работе в Самаре летом 1893 г. стал И. Х. Лалаянц[4].

В результате непримиримой борьбы с народнической идеологией В. И. Ленину удается в 1892 г. создать в Самаре первые социал-демократические кружки. Владимир Ильич считал работу в самарских кружках началом своей самостоятельной революционной деятельности. В анкете делегата X съезда РКП(б) на вопрос, принимал ли участие в революционном движении до 1917 г., В. И. Ленин ответил: «1892—1893 гг. Самара. Нелегальные кружки с.-д.»[5]

В своих воспоминаниях М. И. Семенов (М. Блан) пишет: «Как сейчас вижу невысокую, крепкую фигуру Владимира Ильича в косоворотке и коротком сером пиджаке.

---

[1] Б. Волин. Ленин в Поволжье. Госполитиздат, М., 1956, стр. 81.

[2] А. П. Скляренко, ровесник В. И. Ленина, за революционную деятельность был исключен из Самарской гимназии, отбывал заключение в петербургской тюрьме — «Крестах». Был одним из самых близких соратников В. И. Ленина по революционной работе в г. Самаре.

[3] Б. Волин. Ленин в Поволжье. Госполитиздат, М., 1956, стр. 90.

[4] И. Х. Лалаянц до лета 1893 г. был активным работником социал-демократической организации в г. Казани.

[5] «Ленинский сборник», т. XX, стр. 51.

В. И. ЛЕНИН.

В студенческие годы. Самара. 1890 г.

Он спокойно усаживается за стол, вынимает из кармана небольшую тетрадку — свою рукопись[1] и начинает читать вслух.

...Владимир Ильич принес нам новое откровение — марксистское истолкование вопросов экономики, истории и политики. Особенно убийственной и неожиданной для его противников в дискуссиях была классовая теория, при помощи которой быстро и просто раскрывался истинный смысл таких понятий, как «народ», «благо народа», «все для народа и все через народ».

...Наш кружок стал привлекать общее внимание не только в Самаре, но и во всем Среднем и Нижнем Поволжье. Послушать новое учение и противопоставить ему старые догматы народничества приезжали из Саратова, Казани и других поволжских городов»[2].

В. И. Ленин прожил в Самаре свыше четырех лет. Здесь он не только выработал свои марксистские взгляды, но и подготовил целую группу стойких, воинствующих марксистов, которые после его отъезда летом 1893 г. в Петербург успешно продолжали начатую им работу по распространению марксизма и вовлечению новых людей в революционную организацию.

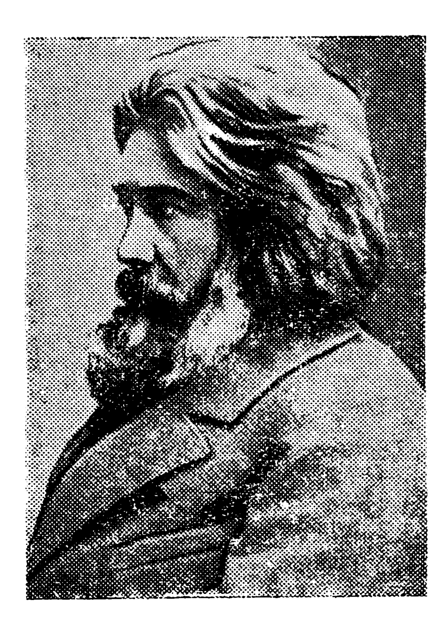
В 1895 г. на ряде самарских предприятий (в типографиях, железнодорожных мастерских, на паровых мельницах) возникли новые марксистские кружки из рабочих. Однако массовые аресты 1896 г. вырвали из их рядов наиболее активную часть работников и этим нанесли огромный ущерб социал-демократической организации.

Летом 1900 г., возвращаясь из сибирской ссылки, где он находился в течение трех лет по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», В. И. Ленин посетил Самару. Здесь он восстановил свои старые подпольные связи (с В. П. Арцыбушевым, А. П. Поповым, М. И. Ульяновой и другими), познакомил их со своим планом создания пролетарской партии нового типа и создал организацию по распространению газеты «Ис-

---

[1] В. И. Ленин написал в Самаре свою первую научную работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», а также сделал первые наброски книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Отдельные части этой работы В. И. Ленин читал на занятиях марксистского кружка.

[2] М. И. Семенов (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов. Куйбышев, 1940, стр. 50.

В. П. Арцыбушев

кра», первый номер которой вышел, как известно, за границей в декабре 1900 г.

С выходом ленинской газеты Самара становится надежным опорным пунктом искровской организации в России. Особенно большое оживление в деятельности самарских «искровцев» началось после приезда сюда в январе 1902 г. Г. М. Кржижановского — верного соратника В. И. Ленина по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» и товарища по сибирской ссылке.

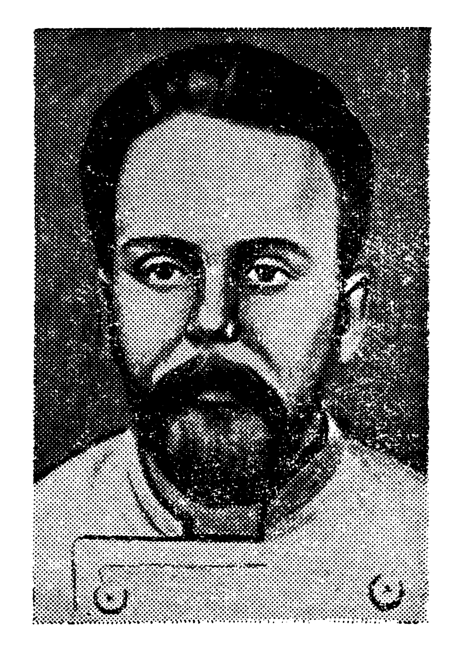
В воспоминаниях о самарском периоде работы Г. М. Кржижановский пишет: «Вскоре после приезда (в Самару. — **И. Ш.**) мы устроили, так сказать, учредительное организационное совещание, на котором, кроме самарцев, присутствовали и лица, находящиеся в Самаре проездом[1]. На этом совещании решено было сделать Самару[2] центральным опорным пунктом «искровских» ор-

[1] Совещание состоялось в конце января 1902 г. На нем присутствовали Г. М. Кржижановский, его жена З. П. Невзорова, М. И. Ульянова, В. П. Арцыбушев, Ф. В. Ленгник, Р. С. Землячка, П. Н. Лепешинский, Г. И. Окулов, Анна Ильинична и Дмитрий Ильич Ульяновы. К сожалению, полный состав этого «искровского» совещания в Самаре до сих пор неизвестен. Об этом периоде жизни Самарской организации РСДРП подробно рассказывается в сборнике «Старый большевик» № 3 (6), май—июнь 1933 г.

[2] Через Самару проходила ж.-д. магистраль, связывавшая центр России с Уралом и Сибирью, летом все города Поволжья сообщались между собою при помощи водного транспорта. Кроме того, в Самаре находилось много испытанных кадров «искровского» направления.

ганизаций, создать специальный аппарат для сношений с заграницей, наладить транспорт»[1].

Когда эти радостные вести дошли из Самары до В. И. Ленина, который находился тогда в эмиграции, он пришел в неописуемый восторг. В его письме к Г. М. Кржижановскому говорилось: «Ваш почин нас страшно обрадовал. Ура! Шире забирайте. И орудуйте самостоятельнее, инициативнее—вы первые начали так широко. Значит, и продолжение будет успешно»[2].

Г. М. Кржижановский.

Созданное в Самаре Бюро русской организации «Искры», в состав которого входили Г. М. Кржижановский, З. П. Невзорова, М. И. Ульянова, сыграло огромную роль. Под влиянием этой организации на сторону В. И. Ленина и созданной им общерусской политической газеты «Искры» в 1902 г. перешли все социал-демократические комитеты Поволжья и многих других городов Центральной части России. Успех Бюро русской организации помог В. И. Ленину обеспечить идейный разгром «экономизма».

Насколько плодотворной была работа самарских «искровцев», видно из того, что здесь к весне 1902 г. организовалось несколько новых социал-демократических кружков, главным образом на предприятиях. Создание этих кружков помогло в начале августа 1902 г. образовать Самарский комитет РСДРП. В него вошли профессио-

---

[1] Г. М. Кржижановский. Воспоминания. Партархив Куйбышевской области, ф. 2, д. 12, лл. 1—2.

[2] «Ленинский сборник», т. VIII, стр. 221.

нальные революционеры В. П. Арцыбушев и А. С. Александров, рабочие Мещеряков, Веселов, Артамонов[1].

С образованием комитета деятельность социал-демократов Самары приобрела более наступательный характер. Была создана подпольная типография, в которой печатались революционные листовки и другая социал-демократическая литература. Из донесений жандармского управления видно, что с марта по ноябрь 1903 г. Самарский комитет РСДРП издал и распространил среди городского и сельского населения тысячи листовок 45 наименований[2].

В самарской, как и в казанской организации РСДРП шла острая борьба с меньшевиками. Здесь внутрипартийное положение после II съезда резко осложнилось. Неоднократные массовые аресты большевиков и выезд из Самары, по указанию В. И. Ленина, для работы в других организациях таких видных деятелей партии, как М. И. Ульянова, Г. М. Кржижановский, З. П. Невзорова, облегчили меньшевикам их подрывную деятельность. Во второй половине 1904 г. меньшевикам на время удалось даже захватить в свои руки руководство комитетом.

Борьба с меньшевиками осложнялась и тем обстоятельством, что находившееся в Самаре Восточное бюро ЦК РСДРП оказалось после съезда. «примиренческим болотом»[3]. Здесь только В. П. Арцыбушев[4], стоявший во главе Восточного бюро, и А. А. Преображенский активно защищали ленинскую линию.

Однако с наступлением революции роль меньшевиков начала заметно снижаться. Передовая часть рабочих стала решительно порывать с ними. Это особенно чувствовалось в Самаре во время январской всеобщей политической стачки. Уже в феврале 1905 г. в Самарском комитете РСДРП преобладало большевистское влияние[5].

---

[1] См. Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1960, стр. 41.

[2] ГАКО, ф. 8, оп. 1, д. 279, лл. 40, 211.

[3] Документальный сборник «Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1955, стр. 9.

[4] В. П. Арцыбушева в большевистском подполье называли «старик», «генерал», «самарский Маркс». В. П. Арцыбушев умер в Уфе в 1917 г.

[5] К большевикам принадлежали в Комитете П. И. Воеводин, А. А. Буянов, В. Д. Кузнецов, к меньшевикам — В. М. Потоцкий, С. М. Гуревич.

Активную борьбу с меньшевиками вели тогда В. П. Арцыбушев, П. И. Воеводин, А. А. Преображенский, А. А. Буянов, Д. А. Протопопов, В. Д. Кузнецов, Н. Н. Накоряков.

Тогда же комитет принял резолюцию о необходимости немедленного созыва III съезда партии. В ней говорилось: «Принимая во внимание остроту переживаемого момента, Самарский комитет большинством трех голосов против двух высказался за съезд, видя в нем единственный способ прекращения дезорганизации партийной работы. Он выражает свое доверие организационному комитету (Бюро комитетов большинства), высказывая желание, чтобы в случае согласия Центрального Комитета организационный комитет передал ему свои полномочия по организации съезда»[1].

Несмотря на то, что борьба между большевиками и меньшевиками после III съезда продолжала обостряться[2], положение дел в самарской организации значительно улучшилось. Избранный на съезде большевистский Центральный Комитет создал в Самаре новое Восточное бюро ЦК РСДРП, которое уже с осени 1905 г. развернуло в районах Поволжья и Урала большую работу[3]. У него была своя подпольная типография и оно в больших количествах печатало и широко распространяло большевистскую литературу (брошюры, листовки, газеты). Восточное бюро обслуживало 17 комитетов РСДРП Поволжья и Урала.

Неоценимую помощь самарским большевикам оказал выход в свет работы В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». С ростом их влияния росла численно и закалялась идейно самарская организация. Летом 1905 г. в Самаре существовали три районные организации: Механическая (объединявшая рабочих-металлистов), Железнодорожная (объединявшая рабочих железнодорожной станции, депо и мастерских) и Городская. Руководящая роль в Самарском ко-

---

[1] «Вперед» № 14, 12 апреля (30 марта) 1905 г.

[2] М. Н. Лядов в воспоминаниях об этом периоде жизни самарской организации РСДРП указывает, что большевики и меньшевики состояли в организациях вместе, число тех и других было приблизительно равное. Между большевиками и меньшевиками шла острая борьба. См. Архив ИМЛ, ф. 26, оп. 27, д. 49—20082, л. 1.

[3] «Пролетарий» № 10, 20 июля (2 августа) 1905 г.

митете принадлежала большевикам. В нем работали тогда Н. Е. Вилонов (Михаил Заводский)[1], В. Д. Кузнецов, П. И. Воеводин, Д. А. Протопопов, Р. Н. Дмитриев.

Значительно слабей было влияние большевиков в деревне. Летом 1905 г. из семи уездов губернии только в четырех (Бугурусланском, Бузулукском, Николаевском и Ставропольском) существовали в самих уездных центрах немногочисленные социал-демократические группы. Не более десятка социал-демократических кружков работало непосредственно в селах.

В еще более сложной обстановке шел процесс становления саратовской большевистской организации. Создание социал-демократических рабочих кружков в Саратове началось несколько позже, чем в таких городах Поволжья, как Самара, Казань и Нижний Новгород. Один из активных участников первых социал-демократических кружков А. Станчинский в своих воспоминаниях указывает, что социал-демократическое движение в Саратове началось примерно со второй половины 90-х годов прошлого века[2].

До указанного периода здесь безраздельно господствовала народническая идеология. Саратовская губерния была одним из основных районов их «бунтарской» деятельности. Они не раз поднимали крестьян на восстания во второй половине XIX века, под их идейным руководством проходили массовые восстания и в 1902 г.

Осенью 1898 г. несколько рабочих кружков было объединено в единую Саратовскую социал-демократическую рабочую группу[3], которая просуществовала лишь один год. В августе 1899 г. группа была разгромлена, а ее актив арестован, осужден и отправлен в ссылку[4].

Интересы растущего рабочего движения требовали, чтобы у пролетариата была самостоятельная классовая организация, свой боевой политический руководитель.

---

[1] Это был еще совсем юноша: в 1905 г. ему исполнилось 22 года, однако он являлся уже вполне зрелым марксистом, стойким большевиком. Осенью 1905 г. Н. Е. Вилонов был избран председателем Самарского Совета.

[2] См. «Красный архив» № 2, 1939 г., стр. 166.

[3] Саратовский областной партийный архив (в дальнейшем — Саратовский облпартархив), ф. 199, д. 3, лл. 7—8.

[4] «Красный архив» № 2, 1939 г., стр. 171—172. Воспоминания одного из активных участников первой социал-демократической рабочей группы Саратова Н. И. Малинина.

Наступивший в 1900 г. промышленный кризис ознаменовался новым наступлением реакции на рабочий класс, на его и без того ничтожно малые экономические и политические права. Это обстоятельство заставило передовых рабочих ускорить объединение своих сил. Весной 1901 г. в Саратове образовался первый комитет РСДРП.

Следует отметить, что начавшиеся в конце XIX века идейный разброд и организационная неразбериха в социал-демократическом движении России не миновали и Саратова. Здесь гораздо больше, чем в каком-либо другом городе Среднего Поволжья, оказалось приверженцев оппортунистического течения «экономизма» и мелкобуржуазного народничества, возглавляемого лжесоциалистами-эсерами.

«Экономистам» удалось довольно глубоко пустить свои корни в рабочую массу. Достаточно сказать, что в Саратове наряду с комитетом РСДРП долгое время и независимо от него существовало несколько социал-демократических рабочих кружков, которые в 1901 г. имели даже свой нелегальный орган «Рабочую газету»[1], находившуюся под идейным влиянием «экономистов». Были в Саратове тогда же еще и так называемая «объединенка» (объединенная группа социалистов-революционеров и неустойчивых социал-демократов) и «Саратовский социал-демократический ремесленный союз».

В. И. Ленин, внимательно следивший за развитием социал-демократического движения в Поволжье, откуда он получал особенно много информации от своих старых, верных друзей по партии, рекомендовал Г. М. Кржижановскому энергичнее помогать становлению социал-демократических организаций и завоеванию местных комитетов РСДРП на сторону «Искры».

В письме от 6 мая 1902 г. на имя Г. М. Кржижановского, работавшего тогда в Самаре в качестве руководителя русской организации «Искры», В. И. Ленин требовал, чтобы твердые искровцы как можно быстрее вступали в местные социал-демократические комитеты и смелее

---

[1] Позднее «Рабочая газета» стала органом Саратовского комитета РСДРП, но в связи с тем, что она недостаточно решительно вела борьбу против «экономизма», решением комитета РСДРП в марте 1902 г. была закрыта. См. письмо Барамзина, ИМЛ, ф. 24, д. 28366, лл. 3—4.

брали руководство делом в свои руки. «...Ближайшая задача, — подчеркивал В. И. Ленин, — чтобы Курц[1] + Эмбрион[2] оба тотчас вошли в комитеты... Это — главная задача, ибо иначе нас неизбежно оттеснят: подчините все остальное этой задаче, помните о важнейшем значении Второго съезда!.. Итак: паки и паки: вступать в комитеты»[3].

Директивное указание В. И. Ленина было выполнено. Летом 1902 г. «Эмбрион» (Е. В. Барамзин) вступает в Саратовский комитет РСДРП, а осенью ему удается с помощью М. П. Голубевой, работавшей тогда секретарем Саратовского комитета РСДРП, и других сторонников ленинского направления, вошедших в комитет, развернуть широкую пропаганду книги В. И. Ленина «Что делать?» и на ее основе преодолеть идейный и организационный разброд в социал-демократических кружках Саратова[4]. В сентябре 1902 г. прекращают свое существование «объединенка» и «Саратовский социал-демократический ремесленный союз», а состоявшие в них социал-демократы объединяются в своей массе с Саратовским комитетом РСДРП[5].

В декабрьском (1902 г.) постановлении Саратовского комитета РСДРП говорилось: «Настала пора размежеваться и придать социал-демократическому движению организованность и стройность. Необходимо создать сильную своею сплоченностью и социальным единством социал-демократическую партию. Эта партия должна стать во главе русского рабочего класса и руководить его движением. Исходя из этой мысли, Саратовский комитет Российской социал-демократической рабочей партии полагает: группа «Искры» может быть тем ядром, вокруг которого следует сгруппироваться отдельным социал-демократическим ячейкам для организации и развития общероссийской социал-демократической партии. Поэтому Саратовский комитет считает необходимым признать

---

[1] «Курц» — Ф. В. Ленгник.

[2] «Эмбрион» — Е. В. Барамзин, работавший тогда в качестве представителя искровского центра в Саратове.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 80—81.

[4] В. И. Ленин высоко ценил позицию М. П. Голубевой, занятую ею в 1904 г. См. «Ленинский сборник», т. XV, стр. 222.

[5] Г. Ходаков. Очерки истории Саратовской организации КПСС. ч. 1, стр. 54.

«Искру» своим партийным органом и ставит себе в непременную обязанность помогать ей по мере сил»[1].

Об этой победе саратовские товарищи сообщили в «Искру» и получили ответ от секретаря редакции Н. К. Крупской, в котором было сказано: «Рады вашим письмам. То, что сообщаете, очень приятно. Теперь всюду в комитетах идет дифференцирование, сплачиваются единомыслящие, яснее формулируют свои программы, и благодаря этому все ненадежные элементы отпадают... В общем, можно теперь уже, кажется, считать несомненной победу искровского направления»[2].

Вместе с тем достигнутое осенью 1902 г. объединение социал-демократических элементов далеко не означало, что все члены саратовской организации твердо стали на искровские позиции. Часть тех, что состояли ранее в «объединенке», в «социал-демократическом ремесленном союзе» и кружках, находившихся под идейным руководством «экономистов», не сразу отказалась от своих немарксистских взглядов. Многие активные работники организации, в том числе и некоторые члены Саратовского комитета, по-прежнему продолжали в ряде вопросов вести оппортунистическую линию, уклонялись от «искровского» направления. Отдельные члены комитета (Гольденберг, Ободуев) после II съезда РСДРП заняли примиренческую позицию и этим наносили значительный ущерб деятельности комитета, нередко даже сбивали его с правильного пути.

Осенью 1904 г. руководство Саратовским комитетом РСДРП временно захватили меньшевики и примиренцы. Под влиянием меньшевиков Топуридзе, Ляховского, Сережникова и других в ноябре 1904 г. было принято ошибочное решение об участии в земской банкетной кампании. В Саратове был создан коалиционный комитет по руководству банкетной кампанией во главе с «освобожденцами»[3]. От социал-демократической организации в состав этого комитета вошли секретарь Саратовского комитета примиренец Гольденберг и махровый меньшевик Ляховский.

---

[1] «Искра» № 31, январь 1903 г.

[2] Архив ИМЛ, ф. 24, 1902 г., д. 28366, лл. 8—9.

[3] В статье «Земская кампания и план «Искры» В. И. Ленин дает резкую критику позиции меньшевиков в этом вопросе. См. Соч. В. И. Ленина, т. 7.

Соглашаясь принять участие в банкетной кампании, затеянной буржуазно-помещичьими либералами, Саратовский комитет РСДРП, несмотря на возражение пролетарской части организации, поступил в точности так, как советовала редакция меньшевистской газеты «Искра»[1].

Засилие в Саратовском комитете меньшевиков и примиренцев к меньшевизму объяснялось частыми арестами большевистских работников, а также неумением подбирать кадровых рабочих на руководящую партийную работу. Осенью 1904 г. среди 10 членов комитета был только один рабочий — Василий Матвеевич Серов, большевик. В связи с этим В. И. Ленин говорил: «Если в Саратове в комитет ввели только одного рабочего, то значит не умели выбрать подходящих людей из рабочих»[2].

В организации подвизался меньшевик Топуридзе, выдававший себя за ортодоксального марксиста. В. И. Ленин еще в 1903 г. разоблачил его, как политического деятеля буржуазного толка. В своем письме Кавказскому союзному комитету РСДРП В. И. Ленин писал: «Мы можем только приветствовать ваше решение отстранить временно, впредь до разбора дела Центральным Комитетом, Исари (Топуридзе). Вся сумма данных о его поведении на съезде говорит безусловно против него... Политического доверия такой деятель не заслуживает»[3].

Лишенный политического доверия со стороны кавказских большевиков, Топуридзе перебрался в Саратов. Он был окончательно разоблачен только в 1917 г., когда устроился на пост губернского комиссара временного правительства империалистической буржуазии. Топуридзе рьяно помогал подавлять освободительное движение рабочих и крестьян, а после того как в Саратове победили Советы, он возглавил контрреволюционные силы и сделал в ноябре 1917 г. попытку свергнуть Советскую власть[4].

Идя на поводу у меньшевиков, Саратовский комитет

---

[1] В это время «Искра» находилась в руках меньшевиков. В. И. Ленин вышел из состава редакции 19 октября (1 ноября) 1903 г.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 375.

[3] «Ленинский сборник», т. VII, стр. 114.

[4] «Пролетарская революция» № 10 за 1922 г., статьи П. Лебедева и А. Антонова-Саратовского.

РСДРП долгое время противился созыву III съезда партии. Так было вплоть до марта 1905 г. И лишь после того, как Бюро комитетов большинства, по совету В. И. Ленина, направило в Саратов одного из своих членов — М. Н. Лядова, — вопрос о созыве съезда и участии в его работе саратовского делегата был решен положительно. Делегатом III съезда от саратовской организации избрали В. М. Обухова (Камского).

В своих воспоминаниях М. Н. Лядов пишет: «В Саратов мне пришлось снова попасть весной 1905 года в качестве члена Бюро комитетов большинства... В это время саратовская организация сильно колебалась. Мы устроили на Зеленом острове собрание партийцев, преобладали рабочие. Большинством голосов собрание высказалось за III съезд, против меньшевиков и примиренцев к ним»[1].

Однако положение дел в саратовской организации РСДРП и после III съезда партии еще долгое время не изменялось к лучшему. Меньшевики по-прежнему вели дезорганизаторскую работу. С помощью примиренцев им удалось в июне 1905 г. провести в комитете большинством голосов антипартийную резолюцию, ставящую под сомнение законность III съезда РСДРП и правильность принятых им решений[2].

Саратовский комитет принял ошибочное решение и при обсуждении резолюции III съезда по аграрно-крестьянскому вопросу. Отстаивая старое программное требование социал-демократии — об «отрезках», Саратовский комитет считал, что постановление съезда о всемерной поддержке крестьянского движения вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель неприемлемо. Здесь также ясно сказалось влияние меньшевиков с их требованием муниципализации земли.

Публикуя указанное решение в газете «Пролетарий», В. И. Ленин дал к нему следующее примечание: «Эта резолюция Саратовского комитета только что получена нами. Мы очень рады будем содействовать изданию всякой социал-демократической критики резолюции III съезда РСДРП об отношении к крестьянскому движению.

---

[1] СОПА, ф. 99, д. 4, л. 22, Воспоминания М. Лядова (эта рукопись не опубликована).

[2] «Пролетарий» № 10, 2 августа (30 июля) 1905 г.

К взглядам Саратовского комитета, которые мы считаем в этом вопросе ошибочными, постараемся вернуться как можно скорее. Ждем разъяснений от Саратовского комитета»[1].

Серьезную политическую ошибку Саратовский комитет РСДРП допустил и при создании летом 1905 г. профессиональных союзов. В III разделе разработанного по рекомендации комитета типового устава профсоюзов говорилось: «Союз есть партийная организация, подконтрольная в своей деятельности местному комитету партии; в своей деятельности он руководствуется постановлениями комитета, пользуясь правом обжалования таковых перед ЦК и партсъездами»[2]. Эта и другие ошибки Саратовского комитета вызвали серьезные возражения со стороны социал-демократических рабочих организаций, которые с развитием революционного движения превратились к осени 1905 г. в большую силу.

В рядах городской организации летом 1905 г. насчитывалось до 500 человек. В Саратове были созданы четыре районных комитета партии (Железнодорожный, Фабрично-заводской, Береговой и Ремесленный, или Горный). Во главе районных организаций стояли большевики А. Петров, П. Власов, В. Серов, П. Буханов, П. Гусев и другие[3].

Общее руководство партийной работой осуществлял городской комитет партии, при котором были созданы коллегия пропагандистов и агитаторов, четыре группы: техническая (ведавшая издательской деятельностью), военная (ведавшая работой среди солдат и офицеров), молодежная и аграрная, которая вела активную работу среди крестьян, главным образом, Саратовского уезда.

Во второй половине августа, по инициативе районных организаций, в Саратове состоялось общегородское собрание членов РСДРП, на котором был избран новый

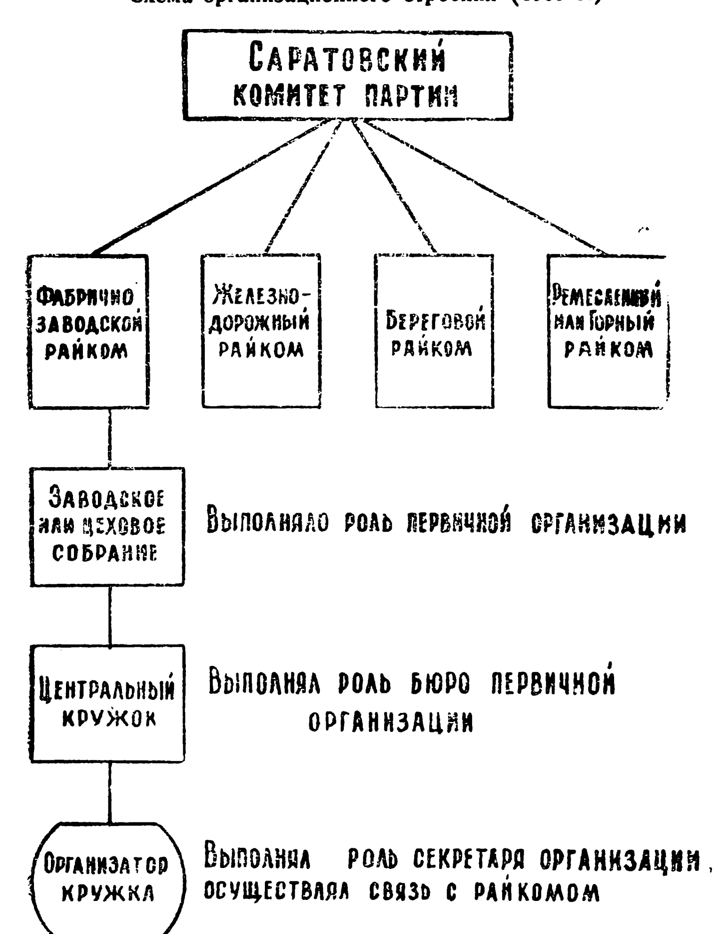
[1] «Ленинский сборник», т. XVI, стр. 130. См. также Саратовский облпартархив, дело о переписке саратовской организации РСДРП с партийным центром в период 1904—1908 гг., л. 48 и газ. «Пролетарий» № 10, 2 августа (20 июля) 1905 г.

[2] ЦГИАМ, ф. ДП, 1905 г., д. 5, ч. 16, л. 36.

[3] Г. Ходаков. Очерки истории Саратовской организации КПСС. Ч. I, 1957, стр. 82, 92.

САРАТОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РСДРП

Схема организационного строения (1905 г.)

состав комитета. В него вошли пять большевиков и один меньшевик[1].

К осени 1905 г. социал-демократические группы были созданы во всех уездных центрах губернии (Аткарске, Балашове, Вольске, Камышине, Кузнецке, Петровске, Сердобске, Хвалынске, Царицыне). Большевистские организации начали оказывать заметное влияние на революционное движение крестьян.

* * *

Отмена крепостного права в России, проведенная в 1861 г. правительством помещиков-крепостников, не принесла крестьянству долгожданную свободу и землю. Малоземелье, нищета и голод, тяжкое налоговое бремя и грабеж со стороны ростовщиков; нестерпимый гнет феодально-крепостнических пережитков и всевластие помещиков в деревне были типичным, самым характерным явлением во всей пореформенной России, в том числе и в губерниях Среднего Поволжья.

В статье «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция» В. И. Ленин указывал: «Крепостнический характер первой «великой» буржуазной реформы затруднил развитие, обрек крестьян на тысячи худших и горших мучений, но не изменил направление развития, не предотвратил буржуазной революции 1905 года»[2]. Крестьянские массы Среднего Поволжья выступили в первой русской революции как мощная боевая сила.

Жестокая эксплуатация рабочего класса, социальное и национальное угнетение, отсутствие каких-либо демократических свобод — все эти условия, существовавшие в старой, полукрепостнической России, воспитали в рабочем классе боевые революционные качества. Всем ходом классовой борьбы против царского самодержавия, против помещиков и капиталистов пролетариат был выдвинут на роль руководителя освободительного движения в России, на роль гегемона буржуазно-демократической революции.

Рабочий класс в губерниях Среднего Поволжья представлял собой к началу революции 1905 г. большую силу. Он был достаточно многочисленным и способным стать

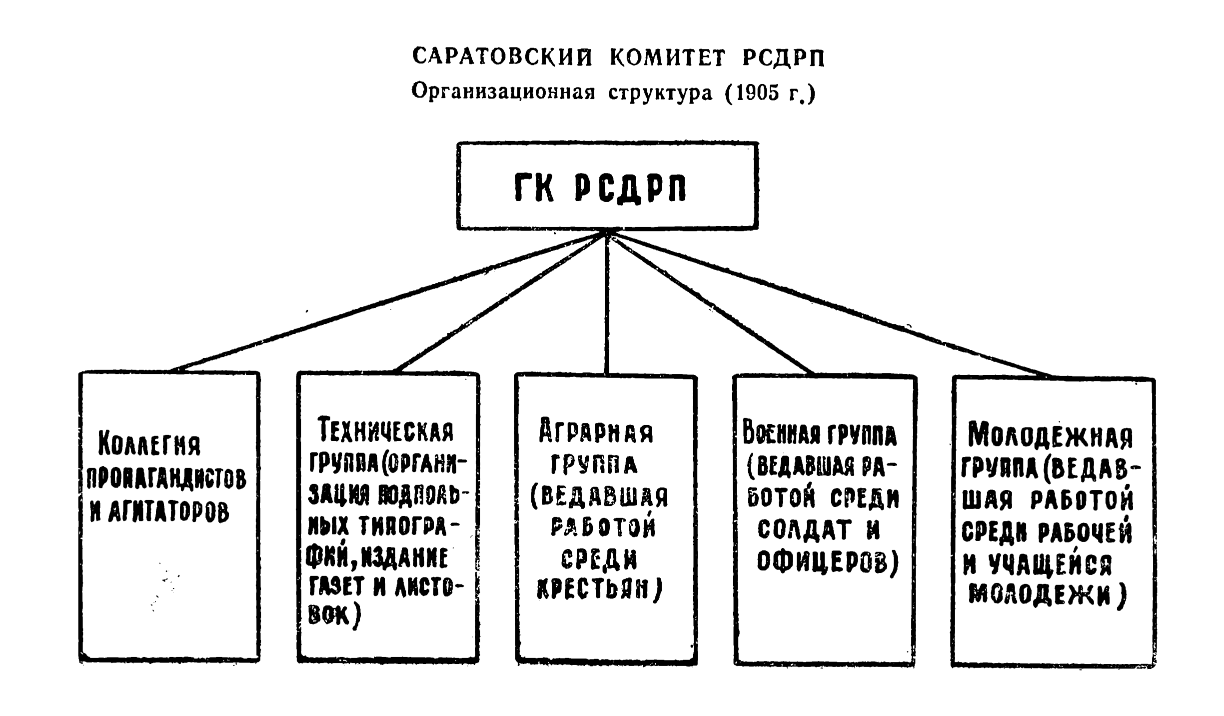
---

[1] Архив ИМЛ, 1906 г., д. 20095, лл. 41—42.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 99.

САРАТОВСКИЙ КОМИТЕТ РСДРП

Организационная структура (1905 г.)

во главе трудящихся масс города в борьбе за их социальное и национальное освобождение.

В создании большевистских организаций Среднего Поволжья огромная заслуга принадлежит лично В. И. Ленину. Владимир Ильич родился и вырос в одном из городов на Волге. Здесь он впервые начал свою революционную работу, здесь он сформировался как марксист и профессиональный революционер.

Личное участие В. И. Ленина в одном из марксистских кружков Н. Е. Федосеева в Казани, организация им социал-демократических кружков в Самаре и создание широких и проверенных связей с надежными марксистами во многих пунктах Поволжья — все это, несомненно, оказало огромное влияние на развитие социал-демократического движения, на образование большевистских организаций в этом обширном районе страны.

В. И. Ленин посылал в социал-демократические организации Поволжья лучших работников партии, писал сюда письма, советовал, как вести борьбу с «экономистами», эсерами, меньшевиками, вскрывал и помогал исправлять ошибки, допущенные местными комитетами РСДРП и их отдельными работниками.

Руководимая В. И. Лениным «Искра» в итоге своей почти трехлетней борьбы идейно и организационно подготовила создание марксистской партии. РСДРП была выведена из состояния идейного разброда и организационной неразберихи. Выдающуюся роль в этом сыграли произведения В. И. Ленина, особенно его знаменитая книга «Что делать?», вышедшая в марте 1902 г. Неустанная идеологическая и организационная борьба В. И. Ленина и его сторонников за партию нового типа завершилась в Среднем Поволжье, как и во всей России, полным успехом.

Казанская, самарская и саратовская организации пришли на II съезд РСДРП в одном ряду с твердыми сторонниками «искровского» направления и явились составной частью большевизма, который возник на этом съезде как течение политической мысли и как самостоятельная политическая партия рабочего класса, партия ленинизма. А вскоре после II съезда, в 1903 г., в районе Среднего Поволжья на гранитной основе большевизма возникла еще одна организация — симбирская группа РСДРП,

основателями которой были В. Рябиков, В. Орлов, Ю. Кролюницкий[1].

С разгромом на II съезде РСДРП первого оппортунистического течения в партии — «экономизма» идейная борьба в рядах марксистов России не только не прекратилась, но приняла еще более острый характер. Поднятое меньшевиками восстание против решений II съезда грозило развалом только что созданной на съезде политической партии рабочего класса, марксистской партии нового типа.

Внутрипартийная борьба, начатая меньшевиками, подрывала основы большевистской партийности, тащила местные организации назад, к идейной разноголосице и кружковщине. Эта борьба оппортунистов-меньшевиков с революционерами-большевиками не миновала и социал-демократические организации Среднего Поволжья.

Отсутствие на Средней Волге мощного индустриального пролетариата и пребывание меньшевиков в одних организациях с большевиками в значительной степени осложняло борьбу большевиков за ленинскую революционную программу и тактику в революции. В жизни партийных организаций бывали моменты, когда меньшевики захватывали в свои руки руководство комитетами и своей оппортунистической деятельностью наносили огромный вред делу идейного воспитания рабочего класса, организации политического единства его рядов.

Так было в казанской организации в период январской стачки солидарности с петербургским пролетариатом, когда меньшевики сорвали превращение ее во всеобщую. Так происходило в самарской организации, где в 1904 г. меньшевики временно захватили руководство комитетом в свои руки и всячески тормозили борьбу большевиков против русско-японской войны, срывали политическую подготовку масс к приближающейся революции. Нечто подобное случилось и в саратовской организации, когда там с конца 1904 г. по август 1905 г. руководство комитетом находилось в руках меньшевиков.

Однако в периоды наиболее острой борьбы твердые сторонники ленинской «Искры», а впоследствии большевики, всегда брали верх. Перед II съездом РСДРП

---

[1] Прокламации Симбирской организации РСДРП в период 1904—1907 гг. Изд-во «Ульяновская правда», 1951, стр. 6.

«искровцы» Среднего Поволжья одержали верх над «экономистами», они избрали делегатами сторонников В. И. Ленина. И перед III съездом партии, несмотря на некоторые колебания Казанского и Саратовского комитетов, большевики также взяли верх. Делегатами от этих организаций были избраны стойкие большевики[1].

Раскольнические действия меньшевиков ослабляли силы местных организаций, снижали их влияние на рабочее

Конспиративная квартира симбирской группы РСДРП в 1905 г. (дом № 7 по Введенскому, ныне Зеленому, переулку)

и крестьянское движение, на политическую подготовку масс как накануне, так и в ходе самой революции.

Меньшевики Среднего Поволжья, как и их единомышленники во всех других организациях партии, выступали против революционного союза рабочего класса и крестьянства, ориентировали пролетариат на союз с либеральной буржуазией, выставляя ее в качестве гегемона революции.

---

[1] От казанской организации делегатом съезда являлся большевик И. А. Саммер, избранный съездом в состав ЦК; делегатом от саратовской организации — большевик В. М. Обухов (Камский).

Меньшевики, будучи догматиками, не понимали новой исторической обстановки, в которой развивалось освободительное движение рабочего класса России в начале XX века. Игнорируя особенности русской революции 1905 г., как первой буржуазно-демократической революции эпохи империализма, меньшевики неправильно определяли в связи с этим характер и движущие силы революции. Они яростно выступали против гениально разработанной В. И. Лениным стратегии и тактики марксистской партии.

В. И. Ленину пришлось положить много сил для того, чтобы в организациях Среднего Поволжья, как и во всей партии, восторжествовали принципы большевизма, принципы пролетарской партийности. В борьбе с оппортунистическими течениями в РСДРП — сначала с «экономизмом», а затем с меньшевизмом, как разнородностями международного оппортунизма, огромную роль сыграли гениальные труды В. И. Ленина «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

На них воспиталась целая армия пролетарских революционеров. Эти произведения В. И. Ленина вошли в золотой фонд международного рабочего и коммунистического движения, стали настольными книгами каждого борца за дело мира, демократии, социализма и коммунизма.

Хотя пролетарские массы Среднего Поволжья пришли к революции 1905—1907 гг. еще недостаточно организованными, но у рабочих этого важного района страны уже были к началу революции свои большевистские организации. Несмотря на оппортунизм и подрывную работу меньшевиков, эти организации выступили как подлинные защитники интересов рабочих и крестьян, как организаторы и руководители их борьбы с царским самодержавием, помещиками и капиталистами. Пролетариат России мог впервые в истории выступить в качестве гегемона буржуазно-демократической революции потому, что у него уже была своя политическая партия, созданная и руководимая В. И. Лениным.

Глава вторая

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В БОРЬБЕ ЗА КРЕСТЬЯНСКИЕ МАССЫ В НАЧАЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

1. В. И. Ленин о задачах большевистской партии в крестьянской буржуазно-демократической революции

Крестьянский вопрос был и остается одним из коренных вопросов освободительного движения народов всего мира. Он занимает важнейшее место в стратегии национально-освободительных революций вообще, социалистических революций в особенности.

История всех крестьянских войн и ранних буржуазных революций свидетельствует, что крестьянские массы всегда выступали в них как мощная боевая сила и успех революций зависел от того, в какой степени силам прогресса удавалось вовлечь крестьянские массы в активную борьбу против господствующих классов старого, феодального, общества. Так было в период английской революции XVII века, французской — конца XVIII века, так было и во времена буржуазных революций середины XIX века.

Однако крестьянские массы играли огромную роль в освободительном движении не только в период поднимающегося капитализма, когда во главе революций стояла буржуазия. Не менее, а еще более решающую роль «в смысле обеспечения победы»[1] крестьянские массы стали играть в эпоху империализма, когда во главе борьбы народов за демократическую революцию, а в некоторых странах и за национальное освобождение выступил самый передовой, самый революционный класс современного общества — пролетариат.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 309.

О том, какую огромную роль крестьянские массы начали играть в освободительном движении России в эпоху империализма, убедительно показывает опыт революции 1905—1907 гг. Это же красноречиво подтверждается ныне и опытом национально-освободительных революций в Азии, Африке, Латинской Америке.

Разрабатывая стратегию марксистской партии, В. И. Ленин видел в крестьянстве того реального союзника, без которого пролетариат, как гегемон революции, не может одержать победы над самодержавным строем в России, не может завоевать и укрепить свое политическое господство. «...Судьба нашей республики, — писал Владимир Ильич, — будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним»...[1]

В. И. Ленин постоянно заботился о том, чтобы наладить правильные взаимоотношения рабочего класса с крестьянством, неустанно разъяснял, что именно союз рабочих и крестьян является той общественной силой, которой объективным ходом развития истории суждено осуществить революционное преобразование старого мира, обеспечив сначала победу социализма, а затем и торжество коммунизма в нашей стране.

Закономерно поставить вопрос: почему В. И. Ленин увидел в крестьянстве ту революционную часть общественной силы России, без которой пролетариат не может одержать победы как в буржуазно-демократической, так и в социалистической революции, не может обеспечить победы социализма, а затем и осуществить постепенный переход к коммунизму?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы в самых кратких чертах выяснить, что представляли собой экономика и классовая структура старой, царской России, как сложилась расстановка общественных сил в стране накануне первой русской революции.

На рубеже XIX и XX веков в России бурными темпами шло развитие капиталистической промышленности. Возникали новые фабрики и заводы, рудники и шахты, нефтяные промыслы и железные дороги. В. И. Ленин отмечал, что после отмены крепостного права в 1861 г. «развитие капитализма в России пошло с такой быстро-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 444.

той, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»[1].

Данные статистики говорят о том, что по степени концентрации и темпам развития промышленного производства Россия уже в начале XX века относительно превосходила передовые капиталистические страны Европы, а по степени концентрации рабочего класса она стояла даже впереди США — самой передовой капиталистической страны мира. Если в США на крупных предприятиях в начале XX века было сосредоточено 17 проц. общего количества рабочих страны, то в России на предприятиях такого типа работало 36 проц.[2]

В ряде отраслей промышленности (угольной, металлургической, нефтяной и др.) действовали крупные монополистические объединения[3]. Страна вовлекалась в единую мировую систему империализма. Весь ход пореформенного развития свидетельствовал, что «на смену крепостной России шла Россия капиталистическая»[4].

И все же, несмотря на это, Россия по-прежнему оставалась страной аграрной и притом «невероятно, невиданно отсталой»...[5] В стране не было тогда многих важных отраслей производства, царское правительство вынуждено было ввозить из-за границы станки, электрооборудование, сельскохозяйственные машины и даже швейные иголки.

В. И. Ленин отмечал в начале XX века, что Россия была «оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки»[6]. По объему производства про-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95—96.

[2] Материалы по статистике труда, под ред. С. Г. Струмилина. Вып. 8. М., 1920, стр. 3.

[3] Накануне революции в России были созданы «Продамет» — объединение трестов по сбыту металлических изделий; «Продуголь» — объединение капиталистов угольной промышленности; синдикат пароходных компаний на Волге и др.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 66.

[5] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 261.

[6] Там же. В статье «Как увеличить размеры душевого потребления в России?» В. И. Ленин указывает, что чугуна на душу населения потреблялось в США 233 кг, в Германии — 136 кг, в Бельгии — 173 кг, в Англии — 105 кг, в России же — только 25.

мышленной продукции она стояла на пятом месте в мире и производила меньше, чем США, почти в 15 раз.

Хотя развитие капитализма и вызвало коренные изменения в классовой структуре населения, однако численный состав рабочего класса был по-прежнему ничтожным. В 1900 г. насчитывалось 3019 тыс. промышленных рабочих[1]. По данным переписи, проведенной в 1897 г., почти пять шестых всего населения страны было занято в сельском хозяйстве, которое составляло тогда основу экономики страны[2].

Крестьянское население, страдавшее от «малоземелья», задавленное полукрепостнической кабалой, подвергавшееся безнаказанно издевательствам помещиков, земских начальников и полицейских, эксплуатируемое кулаками, обладало многовековыми традициями непримиримой борьбы против ненавистного помещичье-крепостнического строя. Бесчисленное множество мелких восстаний и огромные по своим масштабам крестьянские войны под руководством Ивана Болотникова и Степана Разина в XVII веке, Булавина и Емельяна Пугачева в XVIII веке сыграли огромную роль в освободительном движении.

Будучи самым многочисленным и вместе с тем наиболее экономически закрепощенным и политически бесправным классом патриархальной России, крестьянство представляло собой огромную социальную силу. В его недрах таились неиссякаемые запасы революционной энергии. Но, несмотря на свою огромную численность и большую экономическую значимость, крестьянство не представляло собой самостоятельной силы в освободительном движении. Так было на Западе во времена буржуазных революций, так было и в России.

В период ранних буржуазных революций, когда пролетариат только еще формировался как класс и не мог играть авангардной роли в освободительном движении, крестьяне выступали как резерв буржуазии. Успех революций объясняется тем, что буржуазия, возглавляя

---

[1] А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России. 1940.

[2] В. И. Ленин высчитал, что из 125,6 млн. жителей России 97 млн. составляло сельскохозяйственное население; 21,7 млн. — торгово-промышленное; 6,9 млн. — непроизводительное (см. Соч., т. 3, стр. 439).

крестьянство, энергично использовала его как боевую силу в борьбе против феодалов.

С дальнейшим развитием капитализма, бурным ростом численности пролетариата, ростом его организованности и классовой сознательности политическая ориентация буржуазии стала резко меняться. Уже в период буржуазной революции 1848 г. в Германии крупная буржуазия оказалась неспособной решать задачи буржуазной революции. Из страха перед растущим пролетариатом она пошла на сделку с реакцией, изменив крестьянству.

К. Маркс в «Новой Рейнской газете» писал: «Немецкая революция 1848 года есть лишь *пародия французской революции* 1789 г. ...Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян... Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает этих крестьян...»[1]

Руководствуясь опытом борьбы народов всех стран, В. И. Ленин установил, что в отличие от ранних буржуазных революций на Западе буржуазная революция в России получит развитие при иной расстановке классовых сил. Первая русская революция началась в эпоху империализма, в обстановке острой классовой борьбы пролетариата. В этих новых исторических условиях русская буржуазия уже не могла выполнять роль руководителя буржуазной революции. Более того, она не могла выступать даже в качестве движущей силы революции. И это закономерно: там, где пролетариат сознательно ведет политическую борьбу, буржуазия не в состоянии выступать как революционная сила.

В сложившейся обстановке русской буржуазии было невыгодно, чтобы социально-политические преобразования в стране пошли по линии революционной ломки и беспощадной ликвидации всех сил и традиций старого, полукрепостнического, строя. В. И. Ленин отмечал, что в борьбе против революционного пролетариата буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины, например на монархию, на постоянную армию, полицию и прочие реакционные учреждения[2].

Русская буржуазия хотела, чтобы социально-полити-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 299.
[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 34.

ческие преобразования пошли по линии постепенных реформ, которые полностью исключили бы активное участие народных масс в этих преобразованиях. Вот почему она выступила в революции 1905—1907 гг. не столько против самодержавия, сколько против рабочего класса и крестьянства, которые ставили своей целью свержение царского самодержавия и установление в России демократической республики.

В полной победе буржуазно-демократической революции больше всего был заинтересован пролетариат. Только пролетариат выступал в этой революции последовательным борцом за демократию[1]. В. И. Ленин указывал, что у пролетариата нет другого пути к социализму, кроме как через демократизм, через политическую свободу.

Таким образом, весь ход экономического и политического развития России в эпоху империализма исключал повторение расстановки классовых сил, характерных для ранних буржуазных революций.

Решительно разоблачая догматизм меньшевиков, которые пытались отождествлять роль русской буржуазии эпохи империализма с той ролью, которую выполняла буржуазия в период ранних революций на Западе, В. И. Ленин писал: «Европейские буржуа сначала дрались на баррикадах за республику, потом жили в изгнании, наконец, изменяли свободе, предавали революцию и шли на службу к конституционным монархам. Русские буржуа хотят «учиться у истории» и «сократить стадии развития»: они хотят сразу предать революцию, сразу оказаться изменниками свободе»[2].

Анализируя соотношение классовых сил в стране, В. И. Ленин еще в конце XIX века пришел к выводу, что главной движущей силой и руководителем предстоящей буржуазной революции в России должен быть пролетариат, а его союзником — революционное крестьянство.

Идея революционного союза рабочего класса и крестьянства была впервые выдвинута основоположниками научного коммунизма К. Марксом и Ф. Энгельсом. Маркс указывал, что «...интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, с капита-

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 34—35.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 493.

лом.., а в непримиримом противоречии с ними. Крестьяне поэтому находят своего естественного союзника и вождя в *городском пролетариате,* призванном ниспровергнуть буржуазный порядок»[1].

Исследуя причины неудач рабочего движения в Германии в середине XIX века, Маркс в письме к Энгельсу от 16 апреля 1856 г. писал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны»[2].

К этому же выводу Маркс пришел и при изучении опыта революционного рабочего движения во Франции. Он считал, что попытки французского пролетариата низвергнуть господство буржуазии в 1848—1871 гг. кончились неудачей потому, что пролетариат не был поддержан революционной борьбой крестьян. В связи с этим Маркс указывал, что, только привлекая на свою сторону революционное крестьянство, *«...пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»*[3].

Таким образом, на основе тщательного изучения и обобщения опыта международного рабочего движения Маркс выдвинул в качестве основного научного положения пролетарской борьбы за социализм необходимость сочетания ее с крестьянской войной, причем руководство в этой совместной борьбе должно принадлежать городскому пролетариату.

Гениальная идея Маркса о союзе рабочих и крестьян при руководящей роли пролетариата в этом союзе была предана забвению оппортунистическими вождями II Интернационала. Они отрицали необходимость пролетарской революции и поэтому, естественно, не думали и о действительных союзниках пролетариата в его борьбе за власть.

Отвергая идею Маркса о союзе рабочего класса и крестьянства как главной общественной силы, способной осуществить революционное преобразование капиталистического общества, оппортунисты выступали за

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 211.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произведения, т. 2, 1949, стр. 434.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 607.

реформистское «улучшение» капитализма, становились в своих аграрных программах[1] не на позиции революционного пролетариата, стремившегося к обобществлению всех средств производства, а на позиции мелкой буржуазии, считавшей неизбежным укрепление собственности вообще и крестьянской в частности.

Не сумел по достоинству оценить великую идею Маркса о союзе рабочего класса с крестьянством и выдающийся пропагандист марксизма Г. В. Плеханов, который своими произведениями «Социализм и политическая борьба» (1883 г.), «Наши разногласия» (1885 г.) и др. нанес серьезный удар по народническим теориям «крестьянского социализма» и обосновал историческую роль пролетариата в освободительном движении России.

Однако Г. В. Плеханов оказался неспособным подняться до правильного марксистского понимания реальных общественных сил, способных осуществить в России сначала буржуазно-демократические, а затем и социалистические преобразования. Неверие в силы пролетариата и ошибочный взгляд Плеханова на крестьянство, как на реакционную массу, привели его в период первой русской революции в лагерь меньшевизма.

Совершенно иную позицию в этом вопросе занимали руководители первых марксистских кружков в России и, в частности, Н. Е. Федосеев, который был глубоко убежден в общности экономических и политических интересов рабочего класса и крестьянства и считал необходимым объединение их сил в борьбе с самодержавием[2]. Но Н. Е. Федосееву и другим марксистам России 80-х и 90-х годов XIX века не удалось теоретически обосновать идею Маркса о союзе рабочего класса с крестьянством и практически осуществить ее в ходе освободительного движения. Эту задачу гениально решил В. И. Ленин.

Великая заслуга В. И. Ленина, как пролетарского вождя нового типа, состоит в том, что он первым в истории российского и всего международного коммунистического движения выступил с защитой революционного

---

[1] См. Аграрные программы социалистических партий Западной Европы и России. Одесса, 1917.

[2] См. Н. Е. Федосеев. Статьи и письма, раздел книги: «Письма к Н. К. Михайловскому». Госполитиздат, 1958, стр. 96—131.

марксизма в аграрном вопросе и идеи Маркса о сочетании революционной борьбы рабочих и крестьян, всесторонне развил эту идею в стройное учение. В. И. Ленин доказал, что пролетариат как гегемон революции может успешно выполнить свою великую историческую миссию могильщика капитализма и строителя коммунизма только при условии, если он обеспечит прочный и нерушимый союз с крестьянством.

Разрабатывая политическую стратегию пролетариата в условиях империализма и социалистической революции, В. И. Ленин пришел к выводу, что в такой аграрной стране, какой была царская Россия на рубеже XIX и XX веков, пролетариат не может выступить в революции один, без надежного союзника. Крупная буржуазия, отмечал он, больше боится у нас революции, чем реакции. «Городская беднота не представляет ни самостоятельных интересов, ни самостоятельного фактора силы»[1]. И на вопрос, кто же должен совершить буржуазную революцию в России, отвечал: пролетариат и крестьянство[2].

В. И. Ленин считал, что для доведения буржуазно-демократической революции до конца, до ее полной победы над царским самодержавием «...необходимы *совместные действия* пролетариата и крестьянства»[3]. По мнению В. И. Ленина, «только рабочие и революционно-демократическое крестьянство могут завершить буржуазную революцию»[4].

Обосновывая необходимость союза рабочего класса и крестьянства в революции, В. И. Ленин в статье «Кризис меньшевизма» писал: «Пролетариат один победить не в силах... Решающая роль за деревней, не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы»[5].

О необходимости союза пролетариата с крестьянством, о гегемонии пролетариата в этом союзе В. И. Ленин неоднократно высказывался и в других своих трудах, например в статье «О «природе» русской революции». Он указывал в ней, что природа великой буржу-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 308.
[2] Там же, стр. 309.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 349.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 177.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 308—309.

азной революции в крестьянской России такова, что победа крестьянского восстания не мыслима без союза с рабочими, без руководящей роли пролетариата[1].

Рабочий класс и крестьянство составляли абсолютное большинство населения России, в их революционном союзе заключалась та единственно реальная общественная сила, против которой не мог устоять старый крепостнический строй. В. И. Ленин писал: «Только в нем, только в пролетариате, поддерживаемом крестьянством, только в их вооруженном восстании, только в их отчаянной борьбе с лозунгом «смерть или свобода» лежит залог действительного освобождения России от всего крепостнически-самодержавного строя»[2].

В. И. Ленин не только создал стройное и всесторонне обоснованное учение о союзе рабочего класса и крестьянства, но и отстоял это учение в непримиримой борьбе с многочисленными идейными врагами, прежде всего в борьбе с меньшевиками и троцкистами.

Меньшевики, как и лассальянцы, утверждали, будто бы крестьянство является сплошной реакционной массой. Они хотели навязать рабочему классу идею блока с контрреволюционной буржуазией, пытались доказать, что вождем буржуазно-демократической революции должна быть либеральная буржуазия, а не пролетариат.

Вскрывая оппортунистическое нутро меньшевизма, В. И. Ленин до конца разоблачил и антиреволюционный лозунг «без царя, а правительство рабочее». С этим «левым» лозунгом Парвус и Троцкий пытались «перепрыгнуть» через первый, буржуазно-демократический, этап революции. Отрицая революционность крестьянства, Троцкий и его единомышленники не верили и в способность пролетариата повести за собой крестьян, осуществить роль гегемона в буржуазно-демократической революции.

В. И. Ленин, разработавший учение о союзе рабочего класса и крестьянства, разумеется, ясно представлял себе несоциалистический характер крестьянского движения, строго учитывал двойственный характер души крестьянина. Он видел в нем не только частника и реакционера, стремящегося в условиях капитализма увековечить свое положение как мелкого собственника, но

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 113.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 324.

видел в крестьянине еще и труженика, мелкобуржуазного демократа-революционера. В. И. Ленин отмечал, что «...революционное настроение крестьянина не имеет ничего общего с социал-демократией: крестьянин — буржуазно-демократический революционер и совсем не социалист. Он борется не за передачу всех средств производства в руки общества, но за конфискацию крестьянством земли у помещиков»[1].

В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин отчетливо показал двойственное положение и двойственную роль крестьянства. С одной стороны, отмечал он, громадные остатки барщинного хозяйства и всевозможные пережитки крепостного права при невиданном обнищании и разорении крестьянской бедноты дают закономерные основания революционности крестьянства как массы. С другой стороны, развитие капитализма, процесс экспроприации крестьянства порождает классовую неоднородность, классовый антагонизм между буржуазными и пролетарскими и полупролетарскими слоями внутри крестьянства.

Вот почему, поддерживая демократические требования крестьянства, направленные против помещичьего землевладения, В. И. Ленин в то же время учил нашу партию не смешивать интересы сельскохозяйственного пролетариата с интересами крестьян, как мелких хозяйчиков, мелких буржуа[2].

В. И. Ленин отмечал тогда, что в русской деревне переплетаются две основные формы классовой борьбы:

1) борьба всего крестьянства против привилегированных землевладельцев и против остатков крепостничества;

2) борьба нарождающегося сельскохозяйственного пролетариата с сельской буржуазией.

В брошюре «К деревенской бедноте», вышедшей в свет в 1903 г., В. И. Ленин, разъясняя политику рабочей партии в крестьянском вопросе, писал:

«...Всем русским рабочим и всей деревенской бедноте надо *обеими руками на две стороны борьбу вести:* одной рукой — *борьбу против всех буржуа,* в союзе со всеми рабочими; другой рукой — *борьбу с чиновника-*

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 172—173.
[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 283.

ми в деревнях, с помещиками-крепостниками, в союзе со всеми крестьянами...

Первый шаг в деревне — полное освобождение крестьянина, полные права ему, устройство крестьянских комитетов для возвращения отрезков. А последний наш шаг и в городе и в деревне один будет: *отберем все земли, все фабрики у помещиков и у буржуазии и устроим социалистическое общество»*[1].

Борьбу за союз рабочего класса и крестьянства в буржуазно-демократической революции большевистская партия вела при очень сложных условиях. Эта сложность определялась тем, что надо было «врозь идти, вместе бить»[2]. С одной стороны, надо было обеспечить союз сил рабочего класса и всего крестьянства для свержения самодержавия и установления в России демократической республики, а с другой, — вести непримиримую борьбу против мелкобуржуазных партий: эсеров, энесов, трудовиков, усиленно защищавших «трудовой», «народный» характер мелкокрестьянского производства, широко пропагандировавших антимарксистские идеи о социалистической природе крестьянства, о единстве целей борьбы рабочего класса и крестьянства.

На буржуазно-демократическом этапе революции рабочий класс выступал против самодержавия и его оплота — помещиков в союзе со всем крестьянством не потому, что у него была общность классовых интересов с крестьянством, а потому, что гнет помещиков-крепостников испытывали на себе не только деревенская беднота и среднее крестьянство, но и кулаки. Помещичье землевладение и система крепостнических отношений в деревне были враждебны всему крестьянству, в том числе и деревенской буржуазии — кулачеству. «От крепостнической кабалы, — отмечал тогда В. И. Ленин, — страдает и пролетарий и богатый мужик...»[3]

Однако, поддерживая крестьянство в целом в его борьбе за демократические преобразования, В. И. Ленин учил большевистскую партию тому, чтобы она добивалась прежде всего завоевания трудового большинства крестьян на сторону пролетариата, заботилась прежде

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 370, 379—380.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 352.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 403.

всего о наделении землей беднейшей части крестьян, рассматривая эту меру как свой первый шаг в деле упрочения союза рабочего класса с сельскими пролетариями и полупролетариями.

Определяя революцию 1905 г. как революцию крестьянскую, революцию буржуазную, В. И. Ленин и большевистская партия вовсе не принижали ее задач, ее исторического значения. В. И. Ленин и большевики ясно представляли себе, что борьба рабочего класса с классом капиталистов не может развиться широко и кончиться победой, пока в результате буржуазной революции не будут свергнуты царь и помещики[1].

Выступая за полную победу буржуазно-демократической революции в России, В. И. Ленин вовсе не думал останавливаться на полпути, на выполнении пролетариатом только буржуазно-демократических задач. Он считал, что вслед за решением задач буржуазно-демократической революции пролетариат должен перегруппировать силы и немедленно начать борьбу за социалистическую революцию. В статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» В. И. Ленин писал: «...Мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, *чтобы тем легче* было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической»[2].

Смысл ленинской оценки классовых сил в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую состоял в том, что если на буржуазно-демократическую революцию пролетариат шел против царского самодержавия в союзе со всем крестьянством при изоляции либеральной буржуазии, то на социалистическую революцию пролетариат должен идти в союзе только с беднейшим крестьянством, при нейтрализации середняка и решительной борьбе против городской и деревенской буржуазии.

Борьба за полную победу буржуазно-демократической революции и установление в России революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства означала, по Ленину, не только победу над само-

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 297.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 214.

державием, но и последовательную, решительную борьбу за социалистическую революцию, за диктатуру пролетариата.

* * *

Экономической основой первой русской революции был аграрный вопрос, именно он определял ее национальную особенность. Несмотря на отмену крепостного права, гнет помещиков-полукрепостников по-прежнему тяжелым бременем лежал на плечах пореформенного крестьянства. Известно, что с «освобождением» помещичьих крестьян в 1861 г. от крепостной зависимости[1] их экономическое положение не только не улучшилось, но еще более ухудшилось.

В. И. Ленин, оценивая «крестьянскую» реформу, говорит, что это «пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю «освобождения», от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях *свыше* 1/5 части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до 1/3 и даже до 2/5 крестьянской земли. По случаю «освобождения», крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на «песочек», а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены. По случаю «освобождения», крестьян заставили «выкупать» их собственные земли, причем содрали *вдвое и втрое* выше действительной цены на землю»[2].

Принося еще большие бедствия разоренным и обманутым массам крестьянства, непрерывно нарастали проценты по выкупным платежам. Уже к январю 1900 г. крестьяне переплатили свыше полутора миллиардов рублей за землю, которая во время их «освобождения» стоила немногим больше 600 миллионов рублей[3].

О том, что эта «крестьянская» реформа была проведена руками помещиков-крепостников в их пользу, сви-

---

[1] В 1863 г. «положения» от 19 февраля 1861 г. были распространены на удельных, а в 1866 г. — на государственных крестьян.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 94—95.

[3] Лосицкий. Выкупная операция. С.-Пб., 1906. См. также И. Флеровский. Первая народная революция в России. «Московский рабочий», 1955, стр. 15.

детельствует и то, что до совершения выкупа земли крестьяне считались временнообязанными и продолжали нести все старые феодальные повинности.

Крестьяне сразу поняли кабальный характер этой реформы и тотчас же поднялись на борьбу. За три первых послереформенных года (1861—1863) в России произошло почти две тысячи крестьянских выступлений. В ряде мест дело доходило до открытых восстаний и столкновений крестьян с царскими войсками. Наиболее крупные восстания были на Средней Волге — в деревне Бездна (Казанской губернии) и в деревне Кандеевка (Пензенской губернии).

«Малоземелье» и остатки крепостничества, тормозившие всю общественную жизнь страны, вызвали в России мощное революционное крестьянское движение и эта борьба крестьян, говорил В. И. Ленин, сделала аграрный вопрос оселком всей эпохи буржуазной революции. Он писал: «Если исходная точка — интересы масс, то гвоздь русской революции — *аграрный* (земельный) вопрос»[1].

В. И. Ленин отмечал, что объективные условия, в которых находилась Россия на рубеже XIX и XX веков, выдвинули в первую очередь вопрос о коренном изменении условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма.

В основе борьбы всего крестьянства за землю была борьба против крупных помещиков. В. И. Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.» на вопрос: из-за чего идет борьба? — отвечал: «У десяти миллионов крестьянских дворов 73 млн. дес. земли. У двадцати восьми тысяч благородных и чумазых лендлордов — 62 млн. десятин. Таков основной фон того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю»[2].

Анализируя эти цифры, В. И. Ленин спрашивал: «Какова объективная тенденция *конечного* пункта этой борьбы?» — И отвечал: «Очевидно, что эта тенденция состоит в уничтожении крупно-помещичьего крепостни-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 330.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 202.

ческого землевладения, в переходе его (на тех или иных началах) к крестьянам»[1].

Хотя назревавший аграрный переворот должен был представлять собой лишь часть общедемократического переворота в России и по своему характеру не мог выйти за рамки буржуазно-демократических задач, В. И. Ленин считал, что наша партия должна всемерно поддерживать его. Он указывал, что единственно правильным отношение пролетарской партии к крестьянскому движению будет тогда, когда она станет всемерно поддерживать демократическую борьбу крестьянских масс за свободу и землю.

Уже в своей первой крупной работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин выдвинул вопрос о полной экспроприации помещичьего землевладения и осуществлении национализации земли в России. Он писал: «...Социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения — этого оплота крепостнических учреждений и традиций»[2].

О необходимости отмены выкупных платежей, возвращения крестьянам отрезанных у них в 1861 г. земель, отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении их землей, В. И. Ленин указывал и в проекте программы партии, написанном в конце 1895 г.[3]

Однако наиболее полно В. И. Ленин изложил взгляды революционной социал-демократии по аграрному вопросу в статье «Рабочая партия и крестьянство», написанной в феврале 1901 г. Эта статья явилась первым наброском аграрной программы РСДРП. От имени редакции газеты «Искра» статья была опубликована летом 1902 г., а второй съезд РСДРП (1903 г.) принял ее в качестве официальной аграрной программы нашей партии.

В этой первой аграрной программе партия провоз-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 205.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 271.

[3] См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 82. Этот проект программы был написан В. И. Лениным в тюрьме, куда он был заключен по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

гласила необходимость борьбы за полное устранение остатков крепостничества в России и высказалась за всемерное развитие классовой борьбы в деревне.

В качестве конкретных требований программа выдвигала отмену выкупных и оброчных платежей, а также всех повинностей, лежавших на крестьянстве, как на податном сословии; предоставление судам права понижать непомерно высокую арендную плату за землю и объявлять недействительными сделки кабального характера; возвращение крестьянам выкупных платежей и создание на местах крестьянских комитетов с тем, чтобы они осуществили возврат сельским общинам «отрезков».

Требование «отрезков» было в то время революционным. В. И. Ленин рассматривал их возвращение как начало борьбы крестьян за ликвидацию помещичьего землевладения, как начало развертывания классовой борьбы в деревне. Этот лозунг на рубеже XIX и XX веков был самым близким и самым понятным крестьянским массам. Вот почему, соглашаясь в 1903 г. на «отрезки», В. И. Ленин считал, что на первых порах это требование аграрной программы РСДРП будет вполне достаточным.

Но революционные события, развернувшиеся в деревне в начале 1905 г., показали, что требования аграрной программы нашей партии явно недостаточны. Крестьянское движение развернулось настолько широко и настолько остро поставило вопрос о земле, что требование «отрезков» оказалось на деле уже пройденным историческим этапом.

Крестьяне, поднявшиеся на восстания, требовали не возвращения «отрезков», а конфискации всех помещичьих земель. «Основной ошибкой аграрной программы 1903-го года, — указывал В. И. Ленин, — было во всяком случае отсутствие точного представления о том, из-за чего может и должна развернуться аграрная борьба в процессе буржуазной российской революции, — каковы те *типы* капиталистической аграрной эволюции, которые объективно возможны при победе тех или иных общественных сил в этой борьбе»[1].

В. И. Ленин, внимательно следивший за ходом крестьянского движения, еще в начале революции заметил

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 232—233.

недостаточность требования «отрезков». В письме к III съезду РСДРП, опубликованном в газете «Вперед» от 16 марта 1905 г., Владимир Ильич писал, что социал-демократия должна поддерживать крестьянство во всех его революционно-демократических начинаниях вплоть до отнятия земли у помещиков, вопрос же об «отрезках» надо из основного пункта аграрной программы перенести в комментарии[1].

Состоявшийся в апреле 1905 г. III съезд РСДРП в своей резолюции об отношении к крестьянскому движению ориентировал местные партийные организации на оказание всемерной помощи в развитии революционно-демократического движения крестьянства. В резолюции съезда указывалось, что «...социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель»[2].

В качестве других конкретных требований резолюция съезда указывала на необходимость:

а) немедленной организации революционных крестьянских комитетов, которые должны осуществить все революционно-демократические требования крестьян;

б) коллективного отказа крестьян от уплаты государству податей и налогов, от исполнения воинской повинности, а также организации политических демонстраций крестьян против правительства;

в) объединения сельского пролетариата в самостоятельную организацию и слияния его с городским пролетариатом под знаменем и руководством социал-демократической партии[3].

Практические требования большевистской партии были понятны всему крестьянству. Они явились важным средством развязывания его революционной инициативы во всей России, в том числе и в губерниях Среднего Поволжья.

Следует отметить, что развитие аграрной программы большевистской партии было неразрывно связано с раз-

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 220.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I, 1954, стр. 80.

[3] См. там же, стр. 80—81.

витием революционного движения вообще и крестьянского движения в частности. Чем выше поднималась волна революционного крестьянского движения, тем острее ставился аграрный вопрос.

Ведя непримиримую борьбу с меньшевиками по крестьянскому вопросу и разоблачая их программу муниципализации земли, как мелкобуржуазную и антипролетарскую по существу, В. И. Ленин указывал, что вопрос об аграрной программе значительно выяснился бы, если изложить ее в виде простых и ясных советов.

Первый совет, который должна дать социал-демократия рабочим и крестьянам в эпоху буржуазно-демократической революции, состоял в том, чтобы направить все усилия революционного народа на достижение полной победы крестьянского восстания. «Без такой победы, — писал В. И. Ленин, — ни об «отобрании земли» у помещиков, ни о создании действительно демократического государства нельзя даже и говорить серьезно. А лозунг, зовущий крестьян к восстанию, может быть лишь один: конфискация всех помещичьих земель (отнюдь не отчуждение вообще или экспроприация вообще, оставляющие в тени вопрос о выкупе) и непременно конфискация крестьянскими комитетами впредь до учредительного собрания»[1].

В. И. Ленин считал, что всякий другой совет (в том числе и лозунг «отчуждение», выдвинутый Масловым, и вся меньшевистская программа муниципализации) равносилен призыву решить вопрос не вооруженным восстанием, а сделкой с помещиками.

Второй совет В. И. Ленина сводился к указанию на необходимость свергнуть самодержавие и провести полную демократизацию политического строя в России. Аграрная революция, говорил В. И. Ленин, есть пустая фраза, если ее победа не ведет к завоеванию власти революционным народом. Он писал: «...Без республики и обеспечения на деле самодержавия народа нечего и думать ни об удержании завоеваний крестьянского восстания, ни о том, чтобы делать хоть какой-нибудь шаг дальше»[2].

В. И. Ленин считал, что нельзя взять землю и удер-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 167.
[2] Там же, стр. 168.

жать ее за собой без новых политических завоеваний, без нанесения нового еще более мощного удара по всем остаткам средневековья. В политике, как и во всей общественной жизни, не идти вперед — значит быть отброшенным назад. В. И. Ленин говорил тогда, что либо буржуазия, окрепнув после демократического переворота, который естественно укрепляет буржуазию, отнимет все завоевания рабочих и крестьян, либо пролетариат и крестьянство пробьют себе путь вперед и установят в России полное самодержавие народа.

Третий совет был таков: необходимо создать самостоятельную организацию пролетариев и полупролетариев города и деревни. Владимир Ильич указывал, что социал-демократическая партия во всех случаях и при всяких демократических аграрных преобразованиях должна неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, предостерегать его от обольщения системой мелкого хозяйства, которая никогда в условиях капиталистического товарного производства не в состоянии уничтожить нищету масс.

Отсюда В. И. Ленин делал вывод, что главный вопрос, который возникнет перед пролетарской партией после победы крестьянского восстания, будет состоять не в том, что делать с землей в смысле ее распределения, как объекта хозяйства, а в том, что дальше делать сельскому пролетариату, как он должен самостоятельно организоваться вместе с городским пролетариатом для совместной борьбы за полный социалистический переворот.

«Следовательно, — указывал В. И. Ленин, — наша аграрная программа должна состоять из трех основных частей: во-первых, из формулировки самого решительного призыва к революционному крестьянскому натиску на помещичье землевладение; во-вторых, из точного указания дальнейшего шага, который может и должно сделать движение для закрепления крестьянских завоеваний и для перехода от победы демократии к пролетарской непосредственной борьбе за социализм; в-третьих, из указания классовых пролетарских задач партии, которые тем настоятельнее надвигаются на нас

и тем настойчивее требуют ясной постановки их, чем ближе победа крестьянского восстания»[1].

Ленинская постановка крестьянского вопроса требовала от пролетарской партии, чтобы она своей аграрной программой всемерно содействовала процессу «...окончательного *обособления сельского пролетариата* от хозяйственного крестьянства»[2], помогала росту пролетарского классового сознания в деревне, обеспечивала решение основной задачи — сплочение сил городского и сельского пролетариата.

В. И. Ленин указывал тогда, что единственно правильной аграрной программой при условии демократического переворота является та, в которой будет прежде всего содержаться требование о конфискации помещичьих земель и учреждении революционных крестьянских комитетов. Конфискация помещичьей земли была тогда безусловно выгодна пролетариату и крестьянству, ибо она неизбежно влекла за собой крах самодержавия и усиление демократизма.

Однако В. И. Ленин при этом разъяснял, что в период демократической революции социал-демократическая партия не может ограничиваться конфискацией помещичьей земли. «...Мы ни в коем случае, — писал он, — не можем отвергать безусловно национализацию земли. Необходимо лишь это требование обусловить вполне точным указанием на известные политические порядки...»[3]

В. И. Ленин считал, что при условии полной победы буржуазно-демократической революции, при условии установления самодержавия народа в форме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства национализация земли явилась бы крайне важным революционным мероприятием. В этих условиях национализация земли не только ликвидировала бы частную собственность на землю, но и способствовала укреплению союза рабочего класса с батрацко-бедняцкой частью деревни, создала необходимые условия для дальнейшего развития классовой борьбы как в городе, так и в деревне, способствовала более решительному натис-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 169.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 403—404.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 170.

ку революционного народа на капиталистическую частную собственность.

Разрабатывая аграрную программу большевистской партии и защищая пункт о национализации земли, В. И. Ленин указывал в своей статье «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», что при условии полной победы буржуазно-демократической революции и установления в стране вполне демократического строя национализация, то есть передача всех земель в общую собственность всего народа, будет означать собой возможный максимум буржуазно-демократического переворота, естественный и необходимый шаг от победы буржуазного демократизма к настоящей борьбе за социализм.

В. И. Ленин считал, что национализация ускорит смерть крепостничества и развитие чисто буржуазного фермерства на свободной от всякого средневекового хлама земле. Он утверждал, что именно в этом и состоит «действительное историческое значение национализации в России, как она сложилась к концу XIX века»[1].

Меньшевистские лидеры пытались запугивать партию контрреволюционными крестьянскими восстаниями против национализации земли. Однако многочисленные приговоры сельских сходов, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда, а также в государственных архивах Саратовской, Куйбышевской, Ульяновской областей, Татарской, Чувашской и Мордовской АССР, убедительно свидетельствуют о том, что первым и главным требованием всех приговоров сельских сходов периода первой русской революции было требование конфискации помещичьих земель и превращения их во всенародную собственность.

Вот, например, что писали в приговоре сельского схода от 21 ноября 1905 г. крестьяне села Альшеева Буинского уезда Симбирской губернии: «Собравшись для обсуждения вопросов, касающихся общегосударственного порядка, и найдя основания объявленной ныне Государственной думы несправедливыми, не удовлетворяющими желания народа, постановили: никакого участия в означенную Думу не принимать, а требовать немедленного созыва Учредительного собрания, выбранного на

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 117.

основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, которое должно обеспечить... отобрание и передачу всех частновладельческих, казенных, удельных, кабинетских, помещичьих и монастырских земель в **неотъемлемое достояние государства** (подчеркнуто мной. — **И. Ш.**) и передачу ее в руки тех крестьян, которые ее будут обрабатывать силами своей семьи»[1].

27 ноября 1905 г. проходил волостной сход крестьян-чувашей Воскресенской волости Чебоксарского уезда Казанской губернии. В приговоре схода говорилось: «...После долгого обсуждения нашего нищенского положения нашли, что жить так больше невозможно, и требуем: 1) передачи всей земли казенной, удельной, монастырской и помещичьей без выкупа в **общую собственность всего народа»** (подчеркнуто мной. — **И. Ш.**)[2].

В приговоре сельского схода от 27 ноября 1905 г. крестьян селения Мордово Ахматовской волости Камышинского уезда Саратовской губернии было сказано: «Пока земля будет находиться в руках частных владельцев, казны и удела, пока не будет **полной национализации земли** (подчеркнуто мной. — **И. Ш.**), помещикам своим Татариновой и Всеволжской объявить бойкот, который продолжать впредь до разрешения аграрного вопроса на предстоящем Всероссийском крестьянском съезде в Москве и дотоле ни землю, ни луга, ни воду за деньги более не снимать, ни на какие работы в экономии не наниматься и никаких поручений не исполнять»[3].

Программу национализации земли отстаивали и представители крестьянства в первой и особенно во второй Государственной думе. Вот что, например, говорил с трибуны Государственной думы крестьянин Саратовской губернии: «Господа дворяне, вы думаете, мы не знаем, когда вы нас на карту ставили, когда вы нас на собак меняли?.. Знайте, что всякий родившийся человек должен быть с землей, но у нас вы ее отняли, поэтому у вас она опять неприкосновенная

---

[1] Госархив Ульяновской области (в дальнейшем — ГАУО), ф. 76, оп. 6, д. 76, лл. 1—2.

[2] Центральный государственный исторический архив Москвы (в дальнейшем — ЦГИАМ), д. 1489, ч. 2, л. 61.

[3] Госархив Саратовской области (в дальнейшем — ГАСО), КСГ, 1906 г., д. 332, лл. 248, 251.

и священная собственность... Бог сотворил человека и вручил ему землю, но у нас ее нет; почему это? Я просто скажу и откровенно: украли у нас её, но мы, господа, пришли сюда взять ее... Земля наша, мы пришли сюда не покупать ее, а взять»[1].

Критикуя автора меньшевистской программы муниципализации земли Маслова, В. И. Ленин писал: «Итак, в 1905 году — национализация (по Маслову. — **И. Ш.**) «прежде всего» безнадежно утопична, потому что не согласятся крестьяне. В 1907-ом году, в марте, тот же Маслов писал: «Все народнические группы (трудовики, народные социалисты и социалисты-революционеры) высказываются за национализацию земли в той или другой форме»... Вот вам и новая Вандея[2]! Вот вам, — иронизирует В. И. Ленин, — и всероссийское восстание крестьян против национализации»[3].

Почему же мелкие собственники в России высказались за национализацию земли? Да потому, во-первых, что помещичья собственность на землю противоречила коренным интересам крестьянства; во-вторых, потому, что у крестьян России, задавленных малоземельем и владевших землей общинно, не было развитых традиций частной собственности на землю; и, в-третьих, сама аграрная эволюция в России второй половины XIX века, осуществляемая помещиками и помещичьим государством, привела крестьян на путь революционной ломки старых аграрных отношений, на путь национализации земли.

Объективный ход экономического развития неумолимо подводил Россию к решительному очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков, к «чистке земли» для капитализма. Отстаивая необходимость «чистки» средневекового землевладения (помещичьего и крестьянского), ибо и то и другое «...приноровлено к отработкам, к наследию барщины, к кабале, а не к свободному капиталистически развивающемуся хозяйст-

---

[1] Государственная дума. Сессия II. Стенографический отчет. Изд. 1907 г., стр. 1143—1144.

[2] Вандея — французская провинция, где в эпоху буржуазной революции конца XVIII века вспыхнуло восстание реакционного крестьянства против конвента.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 237.

ву»[1], В. И. Ленин указывал, что весь вопрос будет заключаться в том, кто осуществит эту «чистку»: помещики-полукрепостники или крестьяне, действующие как подлинные демократы-революционеры.

В классических трудах «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» и во многих других работах В. И. Ленин глубоко проанализировал процесс смены феодально-крепостнических отношений капиталистическими, который переживало сельское хозяйство России в конце XIX и в начале XX века.

Как показал Владимир Ильич, эта капиталистическая эволюция шла в России двумя путями. Первый путь, за который боролись помещики и либеральная буржуазия, означал медленное реформистское преобразование дворянско-помещичьим государством старых, феодальных крепостническо-помещичьих хозяйств в юнкерско-буржуазные хозяйства за счет дальнейшего стеснения и разорения крестьянских хозяйств. В. И. Ленин говорил, что это тот путь, при котором «...крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» («крупных крестьян»)[2].

Второй путь, за который боролись крестьяне, означал быструю насильственную ломку старых феодально-крепостнических отношений, уничтожение помещичьего землевладения и всех остатков старины революционным методом. Аграрный вопрос в пореформенной России, отмечает В. И. Ленин, «...поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов. И эта же борьба классов определит, каким образом будет решена эта задача»[3].

Несмотря на то, что и первый и второй пути аграрной эволюции шли по линии развития капитализма,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 251.
[2] Там же, стр. 216.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 125.

рабочий класс и его политическая партия не могли безразлично относиться к борьбе за победу того или другого пути. Критикуя авторов и защитников меньшевистской муниципализации земли, В. И. Ленин писал: «В том-то и состоит основной источник всех благоглупостей у наших муниципалистов, что они не понимают *хозяйственной* основы буржуазного аграрного переворота в России в двух возможных видах этого переворота, помещичьи-буржуазного и крестьянски-буржуазного»[1].

В. И. Ленин говорил, что во имя интересов развития производительных сил мы должны поддерживать не буржуазную эволюцию помещичьего типа, а буржуазную эволюцию крестьянского типа. Отсюда и тактика социал-демократии в первой русской буржуазно-демократической революции определялась не задачей поддержки либеральной буржуазии, как считали меньшевики, а задачей поддержки борющегося крестьянства.

Разногласия по аграрной программе РСДРП были и среди большевиков, но природа этих разногласий была совсем иной. Известно, что по инициативе В. И. Ленина на IV (Объединительном) съезде обсуждался проект аграрной программы, в котором выдвигалось требование национализации земли. При этом большинство большевистских делегатов-практиков, в том числе и Сталин, не поддержало ленинского требования, а голосовало за проект Борисова, предусматривавший раздел помещичьей земли с переходом ее в собственность крестьян.

Точка зрения «разделистов» являлась ошибочной, она исходила из совершенно неправильного взгляда на вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. «Разделисты» считали, что буржуазно-демократическая революция может перерасти в социалистическую лишь тогда, когда пролетариат будет составлять большинство населения. А так как пролетариат России еще не составляет большинства и вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую не стоит в порядке дня, то и нет необходимости записывать в программу РСДРП пункт о национализации земли.

Следует, однако, заметить, что, критикуя «разделистов» за потерю исторической перспективы[2], В. И. Ле-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 251.
[2] См. там же, стр. 261.

нин указывал, что лозунг «разделистов», возможно, будет приемлем в другой исторической обстановке. «Всякому овощу свое время», — писал он. — От поддержки раздела социал-демократия не может зарекаться. В иной исторический момент, на другой ступени аграрной эволюции раздел может оказаться неизбежным. Но *задачи* буржуазно-демократической революции в России 1907-го года раздел выражает совершенно неправильно»[1].

Из этих слов В. И. Ленина видно, что он не был принципиальным противником раздела земли в собственность крестьян, так как предварительным условием раздела являлась конфискация помещичьих земель. Ленин говорил: «По моему мнению, муниципализация ошибочна и вредна — раздел ошибочен, но не вреден»[2].

Программа «разделистов» была в своей основе революционной. Вот почему, когда в ходе обсуждения и обострившейся борьбы на съезде вокруг трех основных проектов аграрной программы (национализации, раздела и муниципализации земли) выяснилась невозможность принятия съездом проекта национализации, Ленин и другие национализаторы-большевики присоединили свои голоса к голосам «разделистов». Однако в силу ряда причин большинство делегатов съезда оказалось состоящим из меньшевиков (большевики имели 46 голосов, меньшевики — 62), и это решило судьбу аграрной программы РСДРП в пользу меньшевистской муниципализации земли.

Разрабатывая аграрную программу социал-демократической партии в период первой русской революции, В. И. Ленин не мог, естественно, не дать критического разбора аграрных программ, предлагаемых крестьянам другими политическими партиями. В. И. Ленин разделял аграрные программы политических партий России сообразно двум типам аграрной эволюции: буржуазной эволюции помещичьего типа и буржуазной эволюции крестьянского типа. Если меньшевики разграничительную линию между «правыми» и «левыми» аграрными программами проводили между кадетами и октябристами, то В. И. Ленин считал, что эта линия проходит между кадетами и трудовиками.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 266.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 261.

В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.» В. И. Ленин указывает, что в оценке аграрных программ эту линию определяют интересы двух основных классов русского общества, борющихся из-за земли: помещиков и крестьянства. «Кадеты, — пишет В. И. Ленин, — сохраняют помещичье землевладение и отстаивают культурную, европейскую, но *помещичью* буржуазную эволюцию земледелия. Трудовики (и с.-д. рабочие депутаты), т. е. представители крестьянства и представители пролетариата, отстаивают *крестьянскую* буржуазную эволюцию земледелия»[1].

Из этой оценки видно, что к крестьянским аграрным программам В. И. Ленин относил только программы трудовиков, социал-народников и эсеров. «У представителей крестьянства, т. е. у трудовиков, социал-народников и частью у эсеров, — указывает В. И. Ленин, — мы видим в обеих Думах, *несмотря* на многочисленные колебания и шатания, совершенно ясную линию защиты интересов крестьянства *против* помещиков»[2].

Хотя аграрные программы народнических партий (трудовиков, социал-народников и эсеров) и были направлены на защиту интересов крестьянских масс против помещиков, они допускали серьезные ошибки.

Аграрная программа «Трудовой группы»[3] требовала, чтобы

1) все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные, а также принудительно отчужденные помещичьи и прочие частновладельческие земли были переданы в особый общенародный земельный фонд;

2) те частновладельческие земли, которые по своим размерам не превышают трудовой нормы, остались в собственности их прежних владельцев;

3) вознаграждение за все принудительно отчуждаемые и добровольно уступаемые земли в особый общенародный фонд производилось государством;

4) отчуждаемая от частных владельцев земля распределялась по так называемым трудовым нормам и при

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 222—223.

[2] Там же, стр. 221—222.

[3] «Трудовая группа» состояла в первой Государственной думе из 104 депутатов. Эта группа представила в аграрную комиссию Думы свой проект аграрной программы.

соблюдении принципа обработки земли личным трудом, без применения наемной рабочей силы. В случае избытка земли против трудовой нормы он поступает в распоряжение государства и местных общественных учреждений.

«Проект 104» отражал, как указывает В. И. Ленин, интересы мелких землевладельцев и явился основной платформой всего российского крестьянства, выступавшего как сознательная общественная сила в первой русской революции.

Аграрную программу эсеров, которая сводилась к социализации и распределению земли по принципу уравнительного землевладения, В. И. Ленин подверг резкой критике. Называя себя крестьянской партией, смешивая в одну социальную категорию и кулаков, и середняков, и бедноту, эсеры тем самым закрывали глаза на процесс дифференциации крестьянства, затушевывали классовую борьбу в деревне. Они открыто проповедовали кулацкую политику в деревне, и недаром кулачество являлось главной социальной базой эсеров.

Несмотря на свое социалистическое название и внешнюю революционность, эсеры были мелкобуржуазной партией. Они не верили в массовое революционное движение крестьян и всегда были готовы удовлетвориться реформами «сверху». Оценивая аграрную программу эсеров в революции 1905 г., В. И. Ленин писал: «Мелкая буржуазия, даже самая радикальная — наша партия с.-р. в том числе, — предвидит не классовую борьбу *после* буржуазной революции, а всеобщее благоденствие и успокоение. Поэтому она заранее «вьет себе гнездышко», вносит планы мелкобуржуазного реформаторства в буржуазную революцию, беседует о разных «нормах», о «регулировании» землевладения, об укреплении трудового начала и трудового мелкого хозяйства и т. д.»[1]

Эсеры были эпигонами народничества. Они переняли от революционных народников воззрения на крестьянство как на главную силу революции, а на крестьянскую общину — как на готовый зародыш социализма. Проникая в деревню, они стремились овладеть крестьянскими настроениями, претендовали на роль руководителей

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 330—331.

освободительного движения крестьянства. Но уже в ходе первой русской революции эсеры круто повернули в сторону соглашения с либеральной буржуазией и готовы были удовлетвориться любой реформой «сверху».

Таким образом, основные пороки их аграрной программы заключались в том, что, во-первых, эсеры не понимали экономической основы буржуазной революции. Они не понимали того, что аграрная революция ведет к развитию буржуазных отношений, что власть рынка, власть денег остается и при самой полной свободе и при самой полной победе крестьян в борьбе за землю.

Вот почему В. И. Ленин, резко критикуя эсеровскую программу социализации земли, писал: *«В действительности* в русской революции борьба идет не из-за «социализации» и иных глупостей народников.., *а о том,* каким путем пойдет капиталистическое развитие России: «прусским» или «американским». Не выяснив этой *экономической* основы революции, нельзя решительно *ничего* понять в вопросе об аграрной программе...»[1]

Во-вторых, аграрная программа эсеров отрицала неизбежность классовой борьбы в деревне после победы буржуазно-демократической революции, в период подготовки и проведения социалистической революции.

В-третьих, эсеровская аграрная программа защищала интересы зажиточной части крестьянства. Она, как и аграрная программа меньшевиков, предполагала союз крестьян с либеральной буржуазией, при руководящей роли буржуазии в этом союзе.

В резкой критике эсеровской аграрной программы, защищавшей классовые интересы кулацкой части деревни, В. И. Ленин и большевистская партия видели один из путей высвобождения крестьянских масс из-под влияния эсеров, возможность организации демократических сил крестьянства под знаменем революционной социал-демократии.

Но чем же все-таки объяснить то обстоятельство, что большинство крестьян, участвовавших в первой русской революции, пошло за эсерами, поддалось обману и стало легкой добычей этой мелкобуржуазной партии?

В. И. Ленин в статье «Две утопии», написанной в октябре 1912 г., разъясняет, что в буржуазно-крепо-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 137.

стнической России существование, в частности, народнической утопии объясняется интересами крестьянства, как класса старого феодального общества, который ведет непримиримую борьбу против старого порядка, против пережитков крепостничества и политического бесправия, но который, однако, не занимает самостоятельного положения в этой борьбе в современной России.

В. И. Ленин указывает: «Народническая утопия есть мечтание интеллигента-народника и крестьянина-трудовика о том, будто можно было бы новым и справедливым разделом всех земель *устранить* власть и господство капитала, устранить наемное рабство или будто можно было бы *удержать* «справедливый», «уравнительный» раздел земель при господстве капитала, при власти денег, при товарном производстве»[1].

Утопия эта выражала надежду мелкого хозяйчика на уничтожение наемного рабства без классовой борьбы. Именно эта сторона эсеровской пропаганды привлекала крестьянина. Народническая утопия, несмотря на то, что она шла вразрез с социалистической идеологией и всячески мешала большевикам воспитывать в крестьянстве социалистическое сознание, все же в тех исторических условиях являлась спутником и даже отчасти выразителем революционно-демократического движения крестьянских масс. Выступая на V съезде РСДРП, В. И. Ленин говорил: «...Крестьянские идеи об уравнительности — реакционные и утопичные с точки зрения социализма — революционны с точки зрения буржуазного демократизма»[2].

Марксизм, как мировоззрение пролетариата, враждебное всяким утопиям, отстаивает самостоятельность пролетариата в его борьбе как против феодализма, так и против капитализма. Однако Ленин и большевистская партия всегда умели «...заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс»[3].

В. И. Ленин отмечал, что стремление крестьян теперь же отнять у помещиков землю и разделить ее поровну было направлено против существовавших тогда феодаль-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т 18, стр. 326—327.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 419.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 330.

но-крепостнических пережитков в земледельческом строе России, отстаивало самое широкое развитие товарного капиталистического производства, было самым полным, последовательным и решительным выражением буржуазно-демократических задач.

В статье «Сила и слабость русской революции», а затем в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин отмечает, что крестьянская идея равенства является самой революционной идеей в борьбе со старым порядком абсолютизма вообще и с крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности. Эта «идея *равенства,* — говорит В. И. Ленин, — законна и прогрессивна у мелкого буржуа-крестьянина, поскольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим»[1].

Но, говоря об этом, В. И. Ленин подчеркивал, что требования уравнительного раздела земли с точки зрения научного социализма являются утопичными, ибо в условиях капиталистического строя никакой уравнительный раздел земли не избавит широкие крестьянские массы от нищеты и капиталистической эксплуатации.

Критикуя аграрную программу эсеров, В. И. Ленин отмечал, что если крестьянская идея уравнительного раздела земли являлась в своей основе прогрессивной, была направлена на решительное искоренение остатков крепостничества и свободное развитие капиталистических отношений в деревне, то явно реакционный характер носит попытка эсеров представить уравнительный раздел земли между крестьянами как социалистическое мероприятие, как конечный результат социалистической революции в деревне.

В. И. Ленин подверг самой резкой и уничтожающей критике аграрную программу контрреволюционной партии кадетов, пытавшейся примирить крестьян с помещиками. Кадеты[2] всеми мерами стремились сохранить помещичье землевладение и соглашались лишь на частичное отчуждение помещичьей земли по «справедливой» оценке, устанавливаемой помещиками. Чтобы

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 214.

[2] Конституционно-демократическая партия — главная буржуазная партия в России, партия либерально-монархической буржуазии; оформилась в октябре 1905 г.

предотвратить захват крестьянами помещичьих земель, кадеты обещали увеличить их земельные наделы за счет удельных, кабинетских, монастырских и государственных земель. «В своей аграрной программе, — отмечал В. И. Ленин, — кадеты, как и всегда, ужом вьются между помещиками и крестьянами, между старой властью и народной свободой»[1].

Своей предательской контрреволюционной политикой русская либеральная буржуазия пыталась совлечь крестьянство с правильного революционного пути, оторвать его от пролетариата, расколоть силы революции и этим погубить ее. Вот почему борьба рабочего класса и его большевистской партии с либеральной буржуазией и ее партией кадетов за крестьянские массы составляла основное содержание борьбы, определившей судьбы первой русской революции.

В. И. Ленин отмечал, что ни одно глубокое и могучее движение в истории народов не обходилось без грязной пены. Партия кадетов и была той грязной пеной, которая на мощных волнах народной революции в России пыталась создать себе ореол славы демократов, руководителей освободительного движения. Предавая интересы крестьян, кадеты всемерно пытались затемнить их сознание приукрашенной ложью, сбить массы с правильного пути. Так было во всей стране, так было и в Поволжье.

Но почему же русская либеральная буржуазия занимала в период первой русской революции трусливую и двойственную политику в аграрном вопросе? Почему она выступила против национализации земли?

Во-первых, потому, что к моменту революции 1905 г. она уже сама в значительной мере обзавелась землей и поэтому не хотела выступать против помещичьей собственности на землю.

Во-вторых, и это главное, она стремилась не допустить роста революционного движения, боялась, что нападение сегодня на одну форму собственности — помещичью — может привести завтра к нападению на другую форму собственности — капиталистическую. Страх перед революционным пролетариатом бросил русскую буржуазию в объятия царизма. Кадеты в аграрном вопросе поступали так, как это было выгодно помещикам.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 384.

Партия кадетов действовала в революции на стороне контрреволюции, но особенно круто она повернула вправо в период столыпинской реакции, когда кадеты отказались от собственной аграрной программы и перешли на позицию фактической поддержки аграрного закона, предложенного Столыпиным[1].

Таким образом, ни у одной политической партии России не было правильной аграрной программы, хотя в революции 1905—1907 гг. главным экономическим вопросом был крестьянский (аграрный) вопрос. Программы правых буржуазных партий были откровенно крепостническими, программы левых мелкобуржуазных партий, в частности трудовиков, энесов, эсеров, стремились защищать интересы крестьян, но допускали большие теоретические ошибки и не нацеливали на практическое решение аграрного вопроса в интересах прежде всего пролетарской и полупролетарской части крестьян.

Правильной аграрной программы в период первой русской революции не было и у Российской социал-демократической рабочей партии. Принятые третьим, большевистским, съездом (апрель 1905 г.) и первой, Таммерфорсской, конференцией РСДРП (декабрь 1905 г.) правильные тактические решения по крестьянскому вопросу были на некоторое время сорваны меньшевиками при объединении с ними.

Аграрная программа, принятая на IV (Объединительном) съезде РСДРП (апрель 1906 г.), была в корне ошибочной и политически вредной. В ней, как известно, сочетались и национализация, и муниципализация, и сохранение частной собственности на землю, и раздел части помещичьих земель. Критикуя эту аграрную программу, В. И. Ленин писал: «*На деле* наша партийная программа остается программой *сделки с реакцией*. Это не социал-демократическая, а кадетская программа, если брать *ее реальное политическое* значение в обстановке современной России...»[2].

---

[1] П. А. Столыпин — крупный помещик Саратовской губ. Будучи губернатором, «прославился» как глушитель крестьянских восстаний. 26 апреля 1906 г. был назначен на пост министра внутренних дел. 8 июля 1906 г. занял пост председателя совета министров, сохранив за собой пост м.в.д. С его именем связано осуществление в России ряда реакционных законов и мероприятий правительства; отсюда и название — «столыпинская реакция».

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 308.

В. И. Ленин сразу же после съезда написал от имени делегатов-большевиков обращение к партии, в котором, критикуя принятую IV съездом аграрную программу, призывал партию отменить ее на очередном съезде, как явно ошибочную. Это обращение к партии было правильно воспринято большевистскими организациями Среднего Поволжья. Они не признали аграрную программу, принятую на IV (Объединительном) съезде, хотя меньшевикам и удалось в ряде мест внести большую путаницу в требования партии по аграрно-крестьянскому вопросу. Вот почему В. И. Ленин, анализируя прения во второй Государственной думе по аграрному вопросу, отмечал, что социал-демократы решительно защищали дело крестьянской революции, однако «...не были в состоянии последовательно руководить крестьянской революцией, вследствие ошибочности партийной аграрной программы»[1].

Правильное решение аграрного вопроса в условиях буржуазной революции в России предлагала тогда только ленинская программа национализации земли. Она была рассчитана не только на победу буржуазно-демократической революции, а и на то, что в силу объективных экономических условий и законов классовой борьбы победившая буржуазно-демократическая революция начнет перерастать в революцию социалистическую.

В. И. Ленин считал, что полное разрешение аграрного вопроса в интересах трудящихся масс крестьянства возможно лишь в условиях победы социалистической революции, при установлении диктатуры пролетариата. Только с решением главного вопроса революции — вопроса о власти — можно положительно решить и вопрос крестьянский, вопрос земельный. Об этом свидетельствует опыт Великой Октябрьской социалистической революции в России, опыт социалистических революций в странах народной демократии.

2. Формы работы большевиков Среднего Поволжья среди крестьянства в начале революции

Расстрел питерских рабочих 9 января 1905 г. пробудил к сознательной борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян. Это событие явилось поворотным

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 386.

пунктом в истории освободительного движения России, ознаменовало собой начало первой русской революции.

Если раньше остатки детской веры в царя еще удерживали рабочих и крестьян от восстания, то «теперь, — отмечал В. И. Ленин, — они могут идти и пойдут на восстание. «Царь-батюшка» своей кровавой расправой с безоружными рабочими сам толкнул на баррикады и дал им первые уроки борьбы на баррикадах. Уроки «батюшки-царя» не пропадут даром»[1]. Потрясенные зверской расправой 9 января над мирным народом, рабочие тут же, на улицах Петербурга, начали вооружаться, строить баррикады и с лозунгом «смерть или свобода!» геройски отбивать атаки солдат и казаков.

В. И. Ленин указывал, что расстрел 9 января явился для рабочего класса великим уроком гражданской войны, что «...революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни»[2]. Начавшаяся после «кровавого воскресенья» всеобщая стачка рабочих Петербурга была поддержана пролетариями многих городов России.

В едином потоке пролетарской борьбы против царского самодержавия выступили и рабочие промышленных районов Среднего Поволжья. Уже 11 января Саратовский комитет РСДРП выпустил специальную листовку, в которой писал: «Товарищи! Первый удар революции раздался... Очередь за нами. Поддержим наших питерских товарищей... Бросайте работу! Да здравствует всеобщая стачка! Долой правительство убийц и насильников! Да здравствует всенародное Учредительное собрание!»[3]

Призыв комитета РСДРП был подхвачен. 12 января в Саратове началась всеобщая политическая стачка рабочих, которая продолжалась 10 дней. Насколько острой была борьба, можно судить по телеграмме губернатора от 14 января на имя министра внутренних дел. Губернатор Столыпин доносил: «Забастовали все заводы, фабрики, типографии, мукомольни, электрические стан-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 93.

[2] Там же, стр. 77.

[3] ЦГИАМ, ф. ДП. 00, 1905 г., д. 5, ч. 16, л. 64. Более полно эта листовка изложена в кн. Г. Ходакова «Очерки Саратовской организации КПСС», ч. 1, стр. 77. Саратов, 1957.

ции, железнодорожные мастерские, стрелочники товарной станции, служащие управления железной дороги, городской и губернской земских управ. Выпуск газет и товарное железнодорожное движение прекращено. Войск 2400 человек, остальные ненадежные запасные. Вторично прошу выслать два батальона из Пензы»[1].

С помощью прибывших войск Столыпину удалось подавить политическую стачку саратовских рабочих, а наиболее активную часть организаторов и руководителей стачки, главным образом большевиков, арестовать. Но успех Столыпина был непродолжительным: уже в начале февраля в городе началась новая стачка рабочих, которую снова возглавил Саратовский комитет РСДРП.

На высоком уровне проходили январские выступления и самарских рабочих. Комитет РСДРП опубликовал 13 января листовку «Ко всем рабочим», в которой говорилось: «...Товарищи! Кровь наших братьев требует отмщения! Пусть это будет последним злодеянием самодержавия! Пусть волна народного негодования снесет народного палача! Петербургские товарищи ждут отклика, ждут поддержки»[2]. В заключение листовка призывала рабочих к свержению царского самодержавия.

Однако сопротивление меньшевиков не позволило Самарскому комитету РСДРП быстро организовать в городе всеобщую политическую стачку. Первыми на поддержку питерских товарищей выступили рабочие чугунолитейного завода Молчанова (только 17 января). На другой день в забастовку включились типография, железнодорожные мастерские, механический завод Лебедева. 19 января к забастовке присоединились рабочие мельниц и многих других предприятий города. 21 января забастовали рабочие железнодорожных мастерских, 22 января — депо ст. Самара. С этого времени забастовка стала всеобщей[3].

Массовые забастовки рабочих, служащих и студентов прошли в январе 1905 г. и в Казани. Первыми на призыв

---

[1] ЦГИАМ, ф. ДП. 00, д. 4, ч. 64, л. 15, 1905 г.

[2] ГАКО, коллекция нелегальных изд., инв. № 11. Листовка опубликована в сб. «1905 год в Самарском крае», 1925 г., а также в сб. «Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии», 1955 г., стр. 26.

[3] «Самарский курьер» № 207, январь 1905 г.

комитета РСДРП откликнулись 20 января рабочие алфузовских предприятий. Началось это так. 20 января забастовали 250 работниц текстильных фабрик. Они потребовали увеличить заработную плату, сократить рабочий день. Их поддержали остальные две тысячи текстильщиков. Примеру алфузовских рабочих последовали рабочие заводов Свешникова, Локке и других предприятий города. Стачка продолжалась 4 дня[1].

Спустя несколько дней, 31 января, забастовали рабочие типографий Домбровского, Гран, Харитонова, а с утра 1 февраля к ним присоединились и остальные восемь типографий. Стачка полиграфистов продолжалась пять дней[2].

После январских событий в Петербурге Казанский комитет РСДРП развернул большую агитационную работу. Им было напечатано и распространено среди населения города до десяти тысяч листовок в январе и 17 тысяч — в феврале, а всего с присланными из ЦК РСДРП было распространено за это время свыше 40 тысяч листовок[3].

Однако Казанскому комитету не удалось превратить вспыхнувшую 20 января забастовку рабочих предприятий Алфузова во всеобщую политическую стачку. Комитет не добился и того, чтобы политические требования, изложенные им в своих листовках, стали требованиями самих рабочих.

С призывами «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода народа!» выступила в январские дни 1905 г. симбирская группа РСДРП[4]. На ряде предприятий губернии и, в частности, на суконных фабриках Гурьевского промышленного района, в железнодорожных мастерских станций Сызрань и Алатырь прошли крупные забастовки солидарности с петербургскими товарищами.

Всеобщие политические стачки в Саратове и Самаре, мощная волна забастовочного движения рабочих Казани и других городов Среднего Поволжья явились

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, ед. хр. 4, л. 184.

[2] Сб. документов «Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг.». Татгосиздат, 1957, док. № 7, 8, 17, 18, 20, 22, 24, 30, 31, 33.

[3] «Вперед» № 15, апрель 1905 г.

[4] См. Прокламации Симбирской организации РСДРП в период 1904—1907 гг. Ульяновск, 1951, стр 20—21.

огромной школой политического воспитания масс, школой организованной и политически осмысленной борьбы против царского самодержавия и капиталистического гнета.

Январские выступления пролетариата были мощным толчком, способствовавшим политическому пробуждению деревни, оказали огромное революционизирующее влияние на крестьянские массы. Так было по всей стране, так было и в губерниях Среднего Поволжья.

Огненные слова большевистской партии проникали в самые отдаленные и глухие деревни, вызывая там невиданное ранее «брожение» умов. Уже в январе 1905 г. уездные исправники начали непрерывным потоком направлять в адрес губернаторов тревожные сообщения. Так, например, сызранский уездный исправник докладывал, что крестьянин с. Александровки Жигулевской волости Федор Маркваменцев распространяет слышанный им разговор о поражении самодержавия в войне с Японией и скором свержении царя[1].

Курмышский исправник сообщал: «В деревнях уезда среди крестьян ходят слухи о том, что в России скоро будут менять царя»[2]. В другом докладе этого же исправника говорилось, что с крестьянами с. Кочетовки беседовал некий Нестеров. Смысл его речей сводился к тому, что надо ликвидировать самодержавие и тогда мужикам будет легче жить. А когда кто-то из слушателей высказал сожаление по поводу кончины «великого князя» Сергея Александровича, Нестеров сказал: «Так ему и надо. Он в Москве не одну тысячу народа задушил»[3].

Симбирский уездный исправник доносил: в деревне Екатериновке идут усиленные слухи о том, что скоро жизни государя будет конец и что в России установят республику[4]. В другом донесении он же докладывал губернатору о том, что крестьянка деревни Буйковки Н.-Кулинской волости Мария Вехова, узнав об убийстве «великого князя» Сергея Александровича, заявила: «Одного мерзавца убили, хорошо бы ухлопать другого»[5].

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 74-а, л. 40.
[2] Там же, л. 48.
[3] Там же, л. 49.
[4] Там же, л. 54.
[5] Там же, л. 56.

Слухи о скором свержении самодержавия и бесплатной раздаче крестьянам помещичьих земель распространялись в деревнях со сказочной быстротой. Эти слухи оказывали огромное революционизирующее влияние на поведение крестьян, на их отношения с помещиками, управляющими имений, представителями местных властей.

Помощник начальника губернского жандармского управления ротмистр Заварицкий, наблюдавший за политическим состоянием в Сызранском и Сенгилеевском уездах, сообщал 19 февраля 1905 г. о том, что среди крестьян упомянутых уездов замечается сильное брожение против земских начальников. Он писал, что своевластие, неправосудие особенно резко бросается в глаза в Сызранском уезде, где почти все земские начальники являются родственниками и свойственниками между собой и благодаря этому произвол их царствует повсюду: и в судебном, и в административном отношении[1].

Об этом же говорит в своем донесении и начальник Симбирского губернского жандармского управления. Докладывая департаменту полиции о первых признаках крестьянского движения в Алатырском и Курмышском уездах в январе и феврале 1905 г., полковник Ловягин отмечал, что крестьяне очень враждебно настроены против земских начальников[2].

В борьбе за крестьянские массы в период первой русской революции большевистская партия использовала все формы работы в деревне, начиная от выступлений на сельских сходах до образования революционных крестьянских комитетов и организации масс на открытую вооруженную борьбу против помещиков и царского самодержавия. Следует отметить, что эти формы на разных этапах революции были неодинаковыми.

Если стратегический план большевистской партии оставался неизменным на всем этапе буржуазно-демократической революции, то тактические лозунги большевиков менялись в зависимости от приливов и отливов революции. От подъема и спада революции в значительной мере зависели и формы работы в массах. Период подъема революции был особенно богат разнообразием форм работы большевиков в деревне.

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 74-а, л. 64.

[2] А. Шестаков. Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России. М., 1926, стр. 26.

В начальный период революции партия находилась в подполье и всю свою работу среди крестьян вела конспиративно. В это время большевики усиленно налаживали печатную пропаганду и пути живой связи с деревней, выявляли и создавали из наиболее сознательной части крестьян революционное ядро, разъясняли ближайшие задачи их борьбы с помещиками и царским правительством.

Огромное оживление, а вместе с ним рождение новых форм работы большевиков в деревне связано с октябрьскими событиями, когда революционный народ силой вырвал у самодержавия некоторые свободы. Октябрь и особенно декабрь 1905 г. ознаменовали собой высшую точку революционного движения не только в городе, но и в деревне. В. И. Ленин отмечал, что это было время максимального расцвета народной самодеятельности.

Рассмотрим, какими же были формы работы партии в деревне в начальный период революции, в чем заключалась борьба большевиков за крестьянские массы как союзника пролетариата в революции.

а) БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО

В развитии аграрной революции и в политическом воспитании крестьянских масс как союзника пролетариата по его борьбе за власть огромная роль принадлежала большевистской печати.

В. И. Ленин придавал печати огромное значение. С «обличительной литературы» — небольших листовок В. И. Ленин развернул в середине 90-х годов прошлого века политическую войну с царским самодержавием и капиталистами.

С газеты «Искра» начал он в 1900 г. создавать марксистскую партию рабочего класса — партию нового типа. В. И. Ленин видел в газете не только коллективного пропагандиста и коллективного агитатора, но также и коллективного организатора[1].

Возникшая в 1903 г. на идейных и организационных основах ленинской «Искры» большевистская партия уже

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 469.

и 1905 г. доказала, что она является главной силой в революционном движении, подлинной выразительницей коренных интересов рабочего класса и крестьянства, их политическим руководителем.

Большевистская партия издавала в годы первой русской революции более ста нелегальных и легальных газет[1]. К числу нелегальных относились прежде всего газеты «Вперед»[2] и «Пролетарий»[3]. Они выпускались за границей (в Женеве). В них было опубликовано около ста статей и заметок, написанных В. И. Лениным. В 1905 г. Центральный Комитет большевиков издавал нелегальную массовую газету «Рабочий»[4] и легальную газету «Новая жизнь»[5].

Успехи, завоеванные революционным пролетариатом в октябре 1905 г., создали некоторую возможность для легальной работы в массах. В конце 1905 г. В. И. Ленин тайно переезжает в Россию и немедленно развертывает огромную деятельность по созданию легальной и нелегальной большевистской печати. В 1906 г. вновь организуются две центральные большевистские газеты — «Пролетарий»[6] и «Вперед»[7], а также начинают выходить легально «Новая жизнь», «Волна», «Вперед», «Эхо», «Тернии труда», «Простые речи», «Зрение», «Новый луч», «Рабочая молва», «Труд». Кроме того, до

---

[1] Сведения о всех периодических изданиях взяты из «Предварительного списка изданий России с 1901 по 1916 г.». Ленинград, 1949. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. См. также И. Портянкин, «Большевистская печать в годы первой русской революции». Госполитиздат, М., 1956.

[2] «Вперед» вых. с 4 января по 18 мая (нового стиля) 1905 г. Вышло 18 номеров. Редактором был В. И. Ленин.

[3] «Пролетарий» вых. с 27 мая по 25 ноября 1905 г. Вышло 26 номеров. Решением пленума ЦК большевиков 27 апреля 1905 г. редактором газеты был назначен В. И. Ленин.

[4] «Рабочий» вых. с 1 августа по 25 октября 1905 г. Вышло 4 номера. Издавалась в Москве.

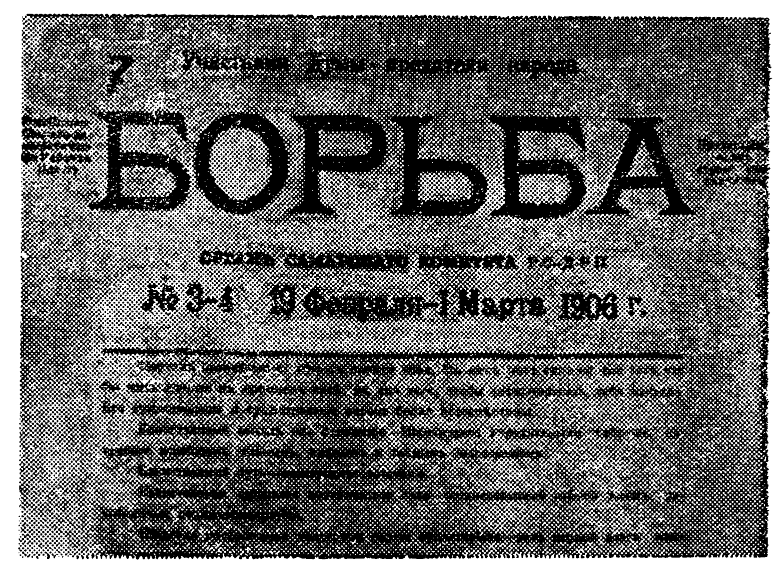
[5] «Новая жизнь» — первая легальная большевистская газета, вых. с 9 ноября по 16 декабря 1905 г. Вышло 28 номеров (последний номер — нелегально).

[6] Газета «Пролетарий», основанная большевиками после IV (Объединительного) съезда РСДРП, вых. с 3 сентября 1906 г. по 11 декабря 1909 г. Редактором был В. И. Ленин. Первые 20 номеров вышли в Финляндии, а остальные печатались сначала в Женеве, затем в Париже.

[7] Газета «Вперед» издавалась в Выборге с 10 сентября 1906 г. по 19 января 1908 г. Руководящая роль принадлежала В. И. Ленину.

сотни нелегальных и легальных газет издавалось местными комитетами.

Имели свои печатные органы и все комитеты большевистской партии в Среднем Поволжье. Так, Казанский комитет издавал в период революции нелегальную газету «Рабочий», организатором и руководителем которой был Я. М. Свердлов[1]. Комитет выпускал также «Крестьянский листок» и, кроме того, под руководством комитета выходили три легальные газеты: «Волжский листок», «Дневник Казани», «Волжский курьер».

БОРЬБА

№ 3-4 19 Февраля-1 Марта 1906 г.

Одна из нелегальных газет Самарского комитета РСДРП

Симбирский комитет РСДРП издавал нелегальную газету «Наши дни».

Под руководством большевиков в г. Сызрани выходила легальная газета «Сызранское утро»[2].

---

[1] Я. М. Свердлов по указанию В. И. Ленина прибыл из Костромы в Казань, где с февраля по октябрь 1905 г. возглавлял большевистскую организацию. В октябре 1905 г. был откомандирован ЦК на Урал.

[2] Нелегальным редактором ее был известный большевик М. Т. Елизаров, муж А. И. Ульяновой.

Самарский комитет РСДРП издавал нелегальные газеты «Сызрань», «Борьба» и легальную «Самарская лука». Кроме того, выпускались три листка: «Крестьянский листок», «Солдатский листок», «Типографский листок».

Саратовский комитет РСДРП в годы первой русской революции издавал в общей сложности пять газет и листков.

Несмотря на незначительное количество большевистских газет по сравнению с тем, что издавалось правительственными органами, организациями помещиков и буржуазии, большевистские газеты, как центральные, так и местные, оказывали огромное влияние на развитие и характер крестьянского движения.

Публикуя революционную хронику, местные газеты разъясняли широким массам крестьян смысл всенародной борьбы, учили их тому, в союзе с какими силами и против кого крестьяне должны выступать в революции, чтобы добиться свободы и получить землю.

Так, например, редакция нелегальной газеты Казанского комитета РСДРП «Рабочий», публикуя в специальном приложении «Из деревни» переписку крестьян Курмышского уезда Симбирской губернии с руководителями «Крестьянского союза», в примечании указывала, что борьба городских рабочих с самодержавием отражается и в деревне. «Крестьяне, до сих пор покорно выносившие гнет нищеты и бесправия, теперь начинают подниматься и подхватывать наши демократические и политические требования»[1].

Далее в примечании говорилось, что «мы — рабочие социал-демократы должны поддержать крестьян в требовании конфискации земли у государства, уделов, помещиков, монастырей и разъяснить крестьянам, что освободиться от гнета они смогут лишь полагаясь на себя и городских рабочих, а не на царя или начальство. Царское правительство уступает только перед силой».

Много интересного материала о крестьянском движении публиковалось и в «Крестьянском листке», который выпускался Саратовским комитетом. В корреспонденции «Что делается в деревне», опубликованной в № 4 от 7 октября 1905 г., на вопрос: «Как крестьяне должны вести себя в начавшейся революции: сидеть по-

---

[1] «Рабочий» № 3, 1905 г.

прежнему молча и без ропота нести кабалу помещиков или бороться с ними дружными действиями, как учат социал-демократы?» — давался такой ответ:

«Нет, товарищи крестьяне... не с царем-насильником, не с бездельниками-министрами и губернаторами, не с земскими и становыми, не с помещиками-угнетателями вам идти вместе. Целые века угнетали вас царь и его прихвостни. Все соки до капли высосала из вас свора помещиков. Довольно! Будет. Насосались. Вы, крестьяне, тоже люди, вы тоже хотите свободы. Но за эту свободу вам надо биться до конца вместе с вашими истинными друзьями — рабочими социал-демократами. Они показали вам свет правды, они расшевелили ваши головы, они научили вас борьбе»[1].

Следует отметить, что из-за частых полицейских налетов, конфискаций типографского оборудования и арестов работников партии многие из перечисленных большевистских газет прекращали свое существование после выхода в свет двух — четырех номеров. Так, например, редакции нелегальной газеты Саратовского комитета РСДРП «За волю и землю» удалось выпустить всего два номера. Было отпечатано лишь три номера нелегальной газеты Казанского комитета РСДРП «Рабочий», четыре номера нелегальной газеты Самарского комитета РСДРП «Борьба» и т. п.

Наиболее оперативным и прямо-таки незаменимым средством с точки зрения массовой агитации и организации масс на борьбу против самодержавия, буржуазии и помещиков являлись листовки. В. И. Ленин придавал этой форме распространения большевистских идей огромное значение.

Центральный Комитет большевиков, вскоре после кровавых событий в Петербурге, опубликовал обращение под заголовком «Крестьяне, к вам наше слово». В нем содержался призыв собирать мирские сходы и заявлять на них открыто о том, что «солдаты, дети народа, живущие за счет народа, не смеют стрелять в народ». Центральный Комитет рекомендовал крестьянам рассылать это решение всем солдатам своего села, деревни, а также отказываться от уплаты царскому правительству податей, налогов, от взноса натуральных повинностей.

---

[1] ГАСО, ф. листовок, инв. № 3870.

В этом обращении ЦК РСДРП говорилось: «Крестьяне, сговаривайтесь с рабочими, вооружайтесь, а когда начнется в городах решительная борьба, то снимайтесь с места и целыми селами и деревнями направляйтесь в города, заполняйте городские улицы, поддерживайте ваших братьев рабочих! Когда вы присоединитесь к городским рабочим, ничто не сможет устоять против такой силы. Ваш союз с рабочими означает победу революции, а победа революции означает свободу и лучшую долю для всего народа»[1].

Текст обращения Центрального Комитета был широко распространен в деревнях Среднего Поволжья. Так, например, из донесения исправника Алатырского уезда Симбирской губернии видно, что листовку с этим обращением в числе других полиция находила в селах, расположенных неподалеку от города Алатыря[2].

ЦК РСДРП издавал листовки и обращения к крестьянам в связи с каждым крупным событием в стране. После того, как появился царский рескрипт министру Горемыкину об «упрочении земельного строя крестьян при непременном условии сохранения частного землевладения от всяких на него посягательств», Центральный Комитет опубликовал в апреле 1905 г. листовку под заголовком «Новые царские милости», в которой разоблачал антикрестьянский характер политики царского правительства.

Большое количество листовок было издано в связи с бойкотом булыгинской и первой Государственной дум. В ряде листовок ЦК разъяснял необходимость созыва Учредительного собрания. По выходе в свет царского манифеста 17 октября Центральный Комитет разоблачил в листовках его антинародный характер и призывал революционный народ к вооруженному восстанию против царского правительства.

В листовках Центрального Комитета большевистские организации Среднего Поволжья находили изложение программы своей работы в деревне, тактики рабочей партии по всем главным вопросам революции.

Немало листовок издавалось и на местах, хотя не все организации оказались способными с самого начала поставить это важное дело. В. И. Ленин еще накану-

---

[1] ГАУО, ф. 76, д. 70, л. 404.

[2] Там же.

не первой русской революции резко критиковал тех работников социал-демократических комитетов, которые не понимали, какую огромную роль могут выполнять листовки, написанные на местном материале.

Некоторые комитетчики были настолько бездеятельными, что даже не смогли наладить распространение тех листовок, которые с огромными трудностями доставлялись им из-за границы. По поводу таких деятелей В. И. Ленин еще в период своей работы в «Искре» писал: «*Дайте* нам листки! Комитеты не могут!! Напишите, доставьте, привезите (и распространите?) листки!

Н...да, это уже вот последовательно. Я разеваю рот, — а вы сыпьте: вот новая формула отношений «писателя» и «искряка»-практика! Договориться до того, что местные листки не под силу местным организациям (состоящим из ротозейничающих «деятелей»?), что эти листки должны даваться из-за границы, это уже *предел всего!*»[1]

В другом месте (в «Письме к товарищу о наших организационных задачах») В. И. Ленин разъяснял: «Наладить, сорганизовать дело быстрой и правильной передачи литературы, листков, прокламаций и пр., приучить к этому целую сеть агентов — это значит сделать *большую* половину дела по подготовке в будущем демонстраций или восстания»[2].

Следует отметить, что критика со стороны В. И. Ленина в адрес некоторых местных работников, а также его указания, как, какими путями и средствами партия должна наладить агитацию, дали свои положительные результаты.

Накануне революции 1905—1907 гг. все комитеты РСДРП Среднего Поволжья сами писали и печатали листовки в своих типографиях. Правда, все это делалось еще медленно и далеко не в тех масштабах, каких требовали интересы революции.

В письме к А. А. Богданову и С. И. Гусеву, в начале 1905 г., В. И. Ленин советовал: «Давайте право любому подкомитету писать и издавать листки без всякой волокиты (не беда, если ошибется: мы во «Вперед»[3] «мягко»

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 284.
[2] Там же, стр. 214.
[3] Имеется в виду редакция большевистской газеты «Вперед».

поправим)»[1]. Эта установка на развитие инициативы у местных работников партии сыграла большую положительную роль.

Сначала листовки печатались на гектографах и на мимеографах небольшими тиражами (от 100 до 1000 экземпляров), а в период революции, когда все губернские комитеты Среднего Поволжья располагали довольно хорошо оборудованными подпольными типографиями, листовки печатались не только на ручных станках, но нередко и на больших машинах тиражами в 10, 20, 40 и даже 50 тыс. экземпляров.

Содержание листовок свидетельствует, что их авторы были людьми не только хорошо политически грамотными, но и прекрасно знающими жизнь крестьян, их нужды, их политические настроения. Листовки писались ярким и доступным для деревенского читателя языком.

Большевистская газета «Вперед» сообщала, что Казанский комитет партии за первые два месяца революции (январь и февраль 1905 г.) напечатал 27 различных листовок общим тиражом 40 800 экземпляров[2]. В последующие месяцы издательская деятельность комитета еще больше усилилась. За четыре месяца (март — июнь) он выпустил 63 листовки общим тиражом 124 694 экземпляра. Из документов видно, что за семь месяцев (с января по июль) 1906 г. на имя начальника казанского губернского жандармского управления поступило 75 донесений о распространении большевистских листовок в сельских местностях[3].

Материалы самарского губернского жандармского управления показывают, что за период с января по май 1905 г. полицией были обнаружены большевистские листовки в 104 селах[4]. Надо полагать, что полиция узнала далеко не о всех листовках, которые направлялись в сельские местности. Суммируя данные из различных источников, можно считать установленным, что Самарский комитет РСДРП издал за 1905 г. 75 листовок общим тиражом свыше 300 000 экземпляров.

В еще больших количествах печатал листовки для крестьян Саратовский комитет РСДРП. Он даже в период

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 125.
[2] «Вперед» № 15, 1905 г.
[3] ЦА ТАССР, ф. 1, св. 197, д. 4110.
[4] ГАКО, ф. 1. С, оп. 1, дд. 450—452.

спада революции и наступления реакции (1906—1907 гг.) находил возможность издавать свои листовки. Так, например, им только за семь месяцев (с июля 1906 г. по февраль 1907 г.) было распространено около 90 тыс. экземпляров листовок.

О размахе издательской деятельности Саратовского комитета РСДРП в начале 1906 г. убедительно свидетельствует донесение начальника саратовского охранного отделения ротмистра Федорова. В донесении на имя директора департамента полиции Э. И. Вучича он сообщал, что в ночь на 15 февраля 1906 г. полицией был обнаружен на квартире крестьянки Анны Алексеевны Самойловой склад революционной литературы, принадлежащей саратовской социал-демократической организации. При обыске изъято 65 рукописей и 3325 экземпляров большевистских листовок[1].

Значительная часть листовок была предназначена для села, в том числе, например, «Царская речь к крестьянам», «Крестьяне», «Экономическое и правовое положение крестьянства», «Крестьянский листок» № 4 («Что делается в деревне»), «Резолюция съезда крестьян Камышинского уезда, Саратовской губ., созванного Камышинской группой Российской социал-демократической рабочей партии 4 декабря 1905 г.» (этот документ также был отпечатан массовым тиражом в виде листовки).

В ту же ночь, с 14 на 15 февраля 1906 г., в квартире другой саратовской большевички — Аграфены Николаевны Намняевой полиция конфисковала 273 экземпляра листовки «К крестьянам», 726 — «Царской речи к крестьянам», 225 экземпляров листовки «Крестьяне». Кроме того, было изъято 250 экземпляров отпечатанной в виде листовки резолюции съезда крестьян Камышинского уезда и много другой социал-демократической литературы[2].

Саратовский комитет РСДРП занимал первое место по изданию листовок среди всех социал-демократических комитетов Поволжья. По неполным сведениям, собранным из различных источников, им было издано за три года первой русской революции более 400 различных наименований общим тиражом свыше двух миллионов экземпляров.

---

[1] ЦГИАМ, ф. ДП, 7 делопр-во, 1906 г., д. 2, ч. 52, лл. 94—95.
[2] ГАСО, ф. СОО, д. 29, лл. 15—16.

Особенно много распространялось большевистских листовок среди крестьян в период наивысшего подъема революции (октябрь — декабрь 1905 г.). Так, если за первые девять месяцев 1905 г. Самарский комитет РСДРП выпустил 48 названий листовок общим тиражом в 156 тыс. экземпляров, то за последние три месяца, и главным образом за октябрь и ноябрь 1905 г., им было напечатано 27 названий общим тиражом 149 тыс. экземпляров[1]. Значительная часть этих листовок была посвящена крестьянам.

Количество большевистских листовок, изданных Самарским комитетом РСДРП в период первой русской революции

В это время почти во всех уездах Среднего Поволжья создаются большевистские организации, которые, перенимая опыт губернских комитетов РСДРП, заводят свое

[1] Ф. Я. Водоватов. Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957, стр. 94.

небольшое типографское хозяйство, создают литературные группы и начинают самостоятельно издавать листовки. К таким уездным группам РСДРП следует отнести, прежде всего, Камышинскую (Саратовская губ.), Сызранскую (Симбирская губ.), Чистопольскую (Казанская губ.).

Учитывая многонациональный состав населения Среднего Поволжья, некоторые большевистские организации нередко печатали специальные листовки к татарским, чувашским, мордовским крестьянам на их родном языке. Так, при Казанском комитете РСДРП была учреждена специальная «татарская группа» во главе с видным большевиком Ямашевым. Эта группа, наряду с устной пропагандой и агитацией среди населения, занималась также изданием листовок на татарском языке.

Пропагандистская деятельность большевика Ямашева была высоко оценена ленинской газетой «Пролетарий», которая писала: «При (Казанском. — **И. Ш.**) комитете находится организатор — татарин, мнения которого очень ценятся комитетом, что вполне понятно, если принять в соображение, что 30 процентов населения Казани — татары... Между прочим, он основательный социал-демократ ортодоксального толка, без малейшей примеси национализма»[1].

Разнообразной и интересной по содержанию была тематика большевистских листовок. В них убедительно разъяснялись крестьянам причины их тяжелого экономического положения и политического бесправия, приводились конкретные факты, показывающие страшную нищету деревни, вызванную острой нехваткой земли у большинства хозяйств.

Листовки убедительно раскрывали смысл крепостнической эксплуатации, решительно разоблачали лживость царских манифестов[2], призывали к захвату помещичьих земель, к образованию на местах революционных крестьянских комитетов, к совместной с рабочими

---

[1] «Пролетарий» № 22, 1905 г.

[2] Имеются в виду царские манифесты от 6 августа 1905 г. (о созыве булыгинской думы), от 17 октября 1905 г. (о царской свободе), от 3 ноября 1906 г. (о сложении с крестьян половины выкупных платежей и покупке земли крестьянами через «Крестьянский банк»).

вооруженной борьбе против помещиков и царского самодержавия.

Поднималось и много других важнейших для того времени вопросов. Так, в листовке «От саратовских рабочих к крестьянам»[1] рассказывалось о тяжелых страданиях, которые переживали тогда рабочие и крестьяне в связи с империалистической русско-японской войной 1904—1905 гг. Листовка призывала крестьян к объединению их с рабочими, к совместной вооруженной борьбе против царского самодержавия, к введению в России всеобщего избирательного права, установлению свободы слова, печати, союзов, собраний, стачек, к завоеванию «права на осмысленную человеческую жизнь».

В листовке «К крестьянам»[2], изданной Саратовским комитетом РСДРП в сентябре 1905 г., большевики разъясняли характер освободительного движения в России и подчеркивали, что у рабочих и крестьян нет более жестокого врага, чем русский царь-самодержец, и что напрасно крестьяне верят, что царь когда-нибудь даст им землю и волю, защитит их от помещиков-крепостников. На вопрос: что необходимо делать крестьянам, чтобы получить свободу и землю, — саратовские большевики отвечали: «учиться у рабочих».

Большевики призывали не платить налогов, отказываться от военной службы, не подчиняться царским чиновникам, устраивать в деревнях политические демонстрации, требовать созыва Учредительного собрания, создавать крестьянские комитеты и самим решать, какие земли следует отбирать у казны, уделов и помещиков. Листовка призывала крестьян к тесному союзу с рабочими, к дружному выступлению вместе с ними против царского самодержавия. Эта листовка получила высокую оценку В. И. Ленина и была напечатана в № 24 газеты «Пролетарий» 7 ноября 1905 г.[3]

Призыв — «учиться у рабочих» борьбе с царским са-

---

[1] Сб. «Листовки большевиков Среднего Поволжья к крестьянам в период революции 1905—1907 гг.». Ученые записки Ульяновского пединститута, т. XIV, 1959, стр. 25—26.

[2] Сб. «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.». Госполитиздат, 1956, ч. 2, стр. 363—365.

[3] В примечании к листовке В. И. Ленин подчеркнул, что Саратовский комитет РСДРП наиболее тесно связан с деревней.

модержавием — ясно звучит и в листовке «К крестьянам»[1], опубликованной Саратовским комитетом РСДРП в ноябре 1905 г. После перечисления ряда конкретных задач, за которые необходимо бороться, в ней указывалось, что сила крестьян будет заключаться не в погромах помещичьих усадеб и не в убийствах отдельных помещиков, а в объединении. Рабочие не жгут фабрик и заводов, не ломают машин, но представляют собой могучую силу и только потому, что они соединились под знаменем Всероссийской социал-демократической рабочей партии. Листовка призывала крестьян создавать революционные кружки, союзы, комитеты и смелее вступать в борьбу за лучшую долю, за волю и власть народа.

Значительный интерес с точки зрения политического воспитания масс вызывала «Крестьянская памятка», опубликованная Самарским комитетом РСДРП[2]. Она при помощи ярких и убедительных примеров рисовала жизнь людей разных классов, рассказывала, как правительство обирает крестьян и как оно безрассудно транжирит народные деньги на содержание царской семьи и государственных чиновников. В «памятке» приводились данные о том, что царь получает в год 12 800 тыс. руб., или 35 тыс. руб. в день, а крестьянин-лапотник, работающий от зари до зари, вряд ли зарабатывает в день 20 копеек.

Русский царь является самым крупным помещиком России, говорилось в «памятке». У него только в Сибири более 42 миллионов десятин земли. Кроме того, удельные земли, принадлежащие лицам царской фамилии, составляют семь миллионов десятин, которые арендуются крестьянами по 18—20, а местами и по 25 руб. за десятину. В 1907 г. с этих земель лицами царской фамилии было получено 20 млн. руб. дохода.

Далее рассказывалось, как царь и его правительство безрассудно транжирят народные деньги на содержание бездарных генералов, чиновников и прочей своры. Так, например, генерал Куропаткин, «победоносно» отступавший в Манчжурии, получал в то время 144 тыс. руб.

---

[1] ГАСО, коллекция нелегальных изданий, инв. № 3912. Печатается по подлиннику.

[2] ГАКО, коллекция нелегальных изданий, инв. № 146. См. также сб. «Листовки большевиков Среднего Поволжья к крестьянам в период революции 1905—1907 гг.». Ученые записки Ульяновского пединститута, т. XIV, 1959, стр. 65—71.

в год; адмирал Алексеев, убежавший с награбленными деньгами за границу, — 150 тыс. руб.; бездарный адмирал Рожественский — 100 тыс. руб. в год и т. д.[1]

Крестьянство России выплачивало государству в форме всевозможных налогов и податей огромные суммы, однако правительство расходовало из этих средств на крестьянские нужды ничтожную часть. Если на содержание армии и флота тратилось 420 млн. руб. в год, губернаторов, исправников и полиции — 10 млн. руб., духовенства — 29 млн. руб., тюрем — 14 млн., то на содержание народных школ и учителей расходовалось ежегодно лишь три миллиона рублей.

В заключение «памятки» говорилось, что «все это будет продолжаться до тех пор, пока будет властвовать царь со своими министрами. Выход из этого положения один: долой по шапке все самодержавное правительство, сверху донизу! Управлять и заведовать всеми денежными, земскими и прочими делами в стране должен сам народ через своих выбранных представителей.

Яркую разоблачительную агитацию против царского самодержавия развернула в начале революции и симбирская группа РСДРП, во главе которой в 1905 г. стояли брат В. И. Ленина, профессиональный революционер Д. И. Ульянов[2], З. П. Соловьев[3], С. И. Черномордик[4]. Ак-

---

[1] Все эти генералы занимали высокие командные должности в период русско-японской войны, которую царизм закончил позорным мирным договором.

[2] Д. И. Ульянов с юношеских лет участвовал в революционном движении. После первого ареста был заключен в Таганскую тюрьму в 1897 г. В 1903 г. вел активную работу в ленинской «Искре», делегат II съезда РСДРП. С апреля 1905 г. по февраль 1906 г. был земским врачом в Симбирске и являлся одним из руководителей симбирской организации. После победы Октябрьской революции вел ответственную работу в Крыму, затем в Наркомздраве. Д. И. Ульянов умер в 1943 г.

[3] З. П. Соловьев состоял членом РСДРП с 1898 г. За революционную работу не раз сидел в тюрьме. С начала 1905 г. по февраль 1906 г. работал земским врачом в г. Симбирске и был одним из руководителей симбирской группы РСДРП. Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции. После победы революции вел ответственную работу в органах здравоохранения. З. П. Соловьев умер в 1928 г.

[4] С. И. Черномордик состоял членом РСДРП с 1902 г. За революционную работу несколько раз сидел в тюрьме. С начала 1905 г. один из руководителей симбирской большевистской организации. В августе того же года был отозван в Москву, где работал секретарем МК партии. Умер в 1946 г.

тивное участие в издании большевистских листовок до середины 1905 г. принимали В. И. Орлов[1] и В. В. Рябиков[2].

Симбирская группа переиздала в марте 1905 г. листовку Московского комитета партии «К товарищам крестьянам» тиражом в семь тысяч экземпляров и напечатала большим тиражом несколько своих листовок, также обращенных к крестьянам.

Большевики особенно усилили разоблачение антикрестьянской политики правительства после выхода в свет царского манифеста от 6 августа 1905 г., содержавшего объявление о созыве законосовещательной (так называемой булыгинской) Думы. Агитация большевиков возымела настолько сильное влияние, что народ сорвал выборы в эту пресловутую Думу.

Несомненный интерес представляет листовка «К крестьянам», изданная Самарским комитетом РСДРП в августе 1905 г. тиражом 10 тыс. экземпляров. Ее авторы разоблачали антинародный характер многостепенных выборов и разъясняли массам, что истинные защитники крестьянских интересов в Думу не попадут, что она не даст земли тем, кто на ней работает, не уменьшит с них податей, не избавит их от солдатчины и не сделает равноправными людьми. «Не дайте же обмануть себя, крестьяне, — призывала листовка. — Не дайте Николаю II перехитрить вас, как это удалось его деду! Не надевайте новых цепей на себя!»[3]

Листовка призывала повсеместно отказываться от участия в кампании по выборам и требовать созыва всенародного Учредительного собрания. Большевистское требование созыва Учредительного собрания было в период первой русской революции очень популярным. Оно

---

[1] В. И. Орлов — один из организаторов симбирской группы РСДРП большевиков. В 1908 г. был арестован, сослан в Сибирь, где и умер.

[2] В. В. Рябиков — один из организаторов симбирской группы РСДРП большевиков. Здесь он вел активную работу с 1903 по 1906 г. С 1907 по 1911 г. — на подпольной работе в Казани, Саратове, Самаре. В 1911 г. был сослан в Сибирь на вечное поселение. В последнее время — персональный пенсионер. Умер в 1962 г.

[3] Сб. «Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП (б)». Куйбышев, 1959, стр. 229—234. См. также сб. «Листовки большевиков Среднего Поволжья к крестьянам в период революции 1905—1907 гг.». Ученые записки Ульяновского пединститута, т. XIV, 1959, стр. 60—65.

входило, по мысли В. И. Ленина, «вполне законно в программу революционной социал-демократии, так как в буржуазной республике Учредительное собрание является высшей формой демократизма...»[1]

Передовая часть крестьянства считала, что только Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, способно дать крестьянину свободу и землю. Вот почему крестьяне, повсеместно поддерживая требование большевиков о созыве Учредительного собрания, записывали это требование в постановлениях сельских сходов и рассматривали его как свое собственное.

Однако главной темой во всей агитационно-пропагандистской работе была тогда тема союза рабочего класса и крестьян. Она красной нитью проходит почти через все листовки, изданные как ЦК РСДРП, так и местными комитетами. Большевистская партия видела в союзе рабочего класса и крестьян ту главную общественную силу, которая может свергнуть самодержавие и установить в России демократическую республику, власть народа.

Ведя борьбу за союз рабочего класса и крестьян в революции, ЦК РСДРП и все большевистские организации Среднего Поволжья издали огромное количество специальных листовок к солдатам, как к части крестьянства[2].

В целях политического воспитания крестьянских масс большевики Среднего Поволжья направляли в деревни и села не только свои газеты и листовки. Документы свидетельствуют, что крестьяне читали в период первой русской революции и классическую марксистскую литературу, которая специально засылалась большевиками в народные волостные библиотеки-читальни.

Известная брошюра В. И. Ленина «К деревенской бедноте» была отпечатана большим тиражом, и уже в 1903 г. большевики сумели широко распространить ее в деревне. Казанский комитет РСДРП, с целью популяризации идей этой ленинской работы, издал специальную листовку «Крестьянской бедноте», в которой призы-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 340.

[2] Об этой форме борьбы большевиков за крестьянские массы подробно говорится в следующей главе настоящего исследования.

вал сельских пролетариев не верить царю, помещикам и кулакам-богатеям, которые обманывают бедноту и живут за счет ее ограбления. Листовка заканчивалась так: «Протяните же вы, деревенские бедняки, руку городским рабочим, которые, как и вы, страдают от нищеты, голода и всяких угнетений. И вот, когда поднимутся сильные руки крестьян и рабочих, то цепи, скованные царским самодержавием, разлетятся в прах!»[1]

Брошюра В. И. Ленина «К деревенской бедноте» была широко распространена и в селах Самарской губернии. Потребность в этой работе была настолько большой, что Самарский комитет РСДРП был вынужден обратиться с просьбой в Центральный Комитет переиздать ее более массовым тиражом[2].

Большевистские листовки проникали во все, даже самые отдаленные, селения. Их отправляли из губернских центров в уезды специальными транспортами, нарочными, попутчиками, с разъездными агитаторами — членами аграрных групп. Из уездных же городов они чаще всего доставлялись в деревни самими крестьянами, приезжавшими по различным нуждам в города (в суды, больницы, на базары и т. д.).

Пути распространения листовок были весьма разнообразны. Их разбрасывали в общественных местах, на дорогах, на улицах, но чаще всего расклеивали на телеграфных столбах, на заборах и воротах. Были случаи, когда листовки распространялись среди крестьян в присутствии земских начальников, чинов полиции и других представителей царской власти.

В январе 1905 г., как видно из донесения полицейского чиновника, в Старых Алгашах Верхне-Тимерсяновской волости Симбирского уезда на 12 часов дня был назначен сельский сход с участием земского начальника, и как раз в это время кто-то из местных жителей разбросал по улицам листовки ЦК РСДРП[3].

В Малой Малышевке Бузулукского уезда Самарской губернии крестьянин Яков Корняков, входя в церковь,

---

[1] Сб. «Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.». Татиздат, 1955, стр. 47—50.

[2] «Очерки истории Куйбышевской организации КПСС». Куйбышев, 1960.

[3] ГАУО, ф. ГЖУ, № 422, д. 33, л. 6.

оставил шапку в притворе. По окончании обедни, когда он взял шапку, в ней оказалась пачка листовок[1].

Участник первой русской революции большевик Д. Л. Маринин в своих воспоминаниях пишет, как крестьянин с. Хорошенки Самарского уезда П. А. Цыкин приезжал в Самару и заходил к нему, чтобы взять нелегальную литературу для распространения[2].

Полиция и местная администрация строго следили за тем, чтобы большевистская пропаганда не проникала в деревню. За каждую листовку, попавшую в руки крестьянина, его таскали в волостное правление, к земскому начальнику, становому приставу. Так было, например, с жителем с. Герасимовки той же волости Бузулукского уезда Самарской губернии С. Золотухиным. 10 июля 1905 г. он привез из соседнего села Алексеевки два экземпляра листовки «К крестьянам», изданной Самарским комитетом РСДРП. Их тайно читали, передавая из рук в руки. 20 июля об этом стало известно за пределами села, и С. Золотухина вызвали в волостное правление. На вопрос, почему он сразу же не передал листовки старосте, а давал их читать крестьянам, после чего прятал в лапоть, С. Золотухин ответил: «Уж больно хорошо в ней все написано»[3].

Листовка самарских большевиков разъясняла причины нищеты и бесправия, затрагивала самые злободневные вопросы, волновавшие крестьян. В ней давался совет отбирать у помещиков, купцов, уделов и казны землю, отказываться от уплаты податей и налогов, вооружаться для решительной борьбы с самодержавием.

Казанский губернатор Стрижевский писал, что главным и самым опасным врагом «общественного порядка и спокойствия» являются органы большевистской печати, которые широко распространяют революционные идеи среди крестьян. Губернатор высказывал свое недоумение, почему правительство разрешает легальное издание большевистских газет. Он писал: «Раз партия действует нелегально, то не может быть и речи о допущении печат-

---

[1] ГАКО, ф. 8, оп. 1, д. 450, л. 1191.

[2] Партархив Куйбышевского ОК КПСС, т. 3, д. 82, л. 9.

[3] ГАКО, ф. 8с, оп. 1, д. 452, л. 1382. См. также Ф. Я. Водоватов. «Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг.». Куйбышев, 1957, стр. 80—81.

ного органа такой партии»[1]. Подобные мнения высказывали правительству и другие губернаторы Среднего Поволжья[2].

б) УСТНАЯ АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА БОЛЬШЕВИКОВ В ДЕРЕВНЕ

Под влиянием революционного рабочего движения и под воздействием печатной пропаганды и агитации большевиков во многих селениях Среднего Поволжья уже весной 1905 г. стали создаваться собственные кадры агитаторов — организаторов крестьянского движения.

В. И. Ленин, оценивая поведение крестьян в пореформенной деревне России, указывал: «На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кое-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы»[3].

Эта часть крестьян была революционным ядром в деревне. Многие из них возвращались в родные деревни членами социал-демократической партии или сочувствующими ей. Вокруг них группировалась, главным образом, сельская молодежь, как наиболее восприимчивая к новому, революционному слову, к новым формам борьбы против помещиков и царского правительства.

Молодежь доставала, хранила и распространяла среди односельчан противоправительственные листовки, газеты, брошюры. Она была в числе первых, кто нарушал отжившие свой век традиции старой, патриархальной деревни, кто переставал ходить в церковь слушать проповеди попов о «смирении» и «покорности властям». Молодежь была в числе первых, кто подымал руки на помещичью собственность.

Следует отметить, что особенно большое влияние на рост политической сознательности крестьян оказали городские рабочие, приезжавшие в деревню не только по специальному заданию большевиков. Преследование участников январских политических стачек 1905 г. в про-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, 1907 г., ед. хр. 102, л. 12.

[2] См. доклады губернаторов министерству внутренних дел о причинах сельских беспорядков в 1905 г. ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 122, 1906 г., ед. хр. 123.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 66.

мышленно-городских центрах имело для развития крестьянского движения ту положительную сторону, что многие рабочие, будучи выброшенными на улицу, приезжали на жительство в родные деревни и села и, как правило, становились там главными агитаторами и организаторами крестьянских выступлений.

Сенгилеевский уездный исправник доносил 12 апреля 1905 г. симбирскому губернатору, что из Самары прибыл на родину в с. Н. Тушкун Григорий Страхов, ранее работавший на заводе; с его приездом там начали собираться кружки молодых людей, которые внушают крестьянам мысль о самовольном захвате помещичьих земель[1].

Алатырский уездный исправник в одном из апрельских донесений 1905 г. сообщал, что И. С. Коробов, сын крестьянина деревни Куделихи, прибыв из города, где он работал по найму, ведет противоправительственную агитацию и «подбивает... к неповиновению властям и начальству, к неуплате податей, самовольной порубке леса и к запашке помещичьих земель». Но самым опасным, по мнению исправника, было то, что Коробов создал вокруг себя «партию в 10 человек из местных крестьян»[2].

Тогда же ротмистр Любимов сообщал губернатору, что в имении князя Куракина (деревня М. Кузьминка Ардатовского уезда Симбирской губернии) идут большие беспорядки и что за последнее время заметно обращает на себя внимание ряд крестьян этой деревни, «особенно Григорий Уляхин, ранее работавший в больших городах, а теперь, вернувшись в деревню, пользуется среди крестьян большим авторитетом»[3].

Большую и плодотворную революционную работу вел среди своих односельчан молодой рабочий сормовских заводов И. М. Морев. По свидетельству казанского губернатора Стрижевского, вице-губернатора Кобеко и газеты «Сызранское утро»[4], пропагандистская работа И. М. Морева в его родной деревне протекала так.

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 164, л. 17.

[2] Там же, д. 70, л. 347.

[3] Там же, д. 74-а, л. 141.

[4] Соответствующие документы опубликованы в сб. «Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905—1907 гг.». Чувашиздат, 1956, стр. 256—260, 265—266. См. также сб. «Крестьянское движение среди чувашей, мари и удмуртов во время революции 1905—1907 гг.». Чувашиздат, 1935.

Сын бедняка деревни Лебедкино Ядринского уезда Казанской губернии И. М. Морев в 1903 г. еще подростком уехал в Нижний Новгород. Он поступает на Сормовский завод, где становится активным борцом за освобождение рабочего класса. По заданию партии устанавливает тесную связь с крестьянами своей деревни, пересылает туда, через верных людей, большевистские листовки, брошюры и другую революционную литературу.

Осенью 1906 г. И. М. Морев, в связи с призывом на военную службу, приезжает на родину и развертывает здесь большую революционную работу. Он создает небольшую группу агитаторов и с ее помощью начинает призывать крестьян к захвату помещичьих земель, к неуплате податей, к отказу от службы в царской армии. Под влиянием большевистской агитации хлеборобы Лебедкино и соседних селений — Чемеево, Ихонькино, Хозанчино, Елжахово стали гораздо смелее выступать против ненавистных помещиков и представителей местной власти.

Революционная деятельность Морева среди чувашских крестьян очень встревожила полицию. В ночь на 20 октября она делает налет на дом, где жил Морев, и обнаруживает там большое количество различных большевистских листовок и брошюр. В донесении от 25 февраля 1907 г. на имя министра внутренних дел казанский губернатор сообщал, что после освобождения И. М. Морева из-под стражи 4 декабря 1906 г. он вновь вернулся в Лебедкино и еще шире развернул агитацию среди крестьян[1].

Самоотверженная деятельность большевистского агитатора не давала покоя полиции, и она вновь решила арестовать его. С этой целью 16 февраля 1907 г. в Лебедкино прибыл исправник с двумя урядниками и командой в 20 стражников. Узнав об этом, возбужденные крестьяне, вооружившись кто чем мог, толпой не менее чем в 400 человек напали на полицию. Один крестьянин был убит и несколько человек ранены. Команда поспешно убралась из деревни, не выполнив приказа об аресте Морева.

Столь смелое поведение крестьян возмутило министра внутренних дел Столыпина, и он приказал губерна-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, 1907—1908 гг., д. 1230, лл. 33—35.

гору направить в Лебедкино более мощный отряд войск, чтобы «привести чувашей к полной покорности»[1]. В деревню прибыл уполномоченный губернатора с большим отрядом вооруженных сил. И. М. Морев и с ним еще 18 крестьян были арестованы[2].

Для усиления политической агитации среди крестьян и воспитания их в духе решительной борьбы с помещиками и царским самодержавием большевистская партия принимала все меры к тому, чтобы к этой благородной работе была привлечена сельская интеллигенция.

Весной 1905 г. ЦК РСДРП выпускает специальное обращение «К деревенской интеллигенции», в котором призывает ее вести энергичную агитацию среди крестьян, помогая им осознать, что борьба за свободу и землю может завершиться успехом лишь в том случае, если крестьяне будут выступать против помещиков и царского правительства вместе с городскими рабочими и под их руководством.

Интеллигенция по своей природе не является классом. В любом обществе она была и остается социальной прослойкой, формирующейся из представителей различных слоев населения. Однако это вовсе не означает, что интеллигенция является какой-то надклассовой силой и не служит интересам определенного класса.

В период революции 1905—1907 гг. наиболее значительная часть российской интеллигенции, вышедшая из рядов имущих классов общества (помещиков, промышленной и торговой буржуазии, кулачества), выступала на стороне реакции. Верхушка буржуазной интеллигенции верой и правдой служила капитализму, легко шла на союз с монархией и всегда была готова удовлетвориться любой сделкой буржуазии с царским правительством за счет народа.

Иную позицию занимала в годы первой русской революции интеллигенция, вышедшая из среды мелкой буржуазии — рядовых чиновников, среднего крестьянства, из среды рабочих. Эта часть интеллигенции обычно была враждебна всякой реакции.

В период революции 1905 г. рабочий класс России имел не только свою самостоятельную марксистскую

---

[1] ЦГИАМ, ф. ДП 00, IV, д-во 1907 г., д. 24, лл. 4—6.
[2] ЦГИАМ, ф. 102, ДП 00, IV, д-во 1907 г., д. 24, ч. 1, л. 54.

партию, но и свою собственную рабочую или, как называл ее В. И. Ленин, социал-демократическую интеллигенцию. Эта часть российской интеллигенции была наиболее радикальной, она направляла политическую линию интеллигенции всего революционно-демократического лагеря, к которому принадлежали, главным образом, сельские учителя.

В отличие от либеральной интеллигенции, которая служила буржуазии, демократическая интеллигенция, главным образом сельское учительство, была на стороне революционного крестьянства и при всей своей идейной неустойчивости вела неустанную борьбу против помещиков, царя и его правительства.

Тесную, органическую связь сельских учителей с крестьянскими массами не раз отмечала в годы революции большевистская печать. Так, ленинская газета «Пролетарий» писала в 1905 г., что учителя наиболее «...близко знают великие нужды народа и всех его больших и малых мучителей и грабителей, им на собственной шкуре больше, чем кому-либо из рядовых интеллигентов, приходится испытывать всю гнусность существующего строя»[1].

Сельские учителя, будучи одним из самых больших отрядов демократической интеллигенции, не являлись какой-то самостоятельной силой в революции. Но, тесно связанные с жизнью и революционной борьбой крестьянства за свободу и землю, они играли весьма заметную роль в освободительном движении.

Вслед за обращением Центрального Комитета «К деревенской интеллигенции» Казанский комитет РСДРП в мае 1905 г. выпускает листовку «К народным учителям Казанской губернии»[2], в которой, указав на высокие и благородные задачи, которые решают учителя, как воспитатели детей народа, призвал их помогать социал-демократической партии политически просвещать крестьянство, помогать большевикам энергичнее привлекать революционное крестьянство на сторону рабочего класса — единственного верного союзника крестьян в их борьбе за свободу и землю.

Сельские учителя тесней, чем другие представители

---

[1] «Пролетарий» № 4, 1905 г.

[2] Сб. «Листовки казанских большевиков... 1903—1907 гг.». Татиздат, 1941, стр. 75—78.

сельской интеллигенции, были связаны в период революции с большевистскими организациями. Они устраивали у себя, а чаще всего у надежных крестьян явочные квартиры, где останавливались пропагандисты и агитаторы, приезжавшие в деревню, обеспечивали не только надежное, но и бесплатное передвижение большевиков из деревни в деревню. Учителя часто хранили у себя на квартирах и в школах революционную литературу, большевистские газеты и листовки, засылаемые комитетами РСДРП.

Учителя вели большую пропагандистскую работу в селах. Благодаря им многие крестьяне узнавали правду о революции в России, о ее задачах и о том, с кем нужно идти рука об руку в этой революции, чтобы добиться земли и воли.

О революционной работе сельских учителей в 1905—1907 гг. красноречиво свидетельствует огромное количество документов. Вот несколько сообщений чинов полиции Саратовской губернии. Из Аткарского уезда сообщалось, что учитель Сосновской земской школы Михаил Иванович Просякин ведет «политически преступные суждения»[1]. Учителя земской школы с. Пендельки Аткарского уезда Арсеньев и Кузмичев «занимаются... противоправительственной агитацией»[2].

Учитель сельской школы с. Дьяковки Новоузенского уезда С. Д. Семенов «неправильно» разъясняет своим односельчанам «высочайший манифест от 17 октября 1905 г.»[3]. Учитель с. Ольшанки Балашовского уезда В. С. Докукин «ведет среди крестьян преступную пропаганду»[4]. В архивах сохранились сотни подобных донесений и из других губерний Среднего Поволжья.

Революционная деятельность сельских учителей приносила много хлопот и неприятностей не только полиции, она немало беспокоила и кулацкую часть деревни. В одном из доносов на имя начальника Симбирского губернского жандармского управления группа кулаков с. Паньшина Симбирского уезда сообщала, что учителя А. К. Драгунов и А. И. Мишунин собирают вокруг себя

---

[1] ГАСО, ф. ГЖУ, оп. 4, д. 1662, стр. 16.
[2] Там же, д. 1802, стр. 20.
[3] Там же, д. 1826, стр. 31.
[4] Там же, стр. 36.

крестьянскую бедноту и подбивают ее к захвату помещичьих и других частновладельческих земель. Кулаки просили убрать этих учителей из села, пока они не подняли крестьян на восстание[1].

Вот, например, как строил свою работу агитатор Городецкий, учитель деревни Чемодуровки Бугульминского уезда Самарской губернии. Он доступным языком рассказывал о том, как рабочие и крестьяне России ведут борьбу с ненавистными царскими порядками. Часто ходил по полям, наглядно сравнивал нищенские крестьянские наделы с огромными владениями, принадлежавшими местному помещику Крафту, и призывал крестьян к насильственным запашкам его земли.

Городецкий разучивал с молодежью революционные песни, распространял через нее социал-демократическую литературу, листовки, воззвания РСДРП. Он был хорошо известен не только в своей деревне, к нему шли мужики за советами и из соседних деревень: Алферовки, Тетвень, Фаськи, Ивановки и Сумароковки[2].

В рапорте от 25 июля 1906 г. исправник Бугульминского уезда Самарской губернии докладывал губернатору о том, что 16 июля в селе Богатое Павловской волости состоялся большой митинг, на котором присутствовали жители и других сел. Исправник сообщал, что главными организаторами митинга были учитель этого села Ширяев и учитель села Борского Николаев. Выступая на митинге, они призывали к сплочению. Они заявляли, что только с оружием в руках крестьяне могут добыть себе землю и волю[3].

Следует отметить, что чем выше поднималась волна крестьянской революции, тем большую роль играло в ней сельское учительство. Особенно активную революционную работу развернули учителя осенью 1905 г. после опубликования царского манифеста 17 октября. Разъясняя его лживый характер, учителя убеждали своих слушателей в том, что этот фальшивый вексель царя не принесет политической свободы народам России.

Разъясняя массам лживую политику царского правительства, сельские учителя Поволжья нередко созыва-

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 74-а, л. 172.
[2] Архив Ин-та истории партии Тат. ОК КПСС, ф. 36, д. 36.
[3] ГАКО, ф. 3, оп. 231, ед. хр. 2074, лл. 10—11.

ли в деревнях массовые митинги и сходы, на которых принимались ярко выраженные антиправительственные постановления. В ряде местностей учителям удавалось добиться того, что крестьяне отказывались принимать участие в выборах в первую Государственную думу и требовали немедленного созыва Учредительного собрания.

Там, где организаторами сельских сходов были учителя, крестьяне обязательно требовали еще и решения школьных дел в интересах народа. Они добивались, чтобы правительство учредило одинаковые для всех общеобразовательные школы; чтобы дети бедного населения имели возможность получать высшее образование наравне с прочими гражданами государства; настаивали, чтобы правительство установило в России всеобщее обязательное и бесплатное обучение, оказывало материальную помощь бедным ученикам, ввело обучение на родном языке. Эти требования затрагивали коренные вопросы просвещения масс, и они могли быть решены народной властью только при условии решительной демократизации народного образования.

Под влиянием длительной революционной работы учителей многие села и деревни поднимались на борьбу как против ненавистных помещиков, так и против представителей царской власти. Выступая на втором всероссийском съезде учителей, саратовский делегат Григорьев сообщил: «Учителя нашей губернии активно участвовали в октябрьской забастовке, выступают против Думы за созыв Учредительного собрания. На этой же точке зрения стоят и передовые крестьяне, участвовавшие в крестьянских съездах, из которых три были уездных и один губернский. На всех этих съездах приняты положения Крестьянского союза — не выбирать депутатов в Думу, считать врагом народа всякого, кто участвует в выборах»[1].

Многие сельские учителя в годы революции выступали и в роли пропагандистов большевистской партии, настойчиво воспитывали у крестьян, особенно у молодежи, стремление читать революционную литературу, создавали кружки для изучения революционной теории. Так, учитель Колунецкой школы Тетюшского уезда Казанской

[1] См. протоколы Второго съезда Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию, декабрь 1905 г. Библиотека им. Ушинского, г. Москва.

губернии М. И. Беляев создал в селах уезда несколько революционных кружков, которые работали по программе, разработанной Казанским комитетом.

Несколько революционных кружков было создано также в селах Спасского уезда той же губернии. В селе Гурьевке кружком руководил учитель Переклин, а в селе Лебедкине — учительница Монастырева. Эти кружки, как сообщалось в жандармских документах, держали тесную связь с социал-демократическими организациями[1].

Одной из причин, тормозившей организацию кружков, был недостаток марксистской литературы. Этот недостаток особенно испытывали пропагандисты, работавшие среди национальных меньшинств Среднего Поволжья. Не случайно поэтому группа сельских учителей Ядринского уезда Казанской губернии писала: «Не имея в виду подходящей литературы для населения, так как большинство — чуваши, просим указать источники таковой или помочь нам в издании своей, в виде листовок и брошюр; можно сказать уверенно, что некоторые из членов нашей группы возьмут на себя труд перевода с русского на чувашский язык»[2].

Марксистской литературы, написанной специально для рядового рабочего и крестьянина, было очень мало. Редко появлялись в продаже и капитальные произведения классиков марксизма. Однако книжные магазины, несмотря на строгую цензуру, продавали марксистскую литературу, а многие газеты того времени настойчиво пропагандировали ее. Так, легальная газета «Волжский листок», находившаяся под влиянием Казанского комитета РСДРП, неоднократно в течение 1905 г. сообщала на своих страницах о поступивших в книжные магазины Казани произведениях Маркса и Энгельса. Там можно было приобрести, например, такие книги: «Гражданская война во Франции», «Нищета философии», «Революция и контрреволюция в Германии», «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», «Философия. — Политическая экономия. — Социализм».

В магазине можно было купить произведения В. И. Ленина: «Развитие капитализма в России», «Аграрный

---

[1] Архив Ин-та истории партии Тат. ОК КПСС, ф. 36, св. 13, д. 91.

[2] Вестник Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию, № 3, декабрь 1905 г.

вопрос и «критики Маркса», «За 12 лет. Сборник статей, т. I». В этом сборнике были напечатаны такие работы В. И. Ленина, как «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Задачи русских социал-демократов», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Земская кампания и план «Искры», «Две тактики социал-демократии в демократической революции»[1].

Все это, разумеется, издавалось тогда небольшими тиражами и приобрести указанную литературу вообще было не так-то просто. Однако большевистские организации Среднего Поволжья делали все необходимое, чтобы облегчить роль деревенского пропагандиста. Так, например, еще накануне революции 1905—1907 гг. симбирская группа РСДРП выработала программу для кружков, в которой определялось конкретное содержание каждой темы и указывался список литературы к занятиям[2].

Программа, отпечатанная на гектографе, состояла из девяти тем: 1) характер капиталистического строя, 2) буржуазия, 3) землевладельцы, 4) пролетариат, 5) социализм, 6) аграрная программа, 7) реформа 1861 г., 8) аграрная программа РСДРП, 9) постановка аграрного вопроса и его разрешение в народнической литературе и у социалистов-революционеров. Для чтения рекомендовались работы В. И. Ленина: «Развитие капитализма в России», «К деревенской бедноте», «Аграрная программа русской социал-демократии», «Задачи русских социал-демократов», «Что делать?».

Большую помощь деревенским пропагандистам в период первой русской революции оказывал Саратовский комитет РСДРП. Весной 1905 г. он разработал специальную программу для крестьянских кружков, которая была полностью опубликована в большевистской газете «Пролетарий» с положительным примечанием от редакции, написанным В. И. Лениным[3].

Программа состояла из пяти разделов (лекций). В них

[1] См. «Волжский листок» № 533, 537, 546, 551.

[2] Партархив Ульяновского ОК КПСС, ф. 57, оп. 1, д. 146, лл. 1—7.

[3] «Перепечатываем саратовскую программу для занятий с крестьянскими кружками: эта программа может служить полезным материалом для обсуждения практической стороны работы в деревне». Газ. «Пролетарий» № 1, 27 (14) мая 1905 г. См. также «Ленинский сборник», т. XIX, стр. 466.

раскрывалась жизнь крестьян в пореформенной России, на ярких примерах показывалось обнищание народных масс, их политическое бесправие. В лекциях отмечалась ведущая роль рабочего класса в освободительном движении и подчеркивалось, что единственным вождем народа в его борьбе за экономическое и политическое освобождение является РСДРП.

В лекциях рассматривалась также аграрная программа большевистской партии, разбирался вопрос о национализации земли, обращалось внимание на то, что осуществление аграрной программы РСДРП возможно только при условии победоносной политической революции— свержении царского самодержавия и установлении власти народа.

Многие комитеты РСДРП, в частности Казанский, перепечатали и широко распространили программу, составленную саратовцами, по деревням и селам губернии[1]. Насколько большим был спрос на эту программу в самой Саратовской губернии, видно из того, что Саратовскому комитету РСДРП пришлось переиздать ее в ноябре 1905 г., дополнив конспектом о положении крестьян Саратовской губернии и решениями III съезда партии по аграрно-крестьянскому вопросу[2].

В партийном архиве Саратовского областного комитета КПСС хранятся многочисленные воспоминания старых большевиков — участников первой русской революции, причем во многих из них рассказывается о работе социал-демократических крестьянских кружков. Так, Р. Усачев вспоминает, что революционный кружок из передовых крестьян села Сухой Карабулак был создан еще в 1903 г., а в 1905 г. в нем состояло до двадцати человек. В июле 1905 г. под влиянием членов кружка в селе была проведена первая забастовка батраков в экономии помещика Щербатова. Летом 1905 г. кружок наладил связь с соседним селом Ireновкой, где социал-демократическую работу вели Белокуров и Кузьмин. Члены кружка крестьяне Емельянов, Назаров, Гуськов, Сачков, Яковлев и Марунов стали активными организаторами масс. За годы первой русской революции ими было подготовлено

---

[1] См. «Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.». Татиздат, 1955, стр 97—98.

[2] ГАСО, ф. СОО, 1905 г., д. 39.

несколько крупных антиправительственных выступлений[1].

Много социал-демократических кружков из крестьян было создано в Самарской губернии. Здесь особенно хорошо работали кружки в селах Царевщине, Дмитриевке и Тростянке (Самарский уезд), Борском и Сорочинском (Бузулукский уезд), Кинель-Черкассах (Бугульминский уезд).

Немало кружков было создано и в Казанской губернии. Здесь регулярно собирался кружок в селе Борисоглебском (Казанский уезд). Многие его участники состояли членами большевистской партии. Занятиями руководили крестьяне В. Молчанов и А. Петров. Активную революционную работу вели члены кружка М. Золотов, М. Королев, Е. Чканов, К. Лебедев, П. Емельянов[2].

Социал-демократические кружки существовали в селениях Ромоданы, Гурьевка, Лебединка, Масловка (Спасский уезд), в селе Кашиметьеве (Казанский уезд). Несколько кружков было создано в селах Тетюшского уезда. Здесь большую пропагандистскую работу вел, по заданию Казанского комитета РСДРП, преподаватель Колунецкого училища М. И. Беляев. Активную деятельность развернули кружки в селах Алексеевском (Лаишевского уезда), Беляр, Старо-Шемшинском, Богородском-Шереметьево (Чистопольского уезда).

Большую агитационно-массовую работу проводили члены кружка села Три Озера Спасского уезда. Им руководил местный крестьянин большевик Трегубов. При обыске его дома в 1906 г. полиция обнаружила текст постановления IV (Объединительного) съезда РСДРП и много различных листовок, изданных комитетами РСДРП[3].

Большевистская печать, устная пропаганда и агитация оказали огромное влияние на развитие революционного движения крестьян, на характер их борьбы с помещиками и царским правительством.

---

[1] Партархив Саратовского ОК КПСС, ф. 199, оп. 3, ед. хр. 156, св. 46, стр. 1—8.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 1, д. 137, 1905 г.

[3] М. И. Абдурахманов. Деятельность Казанского комитета РСДРП по руководству крестьянским движением в 1905—1907 гг. Канд. диссерт. Казанский госуниверситет, М., 1947.

3. Характеристика крестьянского движения весной и летом 1905 года

Анализируя ход первой русской революции, В. И. Ленин установил два периода ее развития: период подъема (1905 г.) и период спада (1906—1907 гг.). Это относилось к революционной борьбе рабочих и крестьян всей России, а следовательно, и к крестьянскому движению в Среднем Поволжье.

Внимательное изучение истории крестьянского движения в Среднем Поволжье приводит нас к выводу, что и в пределах указанных периодов развития революции крестьянское движение отличалось далеко не одинаковыми темпами, различным по своей широте размахом и характером массовых выступлений.

В первом периоде можно легко заметить следующие этапы развития. Первый — самый короткий — длился не более трех месяцев (январь — март 1905 г.). Это был этап, когда движение только зарождалось. В деревнях ходили слухи о начавшейся революции, о том, что в России скоро будут «менять царя», а все помещичьи земли отдавать тем, кто их обрабатывает личным трудом. Открытые выступления были очень редким явлением.

Второй этап начался с апреля и продолжался в Саратовской губернии до октября, а в остальных губерниях Среднего Поволжья — до конца октября 1905 г. В это время борьба развивалась повсеместно, причем революционные лозунги большевистской партии начинали становиться лозунгами широких масс крестьянства.

Третий этап начался в Саратовской губернии с первой половины, в остальных же губерниях Среднего Поволжья — с конца октября и продолжался до конца 1905 г. В это время крестьянское движение на Среднем Поволжье достигло своего высшего развития — в деревне развернулась подлинная гражданская война.

В настоящей главе рассматриваются первые два этапа движения в период подъема революции, т. е. крестьянские выступления весной и летом 1905 г.

На первом этапе своего развития (январь — март) борьба крестьян в губерниях Среднего Поволжья носила характер, если можно так выразиться, процесса «революционного брожения». Под влиянием мощной волны рабочего движения и широкой большевистской пропаганды и

агитации в крестьянстве нарастало недовольство помещиками и правительственной администрацией.

Так, например, земский начальник девятого участка Бузулукского уезда Самарской губернии в донесении от 19 марта 1905 г. сообщал, что в селе Державино, где в базарные дни собирается много народа, ведется усиленная агитация аграрного характера. Крестьяне находятся в крайне напряженном состоянии, открыто готовятся произвести беспорядки тотчас же по стаянии снега[1].

На данном этапе движения открытые стихийные выступления против помещиков и представителей местной администрации происходили лишь в отдельных селах. Так было в селе Ивановке Балашовского уезда Саратовской губернии, когда собравшиеся на волостной сход в середине января 1905 г. возмущенные крестьяне под влиянием большевистской агитации отстранили от должностей волостного старшину, писаря, судью и вместо них избрали других лиц. Сход принял решение об отказе выплачивать в дальнейшем выкупные платежи, подати и другие сборы[2].

19 февраля крестьяне этого же села провели демонстрацию с красным флагом и пением революционных песен, а 29 марта, снова собравшись на сход, составили приговор с требованием созыва Всероссийского Учредительного собрания[3].

Однако подобные выступления крестьян в январе, феврале и марте 1905 г. были единичными, на этом этапе движение еще отличалось в своей основе «мирным» характером. Вот почему когда департамент полиции в двадцатых числах марта запрашивал средневолжских губернаторов о фактах крестьянских выступлений, то они спокойно отвечали: «Аграрных беспорядков нет». А самарский губернатор Засядько вообще не верил в возможность крестьянских выступлений во «вверенной» ему губернии[4].

На втором этапе движения, начавшемся с апреля 1905 г., крестьяне стали от слов переходить к делу. Наступление весны они ознаменовали осуществлением ак-

---

[1] ГАКО, ф. 1с, оп. 1, д. 1920, л. 6.
[2] ГАСО, ф. СГЖУ, 1906 г., д. 7, т. IV, лл. 129, 132.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 107, 1905 г., ед. хр. 7634, лл. 1—2.
[4] ГАКО, ф. 1с, оп. 1, д. 1913, л. 9.

тивного бойкота помещиков. Отказываясь от аренды земли на старых кабальных условиях, крестьяне сами устанавливали размеры оплаты и предупреждали, что они не позволят помещикам сдавать участки жителям других сел по ценам, более выгодным для землевладельцев.

В письме от 29 марта 1905 г. на имя симбирского губернатора курмышский помещик Панов жаловался на то, что, вопреки установившейся традиции, ныне «произошло что-то невероятное». Крестьяне села Анастасовки категорически отказались арендовать у него землю на прежних условиях. «Если вы не согласитесь на наши условия, — заявили они мне, — то мы при первой же возможности выйдем в поле и самовольно запашем ее». Уходя от меня, они категорически заявили, что сдавать землю каким-либо другим обществам не позволят и работать на меня больше не будут»[1].

Из официальных донесений, поступивших весной и летом в адрес губернаторов и начальников губернских жандармских управлений, можно видеть, как крестьяне, не получив удовлетворения своих требований мирным, договорным путем с помещиками и управляющими их имений, переходят к активным революционным методам борьбы.

Основными формами крестьянского движения весной и летом 1905 г. были массовые самовольные порубки помещичьих, казенных и удельных лесов, запашки земель, потравы и массовые покосы лугов, повсеместные поджоги усадеб и хозяйственных построек, принадлежавших помещикам. Об этом свидетельствует большое число сохранившихся в архивах документов.

Из рапорта помощника начальника Симбирского губернского жандармского управления по Алатырскому, Ардатовскому и Курмышскому уездам ротмистра Любимова на имя губернатора видно, что крестьяне деревни Малая Кузьминка (Ардатовский уезд), в связи с отказом управляющего имением князя Куракина сдать им в аренду земли больше, чем в прошлые годы, сожгли 7 мая 1905 г. конюшни, каретник и другие сельскохозяйственные постройки в этом имении.

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 74-а, л. 114.

12 мая крестьяне не дали подводу по открытому листу Ардатовской земской управы для полицейских чиновников Елкина и Малясова, приезжавших в Малую Кузьминку, чтобы выявить лиц, виновных в аграрных «беспорядках». Не сумел навести «порядок» и ротмистр Любимов, приезжавший сюда 13 мая с группой стражников[1]. Поджоги еще больше участились.

Бессилие местных властей вызвало резкое недовольство губернатора князя Яшвиль. Чтобы арестовать четырех крестьян, организаторов «беспорядков» в имении Куракина, он послал команду казаков в количестве 75 человек во главе с уездным исправником[2]. Однако стоило только им уехать, как здесь снова все пошло по-старому. Для смягчения обстановки губернатор был вынужден сменить ненавистного населению волостного старшину, а помещик уволил Самохвалова с должности управляющего имением.

Революционные выступления крестьян деревни Малая Кузьминка оказали большое влияние на подъем движения в соседних селах. Большевистская газета «Пролетарий» сообщала, что в Ардатовском уезде Симбирской губернии «почти ежедневно горят частновладельческие имения»[3].

Широкий размах борьба приняла весной и летом 1905 г. в Самарской губернии. Из донесений губернатора Засядько видно, что только за весенний период 1905 г. в селах губернии было отмечено свыше 40 случаев аграрных «беспорядков». Крестьяне открыто производили массовые порубки лесов, захватывали сенокосные и пастбищные угодья, осуществляли самовольные запашки помещичьих земель. Наибольшее количество такого рода действий отмечено в Бузулукском уезде (16 случаев), затем идут уезды Самарский (11) и Бугурусланский (7 случаев)[4].

Из всех зарегистрированных крестьянских выступлений весной 1905 г. наиболее острый характер носили выступления в селениях Жилинка Бузулукского уезда, Яблонный овраг, Андросовка и Колдыбан Николаевско-

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 74-а, лл. 125, 129, 155.
[2] Там же, л. 157.
[3] «Пролетарий» № 11, 27 июля 1905 г.
[4] ЦГИАМ, ф. ДП 00, 1905 г., д. 2550, ч. 45, лл. 29—31.

го уезда. Для расправы с тружениками этих сел губернатор направил казачью сотню во главе с вице-губернатором Кондоиди, жестоким душителем крестьянских восстаний[1].

В апреле и мае 1905 г. в губернии было только официально зарегистрировано до 15 случаев пожаров в имениях крупных землевладельцев[2]. В селе Николаевском Ставропольского уезда крестьяне спалили дотла паровую мельницу, принадлежавшую крупнейшему землевладельцу, купцу-миллионеру Маркову. Убыток от пожара выразился в 40 000 рублей[3].

Уже в апреле 1905 г. на сходах в ряде сел под влиянием большевистской агитации стали выноситься приговоры о самовольной запашке помещичьих земель. Некоторые землевладельцы, напуганные подъемом крестьянского движения, начали сами, «по своей милости», на наиболее льготных условиях сдавать в аренду земли, самовольно запаханные крестьянами.

Старшина Алексеевской волости Бузулукского уезда в донесении от 25 июня на имя губернатора сообщал, как помещик Субботин «добровольно сделал крестьянам следующие уступки: в семействах, где имеются солдаты, арендная плата за землю снижена на 60 проц., а остальным крестьянам — на 40 проц. Земли же, на которых в истекшем году был получен урожай менее 10 пудов с десятины, помещик сдал крестьянам в аренду бесплатно»[4].

С теми помещиками, которые по-прежнему пренебрегали нуждами разорившихся крестьян и пытались сдавать землю на старых, кабальных условиях, крестьяне поступали по законам революционного времени: уничтожали усадьбы, а кое-где и физически расправлялись с их владельцами и управляющими.

Так, например, произошло в Алакаевке Богдановской волости Самарского уезда (в той самой деревне, близ которой некоторое время в 1889 г. жил на хуторе со своей семьей В. И. Ленин). Здесь была расположена экономия Даненберга. Земли этого помещика окружали плотным кольцом деревню, и крестьяне, чтобы попасть на

---

[1] ЦГИАМ, ф. ДП 00, 1905 г., д. 2550, ч. 45, лл. 29—31.
[2] ГАКО, ф. 3, оп. 52, д. 45, л. 81.
[3] Там же, л. 94.
[4] ГАКО, ф. 1с, оп. 1, д. 1924, лл. 30—32.

свои крохотные участки, вынуждены были платить ему дань. Даненберг брал непосильные штрафы даже за случайные потравы.

В первых числах июня 1905 г. сельский сход в присутствии земского начальника единогласно постановил отобрать всю помещичью землю и разделить ее поровну между малоземельными, после чего сразу начался раздел. В ночь на 7 июня крестьяне организованно напали на усадьбу, сожгли дом и все надворные постройки в имении. Управляющий был убит[1].

Еще более мощными были выступления крестьян весной и летом 1905 г. в Саратовской губернии. По подсчету В. М. Гохлернер, здесь за период апрель — май движение распространилось на 4/7 (шесть из десяти) уездов губернии, тогда как в Европейской части России им была охвачена весной 1905 г. лишь 1/7 часть уездов. В Саратовской губернии было официально зарегистрировано за это время 68 выступлений.

Летом волна крестьянской революции поднялась еще выше. В июне — июле 1905 г. в губернии было зарегистрировано 144 выступления. Если весной выступления произошли в 48 населенных пунктах (по шести уездам), то летом они были отмечены уже в 73 селениях (по девяти уездам). Уровень движения поднялся, таким образом, еще выше среднего общероссийского (4/5 уездов против 1/5).

Более 90 проц. всех крестьянских выступлений за январь — июль 1905 г. (58 из 68 весной и 133 из 144 летом) приходилось на основной район крупного помещичьего землевладения и отработок. Это были Балашовский, Сердобский, Аткарский, Петровский и Саратовский уезды[2].

В ряде сел крестьяне, как никогда раньше, развернули упорную борьбу за землю. Так, например, было в селе Новый Чардым Петровского уезда, когда крестьяне в результате девятидневной борьбы с помещиком за передачу им спорного участка сенокосных угодий добились своего. Оказав вооруженное сопротивле-

---

[1] «Самарская газета» № 109 от 14 июня и № 113 от 18 июня 1905 г.

[2] В. М. Гохлернер. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). Ученые записки Саратовского госуниверситета, т. V, 1956.

ние драгунам, посланным на усмирение, они полностью скосили луг и увезли сено[1].

Примечателен и другой факт. Несмотря на постоянное присутствие полиции в имении графа Шереметьева (Аткарский уезд), крестьяне селений Ахтубы, Баланды и Широкого Уступа в течение всего лета производили массовые потравы и сенокос на помещичьих лугах, а когда граф попытался наказать виновников, подожгли его усадьбу[2].

Насколько мощным было тогда крестьянское движение в Саратовской губернии, свидетельствует то, что за первую половину 1905 г. в губернии было частично и полностью уничтожено 93 помещичьих имения[3].

В мощном подъеме крестьянской борьбы правительство видело большую угрозу не только для помещиков, но и для всего самодержавно-крепостнического строя России. Вот почему, чтобы ослабить движение и этим внести раскол в силы революции, царская власть пошла на новые уловки.

30 марта 1905 г. было официально образовано «особое совещание по вопросам о мерах к укреплению крестьянского землевладения». 5 апреля правительство выпускает в свет указ «о даровании сельскому населению империи облегчений по уплате продовольственных долгов». 6 мая учреждается комитет по земельным делам, задачей которого было «выяснить действительные способы к упорядочению земельного строя крестьян, при непременном условии охраны частного землевладения от всяких на то посягательств».

Крепостнический смысл всех этих маневров очевиден. Царское правительство проявило заботу не столько о безземельных крестьянах, сколько об охране помещичьих земель от масс, поднимающихся на аграрную революцию. Но ему не удалось обмануть народ. Разоблачая подлинный смысл указа, ЦК РСДРП в листовке «Новая царская милость» призывал крестьян смелее подниматься на борьбу за свободу и землю, по-революционному решать все наболевшие вопросы.

---

[1] ГАСО, ф. 1, дд. 52, 78, 102, 1905 г.

[2] «Приволжский край» № 52 и 108 за 1905 г.

[3] В. М. Гохлернер. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). Ученые записки Саратовского госуниверситета, т. V, 1956 г.

Как и следовало ожидать, судьба царского манифеста была решена. У самодержавия не было теперь уже таких средств, при помощи которых оно смогло бы остановить начавшуюся аграрную революцию.

* * *

Одна из наиболее характерных особенностей первой русской революции заключалась в том, что она была революцией крестьянской. Так назвал ее В. И. Ленин не только потому, что основная масса участников революции состояла из крестьян, но и, главным образом, потому, что основным экономическим вопросом революции являлся аграрный (земельный) вопрос.

Десятки миллионов людей требовали ликвидации помещичьего землевладения и других пережитков крепостничества в России. Однако темные, веками забитые крестьяне верили еще царю-«батюшке», не понимали того, что он самый крупный помещик в стране и что без свержения царя и его правительства им не получить ни земли, ни воли. Главная задача большевистской партии состояла тогда в том, чтобы внести политическую сознательность в крестьянское движение.

В Поволжье, являвшемся в те бурные годы одним из крупнейших центров крестьянского движения, особенный вред революции наносила деятельность либеральных помещиков, которые всячески обманывали крестьян, призывая их к блоку с кадетами. Учитывая эту особенность, В. И. Ленин в статье «Задачи рабочей партии и крестьянство», написанной в декабре 1905 г. для большевистской газеты «Самарская лука», указывал:

«В Поволжьи перед рабочей партией особенно настойчиво выдвигается задача: вести самостоятельную классовую политику пролетариата, постоянно разъясняя при этом крестьянской массе, что она может добиться земли и свободы только порывая с своими обычными вождями из либеральных помещиков-кадетов, только примыкая к революционному пролетариату»[1].

Основными формами работы большевистских организаций на селе в начальный период революции были распространение революционной литературы, газет, листо-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 359.

вок, а также создание социал-демократических кружков из наиболее революционно настроенных крестьян.

Большую помощь большевикам в налаживании политической работы среди крестьян оказывали городские рабочие и сельская интеллигенция, главным образом учителя и учительницы.

Глава третья

БОРЬБА БОЛЬШЕВИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ЗА КРЕСТЬЯНСКИЕ МАССЫ В ПЕРИОД ВЫСШЕГО ПОДЪЕМА РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

I. Всероссийская октябрьская политическая стачка и крестьянское движение в Среднем Поволжье

Вспыхнувшая в октябре 1905 г. всеобщая политическая стачка рабочего класса России дала новый, небывалой силы толчок развитию крестьянской революции. На борьбу за свободу против ненавистных оков царского самодержавия поднялось не менее 1 млн. 750 тыс. только фабрично-заводских и железнодорожных рабочих и служащих. Во время стачки вокруг героического пролетариата объединились все лучшие демократические силы страны.

Отмечая великое значение этого выступления рабочих России, В. И. Ленин писал: «Барометр показывает бурю! ...Все и вся сорвано уже с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска. Революция идет вперед с поразительной быстротой... Перед нами захватывающие сцены одной из величайших гражданских войн, войн за свободу, которые когда-либо переживало человечество...»[1]

Одним из фронтов небывалой по своему размаху борьбы стал обширный район Среднего Поволжья. 9 октября была объявлена стачка на Рязано-Уральской железной дороге. Ее поддержали рабочие заводов, фабрик, типографий, мельниц Саратова. Большевистская газета «Пролетарий» писала, что в Саратове «царит теперь всеобщая забастовка. Трамвай прекратил движение. Почти все лавки закрыты. Настроение возбужденное»[2].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 361.

[2] «Пролетарий» № 24, 15 октября 1905 г.

Перепуганная буржуазия решила взять в свои руки руководство движением. Войдя в сговор с лидерами меньшевиков и эсеров, либералы создали при городской Думе «центральный стачечный комитет», в который вошли 10 представителей партии кадетов, три меньшевика и два эсера[1]. Но во главе революционного народа стояли большевики, которые приняли все меры к тому, чтобы еще больше раздуть пламя народной борьбы и поднять рабочих на вооруженное восстание.

Вслед за пролетариями Саратова, по призыву большевиков, к всеобщей политической стачке присоединились и рабочие уездных городов: Аткарска, Балашова, Царицына, Камышина, Ртищева. В Аткарске восставшие захватили в свои руки все административные здания: полицейское управление, почту и телеграф, казначейство, банки[2].

В Самарской губернии первыми забастовали железнодорожники. 12 октября замерла вся Самаро-Златоустовская железная дорога (от ст. Батраки до ст. Челябинск). Перестал действовать телеграф. Прекратили работу все предприятия Самары. По требованию стачечников 13 октября не вышли на работу даже сотрудники суда и прокуратуры.

По улицам прошла многотысячная демонстрация с красными флагами и пением революционных песен. Дорогу к тюрьме участникам шествия преградил отряд казаков, который после провокационного выстрела из толпы (стрелял эсер Полуэктов) начал кровавую расправу. Многие были ранены. От нанесенных тяжелых ран через два дня умер рабочий Журавлевского завода Иван Васильевич Карасев[3].

По поводу выхода царского манифеста 17 октября Самарский комитет РСДРП издал листовку под названием: «Что дает нам царь и чего мы добиваемся». Разоблачая лживые обещания Николая II, большевики писали: «Мы не хотим мира с самодержавием. Долой самодержавие! Да здравствует вооруженное восстание и демократическая республика!»[4]

---

[1] ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 1350, л. 50.

[2] Сб. «Большевики во главе Всероссийской политической стачки в октябре 1905 г.». Госполитиздат, Москва, 1955, стр. 502.

[3] Сб. «Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1955, стр. 163—167.

[4] Там же.

Силы революционного движения не только в городе, но и в деревне нарастали с каждым днем. Во второй половине ноября в Самаре создается Совет рабочих депутатов в составе 40 человек, из которых 34 являлись представителями социал-демократической рабочей партии. Председателем Совета был избран большевик Н. Е. Вилонов, его заместителем — большевик Н. Н. Накоряков[1].

15 октября началась политическая стачка в Казани. Забастовали все предприятия, закрылись учебные заведения, прекратился выход газет. Губернатор Хомутов наводнил город казаками и полицией, началась кровопролитная борьба, в результате которой до 40 рабочих было убито и ранено[2]. 20 октября Казанский комитет РСДРП выпустил листовку, в которой говорилось: «К оружию, граждане! Выходите на улицу! ...Бастуйте все! Смерть убийцам! Смерть царизму!»[3]

От натиска революционного народа пришла в смятение городская Дума. Она была вынуждена согласиться с разоружением полиции, а затем и с образованием народной милиции во главе с большевиком Н. И. Дампером, выпустить из тюрьмы всех политических заключенных, удалить из города казаков, убрать с поста полицмейстера Панфилова[4].

Под руководством большевиков в городе был создан Объединенный комитет во главе с членом Казанского комитета РСДРП И. А. Саммером. Членами комитета были также большевики Н. И. Дампер и Н. Н. Накоряков[5].

Октябрьские выступления рабочих Казани были высоко оценены В. И. Лениным. Сравнивая события в Твери, где черносотенцы в присутствии губернатора, войск и полиции разгромили и подожгли здание земских учреждений, с событиями, которые произошли в 20-х числах октября в Казани, где «народ обезоружил полицию. Оружие, отнятое у нее, распределено между населением. Организована народная милиция. Господствует полней-

---

[1] Сб. «Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1955, стр. 12.

[2] Сб. «Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.». Татиздат, 1955, стр. 135—136.

[3] Там же, стр. 133—134.

[4] «Новая жизнь» № 10, 11 ноября 1905 г.

[5] После октябрьских событий в Казани Н. Н. Накоряков был направлен партией для работы в Самарскую организацию РСДРП.

ший порядок», В. И. Ленин спрашивал: «Не правда ли, как поучительно сопоставить ту и другую картину? Месть, бесчинство, погром. Свержение царской власти и организация победоносного восстания»[1].

Страх перед революционными массами вынудил правительство перейти к новому тактическому маневру. Осуществляя политику лавирования, царизм после провала булыгинской думы сделал еще один хитроумный ход. 17 октября, как раз в период наивысшего развития Всероссийской политической стачки, которую В. И. Ленин назвал генеральной репетицией восстания[2], был опубликован манифест царя. В этом манифесте Николай II обещал привлечь к участию в Государственной думе те классы населения, которые до этого были полностью лишены избирательных прав, и установить в России такой порядок, чтобы ни один закон не мог войти в силу без предварительного одобрения Государственной думы.

Однако все эти обещания были только обманом народа. Манифест был рассчитан на создание своего рода передышки, необходимой царскому правительству, на то, чтобы усыпить легковерных и, выиграв время, собраться с силами, а затем ударить по революции и задушить ее.

По поводу манифеста 17 октября В. И. Ленин писал: «Мы имеем полное право торжествовать. Уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко еще не капитулировал. Самодержавие вовсе еще не перестало существовать»[3].

Рабочие и крестьяне, поднявшиеся на революцию, хотя и вырвали у царя манифест 17 октября, однако мало что получили от него. Крестьяне искали в манифесте слова о дарованной земле и долгожданной свободе, но об этом там ничего не было сказано.

Передовая, наиболее революционная часть крестьянства, выступая на сельских сходах, начала под влиянием большевиков говорить теперь не только о земле, но и о существующих порядках, о том, как самим крестьянам изменить эти порядки. Один из корреспондентов газеты «Симбирские вести», объехавший осенью 1905 г. многие села Симбирской губернии, писал:

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 420.
[2] См. там же, стр. 422.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 396.

«Самый манифест 17 октября не произвел на крестьян почти никакого впечатления.

— А земля? — спрашивали они, — как же о земле ничего не сказано?

— Пустяковое все это. Какая же свобода без земли?

Вот во что выразилось впечатление деревни от манифеста»[1].

С выходом манифеста 17 октября крестьяне не только не прекратили борьбы против своих угнетателей, но, наоборот, еще выше подняли знамя освободительного движения.

В районе Среднего Поволжья первыми, как и весной 1905 г., выступили хлеборобы Саратовской губернии. Еще 11 октября крестьяне Аткарского уезда, вооружившись чем попало, на 200 подводах прибыли на станцию Березовка Рязано-Уральской железной дороги и с помощью рабочих, которые приехали сюда на специальном, делегатском, поезде, изъяли из вагонов и складов до девяти тысяч пудов хлеба, предназначенного для отправки по торговым сделкам помещиков[2].

В период с 9 по 15 октября крестьяне деревень Малых Колен, Сластухи, Ларионовки, Александровки и других напали на ст. Лопуховка и конфисковали 13 вагонов муки и 15 вагонов овса, принадлежавших помещикам и запроданных ими на сторону[3]. Эта операция была совершена также с помощью железнодорожных рабочих.

Вечером 16 октября крестьяне Даниловки, Медведевки, Малых Копец, Филатовки, Большой Екатериновки, Земляных Хуторов, Березовки, Платовки и других селений, вооружившись, на 150 подводах явились к арендаторам-кулакам Шаниным и Волкову и изъяли у них, на удельном хуторе, до 15 тысяч пудов хлеба, а дома, амбары, скотные дворы, конюшни и все сельскохозяйственные машины: молотилки, веялки, жнейки и сенокосилки— сожгли[4].

17, 18, 19 октября крестьяне тех же селений подвергли разгрому владения помещиков Столыпина, Громовой, Воронцовой-Дашковой, Рымаревой, Липперта, Черникина, Ушакова, Шувалова, Топорнина, Пирского и многих дру-

[1] «Симбирские вести» № 177, 1905 г.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 194, 1908 г., ед. хр. 81, лл. 31—32.

[3] Там же.

[4] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 77, д. 124, л. 50.

гих землевладельцев[1]. Осенью 1905 г. в Аткарском уезде было почти полностью уничтожено имение крупнейшего феодала России — графа Шереметьева.

Затем крестьянским движением охватываются Петровский, Сердобский, Балашовский, Саратовский уезды, где оно в октябре 1905 г. оказалось наиболее сильным. И это не случайно. В названных уездах были сосредоточены самые крупные латифундии крепостников и, как нигде в других местностях губернии, «господствовал позор крупного феодального землевладения» (Ленин).

В Петровском уезде только в течение трех дней (20, 21 и 22 октября) волнения охватили десять волостей. Были сожжены многие помещичьи усадьбы, в том числе полностью уничтожены большая усадьба помещика Аплечеева и спирто-водочный завод герцога Лейхтенбергского[2].

В Сердобском уезде в числе 23 разгромленных имений были полностью уничтожены крупные имения Хованщено-Беклемишево, Борки-Кривского и княгини Волконской, где во время погрома крестьяне убили полицейского урядника[3].

В Благовещенской волости Балашовского уезда был уничтожен в эти дни ряд помещичьих имений, в том числе хутора Образцова, Камского, Минаева и других землевладельцев[4].

В Саратовском уезде восставшие полностью уничтожили имения Щербакова, Каткова и многих других.

Прокурор судебной палаты Саратова в своем донесении министерству юстиции от 1 ноября 1905 г. писал: «Аграрные беспорядки в Балашовском, Петровском и западной части Сердобского уездов продолжаются с прежней силой... В Балашовском и Петровском уездах разгромами и поджогами охвачены очень большие районы... Сегодня ночью у Никольского хутора Аплечеева было столкновение крестьян с войсками, убито 20, арестовано 74»[5].

Одним из самых крупных революционных событий

---

[1] ЦГИАМ, ф. 102, ДП. ОО, 1905 г., д. 2540, лл. 147—150.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] ГАСО, ф. КСГ, 1905 г., л. 45, 111.
[5] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 108, 1906 г., ед. хр. 6868, л. 1.

1905 г. в саратовской деревне было вооруженное восстание в селе Николаевский городок Саратовского уезда, которое проходило под руководством большевистской организации. По материалам местной судебной палаты, опубликованным в большевистской газете «Новая жизнь», можно отчетливо представить себе общую картину того, что там произошло.

Под влиянием рабочего движения в Саратове, которое к середине октября 1905 г. достигло огромного размаха, в Николаевском городке вспыхнуло восстание. Причин для этого было достаточно: здесь насчитывалось до 60 проц. бедняцких дворов, из которых добрая половина являлись безлошадными и почти десятая часть дворов были совершенно безземельными. В селе активно работала большевистская организация.

В Николаевском городке издавна существовало так называемое Мариинское земледельческое училище, где к началу первой русской революции большевики создали крепкую партийную организацию. К числу ее наиболее активных членов принадлежали учащийся Уханов, местные крестьяне А. Е. Васильев и А. Д. Кузнецов, а также крестьянин соседней деревни Марьевки Д. Г. Лавров.

13 октября сюда прибыли члены аграрной группы Саратовского комитета РСДРП В. Мальцев и Г. Устюгов[1]. Посоветовавшись с местными большевиками, они решили собрать на другой день массовое собрание и пригласить не только жителей Николаевского городка, но и соседних с ним селений: Марьевки, Кувыки, Константиновки и Карамышевки[2].

Утром 14 октября состоялось многолюдное собрание. Народный дом, где оно проходило, был украшен красными флагами. После краткой информации об октябрьских революционных событиях в Саратове прочитали листовку, изданную Саратовским комитетом РСДРП. В ней говорилось: «Товарищи крестьяне! Идите вместе с рабочим классом, не теряя ни дня, ни часа, и примыкайте к его борьбе за свободу»[3].

Листовка призывала к вооружению. Большевики говорили о необходимости готовиться к решительной от-

---

[1] ГАСО, ф. ГЖУ, 1905 г., д. 184, лл. 22—27.

[2] ГАСО, ф. Саратовской судебной палаты, дело о бывших учениках Мариинского земледельческого училища, обвинительный акт, л. 4.

[3] ГАСО, Коллекция нелегальных листовок, инв. № 3126.

крытой войне с вековым врагом народа — царским правительством.

Здесь же на собрании был выбран районный «Революционный крестьянский комитет», в который вошли по два уполномоченных от каждого села[1].

После собрания, вечером того же дня, состоялась массовая демонстрация. Крестьяне и учащиеся земледельческого училища вышли на улицу с факелами, красными флагами и с пением «Вставай, пробуждайся, рабочий народ» торжественно прошли по селу[2].

В ночь на 15 октября состоялось первое заседание «Революционного крестьянского комитета», выработавшего план дальнейших действий. В него были включены следующие пункты: выпуск партийного манифеста; *смена всех сельских правительственных властей и замена их выбранными из крестьян; организация сельских революционных комитетов;* уничтожение всех недоимочных списков, а также уничтожение всех правительственных податей, налогов; введение прогрессивно-подоходного налога, размер которого определяется общим собранием крестьян; *организация в селах вооруженных дружин*; изъятие хлеба в имениях, а также конфискация помещичьих земель без всякого выкупа.

По примеру Николаевского городка 18 октября состоялись массовые демонстрации в д. Марьевке и в д. Александровке. Газета «Новая жизнь» сообщала, что в этих демонстрациях принимают «самое деятельное участие парни, девушки, женщины рядом с седовласыми стариками»[3].

После получения 18 октября царского манифеста о «свободе» в Николаевском городке состоялся многолюдный митинг. В принятой им резолюции говорилось, что крестьяне «будут бороться до тех пор, пока не добьются Всенародного Учредительного собрания и перехода всей земли в руки трудящегося населения»[4].

Для разъяснения крестьянам лживого характера манифеста 17 октября большевистская группа Николаевского городка выпустила листовку под названием «Приго-

[1] «Новая жизнь» № 11, 1905 г.
[2] ГАСО, ф. ГЖУ, 1905 г., д. 184, лл. 20—27.
[3] «Новая жизнь» № 11, 1905 г.
[4] Там же.

вор», которая была широко распространена в окрестных селах[1].

19 октября состоялось общее районное собрание представителей крестьян, которое решило приступить к немедленному изъятию хлеба в помещичьих имениях, причем было решено проводить его строго организованно, под руководством комитетов, не допуская никаких насилий и грабежей.

На этом собрании был выработан примерный приговор сельского схода, который крестьяне обязывались принимать в каждом селе перед тем, как приступить к конфискации земли и хлеба[2].

Для проведения в жизнь постановления общего районного собрания вся территория была разделена на два подрайона с центральными пунктами в Николаевском городке и в д. Карамышевке[3].

Районный «Революционный крестьянский комитет» выделил из своего состава уполномоченных для руководства революционным движением в Карамышевке[4].

20 октября группа вооруженных дружинников во главе с большевиком Ухановым обошла все правительственные учреждения (волостное правление, сельское правление, канцелярию станового пристава), квартиры царских чиновников (пристава, объездчика казенных земель, жандармского унтер-офицера) и изъяла все делопроизводство, оружие и казенные деньги.

В волостном правлении были забраны, помимо других дел, все книги и бумаги, касающиеся недоимок и воинской повинности. Уполномоченные крестьянского комитета отобрали у старшины ключи и кассу. Из волостного правления были отнесены в Народный дом, где находилась штаб-квартира Комитета, пишущая машинка, мимеограф и печати.

На почте были конфискованы оружие, телеграфный аппарат и касса. В казенной винной лавке изъяты оружие и касса. Оружие и касса были конфискованы также на ферме Мариинского земледельческого училища, причем в получении денег управляющему фермой была выдана расписка с печатью Мариинского волостного суда.

---

1 ГАСО, ф. ГЖУ, 1905 г., д. 184, лл. 20—27.
2 «Новая жизнь» № 11, 1905 г.
3 «Пролетарская революция» № 12 (47), 1925 г., стр. 197.
4 Там же, стр. 198—199.

Все находившиеся в селах стражники были разоружены дружинниками, а вместо полиции образована народная милиция. Революционный крестьянский комитет сразу же послал нарочного в Саратов для покупки оружия на конфискованные средства.

Выполняя решение общего районного собрания, крестьяне приступили к изъятию земли и хлеба. На ферме земледельческого училища было конфисковано свыше шести тысяч пудов зерна. Об этом свидетельствует следующий документ: «1905 года, октября 21 и 22. Мы, нижеподписавшиеся, уполномоченные от общего собрания крестьян Мариинской волости, с. Николаевского, дд. Кувыки, Рыбушки, Марьевки, Константиновки и Александровки, удостоверяем, что по приговорам общего схода взяли из амбара Мариинской сельскохозяйственной фермы хлеб, вследствие голода, для собственного продовольствия, пшеницы 2470 пудов 38 фунтов и ржи 3662 пуда. В чем и выдали расписку гр-ну управляющему Мариинской фермой»[1].

Как эта конфискация, так и изъятие хлеба во всех окрестных имениях прошли организованно. Необходимо отметить, что при изъятии хлеба крестьяне не брали ничего из домашних вещей. А когда, например, в экономии Беклемишева служащие начали растаскивать имущество помещика, то крестьяне потребовали от владельца письменного удостоверения в том, что они, крестьяне, «кроме хлеба и оружия ничего не брали и брать не хотели»[2]. Этот факт как нельзя лучше опровергает ложь помещиков и царских сановников, утверждавших, будто бы крестьянское движение в период революции 1905—1907 гг. сопровождалось сплошными грабежами и насилиями.

Следует отметить, что в Саратовском комитете РСДРП обстановка сложилась в те дни не в пользу большевиков. Меньшевики, оказавшись в большинстве, стали незамедлительно добиваться свертывания революционной борьбы рабочих и крестьян.

По совету меньшевиков из Саратовского комитета РСДРП руководители крестьянского восстания в с. Николаевский городок 23 октября переходят от наступления

---

[1] ГАСО, ф. ГЖУ, 1905 г., д. 184, лл. 20—27.

[2] «Новая жизнь» № 11, 1905 г.

к обороне, и это было, несомненно, ошибкой руководителей восстания.

24 октября на подавление крестьянского восстания в Николаевский городок прибыл большой отряд казаков, пехоты и артиллерии под командованием вице-губернатора Кноля. Однако, не решаясь войти в село, Кноль остановился с отрядом в соседней деревне и стал выжидать.

И опять руководители восстания допустили ошибку. Вместо того, чтобы воспользоваться трусостью Кноля и немедленно перейти в наступление на противника, руководители восстания теряли время, затем решили отступить без боя. Ночью 24 октября они распустили вооруженную дружину, а сами ушли в подполье.

25 октября отряд Кноля беспрепятственно вошел в Николаевский городок и приступил к наведению «порядка» согласно царскому манифесту 17 октября о «свободе».

Восстание потерпело поражение. Однако пример высокой организованности и сознательности крестьян Николаевского городка в период октябрьских выступлений 1905 г. оставил глубокий след на характере всей последующей борьбы за свободу и землю.

Это восстание было замечательно тем, что именно здесь саратовским большевикам удалось связать под своим руководством крестьянскую борьбу за улучшение своего экономического положения (конфискация земли, хлеба, скота) с учреждением и деятельностью революционных крестьянских комитетов.

Массовые погромы помещичьих имений вызвали большую тревогу у саратовского губернатора Столыпина. 20 октября в телеграмме на имя министра внутренних дел он сообщал: «Разгром имений в Саратовском, Аткарском уездах продолжается. Движение начинает переходить в соседние уезды. Полный недостаток войск. Аткарск командирован вице-губернатор инструкцией, если погромы не прекратятся, действовать оружием. Для командирования Саратовский уезд войск недостает, громят безнаказанно... Без усиления войск удержать порядок уезде немыслимо»[1].

На помощь Столыпину в качестве чрезвычайного уполномоченного был направлен из Петербурга генерал

---

[1] ГАСО, ф. КСГ, 1905 г., д. 55, л. 65.

Сахаров, а когда он был убит эсерами-террористами, то известный душитель народной свободы Трепов командировал в Саратов генерал-адъютанта Максимовича с директивой: «патронов не жалеть, холостых выстрелов не давать».

Кроме того, по распоряжению Трепова командующий Казанским военным округом послал в конце октября в Саратов по батальону пехоты из Пензы и Симбирска, одну сотню казаков из Оренбурга и другую — из Самары[1].

Однако саратовский губернатор счел это подкрепление недостаточным. В телеграмме, адресованной Главному штабу, Столыпин просил подкрепить его одним полком пехоты и двумя сотнями кавалерии, если не из Казанского, то из других военных округов. Положение в Саратовской губернии, писал Столыпин, остается по-прежнему очень тревожным[2].

Царское правительство, оберегая интересы помещичьего класса и всеми мерами охраняя прочность самодержавно-крепостнического строя России, объявило 4 ноября 1905 г. Саратовскую губернию на положении усиленной военной охраны и направило в нее на подавление революционного движения 34 роты и одну запасную бригаду пехоты, 13 сотен казаков, 3 отдельных казачьих полка и 2 эскадрона драгун[3].

Генерал-адъютант Максимович, командированный из Петербурга в район Среднего Поволжья, в своем отчете (декабрь 1905 г.) писал: «В Саратовской губернии пострадали от крестьянских беспорядков более 300 экономий, причем в Балашовском уезде есть местности, где уничтожены все помещичьи усадьбы. Осмотр произведенных погромов производит ужасное впечатление. Крестьяне сожгли и уничтожили все с поразительной жестокостью, в усадьбах не осталось камня на камне. Убийств помещиков или их управляющих почти не было — они в большей части убежали до разгрома»[4].

Сильное крестьянское движение в конце 1905 г. развернулось и в Самарской губернии. Здесь, начиная со второй половины октября и кончая декабрем, во многих

---

1 ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, д. ОО, 1350, ч. 20, лл. 93, 109, 126.
2 ЦГВИА, ф. 400, оп. 5, 1905 г., д. 6, лл. 271—272.
3 ЦГВИА, ф. 400, 2 отд., 1905 г., д. 80, лл. 93—94.
4 ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 122, 1906 г., ед. хр. 123, л. 126.

селениях шли непрерывные восстания. Особенно высокого уровня революционное движение достигло в ноябре 1905 г. В этот период волнениями были охвачены все семь уездов губернии.

Наиболее массовый и острый характер приняла борьба в Бузулукском уезде. По данным Ф. Я. Водоватова, здесь в ноябре состоялось 96 крестьянских выступлений. На втором месте шел Самарский уезд (66 выступлений), далее Ставропольский (23), Бугурусланский (19), Бугульминский (18), Новоузенский (12) и Николаевский (12). А всего по губернии в ноябре 1905 г. произошло 246 выступлений[1], в результате которых было разгромлено 67 имений[2].

В Самарском уезде крестьяне сел Зубовки и Кротовки Шлимовской волости полностью разгромили огромное имение купца-миллионера Маркова. Были сожжены все хутора и винокуренный завод с 14 тысячами ведер спирта. Крестьянами разобрано 13 тыс. пудов хлеба, 500 голов крупного рогатого скота, 75 плугов, 200 борон. Общий убыток выразился в сумме 500 тыс. рублей[3].

В имении купца Шихобалова той же волости крестьяне сел Шламки, Кротовки, Красноярки, Озерок, Верхнего Нурлата изъяли из амбаров землевладельца 26 700 пудов хлеба и сожгли четыре хутора[4].

Крестьяне с. Натальина Самарского уезда вторглись в одно из имений графа Орлова-Давыдова и увезли 14 555 пудов зерна[5]. По данным полиции, в этом уезде были осуществлены крупные погромы и поджоги, изъятие хлеба, скота, сена и другого имущества в 11 помещичьих имениях.

В Ставропольском уезде крестьяне сожгли все постройки в Борковской и Рязановской вотчинах графа Орлова-Давыдова. Общий убыток от погромов составил полтора миллиона рублей[6]. В этом уезде были уничтожены имения Давыдова, Сосновского, Ярового, Климушкина, Аржанова.

---

[1] Ф. Я. Водоватов. Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957, стр. 105.
[2] Там же, стр. 109.
[3] ГАКО, ф. 2, оп. 1, д. 21, лл. 2—3.
[4] ГАКО, ф. 3, оп. 231, д. 1913, лл. 113-а, 113-д.
[5] Там же.
[6] Там же.

В Бузулукском уезде, по данным жандармского управления, во время ноябрьских выступлений был нанесен большой ущерб 16 помещичьим имениям. Так, например, крестьяне с. Герасимовки перед тем, как разгромить имение помещика Мшельского, вывезли из него 10 тыс. пудов хлеба.

В Бугурусланском уезде крестьяне изъяли у помещика Х. Х. Роопа (деревня Борисовка Степно-Дурасовской волости) семь тысяч пудов хлеба, а затем сожгли его усадьбу. Общая сумма убытков составила здесь, по заявлению помещика, 200 тыс. рублей[1].

В этом уезде крестьянами были сожжены также усадьбы Гиршфельда, В. Ф. Шелашниковой, князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого и две усадьбы крупного самарского купца Комарова. Общая сумма убытков, которые понесли здесь помещики от крестьянских погромов, составила 236 тыс. рублей[2].

Ноябрьские восстания привели в растерянность самарского губернатора. Начиная с середины ноября, он шлет министру внутренних дел Дурново одну тревожную телеграмму за другой, прося о помощи войсками. Так, в телеграмме от 28 ноября он писал: «Положение губернии крайне угрожающе. Крестьянское движение быстро охватило все уезды, в нескольких пунктах губернии происходят разгромы, поджоги, ограбления имений. Волнение захватывает обширные районы: Борковская, Рязановская экономии Орлова-Давыдова разгромлены. Уездные города беззащитны. В моем распоряжении три с половиной сотни, жду еще две сотни, но и этого совершенно недостаточно»[3].

В Самарской губернии, кроме казачьих сотен, была еще и пехотная бригада из четырех запасных полков, но губернатор считал солдат ненадежными и посылать их для подавления восстаний не решался. Эту опасность признавал и министр внутренних дел[4]. Вот почему он просил командующего Казанским военным округом командировать в Самару хотя бы одну сотню оренбургских казаков[5].

---

[1] ГАКО, ф. 2, оп. 1, д. 62, лл. 2—4.
[2] Там же, лл. 379—381.
[3] ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 2550, ч. 45, л. 76.
[4] Там же, стр. 70.
[5] Там же, стр. 76.

Мощной волной прокатились революционные выступления в Симбирской губернии. По свидетельству губернатора князя Яшвиля, здесь только со дня опубликования манифеста 17 октября до середины декабря 1905 г. было разгромлено 95 имений[1]. По уездам они распределялись так: в Курмышском — 30 имений, Карсунском — 20, Сызранском — 18, Сенгилеевском — 8, Буинском — 8 и в остальных трех уездах (Алатырском, Ардатовском, Симбирском) — 11.

Первое место по количеству выступлений занимает Курмышский уезд. И это не случайно. Здесь сильнее, чем в каком-либо другом уезде Симбирской губернии, люди страдали от малоземелья, крепостнической системы отработок и высокой арендной платы за землю. Варварская эксплуатация крестьян, особенно мордовских и чувашских, которые составляли половину всего сельского населения уезда, — вот что было в основе мощного революционного движения.

Только за семь дней (с 20 по 27 ноября 1905 г.) были разгромлены имения Николаевой, Агаповой, Крущевой, Гаушевой, Мятлева, Франден, Иванова, Мохнева, Федорова, Кочеткова, Роголина, Читкова, Волковых, Пановых[2]. Помещик Волков писал губернатору: «Весь Курмышский уезд охвачен аграрными беспорядками. Более двадцати имений ограблено, разрушено. Помещики спасаются бегством. Немедленно пришлите войска»[3].

В эти бурные дни Симбирск беспрерывно получал тревожные донесения с мест. Уездные исправники не знали, что делать, растерялся и сам губернатор. В донесении на имя министра внутренних дел Дурново князь Яшвиль писал: «В Курмышском уезде плохо: умиротворить крестьян может только военное положение. Сейчас сенгилеевский и курмышский исправники просят помощи военной силой, кругом погром и разорение. Мирный народ в страхе, не знаю, что делать»[4].

В ноябре и декабре 1905 г. революционное движение в ряде мест губернии было настолько сильным, что местная полиция боялась появляться в селениях. Подавить восстания и арестовать наиболее активных организаторов

---

1 ЦГИАЛ. Библ-ка, 1 отд., оп. 1, д. 88, стр. 3.
2 ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 108, 1906 г., ед. хр. 6832, л. 1.
3 ГАУО, ф. 76, оп. 9, д. 23, л. 48.
4 Там же, оп. 6, д. 74-а, л. 235.

движения власти могли только при помощи крупных воинских сил.

Вот один из примеров. В селе Кротово Тукшумской волости Сенгилеевского уезда крестьяне на протяжении ноября несколько раз нападали на имение помещика Фатьянова, но полиция и стражники были совершенно бессильны прекратить «беспорядки». Губернатор направил в это село непременного члена губернского присутствия А. А. Толстого вместе с полуротой солдат Сызранского резервного батальона и полуэскадроном драгун 1-го запасного кавалерийского полка.

А. А. Толстой в своем донесении от 28 декабря 1905 г. писал, что крестьяне были настолько возбуждены и озлоблены несправедливостью по отношению к ним со стороны правительства, что попытки убедить и уговорить их ни к чему не привели, а арестовать «зачинщиков» ему удалось только благодаря большому отряду войск[1].

Значительно слабее было крестьянское движение в Казанской губернии. За ноябрь и декабрь здесь произошло не более 40 выступлений против помещиков, в результате которых пять имений (Беликовича, Грошева, Курбатова, Казен-Бека и княгини Ливен) были почти полностью разрушены[2]. Из донесений губернатора[3] видно, что восстания происходили, главным образом, в Спасском, Чистопольском, Лаишевском, Тетюшском и Мамодышском уездах.

Учитывая рост опасности для самого существования самодержавно-крепостнического строя России, царское правительство издает новый манифест, от 3 ноября, пытаясь при помощи его приостановить дальнейшее развитие борьбы в деревне, иначе говоря, делает вторую попытку расколоть силы революции. Согласно этому манифесту, расширялись операции Крестьянского банка; снижались годовые оклады выкупных платежей (вдвое против прежнего, начиная с 1 января 1906 г.), а еще через год, то есть с 1 января 1907 г., сбор выкупных платежей прекращался вовсе. Крестьянам было обещано также содействие в приобретении себе в будущем земли через Поземельный банк.

Однако царское правительство ошибалось, рассчиты-

---

[1] ЦГИАЛ. Библ-ка, 1 отд., оп. 1, д. 88, стр. 3.
[2] ЦГА ТАССР, ф. 1, д. 3177, л. 4.
[3] Там же, д. 3113, л. 5.

вая на то, что крестьяне поверят этой новой «милости» монарха. Манифест от 3 ноября не изменил направления революционной борьбы. Весь многолетний опыт аграрной эволюции, которая осуществлялась самодержавием после реформы 1861 г., все больше и больше убеждал крестьян, что свободу и землю им надо завоевать собственными руками. Именно к этому и призывали их большевики.

Разоблачая лживые посулы царского правительства, ЦК РСДРП в одной из своих ноябрьских листовок, перепечатанной Самарским комитетом, разъяснял крестьянам, что «теперь цель рабочих и крестьян одна — народное правление и республика. Пусть подобно социал-демократическим рабочим комитетам в городах устраиваются в деревнях революционные крестьянские комитеты и руководят борьбой крестьян против царского правительства. Хлеб — голодным, свободу — рабам, ни одного рекрута, никаких повинностей! Пусть на место свергнутого царского правительства станет временно революционное правительство, которое закрепит за крестьянами их захват и обеспечит народные права и свободный созыв Учредительного собрания.

Долой царские подачки, долой царское правительство!

Да здравствует всенародное восстание!

Да здравствует Учредительное собрание!»[1]

Осенью 1905 г. крестьянская борьба, идя вслед за рабочим движением и находясь под его непосредственным влиянием, начинает во многих местностях принимать ярко выраженный политический характер.

В деревнях Среднего Поволжья собирались сельские сходы, требовавшие не только конфискации всех помещичьих, казенных, церковных и монастырских земель и передачи их в руки крестьян, но и созыва Учредительного собрания. Люди верили, что Учредительное собрание ликвидирует самодержавно-крепостнические порядки в России и введет такие законы, которые обеспечат тружеников землей и всеми политическими правами.

По примеру рабочих и под руководством большевиков крестьяне нередко устраивали политические демонстрации, ходили по деревням с красными флагами и пением

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 48. Листовка Самарского комитета РСДРП № 65, ноябрь 1905 г.

революционных песен, проводили митинги, волостные съезды, создавали революционные комитеты, устанавливали власть народа.

2. Формы работы большевистских организаций Среднего Поволжья в деревне осенью 1905 года

До наступления революции 1905 г. крестьянские массы находились в плену враждебной марксизму народнической идеологии. Из воспоминаний бывших деревенских работников партии[1] видно, что на первых порах работа большевиков на селе имела незначительный успех. Особенно слабые позиции у них были тогда, когда приходилось открыто выступать против эсеров по аграрному вопросу.

Крестьянские массы, проникнутые многими патриархальными предрассудками, очень легко поддавались различным мелкобуржуазным иллюзиям. Это и помогло эсерам обеспечить на некоторое время прочность своих идейных позиций в деревне.

Миллионы хлеборобов видели в эсеровской программе социализации земли не утопию, а простое и вполне реальное разрешение аграрного вопроса: отнять у помещиков всю землю и поровну разделить ее между собой. Такое требование находило повсеместное сочувствие у малоземельного крестьянства, и это не могло не способствовать распространению эсеровского влияния.

В начале революции большевики ограничивались в своей борьбе с эсерами только критикой пресловутой социализации земли, а с пропагандой своей аграрной программы в массах не выступали. Опыт показывал, что «нашу аграрную программу с требованием «отрезков» крестьяне не признавали»[2]. Земля «божья» и она должна быть всенародной, должна быть вся отобрана у помещиков — вот что являлось главным требованием крестьянства уже в начале 1905 г.

В апреле 1905 г. состоялся III съезд РСДРП, который

---

[1] См. воспоминания В. Рябикова («Младенец Старший»). Сб. «1905 год в Симбирске». Изд. Истпартотдела Ульяновского губкома РКП(б), 1925, стр. 31—32.

[2] Воспоминания Г. Б. Сегаль. Сб. «1905 год в Самарском крае». Изд. Истпартотдела Самарского губкома РКП(б), 1925, стр. 75.

выработал линию поведения большевистской партии в первой русской революции. Съезд по предложению В. И. Ленина принял и новую тактическую резолюцию по крестьянскому вопросу.

Следует отметить, что как только крестьяне узнали, что пролетарская партия решительно поддерживает все их революционно-демократические требования, вплоть до конфискации всех помещичьих, казенных, удельных, церковных и монастырских земель и передачи этих земель в пользование самих тружеников, положение большевиков в деревне в корне изменилось.

После III съезда большевистские агитаторы стали особенно желанными гостями в деревне. Вот что рассказывает об этом Петр Афанасьевич Дорофеев, житель села Большое Нагаткино, член колхоза «Путь Ильича» Богдашкинского района Ульяновской области:

«До революции и в момент революции 1905 г. в нашем селе Большое Нагаткино жили два эсера. Пока мужики не слыхали лучшего совета, как поступить с помещичьей землей, их пропаганда имела большой успех. Но, как только в нашем селе появились представители рабочей партии, в головах мужиков зародились другие мысли.

Помню, как однажды летом 1905 г. на одном из сельских сходов разгорелся спор по земельному вопросу между эсерами и большевиками. Мужики, как только услышали, что III съезд рабочей партии стоит за крестьян и требует образования революционных крестьянских комитетов, конфискации всех помещичьих земель и передачи их в руки крестьян, решительно приняли сторону большевиков»[1].

Наличие такого перелома в настроениях крестьян подтверждает в своих воспоминаниях и член Симбирского комитета РСДРП В. Рябиков («Младенец Старший»). Он пишет, что пока у нас существовала старая аграрная программа — возвращение «отрезков», наши позиции в деревне были шаткими, очень слабыми. Однако с момента принятия III съездом РСДРП новой резолюции по аграрному вопросу наше положение сильно облегчилось, теперь мы смело развернули борьбу с эсерами.

«Я помню, — вспоминает В. Рябиков, — большое на-

---

[1] Этот материал автор книги получил из личных бесед с колхозниками — бывшими участниками аграрного движения в период революции 1905—1907 гг.

ше сражение с эсерами в селе Б. Нагаткино, где с нашей стороны выступали «Младенец Старший» и студент Охотин. В этом политическом турнире мы положили социалистов-революционеров на обе лопатки и это несмотря на то, что в этом селе у нас связей раньше не было, а эсеры работали там несколько лет. На сходе была принята подавляющим большинством крестьян, съехавшихся из разных деревень, наша резолюция»[1].

И так было не только в Б. Нагаткине. Архивные документы свидетельствуют, что там, где большевики устанавливали прочные связи с деревней и вели систематическую пропаганду идей социал-демократической рабочей партии, эсеры не добились никакого успеха среди основных масс крестьянства.

Об этом же убедительно говорит и тот факт, что социальной базой эсеровских организаций в деревне были отнюдь не бедняцко-середняцкие слои, а лишь кулачество и разного рода мелкобуржуазная интеллигенция. Так, например, эсеровская группа в волостном селе Порецком Алатырского уезда Симбирской губернии состояла из 12 человек. В нее входили: два учителя — И. Лигачев и И. Пашков, бывший жандарм из кулаков этого же села П. Панферов, волостной старшина В. Пялисов, волостной писарь И. Васильев, сын местного попа А. Прибылевский, приказчик из местных кулаков И. Панферов, служащий земства А. Назаров и четверо местных кулаков: И. Лазарев, Ф. Баскаков, А. Титов и Г. Суслинков[2].

Не привились в деревне и усиленно пропагандировавшиеся эсерами «крестьянские братства». В Казанской и Симбирской губерниях эти реакционные организации вовсе отсутствовали. В Самарской их насчитывали не более четырех — пяти. Они были несколько больше распространены лишь в Саратовской губернии, где эсеры пользовались наибольшим успехом. Столь печальный исход истории этих «братств» объяснялся тем, что в уставе их говорилось обо всем, кроме... конфискации земли у помещиков.

Единственно, что привлекало крестьянина как мелкого хозяина в пропаганде эсеров, — это старая народническая утопия ликвидации наемного рабства без классо-

---

[1] Сб. «1905 год в Симбирске». Изд. Истпартотдела Ульяновского губкома РКП(б), 1925, стр. 31—32.

[2] ГАУО, ф. 413, оп. 34, д. 2, лл. 152, 354, 517.

вой борьбы.. Но и с этой утопией широкие массы хлеборобов вскоре расстались. К концу революции 1905—1907 гг. батрацко-бедняцкая часть деревни, вдоволь натерпевшаяся горя от своих «однокровных братьев» — кулаков, стала открыто вступать в ожесточенную борьбу и против них. Поджигая и громя помещичьи имения, крестьяне уничтожали в ряде мест и хозяйства этих мироедов.

Однако эсеровская теория мелкобуржуазного утопического социализма нанесла огромный вред делу политического воспитания крестьянских масс и надолго затянула процесс их высвобождения из-под влияния эсеров.

Проникая в деревню, завязывая непосредственные связи с передовой частью крестьян, большевики стремились найти наиболее эффективные формы и методы работы среди масс. Опыт показал, что случайные, эпизодические наезды (главным образом, в летние месяцы) приносят мало пользы. Нередко случалось так, что приезжий большевистский агитатор, пробыв в деревне несколько часов, как будто настраивал крестьян на социал-демократический лад, но если после его отъезда сюда приезжал представитель партии социал-революционеров, то крестьяне переходили на идейные позиции эсеров[1].

Комитеты пришли к выводу о необходимости отказаться от случайных наездов и стали закреплять за отдельными агитаторами и пропагандистами определенные зоны, куда включалось по нескольку сел и деревень. В период наиболее важных кампаний (бойкот булыгинской думы, пропаганда Всероссийской октябрьской политической стачки рабочих, разъяснение антинародной сущности царского манифеста 17 октября о «свободе») большевистские организации направляли в эти зоны специальные «летучие отряды» агитаторов из промышленных районов.

В ряде волостей, где особенно бурно развивалось

---

[1] Подробно о работе большевистских организаций в деревне летом 1905 года см. Материалы первой конференции крестьянских работников комитетов РСДРП Восточного района, состоявшейся в конце октября 1905 г. в Самаре. Материалы о конференции опубликованы в сб. «Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1955, стр. 198—214. См. также «Третий съезд РСДРП», документы и материалы. М., 1955, стр. 383—386

крестьянское движение, некоторые комитеты РСДРП держали постоянных агитаторов, и это приводило к еще более хорошим результатам. Однако огромный недостаток в кадрах деревенских работников не давал возможности комитетам РСДРП сохранять под своим неослабным влиянием большое количество селений.

Из отчетов, сделанных на первой конференции крестьянских работников Поволжья, видно, что летом 1905 г. Казанский комитет РСДРП поддерживал прочные связи с 40 населенными пунктами, Симбирская группа — с 25, Самарский комитет — с 60, Саратовский комитет — с 50[1].

Летом 1905 г. большевики проводили массовые сходки, создавали из передовой части крестьян, главным образом из бедноты, социал-демократические кружки, готовили в них агитаторов и организаторов революционных выступлений.

Основными темами для выступлений агитаторов и пропагандистов были: подати и налоги; реформы и революция; Всенародное учредительное собрание и как его правильно созвать; что такое республика, конституция демократической республики, самодержавие царя и самодержавие народа.

Учитывая, что в головы крестьян веками внедрялось убеждение: «Царь-то батюшка хорош, а плохи его чиновники», большевистские агитаторы выступали на эту тему очень осторожно. Здесь им приходилось быть осмотрительными и гибкими, принимать во внимание социальный состав слушателей и уровень их сознания. Разоблачать на массовом крестьянском собрании царя и призывать к свержению самодержавия было не всегда возможно и целесообразно. Иногда от такого призыва больше было вреда, чем пользы.

Именно об этом говорил случай, происшедший на ардатовском съезде Крестьянского союза в декабре 1905 г. Много наболевших вопросов обсуждали его участники. Говорили о необходимости немедленного захвата всех помещичьих, казенных и удельных земель, о создании на местах революционных комитетов и т. д. Но стоило только представителю социал-демократической партии, выступившему в прениях, сказать: «Долой

---

[1] См. сб. «Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1955, стр. 198—214.

самодержавие! Долой царя!», как делегаты сразу же заявили ему, чтобы он в своем выступлении на эту тему не распространялся.

Искусство агитатора состояло вовсе не в том, чтобы просто высказывать призывы большевистской партии, а в том, чтобы масса, слушая его речь, поняла, что помещики, земские начальники, полиция, губернаторы и министры вместе с царем составляют единую и неразрывную систему угнетения крестьян и всего народа. Нужно было так искусно строить свои выступления перед крестьянами, чтобы они сами, своим сознанием дошли до понимания, что царь — это первый помещик и что, идя на уничтожение крупного землевладения, они не могут не свергнуть царя, не покончить с самодержавием вообще.

Трудным был и вопрос о разъяснении крестьянам принципов научного социализма. Эсеры настолько запутали в их умах представление о социализме, что иной недостаточно опытный агитатор просто обходил этот вопрос в своих беседах. Однако в своей массе большевистские агитаторы были достаточно подготовленными. Комитеты РСДРП, как правило, поручали работу в деревне тем, кто знал ее хорошо, знал психологию сельского труженика.

а) РАБОТА БОЛЬШЕВИКОВ В АГРАРНЫХ ГРУППАХ

С лета 1905 г. большевистские организации Среднего Поволжья начали проводить работу среди крестьян более целенаправленно. Комитеты стали открывать краткосрочные курсы для подготовки деревенских работников, налаживать работу пропагандистских семинаров.

К осени 1905 г. при всех комитетах были сформированы специальные аграрные группы. Наиболее активными работниками аграрной группы Самарского комитета РСДРП являлись Р. Н. Дмитриев («Разум»), А. А. Коростелев, А. Попов, Г. Солдатов, В. Королев. В симбирской группе хорошо проявили себя П. Винокуров, С. Охотин, В. Рябиков, А. Миртов. До осени 1905 г. ее возглавлял опытный революционер С. И. Черномордик.

Активную работу в аграрной группе Казанского комитета РСДРП вел некоторое время Н. Фролов. Под руководством группы в конце июля 1905 г. состоялся съезд

представителей крестьянской бедноты Казанского уезда, где присутствовало свыше ста двадцати человек. Единодушно выражая солидарность с решениями III съезда большевиков по крестьянскому вопросу, делегаты заявили в своем постановлении, что никаких других политических партий, кроме РСДРП, крестьяне признавать не будут, а деятельность «освобожденцев» считают даже вредной для трудового народа[1].

По своему составу аграрные группы были немногочисленные (8—10 человек), однако они добивались заметного успеха. В селах и деревнях с большим уважением относились к деятельности крестьянских работников большевистской партии. Нередко бывали случаи, когда после собрания к агитатору подходили крестьяне и говорили: «Ну, спасибо тебе, голова, за то, что направил нас на правильный путь».

Представляет интерес корреспонденция, напечатанная в одном из номеров журнала «Волжский вестник» за 1905 г. Автор ее пишет: «Ехал я в одну из волостей Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. Крестьянин, который вез меня, оказался из разговорчивых. Беседуя со мной, он заявил: «Теперь у нас все крестьяне стали слушать ораторов хорошо. Прежде мы были темны и слушать не хотели студентов, а теперь словно мед пьем, когда говорит оратор, и это потому, что видим, что они говорят нам одну только правду»[2].

Один из руководителей Симбирской организации РСДРП — В. Рябиков в своих воспоминаниях пишет: «Я помню один из таких случаев, когда Евгений Петров, командированный комитетом на крестьянскую работу, получил на дорогу и на питание от казначея 1 руб. 60 коп. ...Побывав во многих деревнях, возвратился через три недели в Симбирск и сдал казначею оставшиеся у него неизрасходованные 40 коп. Оказывается, Евгений так пришелся по душе крестьянам, что они нарасхват тянули его к себе обедать и, перевозя от деревни до деревни, категорически отказывались от какого-либо вознаграждения»[3].

Таким же гостеприимством пользовались и саратов-

---

[1] См. газ. «Рабочий» № 3, сентябрь 1905 г.

[2] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 94.

[3] Сб. «1905 год в Симбирске». Истпартотдел губкома РКП (б), 1925, стр. 33.

ские разъездные агитаторы. В отчете о деятельности аграрной группы Саратовского городского комитета РСДРП, опубликованном газетой губкома «За волю и землю», отмечалось, что ее представителей встречали повсеместно как желанных гостей, давали им провожатых при переезде из деревни в деревню, оберегали их от полиции. В газете говорилось, что агитатор «Тарас» и агитатор «Иван», каждый в отдельности, побывали во многих селах разных волостей и всегда на собрания приходило много крестьян, которые с жадностью слушали речи агитаторов, задавали много вопросов об аграрной программе рабочей партии[1].

Из доклада представителя Саратовского комитета РСДРП на первой конференции крестьянских работников Поволжья (Самара, октябрь 1905 г.) видно, что, несмотря на суровый полицейский режим, введенный губернатором Столыпиным, за все лето 1905 г. в этой губернии не было ни одного случая ареста большевистского агитатора, хотя попыток к тому делалось немало. Все объяснялось тем, что крестьяне дружно охраняли агитаторов и не давали их в обиду.

Когда в одном из сел местные власти решили во что бы то ни стало изловить большевистского агитатора, толпа крестьян пришла в такое возбуждение, что представителям власти пришлось самим спасаться бегством. При этом уряднику проломили дубиной голову, а волостной старшина и сельский староста были вынуждены просидеть всю ночь в пруду[2].

О безуспешных действиях полиции против большевистских агитаторов красноречиво свидетельствует и попытка поймать тов. Спиридонова. Подполковник Зубов сообщал симбирскому губернатору князю Яшвилю, что сызранский уездный исправник Яковлев и его помощник Домбровский, сделавшие попытку схватить при помощи стражников «главного подстрекателя» аграрных «беспорядков», были настолько сильно избиты крестьянами села Губино, что обоих пришлось положить в больницу[3].

---

[1] «За волю и землю» № 2, 10 декабря 1906 г.

[2] См. Отчет делегатов Саратовского комитета РСДРП на первой конференции крестьянских работников Поволжья. Материалы конференции опубликованы в сб. «Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1955, стр. 198—212.

[3] ГАУО, ф. 76, д. 76, л. 5.

Изучение документов, относящихся к лету 1905 г., приводит к выводу, что слабость социал-демократической пропаганды и агитации, как и слабость всей работы большевиков в деревне, объяснялась тем, что, во-первых, некоторые партийные организации, особенно те, где меньшевикам удавалось на время брать верх, недооценивали значение крестьянского движения, неправильно понимали его роль и место в освободительной борьбе пролетариата.

Рассматривая крестьянское движение, как мелкобуржуазное по своей природе, меньшевистская часть партийных организаций не видела в нем революционного духа, не понимала того, что оно всем своим содержанием объективно направлено против самодержабно-крепостнического строя России.

Во-вторых, в работе большевистских организаций отсутствовал единый, согласованный план действий в деревне.

В-третьих, большевистские организации были очень бедны кадрами профессиональных работников вообще, крестьянских — в особенности.

Подъем крестьянской борьбы, вызванный Всероссийской политической стачкой рабочего класса в октябре 1905 г., настоятельно требовал от большевистских организаций решительного улучшения всей их работы в деревне. В те дни героической борьбы пролетариата В. И. Ленин писал:

«Поднять крестьянство до сознательной защиты дела свободы, потребовать серьезнейших мер в пользу крестьянства, подготовить деревенское движение, которое бы в связи с передовым городским пролетариатом добило самодержавие, завоевало полную и настоящую свободу, — такова теперь очередная задача российской социал-демократии»[1].

Исходя из этого указания В. И. Ленина, все партийные организации должны были решительно пересмотреть свое отношение к работе среди крестьянства, коренным образом улучшить ее содержание, определить, исходя из местных условий, формы этой работы в дальнейшем. Чтобы сделать движение политически сознательным, вывести его из того стихийного состояния, в котором оно

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 401—402.

находилось весной и летом 1905 г., большевикам Среднего Поволжья надо было выработать общий взгляд на положение деревни, на роль и место крестьянского движения в борьбе пролетариата за власть и наметить меры объединения сил деревенских работников партии.

М. В. Фрунзе
(1906 г.)

Для решения всех этих вопросов в Самаре в конце октября 1905 года была созвана первая конференция крестьянских работников Поволжья[1]. Инициатива созыва принадлежала Восточному бюро ЦК РСДРП, которое находилось тогда в Самаре и после III съезда РСДРП состояло из сторонников В. И. Ленина.

Определив свое отношение к тактической резолюции III съезда РСДРП о крестьянском движении, конференция высказалась за необходимость создания при каждом комитете РСДРП специальной аграрной группы, то есть выделения нескольких работников, специально ведающих организационной и пропагандистско-агитационной работой в деревне. Было установлено, что в задачу аграрных групп должны входить:

1. Периодические объезды сел и деревень, проведение в них сходов, собраний, митингов, демонстраций, волостных и окружных съездов.

---

[1] В конференции участвовали представители партийных организаций Астрахани, Борисоглебска, Вятки, Иваново-Вознесенска, Казани, Нижнего Новгорода, Пензы, Саратова, Самары, Симбирска. Представителем от иваново-вознесенских большевиков был М. В. Фрунзе, от ЦК РСДРП — большевик И. Х. Лалаянц.

2. Создание в наиболее крупных селах социал-демократических групп и налаживание работы с тем, чтобы она постепенно усложнялась.

Первоначально деятельность этих групп должна была заключаться в распространении политической литературы, в устройстве собраний с выступлениями приезжих большевистских агитаторов, в регулярной отправке комитету информации об условиях и выдающихся событиях деревенской жизни. В дальнейшем группы должны сами развертывать пропаганду и агитацию, создавать кружки для занятий по особым программам.

Пособиями для агитации должны были служить большевистские листовки, в которых популяризируются общие и специально крестьянские лозунги; примерные приговоры сельских сходов, составленные по поводу каждого практического лозунга, как-то: бойкота Государственной думы, отказа от платежа податей, от поставки рекрутов и проч.

В связи с созданием в деревнях и селах Среднего Поволжья массовых организаций Крестьянского союза, конференция рекомендовала всем комитетам РСДРП стремиться проникать как в центральные, так и в местные организации этого союза, чтобы вести в них социал-демократическую линию и преобразовывать их в социал-демократические организации.

Конференция высказалась за издание специальной социал-демократической крестьянской газеты с целью усиления работы большевиков в деревне[1].

Реализуя решения конференции, комитеты РСДРП пополнили аграрные группы опытными товарищами, стали больше привлекать к работе в деревне социал-демократов из среды городских рабочих, чаще практиковать совещания с деревенскими работниками по обмену опытом, выпускать газеты, листовки, брошюры специально для крестьян.

Массово-политическая работа в деревне стала шире по размаху и глубже по содержанию. Особенно она развернулась после опубликования царского манифеста 17 октября, когда волна крестьянского недовольства нашла свое выражение в повсеместном проведении массовых митингов. На них большевистские агитаторы и чле-

---

[1] См. «Новая жизнь» № 4, 30 октября (12 ноября) 1905 г.

ны аграрных групп выступали с яркими речами, разоблачавшими новый хитрый маневр самодержавия.

Под влиянием большевистской пропаганды и агитации во многих селах состоялись многолюдные политические демонстрации с красными флагами и пением революционных песен. В Симбирской губернии такие демонстрации прошли в Б. Нагаткине (Симбирского уезда), Альшееве (Буинского), Больших Березниках и Судосеве (Карсунского), Куделихе и Сияве (Алатырского).

С большим революционным подъемом в эти дни проходили собрания, митинги, шествия в с. Царевщине Старо-Буянской волости Самарской губернии. Вот что сообщалось об этом в печати: «Еще недавно Царевщина спала глубоким сном... С весны же нынешнего года, наконец, проснулась... 10 июля, в воскресенье, в Царевщине был устроен митинг в память 9 января, после которого состоялась массовая демонстрация с красными флагами... Начиная с 19 октября, в селе ежедневно проходят многолюдные собрания, на которых выступают городские рабочие, крестьяне... 23 октября на площади села был устроен митинг, говорили о роли крестьян в революции, о необходимости борьбы за свободу вместе с городскими рабочими. После митинга началась массовая демонстрация. Навстречу демонстрантам, когда они шли без шапок и пели «Вы жертвою пали», попался урядник и тоже скинул шапку»[1].

В приведенной корреспонденции показана высокая политическая активность и организованность участников выступлений в селе Царевщине. Как видно, систематическая работа большевиков Самары и, в частности, членов аграрной группы Самарского комитета Р. Н. Дмитриева («Разум») и А. А. Коростелева приносила хорошие результаты.

И таких примеров можно назвать немало. Корреспонденция из с. Кинель-Черкассы Бугурусланского уезда той же губернии рассказывала: «На митинге, созванном местным революционным крестьянским комитетом, разъездной агитатор[2] аграрной группы Самарского комитета РСДРП говорил о всеобщей политической забастовке во всей России, о событиях в Москве, на юге, в Польше,

[1] «Самарская газета» № 207, 1 ноября 1905 г.

[2] Выступал большевик А. А. Коростелев, что установлено по другим источникам.

Сибири, Литве, на Кавказе. Агитатора слушали с захватывающим вниманием. На следующий день состоялся новый митинг. Выступил тот же оратор. Он говорил о положении крестьян и рабочих России, призывал к уничтожению самодержавия, разъяснял, что землю и волю крестьяне получат только путем упорной борьбы... Митинг был закончен составлением приговора о необходимости добиваться созыва Всенародного Учредительного собрания»[1].

В ряде сел и деревень крестьяне под влиянием рабочих и большевистских агитаторов разгоняли представителей старой власти и создавали революционные комитеты. Так, например, было в декабре 1905 г. в селениях Куделиха и Сиява Алатырского уезда Симбирской губернии. По совету рабочих алатырских железнодорожных мастерских волостной сход уволил неугодных народу волостного старшину и писаря, а вместо них выбрал из своей среды новый орган местной власти в составе «правителя, секретаря и нарядчика». Сход приговорил в дальнейшем никакой другой власти, кроме выбранной, не признавать[2].

Разгон царских чиновников происходил и во многих других местах Среднего Поволжья. Исправник Карсунского уезда Симбирской губернии Шемякин сообщал по телеграфу 13 декабря: «Судосеве произвол, обществом крестьян удален сельский староста и писарь, назначены другие»[3].

Жители ряда деревень Помяловой волости Чебоксарского уезда Казанской губернии толпой до 400 человек явились к волостному правлению и через выделенных ими лиц провели ревизию расходования денежных сумм. А когда нашли, что начальство тратит деньги не в интересах народа, собрали сход и отстранили старшину и писаря, избрав своих. Докладывая об этом губернатору, чебоксарский исправник писал, что «проявленное крестьянами своеволие есть результат деятельности рабочих звенигородского затона»[4].

В селе Малом Толкае Бугурусланского уезда Самар-

---

[1] Нелегальная газета «Борьба» № 2, 18 января 1906 г., орган Самарского комитета РСДРП.

[2] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 121, л. 36.

[3] Там же, д. 77, л. 108.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 1, д. 3891.

ской губернии крестьяне выгнали из волостного правления земского начальника, уволили по приговору схода старшину и писаря, а вместо них выбрали своих односельчан, активно защищавших крестьянские интересы[1].

В селе Кинель-Черкассах того же уезда крестьяне отстранили от должностей волостного старшину, сельского старосту, а на их места избрали бедняков Лыжкина и Харина. А когда земский начальник не утвердил их в этих должностях, как неблагонадежных, крестьяне вторично собрались на волостной сход и подтвердили свое решение[2].

Случаи разгона царских властей и выборов новых людей в местные органы управления были и в других уездах Самарской губернии. «Самарская газета» сообщала, что в Бузулукском уезде «выгоняют старшин из волостных правлений, сельским и волостным писарям наполовину урезали жалованье. С земскими начальниками не считаются»[3].

О том, как смело и решительно действовали в то время крестьяне, убедительно показывает следующий факт. 12 ноября 1905 г. в село Пронькино Бузулукского уезда для разбора судебного дела прибыл земский начальник Племянников. При входе в волостное правление его встретила толпа, которая заявила, что начальства теперь над ними никакого нет и что никакого суда над собой они не признают. А когда волостной старшина сделал попытку «навести порядок», его сильно избили. Видя, какой оборот принимает дело, земский начальник поспешил уехать из села; писарь, спасаясь от побоев, тоже сбежал, и деятельность правления была прекращена[4].

23 ноября 1905 г. неклюевский волостной старшина доносил губернатору, что ряд крестьянских обществ волости (Ново-Геранькинское, Рождественское, Неклюевское) категорически отказался платить подати, земские и мирские сборы. Ввиду отсутствия средств на содержание служащих деятельность волостного правления была прекращена[5].

Однако разгон царских властей и образование рево-

---

1 ГАКО, ф. 8, оп. 56, д. 645.
2 «Самарский курьер» № 465, 1905 г.
3 «Самарская газета» № 2, 3 января 1906 г.
4 ГАКО, ф. 2, оп. 1, д. 1911, лл. 93—94.
5 Там же, д. 1920, л. 11.

люционных комитетов было в деревнях и селах Среднего Поволжья событием сравнительно редким, что говорило о слабости крестьянской революции. В. И. Ленин указывал, что «если бы удалось связать хотя бы в отдельных случаях успешные революционные мероприятия крестьян в деле улучшения их положения (конфискация хлеба, скота, *земли*) с учреждением и деятельностью *крестьянских комитетов*... тогда можно было бы считать выигранной борьбу за привлечение крестьян на сторону демократической республики»[1].

В. И. Ленин подчеркивал тогда, что только революционные комитеты способны провести в жизнь все революционно-демократические преобразования в деревне в интересах крестьянства, только они могут избавить его от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета. Победа восстания в деревне возможна лишь при опоре на эти комитеты.

В. И. Ленин призывал партию настойчиво разъяснять крестьянским массам, что если они хотят довести начатую аграрную революцию до конца, то они должны также довести до конца и политическую революцию. Без победоносной политической революции не может быть сколько-нибудь прочной и аграрная революция[2].

Выступая на III съезде РСДРП, В. И. Ленин говорил, что главная задача социал-демократической партии состоит в том, чтобы внести политическую сознательность в крестьянское движение и что этого можно достигнуть только путем организации в деревне революционных комитетов. «Без революционного права, осуществляемого этими комитетами, крестьяне никогда не смогут отстоять того, что они завоюют теперь»[3].

Лозунг об организации крестьянских комитетов полностью соответствовал духу аграрной революции, и поэтому борьба за образование этих комитетов составляла главную задачу большевиков, работавших в деревне.

В ряде мест аграрные группы большевиков подготавливали совместные выступления рабочих и крестьян. Так было, например, во время второй стачки рабочих железнодорожной станции Алатырь Симбирской губер-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 222.
[2] См. там же.
[3] Протоколы Третьего съезда РСДРП. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 237.

нии, состоявшейся в первой половине декабря 1905 г. Из документов полиции видно, что крестьяне бесплатно снабжали нуждающихся стачечников хлебом, картофелем и другими продуктами. А когда в Алатыре собрался уездный крестьянский съезд, железнодорожники обеспечили своими силами охрану делегатов, помогли выработать решения съезда, а затем осуществить их на практике[1].

После съезда крестьяне при поддержке рабочих г. Алатыря и Барышской слободы устроили забастовку на картонной фабрике и лесопильном заводе в имении графа Рибопьера. В селе Засарье выгнали князя В. А. Оболенского из имения и сожгли усадьбу помещицы Пазухиной. В деревне Цыповке разгромили имения Ренкуль и князя М. Н. Оболенского. В селе Княжухе разгромили имение помещика Жигина, забрали весь хлеб и конскую сбрую. Помещичьи погромы прошли и в других селах Алатырского уезда.

Следует отметить, что при всей стихийности крестьянского движения большевикам все же удавалось в ряде селений возглавить массовые выступления, придать им организованный, политический характер. Большую работу в этом отношении проделали большевики Самары и Саратова. По инициативе аграрных групп комитеты РСДРП созвали в ряде волостей и уездов по нескольку съездов, решения которых свидетельствуют о высоком уровне сознательности и организованности крестьянских масс.

Из корреспонденции разъездного агитатора аграрной группы Самарского комитета РСДРП А. А. Коростелева видно, что в конце 1905 г. в Самарском уезде под руководством большевиков состоялся съезд представителей 12 сел, который поставил своей задачей — объединить крестьянскую борьбу на местах и согласовать ее с борьбой в городе; выработать способы революционного воздействия на широкие слои крестьян, еще не примкнувших к движению; установить формы сельского революционного самоуправления[2]. Съезд по-революционному решил и земельный вопрос. В резолюции указывалось, что вся земля (частновладельческая, удельная, государствен-

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 157, д. 227, л. 29.
[2] «Борьба» № 2, 18 января 1906 г.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ[1]
в Старо-Буянской волости Самарской губернии
(ноябрь 1905 г.)

[1] Настоящая схема сделана автором книги согласно «Временному закону», принятому Народным съездом 13 ноября 1905 г.

[2] Ведению Народного съезда подлежало решение земельных дел, вопросов народного образования, здравоохранения, осуществление финансовой политики, правосудия, народного вооружения и др.

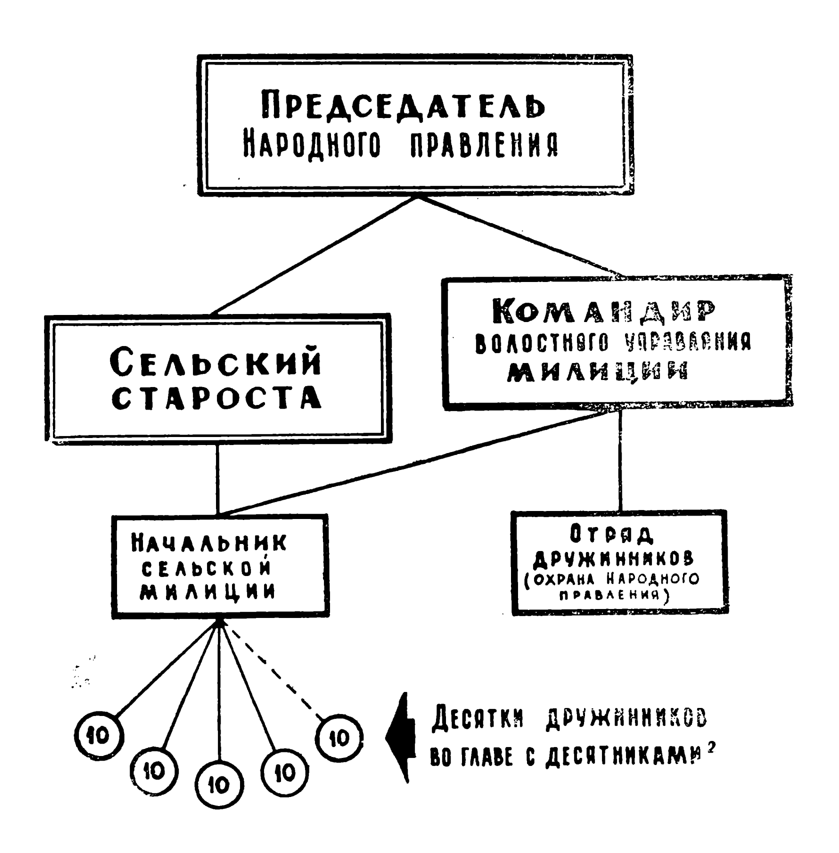
[3] Народное правление избиралось на съезде из трех человек: председателя, его товарища и делопроизводителя. Оно выполняло функции постоянной исполнительной власти.

[4] Комитет Народного правления, или рев. крестьянский комитет, также избирался съездом. Комитет, как и Народное правление, отвечал за свою деятельность только перед Народным съездом.

[5] Сельское Народное собрание выполняло функции распорядительной власти на селе.

[6] Сельский староста и писарь избирались Народным собранием.

Структура управления милицией[1] в революционном народном самоуправлении Старо-Буянской волости Самарской губернии (ноябрь 1905 г.)

[1] Настоящая схема сделана автором книги согласно «Временному закону», принятому Народным съездом 13 ноября 1905 г.

[2] Вся структура милиции строится на демократическом (выборном) начале. Десятки выбирают десятника, десятники — начальника сельской милиции (дружины). В мирное время командиры дружин подчиняются Председателю Народного правления, а в военное время действуют самостоятельно и подчиняются непосредственно Народному съезду.

ная, монастырская, церковная и прочая) принадлежит крестьянам и будет отобрана ими.

Но особенно крупным мероприятием самарских большевиков был подготовленный и успешно проведенный ими съезд в Старо-Буянской волости Самарского уезда. Он состоялся 13 ноября 1905 г. в период наивысшего развития крестьянского движения в Самарской губернии. Основным политическим документом, который был выработан съездом, является «Временный закон по Старо-Буянскому народному самоуправлению»[1]. В общей части «Временного закона» говорилось, что народный съезд Старо-Буянской волости больше не признает царского правительства и с его законами не считается.

Для устройства народного самоуправления в России съезд признал необходимым созыв Учредительного собрания. Съезд объявил свою волость управляемой самим народом и установил, что законодательная власть в волости с 13 ноября 1905 г. принадлежит Народному съезду, а исполнительная — Народному правлению[2]. Во «Временном законе» были определены функции законодательной и исполнительной власти, указано, что отныне все государственное управление должно осуществляться в интересах народа. Съезд избрал волостной революционный комитет, образовал народный суд, создал народную милицию из дружинников.

После утверждения Временного закона по волостному народному самоуправлению и выборов председателя волостного комитета[3], его помощника и секретаря, в Старом Буяне состоялась многолюдная демонстрация, о которой жандармский полковник Добрянский писал: «...Крестьяне огромной толпой с пятью красными флагами с надписями: на первом — «Долой самодержавие!», «Свобода или смерть!» под колокольный трезвон начали шествие без шапок»[4].

Узнав об установлении народного самоуправления в Старо-Буянской волости, губернатор направил сюда 19 ноября сотню казаков во главе со своим заместителем. Однако не так-то просто оказалось разогнать новую

---

[1] См. «Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1955, стр. 217—222.

[2] «Самарская газета» № 226, ноябрь 1905 г.

[3] Председателем был избран середняк А. Князев.

[4] ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1906 г., д. 2, ч. 17, лл. 4—5.

власть, защищаемую всем народом. Уговоры вице-губернатора не подействовали, а вступать в бой с вооруженными крестьянами он побоялся. Так ему и пришлось уехать из Старого Буяна, не выполнив своей роли карателя народной свободы.

Восставшие, конечно, понимали, что царская власть не смирится с установлением народного самоуправления. 25 ноября в Старо-Буянскую волость прибыли два крупных отряда солдат и казаков. Революционное самоуправление было разогнано силой оружия, но весть о славных революционных делах старобуянцев оказала большое воздействие на крестьянское движение.

Аграрная группа Самарского комитета РСДРП начала свою деятельность с мая 1905 г. и уже к концу года добилась значительных результатов. К этому времени у нее накопился некоторый опыт, выработалась определенная тактика. Члены аграрной группы внимательно следили за развитием движения, выбирали наиболее важные по своему революционному влиянию и географическому положению деревенские центры, создавали в них крестьянские комитеты, которые в ходе борьбы становились опорными пунктами большевистской агитации для целой округи.

Летом и осенью 1905 г. аграрная группа Самарского комитета РСДРП вела работу, главным образом, в селениях Самарского, Бузулукского, Николаевского и Ставропольского уездов[1]. Она рассылала по опорным пунктам движения своих представителей, а они создавали на местах группы агитаторов из крестьян, инструктировали их, снабжали революционной литературой.

В еще более широких масштабах развернули работу большевики Саратовской губернии. Сначала там действовала только аграрная группа Саратовского комитета РСДРП. Однако по мере развития революции и количественного роста большевистской организации был образован губернский комитет партии, который также создал аграрную группу.

Из документов Саратовского охранного отделения (СОО) видно, что в начале 1906 г. 14 беспартийных социал-демократических рабочих образовали инициатив-

---

[1] «Борьба» № 1, 5 января 1906 г., орган Самарского комитета РСДРП.

ную группу, которая поставила целью вести революционную работу среди крестьян. На учредительном собрании она приняла программу РСДРП, объявив себя отделением Саратовского городского комитета. Группа избрала исполнительный комитет из четырех человек и приняла название «Молот».

Впоследствии группа «Молот» взяла на себя часть работы аграрной группы губернского комитета РСДРП в деревне, сохранив за собой самостоятельность только в издании и распространении социал-демократической литературы. Группа просуществовала до марта 1907 г.[1]

Большую работу среди крестьян вели также социал-демократические группы, существовавшие во всех окружных городах Саратовской губернии. Особенно активную деятельность развернула аграрная коллегия (комиссия) камышинской группы РСДРП. У нее был гектограф, и она самостоятельно издавала листовки[2].

Зимой 1905 г. большевики Саратовской губернии сосредоточили основные силы аграрных групп на созыве крестьянских съездов, на принятии этими съездами решений в духе революционных лозунгов большевистской партии. В декабре было проведено три съезда: в Саратовском, Камышинском и Аткарском уездах. В январе 1906 г. прошел делегатский съезд крестьян Рыбушанской и Синенской волостей Саратовского уезда[3]. Постановления этих съездов были размножены большевиками в виде специальных листовок и широко распространены.

О том, насколько высок был уровень требований масс того времени, свидетельствует постановление уездного съезда, созванного камышинской группой РСДРП 4 декабря 1905 г. В нем говорилось о необходимости свержения царского правительства и замены его самодержавием народа, введения всеобщего, равного избирательного права при выборах как Всероссийского Учредительного собрания, так и всех местных органов самоуправления.

Съезд потребовал неприкосновенности личности и жилища; неограниченной свободы совести, слова, печати, собраний, стачек, союзов; уничтожения сословий и полиции; равноправия всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности; права получать

---

[1] ГАСО, ф. СОО, д. 12, лл 14—16.
[2] ГАСО, ф. 133, оп. 1, 1905 г., ед. хр. 198.
[3] ГАСО, ф. СЖУ, 1905 г., д. 210, л. 47.

образование на родном языке; права на самоопределение всех наций, входящих в состав государства; выборов народных судей; замены постоянных войск всеобщим вооружением народа; отделения церкви от государства и школы от церкви; обязательного и бесплатного обучения детей обоего пола до 18 лет.

В интересах пролетариата съезд включил в свои требования восьмичасовой рабочий день; законодательную охрану труда и установление ответственности предпринимателей за нарушение законов о труде; заключение трудовых соглашений; обязательное государственное страхование рабочих на случай старости и инвалидности и установление для этой цели специального денежного фонда путем сбора особого налога с капиталистов.

В разделе экономических требований крестьян говорилось об отмене выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, которые несет крестьянство, как податное сословие; о конфискации казенных, удельных, монастырских, церковных, а также всех помещичьих земель.

Под влиянием большевиков-практиков съезд признал, что национализация земли в настоящее время нежелательна, так как она неизбежно усилит правительственную власть буржуазного государства. Съезд отклонил и эсеровскую программу социализации земли, охарактеризовав ее как утопичную, поскольку на практике она не приведет к уравнению пользования землей для всего крестьянства, расколотого капитализмом на различные хозяйственные группы.

Съезд принял тактическую резолюцию. Она говорила, что в целях внесения сознательности и организованности в крестьянское движение необходимо немедленно же приступить к организации крестьянских комитетов, которые должны решить, какие земли отнять у помещиков, казны, удела и церкви и между крестьянами каких селений они должны быть разделены.

Удерживая массы от стихийных форм борьбы, эти комитеты должны осуществлять организованную конфискацию помещичьих усадеб, скота, инвентаря, хлеба. Комитеты должны брать на себя охрану конфискованного имущества и убеждать крестьян, что окончательное решение вопроса о судьбе помещичьего добра необходимо ждать от Учредительного собрания.

В числе других ближайших задач съезд рекомендовал массовый отказ от уплаты арендных денег и казенных податей; объявление забастовок сельскохозяйственных рабочих; отказ от поставки правительству рекрутов и новобранцев; освобождение всех заключенных за политические убеждения и участие в аграрном движении; смещение всех волостных старшин и сельских старост, писарей и других выборных лиц, которые тянут руку начальства, и замену их своими людьми без утверждения земским начальником; отказ от выполнения каких-либо постановлений земских начальников, полиции и от предоставления им лошадей; ликвидацию казачества и сформирование сельской народной милиции, которая находилась бы в распоряжении общества.

В заключительной части постановления указывалось на необходимость самого тесного общения между городом и деревней, чтобы рабочее и крестьянское движение шли рука об руку[1]. Таким же духом были проникнуты и решения других съездов, проведенных большевиками.

Следует отметить, что созыв таких съездов и принятие ими постановлений в духе революционной социал-демократии сыграли огромную роль в политическом воспитании крестьянских масс, помогли еще больше приобщить их к борьбе рабочего класса.

Выполняя постановления съездов, передовые крестьяне Саратовской губернии стали более организованно выступать против помещиков и представителей царской власти. В ряде мест их борьба начала сливаться с политической борьбой рабочего класса против царского самодержавия за установление в России демократической республики.

Однако постановления съездов остались, к сожалению, почти целиком невыполненными в подавляющем большинстве сел Саратовской губернии. Дело в том, что в декабре 1905 г. волна крестьянских выступлений пошла здесь уже на заметный спад. Большую роль в этом сыграло объявление губернии 4 декабря на положении усиленной военной охраны и наводнение войсками сельских местностей.

---

[1] Партархив Саратовского ОК КПСС, ф. листовок, ед. хр. 82.

б) РАБОТА БОЛЬШЕВИКОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ КРЕСТЬЯНСКОГО СОЮЗА

Одной из характерных особенностей революции 1905—1907 гг., как революции народной, было то, что она создала новые, ранее неизвестные политические организации масс.

Во многих городах и промышленных центрах России возникли Советы рабочих депутатов, а в сельской местности — революционные крестьянские комитеты. Это были классовые организации рабочих и крестьян, органы вооруженного восстания масс, органы революционной власти.

В ходе революции широкое распространение получили стачечные комитеты рабочих и профессиональные организации трудящихся в городах, на фабриках и заводах, железнодорожном транспорте, организации Крестьянского союза в деревне.

Как организации беспартийные, они без руководства со стороны большевистской партии могли бы легко попасть и нередко попадали в бесчисленное количество ловушек, расставленных реакцией, либеральной буржуазией, мелкобуржуазными партиями меньшевиков, эсеров, энэсов, анархистов.

Следует отметить, что если такие массовые организации, как стачечные комитеты, Советы рабочих депутатов и революционные крестьянские комитеты, действовали обычно под руководством большевистской партии, то об организациях Крестьянского союза этого сказать нельзя. Всероссийский Крестьянский союз, возникший в начале августа 1905 г., начал работать в основном под руководством мелкобуржуазной партии социалистов-революционеров и либеральной буржуазии.

Однако, учитывая, что этот «Союз» был самой массовой организацией революционного крестьянства и его борьба за свободу и землю носила явно антикрепостнический характер, причем «Союз» активно поддерживал многие большевистские требования в революции, партия большевиков приняла участие в этом «Союзе» и развернула внутри него идейную борьбу за перевод этой организации на позиции пролетариата.

Под влиянием революционных масс II Всероссийский съезд Крестьянского союза, состоявшийся в ноябре 1905 г.,

принял решение о передаче всей земли в собственность народа, об активном бойкоте помещиков и всей царской власти на местах, о совместном проведении всеобщей забастовки рабочих и крестьян.

Съезд объявил бойкот выборов в I Государственную думу и высказался за немедленный созыв Всенародного Учредительного собрания. Кроме того, он потребовал немедленной отмены исключительных законов, вывода войск из губерний, охваченных восстаниями, и амнистии всем пострадавшим за активное участие в крестьянском движении, уничтожения постоянной армии и замены ее народным ополчением.

Съезд послал приветствие участникам кронштадтского восстания моряков и потребовал немедленной отмены военно-полевого суда над ними. Делегаты обратились к железнодорожным рабочим с призывом прекратить перевозку войск в районы, где происходят революционные выступления рабочих и крестьян.

Наконец, съезд предупредил царское правительство, что неудовлетворение требований революционного народа приведет к великим волнениям и неизбежно вызовет всенародное восстание против существующих в России порядков.

Второй съезд Всероссийского Крестьянского союза закончил свою работу 10 ноября 1905 г., а 12 (25) ноября В. И. Ленин в статье «Пролетариат и крестьянство», опубликованной в газете «Новая жизнь», писал:

«Пошлем же горячий привет Крестьянскому союзу, принявшему решение бороться дружно и стойко, беззаветно и без колебаний, за полную волю и за всю землю. Эти крестьяне — настоящие демократы. Их ошибки в понимании задач демократизма и социализма мы должны разъяснять терпеливо, выдержанно, как союзникам, с которыми нас соединяет общая великая борьба. Эти крестьяне — действительные революционные демократы, с которыми мы должны идти и пойдем вместе на борьбу за полную победу теперешней революции»[1].

Разъясняя линию поведения большевиков по отношению к Крестьянскому союзу, В. И. Ленин обращал внимание рабочего класса и его политической партии на необходимость относиться с полным сочувствием к организа-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 25.

циям «Союза», активно включиться в их работу на местах и в центре, всемерно содействовать росту политической сознательности широких масс. В. И. Ленин призывал настойчиво работать над внесением социал-демократического сознания в крестьянское движение. «От роста сознательности крестьянства, — подчеркивал он, — зависит в громадной степени ход и исход великой русской революции»[1].

Большевики и до этого вели деятельную работу в деревне, но в конце 1905 г. она приняла особенно широкий размах. Продолжая по-прежнему издавать специальные листовки, направлять в села работников аграрных групп, созывать съезды, партийные организации стали еще более энергично призывать крестьян к объединению сил для предстоящего решительного штурма всего самодержавно-крепостнического строя России.

Учитывая именно эти обстоятельства, министр внутренних дел Дурново непрерывно направлял грозные телеграммы в адрес губернаторов, обязывая принимать самые решительные меры против революционной самодеятельности масс. Так, в телеграмме от 2 января 1906 г. на имя симбирского губернатора он писал: «Подтверждая многократные свои указания, прошу действовать твердо, без всяких колебаний, не обращая внимания ни на какие мятежные протесты, не допускайте образования в деревнях тайных комитетов или союзов из крестьян, не разрешайте так называемые крестьянские съезды»[2].

Там, где преобладало влияние эсеров и либеральной буржуазии, где съезды собирались представителями Крестьянского союза и партии эсеров, там большевики, принимая самое активное участие в работе этих съездов, стремились как можно убедительней разоблачать антикрестьянскую сущность аграрной политики царского правительства и партии кадетов, доказывать утопичность, неосуществимость на практике эсеровской программы социализации земли, разъяснять смысл аграрной политики социал-демократической партии, ее основной пункт о конфискации в пользу крестьян всей земли, принадлежащей помещикам, казне, уделам, церквам и монастырям.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 22.
[2] ГАУО, ф. 76, оп. 9, д. 85, л. 13.

С подобного рода речами неоднократно выступал на крестьянских съездах Хвалынского уезда Саратовской губернии большевик В. М. Серов, а на губернском съезде — член аграрной группы Саратовского комитета РСДРП большевик А. А. Богданов[1].

Как в центре, так и на местах большевики принимали все меры к тому, чтобы превратить организации Крестьянского союза в подлинно народные организации, способные применять действительно революционные методы борьбы, всячески расширяя размах политического творчества масс.

Разоблачая мелкобуржуазных интеллигентов из кадетской партии, которые сочиняли разные хитроумные проекты сделок между революционным крестьянством и либеральными помещиками, а также руководителей эсеровских организаций, всегда готовых удовлетвориться реформами «сверху», большевики Среднего Поволжья призывали массы смелее подниматься на аграрную революцию и революционным путем добиваться земли и воли.

Под влиянием большевистской пропаганды на местах и решений II съезда Крестьянского союза крестьянское движение приняло осенью 1905 г. невиданно широкий размах, охватив все уезды губерний Среднего Поволжья.

Однако характер движения не был одинаков. В одних местах крестьяне собирались на сельские сходы и принимали антиправительственные приговоры, затем отсылали их губернатору или в Петербург и ждали появления закона об удовлетворении крестьян землей и уравнении их в гражданских правах.

В других местах (главным образом в районах помещичьего землевладения) крестьяне, наряду с принятием антиправительственных приговоров, поднимались на активную борьбу с помещиками и царским правительством, по-революционному решали наболевшие вопросы.

К концу 1905 г. организации «Союза» были созданы во всех уездах Среднего Поволжья. Присоединение к этому «Союзу» совершалось очень просто: по решению сельского схода, волостного или уездного съезда. Так, например, было принято решение о присоединении к Крестьянскому союзу на Алатырском уездном съезде (Симбирская губерния), проходившем в первой половине декабря

---

[1] ГАСО, ф. ГЖУ, 1905 г., д. 210, т. 2, лл. 369, 601—603, 612.

1905 г. В этом уезде в течение декабря 1905 г. к «Союзу» присоединились 64 общества, или 38 проц. всех крестьянских обществ уезда[1].

Подобная картина в конце 1905 г. наблюдалась во всех других губерниях Среднего Поволжья. В. И. Ленин отмечал, что в этот период «революционного вихря» Крестьянский союз рос со сказочной быстротой[2]. Этот быстрый рост объяснялся рядом обстоятельств.

Во-первых, «Союз» представлял собой, как отмечал В. И. Ленин, безусловно «почвенную», реальную организацию масс. Он начал создавать свои организации на местах осенью 1905 г., то есть в период, когда революция быстро шла на подъем. Вырванный у царского правительства манифест 17 октября придал народной революции еще большую силу. Вслед за революционной борьбой рабочего класса в городах широкой волной разлилась и аграрная революция.

Во-вторых, в объединении своих сил передовые крестьяне видели возможность скорейшего завоевания земли и свободы. Поэтому нередко в приговорах сельских и волостных сходов, после включения ряда экономических и политических требований, крестьяне обязательно дописывали: «А чтобы добиться осуществления вышеизложенных требований, для улучшения нашего быта законодательным порядком мы соединяемся в Общероссийский Крестьянский союз»[3]. Так, например, заканчивался приговор схода с. Убей Убеевской волости Буинского уезда Симбирской губернии.

В-третьих, менее сознательная часть крестьян, а таких в России было тогда большинство, присоединялась к «Союзу» потому, что видела в его требованиях ответ на самые наболевшие вопросы, которые веками волновали бесправных и безземельных тружеников деревни.

«Союз» не выдвигал лозунга свержения царского самодержавия и установления в России демократической республики. Эта умеренность давала возможность крестьянам рассматривать «Союз» как организацию, которая не выходит из рамок «свобод», предоставленных царским манифестом.

---

[1] ГАУО, ф 413, св. 34, д. 2, лл. 308—309.
[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 232.
[3] ГАУО, ф. 76, оп. 60, д. 226, лл. 6—7.

Большинство крестьян, выступавших активно в борьбе против помещиков и царских чиновников, оставалось, однако, верным царскому престолу. Вступающие в «Союз» нередко тут же оговаривали, что они входят в него при условии, что он не будет бороться против царя. Так, в решении совещания представителей всех волостей Сызранского уезда Симбирской губернии, состоявшегося 20 декабря 1905 г., было записано, что «если этот союз будет преследовать цели, противные нашей совести, и запишет в своей программе требование республики, то мы от этого отказываемся и из союза выходим, так как желаем управления в нашей стране царя с народом»[1].

Решения подавляющего большинства волостных и уездных съездов свидетельствуют о том, что крестьянство охотно шло на союз с рабочими только в борьбе против помещиков и чиновничьего аппарата царского правительства, но всячески воздерживалось от совместных выступлений с рабочими против царя, за установление в России демократической республики.

Основным лозунгом, вокруг которого объединялись все революционные требования крестьянства, был лозунг «земля». Что же касается требования «воли», то оно выставлялось, главным образом, как средство расширить и обеспечить пользование землей.

Лозунг «Долой царское самодержавие!» не пользовался популярностью среди крестьян. В этом отношении особенно показательным был алатырский съезд «Союза». Собравшись в декабре 1905 г. на съезд, делегаты сел и деревень активно поддержали все большевистские лозунги за исключением главных: «Долой царское самодержавие!» и «Да здравствует демократическая республика!».

Легенда о добром «царе-батюшке» еще крепко держалась в сознании российского крестьянства. Большевистской партии после первой русской революции пришлось в течение десяти лет настойчиво просвещать крестьянские массы, чтобы они поняли, что царь — это самый крупный и самый хищный помещик в России, что, идя на свержение помещиков, они неизбежно должны свергнуть царя.

Идейному воспитанию масс большевиками во многом мешали эсеры. Своими утопическими идеями об «урав-

---

[1] ЦГИА, ф. 102, 4-е дел-во, д. 700, ч. 19, л 24.

нительном социализме» эсеры лишь вредили политическому просвещению крестьян, сбивали их с толку, уводили в мир мелкобуржуазных иллюзий.

Вместо того, чтобы звать массы на свержение царского самодержавия, эсеры сочиняли от имени народа письма к царю и призывали его обратить внимание на то, как крестьянский люд повсеместно стонет под гнетом помещиков и чиновников, как он бедствует от недостатка земли и гражданских прав.

В письме от саратовских крестьян, посланном в начале 1906 г., было высказано многое и царю и всей чиновной шайке грабителей и насильников. Однако в данном послании нет и намека на необходимость вести борьбу до тех пор, пока не будет свергнуто царское самодержавие и установлена демократическая республика.

Это письмо, сочиненное Волжским областным комитетом эсеров, как нельзя лучше свидетельствует о том, что они всеми мерами пытались примирить крестьян с царем, добивались от него лишь такой реформы сверху, которая закрепила бы за крестьянством всю помещичью землю, после чего эсеры сочли бы борьбу с царским самодержавием законченной, а свою историческую миссию выполненной.

Обманывая крестьян пропагандой фальшивого социализма и проявляя трусость в борьбе с царским самодержавием, эсеры звали не на массовую политическую борьбу с самодержавно-крепостническим строем, не на свержение царского самодержавия и установление в России демократической республики, а на «аграрный террор».

Эсеры рассчитывали на то, что с помощью тактики аграрного террора им удастся запугать царское правительство и принудить его пойти на передачу помещичьей земли в руки крестьянства. В связи с этим эсеры, главным образом саратовские, нередко, переодеваясь в генеральские мундиры[1], разъезжали на почтовых тройках по деревням и пропагандировали явную ложь: царь-де охотно отдал бы крестьянам землю, но вот помещики не согласны, они мешают царю осуществить земельную реформу. Цель такой пропаганды была ясна: вызвать всеобщее возмущение лишь против помещиков.

---

[1] Среди симбирских эсеров этим методом агитации особенно широко пользовался ветеринарный врач Родионов. См. статью В. Рябикова в сб. «1905 год в Симбирске». 1925, стр. 33.

Совершенно по-иному смотрели на аграрный террор большевики. Призывая к уничтожению помещичьего землевладения, большевистская партия не мыслила себе осуществления этого мероприятия мирным путем. Однако большевики рекомендовали крестьянам всемерно избегать бессмысленного уничтожения зданий, хлеба, скота, сельскохозяйственного инвентаря и другого имущества. В связи с этим В. И. Ленин писал:

«Только педанты (или изменники народу) могут особенно оплакивать то, что крестьяне прибегают всегда к таким средствам. Но незачем скрывать от себя, что иногда истребление имущества является лишь результатом неорганизованности, неуменья *взять себе* и удержать за собою имущество врага вместо уничтожения его, — или результатом *слабости*, когда воюющий *мстит* врагу, не имея силы *уничтожить*, раздавить врага»[1].

В. И. Ленин рекомендовал партии всячески разъяснять крестьянам, с одной стороны, полную законность и необходимость беспощадной борьбы с врагом вплоть до истребления имущества, а с другой стороны, показывать, что от степени организованности зависит возможность гораздо более разумного и выгодного исхода: истребление врага (помещиков и чиновников, полиции особенно) и передача всего имущества во владение народа или крестьян без всякой порчи (или с возможно меньшей порчей)[2].

Стремясь внести сознательность и организованность в аграрное движение, большевики Среднего Поволжья настойчиво добивались от крестьян, чтобы они в период своих выступлений против помещиков старались не истреблять их имущество, а брать его в собственность народа и распределять между нуждающимися.

В этом отношении большую работу вели в период революции 1905—1907 гг. самарские и особенно саратовские большевики. Саратовский комитет РСДРП даже составил и широко распространил среди деревенских агитаторов специальный «конспект аграрной речи», в которой, как и во многих листовках к крестьянам, критикуя террор, как главный и единственный метод борьбы с поме-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 102.
[2] См. там же.

щиками, разъяснял другие методы борьбы и в частности: арендные забастовки; бойкот помещиков и представителей царской власти и особенно чинов полиции; организованный отказ от уплаты податей и разного рода местных сборов; устройство митингов и политических демонстраций; организованное неповиновение властям; повсеместное создание революционных крестьянских комитетов и осуществление под их руководством организованного захвата помещичьей земли, хлеба, скота; организованный отказ поставлять в царскую армию рекрутов; организация боевых дружин для нападения на полицию и т. п.[1]

Следует отметить, что там, где большевикам удалось установить прочные связи с деревней и наладить социал-демократическую пропаганду, там эти рекомендации большевиков во многом выполнялись.

Резко критикуя эсеровскую программу социализации земли и тактику аграрного террора, который эсеры выдвигали как главный метод борьбы против помещиков, большевистская партия, однако, не относилась нигилистически ко всему, что делали эсеры в деревне. При всех идейных пороках, которые имелись у партии эсеров, она была тогда все-таки партией революционной. Партия эсеров в период первой русской революции делала многое из того, что отвечало коренным интересам крестьянства как класса мелких собственников.

Защищая интересы крестьян и ведя неослабную борьбу за высвобождение их из-под влияния либеральной буржуазии и либеральных помещиков, большевики по многим вопросам революционного движения выступали вместе с эсерами. Особенно близки были точки соприкосновения большевиков с эсерами в организациях Крестьянского союза, которые, как правило, работали под руководством партии социалистов-революционеров.

Здесь большевики Среднего Поволжья проводили такую тактическую линию:

1) в тех селах, где Крестьянский союз уже существовал, большевики входили в него, а где его не было, принимали все меры к тому, чтобы создать его;

2) в тех селах, где наряду с социал-демократическими организациями существовали и эсеровские организации,

---

[1] ГАСО, ф. СОО, д. 26.

большевики, как правило, входили по ряду тактических вопросов во временное соглашение с эсерами и создавали особые бюро для совместной выработки плана революционных действий;

3) в тех селах, где не было социал-демократических организаций, но были эсеровские, большевики стремились превратить эти организации в непартийные;

4) в тех же селах, где не было ни социал-демократических, ни эсеровских организаций, большевики иногда вместе с эсерами создавали непартийные демократические комитеты[1].

Однако, выступая по ряду тактических вопросов вместе с эсерами, большевики ни на минуту не прекращали идейной борьбы против них.

В борьбе за крестьянские массы большевикам приходилось вести борьбу на два фронта: во-первых, против кадетов — главных идейных противников, которые своими фальшивыми лозунгами о народной «свободе» и мирном разрешении земельного вопроса пытались оторвать крестьян от пролетариата и этим погубить дело действительного освобождения их от оков помещичьего и капиталистического рабства, во-вторых, против эсеров, которые своим мелкобуржуазным учением о социализме и своей ошибочной тактикой террора сбивали массы с правильного пути борьбы за пролетарский социализм.

Разоблачая соглашательскую политику эсеров, большевики настойчиво призывали крестьян не верить в добрые намерения царя и его правительства, они говорили, что и земли и воли можно добиться только путем решительной борьбы с царским самодержавием, а не просьбами. В одной из ноябрьских листовок «К крестьянам» самарские большевики разъясняли, что прошла пора, когда пустые слова могли успокоить народ, когда угрозы могли запугать его. Крестьянское восстание не затихнет до тех пор, указывалось в листовке, пока миллионы голодного люда не добьются лучшей доли.

Призывая крестьянские массы теснее примыкать к революционной борьбе городских пролетариев, самарские большевики разъясняли, что теперь цель рабочих и крестьян — народное правление и республика[2].

---

[1] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 6, д 2, ч. 38, л. 63.
[2] ГАКО, коллекция нелегальных. изд., инв. № 48.

Призыв к свержению царского правительства и последующему созыву Всенародного Учредительного собрания красной нитью проходил через все большевистские листовки 1905 и 1906 гг. Эта идея пронизывала и все выступления большевиков на волостных, уездных и губернских съездах Крестьянского союза.

в) РАБОТА БОЛЬШЕВИКОВ СРЕДИ СОЛДАТ И НОВОБРАНЦЕВ

В царской России не было ни одного случая, когда бы на подавление освободительного движения правительство не посылало армейские подразделения, части и целые соединения. Так было в период крестьянских войн под руководством Ивана Болотникова и Степана Разина в XVII веке, Булавина и Емельяна Пугачева в XVIII веке. Так было при массовых волнениях крестьян и рабочих в XIX веке, особенно во второй его половине. Силой свинца, штыка и нагайки царское правительство жестоко подавило в 1901 г. стачку рабочих Обуховского завода в Петербурге и в 1902 г. крестьянские восстания в ряде центральных губерний России.

В. И. Ленин учил, что без привлечения передовой части царской армии (солдат, матросов, офицеров, но, главным образом, солдат и матросов) на сторону революции победа над самодержавием невозможна. Об этом убедительно свидетельствовал богатейший опыт революционного движения в странах капиталистической Европы, опыт всей предшествующей борьбы рабочих и крестьян России против помещиков и капиталистов.

Для успеха восстания против царского самодержавия В. И. Ленин считал необходимым слияние в единый революционный поток трех сил: рабочего класса, крестьянства и армии. Он писал: «...Если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе»[1].

В. И. Ленин призывал большевистскую партию делать все возможное, чтобы создать вооруженные силы революции. Без собственных вооруженных сил восставший народ не сможет завоевать победу. «...Только *силой,* — писал Ленин, — могут быть решены великие историче-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 148.

ские вопросы, а *организация силы* в современной борьбе есть военная организация»[1].

Вот почему уже вечером 9 января 1905 г., после кровавой расправы царя над мирными петербургскими рабочими и их семьями, большевистская партия призвала народ к вооруженному восстанию, стала создавать боевые дружины из рабочих и крестьян, формировать отряды народной милиции. В вооружении народа и в привлечении передовых воинских подразделений и целых частей на сторону восставшего народа В. И. Ленин видел залог победы революции.

Царская армия и военно-морской флот представляли собой наиболее закостенелую часть государственного аппарата самодержавно-крепостнического строя. Нигде так не давали себя знать пережитки крепостничества, унижение личности и надругательство над человеком, как в царской казарме. В. И. Ленин считал, что «казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы...»[2]. Если царская Россия как государство в целом считалась тюрьмой народов, то «старую солдатскую казарму по праву можно считать тюрьмой в тюрьме»[3].

Николаевская армия, состоявшая, главным образом, из крестьян, переодетых в солдатские шинели, не могла не сочувствовать борьбе за свободу и землю. Солдатам было особенно не по душе, когда их посылали как карателей на подавление народных восстаний. Это обстоятельство в значительной мере помогало большевикам воспитывать в солдатских массах ненависть к царскому правительству, способствовало распространению среди них революционных идей.

В. И. Ленин в книге «Что делать?», вышедшей в 1902 г., писал: «...Как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание «военных организаций», входящих в нашу партию»[4].

Эта мысль была подчеркнута В. И. Лениным и в проекте резолюции II съезда РСДРП. Там говорилось: «Съезд обращает внимание всех партийных организаций

---

1 В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 527.
2 В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 36—37.
3 С. М. Буденный. Боец-гражданин. Партиздат, 1937, стр. 3.
4 В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 437.

на важность социал-демократической пропаганды и агитации среди войска и рекомендует направить все усилия к скорейшему закреплению и оформлению всех имеющихся связей среди офицеров и нижних чинов»[1].

Далее в проекте указывалось, что «съезд признает желательным образование особых групп служащих в войске социал-демократов с тем, чтобы группы эти занимали определенное положение в местных комитетах (как ветви комитетской организации) или в центральной организации (как учреждения, созданные непосредственно Центральным Комитетом и непосредственно ему подчиненные)»[2].

Начало работы большевиков Среднего Поволжья в воинских частях и подразделениях было положено в 1904 г., в связи с русско-японской войной.

Разоблачая грабительский, явно империалистический характер войны с обеих сторон, В. И. Ленин призвал большевистскую партию применить тогда тактику «поражения своего правительства». Он считал, что это усилит ненависть рабочих и крестьян к царю, ко всей правящей шайке, усилит революцию.

Осуществляя эту подлинно марксистскую тактику, большевики делали все возможное, чтобы проникнуть в войска, найти там противников войны, установить с ними тесные связи и с их помощью развернуть широкую революционную пропаганду среди солдатских масс.

Так, симбирская группа РСДРП завязывает тесную связь с солдатами через одного из руководителей большевистской организации Ю. Кролюницкого, бывшего студента Петербургской военно-медицинской академии, присланного в 1903 г. в местную воинскую часть для дальнейшего прохождения службы в качестве рядового[3]. В это же время устанавливают связи с армейскими частями и подразделениями Казанский, Самарский, Саратовский комитеты РСДРП.

Первой и наиболее доступной формой работы среди солдат было распространение листовок. Вначале большевики разъясняли в листовках антинародный характер грабительской войны с Японией и призывали солдат (особенно новобранцев) подумать над тем, стоит ли им

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 435.

[2] Там же.

[3] Сб. «1905 год в Симбирске». Истпартотдел губкома РКП(б), 1925, стр. 5—6. Воспоминания В. Рябикова («Младенец Старший»).

умирать за интересы грабителей и мошенников, затеявших в своих интересах эту кровавую бойню.

После того как вспыхнула революция, в листовках зазвучала другая тема. Теперь красной нитью через них проходил призыв к солдатам отказываться стрелять по приказам офицеров в революционных рабочих и крестьян, призыв переходить с оружием в руках на сторону народа.

Во всей своей разоблачительной деятельности большевики учитывали ту характерную особенность, что старая армия состояла, главным образом, из крестьян и поэтому борьба за влияние на солдат являлась составной частью борьбы большевиков за крестьянские массы, за обеспечение революционного союза рабочих и крестьян.

Большевики строили свою работу в войсках и в деревне так, чтобы солдаты не забывали, как тяжела жизнь разоренного, бесправного и всеми забитого крестьянина, а крестьяне поняли, чьи интересы оберегают их сыновья, переодетые в солдатские шинели. Эта линия неизменно проводилась большевиками в беседах, в газетах и листовках, адресованных к солдатам и крестьянам.

Осенью 1904 г. симбирские большевики в листовке «Ко всем запасным» писали: «Товарищи! Вас призвали на войну. Вы еще живо чувствуете гнет старосты, урядника, волостного писаря, старшины и земского начальника. Зуботычиной и кутузкой угощали вас при всяком удобном случае». В листовке рассказывалось, как правительственная администрация бесчинствует в деревне, грабит и угнетает малоземельных крестьян.

Однако царскому правительству мало всего этого. «Теперь, — говорилось в листовке, — подавай ему жизнь, иди убивать и сам погибай в ненужной народу Маньчжурии». Листовка заканчивалась словами: «Народу не нужна война, начатая против его воли. Долой виновников войны! Да здравствует мир и народное правление!»[1]

Еще более наступательный тон зазвучал в большевистских листовках после кровавого воскресенья 9 января 1905 г. Расстрел мирно шествовавших к царю питерских рабочих всколыхнул всю страну. Началась первая русская революция — величайшая гражданская война из всех, какие знала дотоле история человечества.

---

[1] Сб. «Прокламации Симбирской организации РСДРП в период 1904—1907 гг.», Ульяновск, 1951, стр. 17—19.

В одной из листовок «К солдатам», опубликованной весной 1905 г., симбирские большевики на вопрос: «Чего хотят и чего добиваются восставшие рабочие и крестьяне России?», отвечали: «Народ добивается установления такого порядка, когда бы всеми делами в государстве управляли не царь и его министры, а выбранные люди из народа. Народ требует свободу для каждого человека, требует окончания страшной по своим жертвам войны».

«Царь и министры, — говорилось далее в листовке, — испугавшись грозного голоса народа, хотят во что бы то ни стало придушить народное восстание и с этой целью заставляют вас, солдат, стрелять по братьям своим. Но солдаты — тот же народ, им нужно все то же, что нужно народу, и прежде всего — прекращение войны.

Солдаты! Вместо бесславной смерти на полях Маньчжурии открыто присоединяйте свои голоса к грозному кличу восстания и этим прославьте имя свое в рядах борцов за свободу.

Солдаты! Отказывайтесь садиться в вагоны, требуйте прекращения войны! Итак, долой войну, долой тирана-царя, да здравствует освобождение народа, да здравствует народное правление!»[1]

Когда в ходе дальнейшего развития революции крестьянское движение стало принимать летом 1905 г. грозный характер и когда царское правительство стало все чаще и чаще посылать войска на подавление «беспорядков», симбирские большевики издали в июне 1905 г. листовку, в которой говорилось: «Солдаты! Кого вы расстреливаете в деревнях? Крестьян, ваших же братьев. Кого вы защищаете? Тунеядцев и народных грабителей».

Листовка заканчивалась призывом: «Солдаты! Пусть восставший народ увидит и вас в своих рядах. Отказывайтесь стрелять и идти на усмирение народа, если вас пошлют»[2].

В середине октября 1905 г., когда в Саратове и в ряде уездов Саратовской губернии разразились крупные восстания рабочих и крестьян, правительство дало распоряжение немедленно отправить туда из Симбирска на подавление одну из воинских частей. Узнав об этом,

---

[1] Сб. «Прокламации симбирских большевиков в период 1904—1907 гг.». Ульяновск, 1951, стр. 22—25.

[2] Там же, стр. 38—41.

симбирские большевики немедленно обратились к отъезжающим солдатам со специальной листовкой, в которой писали:

«Солдаты!.. Вас посылают сейчас в Саратов для того, чтобы убивать ваших братьев, вас посылают задушить свободу, вам необходимую. Если вы не хотите ужасной жизни... присоединяйтесь к восставшему народу, отказывайтесь стрелять и в решительный момент переходите на сторону рабочих и крестьян. Если вы любите родину, то помогите вашими штыками освобождению ее»[1].

Большевистская партия разъясняла солдатам, что они дети народа и что защита интересов народа в революции является их кровным делом. Необходимость воспитания армейских масс в подлинно классовом духе диктовалась еще и тем, что работу среди солдат проводили тогда не только большевики. В казарму шли меньшевики, эсеры и представители других буржуазных партий, которые вели среди солдат и офицеров лишь пропаганду демократических идей революции, всячески затушевывая классовый характер борьбы масс.

В. И. Ленин, который много уделял внимания тому, чтобы завоевать передовую часть царской армии на сторону восставшего народа, постоянно помогал местным организациям развертывать работу в этом направлении. Он требовал от всех большевиков настойчивости и смелости в борьбе за армию.

В. И. Ленин советовал комитетам РСДРП создавать в воинских частях партийные ячейки, решительнее связывать выступления солдатских масс с общенародной борьбой. Изолированные выступления солдат, разъяснял В. И. Ленин, будут обречены на неудачу. Боевой формой революционной организации армейских масс В. И. Ленин считал Советы солдатских и матросских депутатов, которые рекомендовал сливать с местными Советами рабочих депутатов.

Указания В. И. Ленина о том, как правильно строить партийную работу в войсках, комитеты РСДРП находили на страницах большевистской печати. Ленинские газеты «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» постоянно печатали материалы под рубриками «В армии», «В вой-

---

[1] Сб. «Прокламации симбирских большевиков в период 1904—1907 гг.». Ульяновск, 1951, стр. 38—41.

сках», «В казармах», рассказывая о революционном брожении в царской армии, о политических требованиях солдатских масс, о восстаниях во флоте, в сухопутных подразделениях, частях и гарнизонах. Газеты печатали статьи о формах и методах революционной работы в армии, учили искусству завоевания войск на сторону революции.

Большевистская партия издавала в годы первой русской революции более десяти газет[1], в которых призывала солдатские массы идти рука об руку с революционным народом, поднявшимся на борьбу с царским самодержавием, помещиками и капиталистами.

В «Пролетарии» по инициативе В. И. Ленина был опубликован вопросник, на который местные комитеты партии должны были прислать ответы в редакцию. Газета интересовалась наличием войск в данной местности, ведется ли большевистская работа среди них и каковы ее формы. Газета спрашивала о политических настроениях солдатских масс, можно ли рассчитывать на сочувствие и поддержку с их стороны в случае восстания[2].

Отвечая на эти вопросы, Казанский комитет РСДРП сообщал, что пропаганда в частях гарнизона началась с осени прошлого года. Связи наладились через солдата-новобранца. Комитет распространил обращение «К солдатам» и прокламации о войне местного издания. Прокламации о бесправном положении солдат завоевали их симпатию и доверие. Особенным же успехом пользовалась «Солдатская памятка», изданная еще ленинской «Искрой», ею зачитывались.

В корреспонденции далее указывалось, что в одном батальоне удалось хорошо организовать работу, начиная со второй половины января, после петербургских событий. Здесь возникли солдатские кружки. Литература в казарме читается почти совершенно открыто. Вместо списка, кому давать литературу, у организаторов заведен

---

[1] Саратовский комитет РСДРП нелегально издавал в 1906 г. «Солдатский листок» (вышло три номера). В период революции большевистские организации издавали «Голос солдата» (Рига), «Солдатская жизнь» (Москва), «Солдатская газета» (Урал), «Жизнь казармы» (Воронеж), «Солдатский путь» (Владимир), «Солдатский листок» (Кострома), «Штык» (Латвия), «Вестник казармы» (Финляндия), «Солдатская мысль» (Москва), «Солдат» (Севастополь), «Казарма» (Петербург), «Солдат» (Либава).

[2] «Пролетарий» № 10, июль 1905 г.

список с обозначением, кому не давать. Одних только организованных насчитывается до 100 человек. «Поведение этого батальона в решительный момент можно считать обеспеченным»[1].

В корреспонденции также сообщалось, что при Казанском комитете РСДРП создана специальная военная группа, которая ведет весьма успешную работу под руководством одного из членов комитета[2].

Батальон, о котором шла речь, был, разумеется, лишь одним из передовых и наиболее распропагандированных подразделений Казанского гарнизона. Большевики оказывали большое влияние и на другие части, расположенные в губернии.

Нелегальный орган Казанского комитета РСДРП «Рабочий» в начале лета 1905 г. опубликовал корреспонденцию солдата. Автор рассказывал в ней об издевательствах над солдатами второй роты лаишевского батальона, учиняемых фельдфебелем Крушельницким, который превратил казарму в настоящую каторгу. Возмущенные солдаты 14 июня заявили ротному командиру, что на очередных смотровых стрельбах они будут стрелять не по мишеням, а в лес. Ротный не обратил на это внимания.

Когда на смотровой стрельбе, в которой участвовали 72 солдата, из выпущенных 360 пуль попало в цель только восемь, поднялся переполох. Командир батальона Лисицкий выстроил роту и стал спрашивать о причине (рота славилась хорошими стрелками). «Фельдфебель нас притесняет, житья нам от него нет», — заявили единодушно солдаты.

Корреспонденция заканчивалась словами: «Начальник лагерного сбора запретил солдатам выходить на линейку в лес. Генерал хочет сохранить солдат от «преступных» воззваний. Напрасно, генерал! Если вы не пускаете солдат за прокламациями, то прокламации придут к солдатам в бараки. Старайтесь, гг. генералы, на пользу революции!»[3]

---

[1] «Пролетарий» № 13, август 1905 г.

[2] Руководителем военной группы Казанского комитета РСДРП являлся в то время студент Казанского университета Ф. Ямзин.

[3] «Рабочий» № 1, 3 июля 1905 г. Этот нелегальный орган Казанского комитета РСДРП издавался в 1905 г. под непосредственным руководством Я. М. Свердлова, который в тот период возглавлял казанскую организацию большевиков.

Случаи открытого проявления недовольства были в войсках Казанского военного округа не единичными. Газета «Пролетарий» сообщала, что в Казанском гарнизоне за лето 1905 г. «было два случая массового возмущения солдат из-за плохой пищи (два батальона отказались принимать пищу). Один из запасных батальонов ждал только приказа о выступлении на Дальний Восток, чтобы отказаться идти. Было еще несколько случаев проявления частичных недовольств»[1].

Сказывалась усилившаяся агитационная работа военной группы Казанского комитета РСДРП, которая состояла, главным образом, из солдат, привлеченных на сторону революции и завербованных в ряды большевистской партии.

Благодаря работникам военной группы Казанский комитет РСДРП к сентябрю 1905 г. располагал полной характеристикой настроений во всех воинских частях и подразделениях. Более того, комитет знал, из каких мест прибыли солдаты, что делается на их родине. Все это облегчало большевикам ведение пропаганды среди войск, помогало выяснять их позицию в случае вооруженного восстания против царского правительства.

О размахе политической пропаганды среди солдат говорит и тот факт, что Казанский комитет РСДРП издал в 1905 г. большое количество листовок, в том числе: «Ко всем солдатам Казанского гарнизона», «К запасным», «Солдатская памятка», «Правда о войне», «Экономические требования солдат», «Правда для солдат», «К офицерам от солдат», «Письмо солдата к солдату».

Успехи большевистской работы в войсках заставили министра внутренних дел Дурново обратиться в декабре 1905 г. с письмом к военному министру Редигеру, в котором указывалось, что «массовые возмущения солдат ряда воинских подразделений Казанского гарнизона происходят вследствие распространения среди солдат революционной литературы»[2].

12 декабря 1905 г. подвергся аресту руководитель военной группы Казанского комитета РСДРП, бывший студент Казанского университета Ф. Ямзин. Вместе с ним арестовали еще 39 активных работников военной группы,

---

[1] «Пролетарий» № 19, сентябрь 1905 г.
[2] ЦГВИА, ф. 1720, д. 12, л. 124.

среди которых насчитывалось 11 солдат. При обыске было изъято 20 револьверов, пять ружей, две шашки, два гектографа, порох, патроны, революционная литература[1].

Однако разгром военной организации при Казанском комитете РСДРП лишь на короткое время снизил уровень большевистской пропаганды в войсках гарнизона. В начале 1906 г. военная группа при комитете была восстановлена, и работа среди солдат опять закипела.

Газета «Волжский курьер» сообщала, что в июне 1906 г. в Казани состоялось собрание представителей всех местных воинских частей, на котором присутствовало 110 человек. Обсуждались текущий момент и погромная правительственная тактика. «Повседневные солдатские нужды и горькая солдатская доля, — замечает газета, — как бы ушли на задний план. Все внимание присутствующих было сосредоточено на погромах»[2].

После горячих прений была принята резолюция, предложенная военной группой Казанского комитета РСДРП. В ней говорилось: «...Чтобы подавить освободительное движение, правительство натравливает одну часть населения на другую, призывая подонки общества к грабежам и убийствам. Войска часто не только не защищают в таких случаях безоружных граждан, но сами под руководством черносотенных ораторов принимают участие в кровавых расправах.

Мы, сознательные солдаты, выражаем свое негодование и заявляем, что будем всеми мерами бороться с погромщиками и их вдохновителями»[3].

Летом 1906 г. под влиянием большевистской пропаганды находилась и передовая часть офицеров. Правда, их было тогда еще очень мало, но они были. Вот что говорила опубликованная в том же номере «Волжского курьера» резолюция группы офицеров Казанского гарнизона: «Старый самодержавный строй рушится, его представители, желая подавить освободительное движение и сохранить свои теплые местечки, не брезгуют никакими средствами». Авторы этой резолюции разоблачали поход правительства потив революционного народа, гневно осуждая черносотенные погромы.

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 2, д. 661, л. 2; см. также ЦГВИА, ф. 1720, д. 10, лл. 157—159.

[2] «Волжский курьер» № 105, 24 июня 1906 г.

[3] Там же.

«Мы, сознательная часть офицерства, протестуем против этого и заявляем, что будем всячески противодействовать устройству погрома». Резолюция заканчивалась словами: «Пусть черная сотня помнит, что войско не будет покровительствовать всевозможным мерзостям разлагающегося правительства»[1].

В едином плане борьбы за войско, как за часть крестьянства, наряду с военной группой действовала и окружная аграрная группа. Так, в октябрьской листовке 1906 г. «Товарищи крестьяне!» окружная группа, разоблачая политику самодержавия, обращала внимание крестьян на то, что «покуда у царского правительства войско — его не одолеть, а покуда это правительство будет управлять — крестьянам не видать ни земли, ни воли...».

В листовке далее говорилось: «...Помните, крестьяне, что правительство сильно народной поддержкой и что пока народ будет поддерживать правительство деньгами и солдатами, народу не победить кровожадную свору грабителей и насильников»[2].

Большевистская листовка призывала крестьян не давать больше правительству ни одного солдата, ни одной копейки денег, призывала их вооружаться самим и вооружать своих сыновей, но не для правительства, а против него.

«Пишите письма солдатам, высылайте им приговоры сходов, чтобы они не стреляли в народ, предупреждайте солдат, что если они будут и впредь стрелять в народ, то вы изгоните их из общества, лишите их земли».

В заключение говорилось: «И вот если рекрутов не дадите, солдат уговорите в народ не стрелять, денег не дадите, — тогда легко будет народу справиться с правительством, Учредительное собрание созвать, землю и волю добыть. Итак, помните: «Ни одного солдата, ни одной копейки денег!»[3]

Большую пропагандистскую работу среди войск в период первой русской революции вела самарская организация большевиков. Комитет РСДРП систематически из-

---

[1] «Волжский курьер» № 105, 24 июня 1906 г.

[2] Архив Института истории партии Татарского ОК КПСС, ф. 30, д. 199, л. 107.

[3] Там же.

давал листовки, в которых разъяснял солдатам правду о народной революции, говорил, кто их друзья и кто враги, почему солдатам — детям крестьян и рабочих надо переходить на сторону восставшего народа против царского правительства, помещиков и капиталистов.

Так, в «Письме к солдатам» № 1 Самарский комитет РСДРП указывал солдатам на то, что царское правительство называет «крамольниками» обнищавших крестьян, которые требуют землю и волю, и всех рабочих, которые бастуют, чтобы им облегчили их непосильный труд и увеличили заработную плату, оно считает бунтовщиками всех, кто требует, чтобы Россией управляли народные представители, а не кучка министров и чиновников, которые обворовывают страну.

В «Письме» говорилось: «Весь народ, по мнению правительства, является внутренним врагом. Но разве это правильно? Нет, товарищи, народ не враг сам себе. Разве ты, солдат, назовешь своего отца и брата врагом отечества за то, что они бастуют на фабрике, доведенные до этого голодом, или требуют себе в деревне земли, которой у них не хватает для существования? Так зачем же ты идешь стрелять в рабочих и крестьян? Пора опомниться тебе, товарищ, пора понять, что правительство — враг тебе и народу». «Письмо» заканчивалось словами: «Так пусть же это правительство будет свергнуто и всей страной, вместо него, будут управлять народные представители!»[1]

В мартовской листовке 1905 г. «Правда для солдат» Самарский комитет РСДРП обращался к ним со следующими словами: «Кто из вас не слыхал, солдаты, что случилось за прошлые месяцы по всей России? Да и здесь, в Самаре, вас гоняют целую неделю из одного угла в другой. Зачем? Чтобы разогнать рабочий народ, понявший правду и пожелавший улучшить свою долю. Вас гоняли, вам приказывали бить и вы били. Кого били? Не японцев, не врагов, а таких же людей, как и вы сами».

Разъясняя причины, побудившие рабочих и крестьян подняться на борьбу против ненавистных угнетателей народа, большевики спрашивали солдат: «Неужели вы, народ, насильно переодетый в мундир, снова будете стрелять по народу, одетому в простую одежду?..

---

[1] ГАКО, коллекция нелегальных изд., инв. № 133.

Нет, братья-солдаты! Если только у вас есть сердце, есть разум, вы повернете штыки ваши против убийц и мучителей народа, против царя и его слуг и вместе с народом завоюете себе свободу и мир вместо войны. Ведь теперь только в вашей покорности и осталась царская сила».

В заключение листовка призывала войска переходить на сторону народа и общими силами ударить по «проклятым слугам царского самовластия»[1].

Призыв не стрелять в своих братьев, отцов и матерей, а переходить на сторону восставшего народа звучал и в листовке «Солдатская памятка», изданной Самарским комитетом РСДРП в апреле 1905 г.[2]

Газета «Новая жизнь» сообщала, что 2 ноября 1905 г. в одной из частей Самарского гарнизона забастовали солдаты 11-й и 12-й артиллерийских батарей 3-й запасной артиллерийской бригады. Они отказались от исполнения каких бы то ни было приказов и потребовали немедленного роспуска их по домам[3].

Артиллеристы выработали и приняли на митинге следующие требования: улучшить пищу, в срок выдавать положенное обмундирование, улучшить жилищные условия, прекратить использование воинских частей в качестве полицейской силы при подавлении революционных выступлений, удалить из бригады ненавистных офицеров вместе с командиром бригады генерал-майором Сергеевым.

Они потребовали отмены военного положения внутри страны, объявления амнистии заключенным борцам за свободу, немедленного созыва Учредительного собрания, введения в стране всеобщего обязательного образования, замены постоянной армии народным ополчением.

Солдаты поддержали требования о конфискации всех помещичьих земель и передаче их в руки крестьян. Не забыли они и о своих братьях — городских пролетариях, предложив установить для них восьмичасовой рабочий день[4]. Все эти требования, как видим, ничем не отличались от требований большевистской партии и всех сознательных рабочих, участвовавших в революции.

---

1 ГАКО, коллекция нелегальных изд., инв. № 89.
2 Там же, инв. № 170.
3 «Новая жизнь» № 11, 12 ноября 1905 г.
4 «Самарская газета» № 230, 2 декабря 1905 г.

Самарский комитет РСДРП и созданная при нем военная группа вели в то время большую агитационную работу среди войск. Большевики всюду, где только им удавалось, проводили митинги и добивались, чтобы солдаты переходили с оружием в руках на сторону революции. Так, газета «Новая жизнь» сообщала, что на созванном самарскими большевиками городском митинге 2 ноября присутствовало до 70 солдат и два казака[1]. А на специальном солдатском митинге, созванном большевиками 29 ноября, присутствовало до 400 человек[2]. Сложившаяся в частях и подразделениях Самарского гарнизона обстановка не привела солдат к открытому вооруженному выступлению, однако брожение в войсках вызвало у высшего командования и полицейских чинов большую тревогу. Начальник губернского жандармского управления генерал-майор Каратеев в докладной на имя шефа жандармского корпуса писал: «Если начальство не найдет средств успокоить нижних чинов, то положение сделается серьезным, потому что других надежных и верных частей в г. Самаре нет, ибо Эстляндский полк расквартирован по уездам, а здешняя запасная артиллерийская бригада сама является частью малонадежной»[3].

Свежий ветер народной революции проникал и в душные казармы царской армии. Под влиянием рабочего и крестьянского движения, а также усиливавшейся большевистской пропаганды солдаты стали все чаще и чаще устраивать экономические и политические забастовки. Так, 22 июня 1906 г. на почве чисто экономического требования (увеличить солдатское жалованье с 45 копеек до 2 рублей 50 копеек в месяц) в 3-й роте 244-го пехотного Борисовского резервного батальона вспыхнула забастовка солдат, которая была подхвачена остальными ротами батальона, а затем и всеми солдатами 215-го Бузулукского стрелкового полка.

В этом полку, стоявшем в лагерях под Самарой, в ночь на 17 июля группой большевистских агитаторов с помощью революционно настроенного поручика Яхонтова было организовано выступление в связи с роспуском царем I Государственной думы. Оно не вылилось

---

[1] «Новая жизнь» № 11, 12 ноября 1905 г.
[2] «Самарская газета» № 227, декабрь 1905 г.
[3] ЦГИАМ, ДП, ОО, 1905 г., д. 1877, л. 19.

в вооруженное восстание, однако вызвало большую тревогу у военных и гражданских властей[1].

В телеграмме от 23 июня 1906 г. на имя министра внутренних дел Столыпина самарский губернатор настоятельно просил о расформировании этих частей или, по крайней мере, скорейшей замене их. «Оставление Бузулукского полка и Борисовского батальона в настоящем составе, проявившем мятежный дух, по меньшей мере рискованно», — так заканчивалась телеграмма[2].

В июне 1906 г. произошли выступления в 213-м и 216-м пехотных полках Казанского военного округа, расквартированных под Пензой[3]. К этому можно добавить, что пензенский губернатор, будучи не в состоянии подавить крестьянские восстания имеющимися силами, просил Столыпина подкрепить его надежной кавалерией, так как солдат 213-го и 216-го полков использовать было нельзя[4].

О ненадежности войск писал и симбирский губернатор. В телеграмме на имя министра внутренних дел он сообщал, что «революционная пропаганда в войсках настолько сильна, что вполне на них рассчитывать против толпы представляется сомнительным»[5].

Солдатские выступления происходили и в частях, расположенных в Саратовской губернии. Известно, например, что под влиянием большевистской пропаганды 30 ноября 1905 г. вышел из повиновения Бобруйский пехотный полк, посланный в Царицын на подавление рабочего движения. Саратовский губернатор Столыпин по этому случаю докладывал в Петербург: «Сегодня в Царицыне Бобруйский полк вышел из повиновения, после чего отправился в город на площадь с музыкой при оружии. Из Балашовского уезда двинуты мною сотня казаков, рота Дубинского полка и два взвода с пулеметами»[6].

Саратовский комитет РСДРП для работы среди солдат создал специальную военную группу, в которой активно сотрудничали А. П. Скляренко[7], М. А. Романов,

---

[1] ЦГВИА, ф. 9/л, гл. в.-суд. упр., оп. 5/65, отд 5, 1906 г., д. 273, лл. 2—6.

[2] ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 1877, ч. 49, лл. 25, 28—30.

[3] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, д. 1877, ч. 78, л. 1.

[4] ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, оп. 7, д. 700, ч. 13, л. 86.

[5] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, д. 1877, ч. 52, л. 2.

[6] ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 1877, ч. 50, лл. 1—2.

[7] А. П. Скляренко работал вместе с В. И. Лениным еще в период образования в Самаре социал-демократических кружков.

К. И. Александров. Эта группа издавала нелегальную газету «Солдатский листок», систематически выпускала листовки, проводила беседы, собрания, митинги.

В одном из донесений на имя министра внутренних дел саратовский губернатор сообщал, что нижние чины гарнизона почти ежедневно собираются на берегу Волги, где при встречах с местными агитаторами получают от них революционную литературу. Иногда солдаты переправляются на Казачий остров и там устраивают революционные сходки[1].

По инициативе большевиков (А. А. Богданова и др.), представлявших комитет РСДРП, на губернском съезде крестьян, созванном во второй половине декабря 1905 г. в Саратове, был принят специальный манифест — обращение к войскам. Делегаты съезда заявляли в нем, что царское правительство своими манифестами лишь обманывает народ, что оно, «опираясь на ваши штыки и ваши пушки, тысячами, десятками тысяч расстреливает нас, сжигает наши жилища, грабит наши пожитки. Кровь наша по воле шайки преступников, именуемой советом министров, и по преступной слепоте вашей, братья солдаты, льется по всему лицу земли нашей...»

Далее в манифесте говорилось: «Мы приветствуем и благословляем лучших сынов наших из рядов армии, отказавшихся повиноваться преступной шайке кровопийц и перешедших на сторону народа... Мы призываем настоящим манифестом еще не прозревших детей и братьев покинуть ряды изменников народа и стать в ряды славных борцов за народную власть.

Воля народа — закон.

Мы, выборные народа, объявляем вам его волю: отныне вся армия должна прекратить братоубийственное кровопролитие, должна прекратить преступную борьбу со всем народом, должна стать в ряды борцов за народную волю.

Кто из вас, братья и дети наши, услышав эту волю, переступит ее, тот пусть больше не знает и пусть не возвращается в свои семьи и мы их не примем; мы от них откажемся.

Да здравствует власть народа! Да здравствует осво-

---

[1] ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1906 г., д. 9, ч. 57, л. 32.

бодительный союз граждан всей России, крестьян, рабочих и армии!»[1]

Большевики приняли все меры к тому, чтобы этот манифест крестьянского съезда стал известен в частях и подразделениях, расположенных на территории Саратовской губернии. Но большевикам не удалось поднять солдат на открытое вооруженное выступление против царского правительства. Слишком еще сильна была классовая слепота солдата, давшего присягу «верой и правдой служить царю и отечеству».

Однако было бы ошибочно думать, что этот манифест не коснулся солдатских сердец. По многочисленным донесениям полиции можно проследить, как в ряде мест войска, присланные для подавления крестьянских восстаний, действовали нерешительно, а иногда и сочувственно относились к крестьянам, когда те громили помещичьи имения. Многие солдаты открыто заявляли о своем нежелании служить в царской армии, выполнять приказания начальников.

Военный министр Редигер в своей телеграмме на имя командующего Казанским военным округом генерал-лейтенанта Светлова признавал, что распространение волнений в деревнях Поволжья и слабая борьба с ними в значительной степени зависит от того, что воинские части округа действуют недостаточно решительно[2].

Хорошо понимая, что при столь широком размахе крестьянской революции его телеграммы не поднимут «моральный дух» частей и подразделений, расположенных в губерниях Поволжья, военный министр стал все чаще направлять сюда донских и оренбургских казаков, а также пехотные части, состоявшие из белорусских и прибалтийских крестьян.

В это время правительство начало применять «национальный принцип» в размещении воинских частей: русских стали направлять для прохождения военной службы в местности с татарским, чувашским, мордовским, марийским и башкирским населением, а солдат, принадлежавших к национальным меньшинствам, — в местности, заселенные преимущественно русскими.

---

[1] ГАСО, ф. нелегальных листовок, инв. № 4655. Издание Саратовского комитета РСДРП, 4 января 1906 г.

[2] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 85, стр. 7.

Так царизм стремился усилить и использовать национальную рознь между народами России в целях подавления рабочих и крестьян, поднявшихся на борьбу за свое социальное и национальное освобождение. Можно привести множество примеров того, когда правительство расправлялось с русскими крестьянами при помощи солдат других национальностей и наоборот.

Направляя 24 декабря 1905 г. в Симбирск сотню оренбургских казаков, состоявшую из лиц нерусской национальности, министр внутренних дел Дурново обязал губернатора, чтобы он подавил крестьянские восстания без малейших колебаний, применив вооруженные силы самым решительным образом[1]. Однако и казачьи сотни не всегда действовали так, как хотелось бы царским министрам и губернаторам.

8 июля 1906 г. в ряде сел Кузнецкого уезда Саратовской губернии вспыхнули волнения. В район аграрных «беспорядков» были брошены казаки. Губернатор Татищев в телеграмме от 11 июля доносил Столыпину, что «революционная пропаганда настолько глубоко пустила свои корни, что часть войск стала совершенно ненадежна. Три дня тому назад даже казаки отказались усмирять крестьянские волнения в Кузнецком уезде»[2].

Еще более политически ненадежным оказывалось новое пополнение армии. Под влиянием Всероссийской октябрьской политической стачки, большевистской пропаганды и, в частности, под влиянием листовки «К новобранцам», изданной Самарским комитетом РСДРП в октябре 1905 г. тиражом 10 тысяч экземпляров, в г. Бузулуке произошло 9 ноября крупное волнение новобранцев. Прибывшие из деревень на пункт отправки рекруты оказались настолько распропагандированными большевиками, что в знак протеста против политики правительства начали расправляться с царскими чиновниками и полицией.

Восставшие рекруты и крестьяне, привезшие их на подводах, устроили политическую демонстрацию. Ее участники ходили по городу с красными флагами и пением революционных песен. Затем демонстранты разгромили здание уездного полицейского управления, квартиры исправника и его помощника, две казенные винные лавки,

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 85, стр. 7.

[2] ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1906 г., д. 9, ч. 57, л. 42.

напали на уездную тюрьму и освободили свыше 20 крестьян, посаженных за участие в аграрных «беспорядках».

Антиправительственное выступление новобранцев носило настолько острый характер, что воинский начальник, в распоряжении которого находилось значительное количество кадровых солдат, не решился направить их на подавление восставших новобранцев, так как не был уверен в благонадежности этих солдат[1].

Новобранцы села Быково и других сел по пути следования на сборный пункт в Сердобск Саратовской губернии пели революционные песни, а новобранцы села Тростковка перед отправкой в Балашов ходили по селу с красным флагом.

В Саратове были случаи, когда на перекличке в здании воинского присутствия рекруты отвечали офицерам: «Здесь, но служить не желаю»[2].

В ряде пунктов новобранцы с помощью боевых дружин местных большевистских организаций поднимали вооруженные восстания. Так, например, 30 августа 1906 г. в Камышин по призыву комитета РСДРП из соседних сел прибыл большой отряд вооруженных дружинников и вместе с новобранцами под руководством большевиков разгромил здания полицейского управления и воинского присутствия, где уничтожил все списки рекрутов. 30 августа саратовский губернатор Татищев докладывал об этом министру внутренних дел Столыпину так:

«В час дня революционеры, вооруженные берданками и револьверами, напали на управление воинского начальника и полицейское управление, возвели баррикады, прервали телеграфное и телефонное сообщение и развинтили рельсы на ст. Авилова, куда прибыли на захваченном паровозе. До семи часов вечера полицейский отряд и команда воинского начальника вели перестрелку с нападавшими, из коих шестеро оказались убитыми и 40 ранеными»[3].

Так вели себя новобранцы не только в Самарской и Саратовской губерниях. Несколько антиправительственных выступлений новобранцев состоялось осенью 1905 г. в Симбирской губернии. Здесь, чтобы не допу-

---

[1] ГАКО, ф. 2, оп. 1, д. 182, л. 18.

[2] Розенблюм К. Военные организации большевиков в 1905—1907 гг., М.—Л., Соцэкгиз, 1931, стр. 179.

[3] ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 2540, л. 124.

скать скоплений новобранцев, их старались отправлять малыми партиями под усиленным конвоем. А карсунский исправник для сопровождения команды в 200 человек назначил пристава, четырех урядников и 20 стражников[1]. 25 полицейских на 200 безоружных крестьянских парней, едущих на царскую службу! Подобная охрана практиковалась тогда лишь при транспортировке матерых уголовных преступников.

Стремясь вовлечь будущих солдат в революционную борьбу против царского самодержавия, симбирские большевики в одной из своих листовок «Товарищи новобранцы!» призывали их требовать от правительства — сокращения срока службы до двух лет, запрещения направлять войска на подавление восстаний борцов за свободу, права беспрепятственно посещать все общественные собрания.

В случае невыполнения этих требований большевики советовали молодым крестьянам: отказывайтесь идти на военную службу. Листовка заканчивалась словами: «Помните, товарищи новобранцы, что ваши друзья рабочие всегда вместе с вами и они всегда поддержат ваши требования»[2].

Неустанные призывы большевиков к крестьянам не давать царскому правительству рекрутов, устраивать своеобразные военные забастовки приводили в ряде мест к положительным результатам. Из официальной статистики видно, что в 1905 г. в Самарской губернии уклонилось от призыва на военную службу «без уважительных причин» 863 человека[3]. В 1906 г. уклонившихся от военной службы насчитывалось 985 человек[4].

Подводя итог борьбы большевиков Среднего Поволжья за солдатские массы, как за составную часть крестьянства, следует отметить, что, несмотря на большую работу в войсках Казанского военного округа, большевикам не удалось распропагандировать войска настолько, чтобы они перестали служить опорой царского правительства в борьбе с революцией.

---

1 ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 230, л. 15.

2 Сб. «Прокламации Симбирской организации РСДРП в период 1904—1907 гг.». Ульяновск, 1951, стр. 47—50.

3 Адрес-календарь Самарской губ. на 1905 г., стр. 60.

4 Там же, стр. 49.

* * *

Всероссийская политическая стачка рабочего класса дала огромной силы толчок развитию аграрного движения в России. Опубликование пресловутого царского манифеста 17 октября не раскололо движущих сил революции. Освободительное движение еще более усилилось.

В октябре, ноябре и декабре 1905 г. крестьянское движение под воздействием революционной борьбы рабочих и усилившейся антиправительственной пропаганды большевистской партии достигло наивысшего уровня в своем развитии.

Последняя четверть 1905 г. была периодом, когда крестьяне Среднего Поволжья вели настоящую гражданскую войну против помещиков, игнорировали старые порядки, не признавали представителей царской власти.

Формы работы большевистских организаций в период высшего подъема крестьянской революции были разнообразны. Все их назначение сводилось к тому, чтобы внести политическую сознательность в крестьянское движение, завоевать крестьянские массы, в том числе и армию, как часть крестьянства, на сторону революционного пролетариата. В единстве революционных сил рабочего класса, крестьянства и армии большевистская партия видела залог успеха в борьбе против царского самодержавия, за установление демократической республики.

Однако большевистским организациям Среднего Поволжья не удалось возглавить и одной десятой всех выступлений крестьян, состоявшихся в период подъема революции. Главная причина заключалась в том, что слишком малочисленны были тогда организации большевиков. Сказывалось и отсутствие опыта работы.

Критикуя местные организации партии и, в частности, Одесский комитет РСДРП за неумение использовать такую огромную силу, как восставший броненосец «Потемкин», ленинская газета «Пролетарий» писала: «Все революционные вспышки наших дней... носят один и тот же характер: обилие революционных сил и полное отсутствие умения использовать их»[1].

Эту критику со стороны ЦО партии в значительной мере можно отнести и к деятельности большевистских организаций Среднего Поволжья.

---

[1] «Пролетарий» № 8, 17 (14) июля 1905 г.

Глава четвертая

БОРЬБА БОЛЬШЕВИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ЗА КРЕСТЬЯНСКИЕ МАССЫ В ПЕРИОД СПАДА РЕВОЛЮЦИИ (1906—1907 гг.)

1. Крестьянское движение в Среднем Поволжье после поражения декабрьского вооруженного восстания 1905 года

Декабрьское вооруженное восстание в 1905 г. было кульминационной точкой в развитии первой русской революции. После поражения декабрьского восстания она пошла на спад. Но В. И. Ленин считал, что революция еще далеко не исчерпала всей энергии, которая хранилась в народе. 1905 г. не решил ее насущных задач, и В. И. Ленин видел неизбежность новых революционных выступлений.

Понимали это и правящие классы. Высказывая мысль о том, что одной из причин «беспорядков» в 1905 г. являлось крестьянское малоземелье, председатель совета министров граф Витте советовал царю уступить крестьянам часть помещичьих земель, как это было сделано в 1861 г. Он высказывал опасение, что новый подъем аграрного движения может привести к тому, что помещики потеряют всю землю или будут вынуждены согласиться на введение прогрессивного подоходного налога, при котором существование крупного помещичьего землевладения станет невозможным.

Однако царь и его правительство, выражая коренные интересы помещичьего класса, не хотели пойти ни на какие уступки в вопросе о землевладении, они понимали, что потеря власти над землей приведет к потере власти над крестьянами.

Царизм пошел по другому пути. Он решил прибегнуть к политике «кнута и пряника». Ведя с крестьянами игру

в демократизм и осуществляя в их интересах ряд куцых аграрных мер, правительство считало, однако, главной «заботой» административной власти подавление восстаний. С этой целью одна губерния за другой объявлялась на усиленном военном положении, а сельские местности наводнялись войсками. К 1 августа 1906 г. численность войск в Центральной России была увеличена на 300 батальонов, отозванных с Дальнего Востока.

28 января правительство учредило «особое совещание» по выработке плана дислокации вооруженных сил с учетом районов новых возможных восстаний, а 7 февраля утвердило новые правила вызова войск гражданскими властями для подавления революционного движения.

Согласно этим правилам чины полиции могли в любое время применять оружие по своему усмотрению. Войскам строго запрещалось, при подавлении восстаний рабочих и крестьян, применять «холостые» патроны или стрелять вверх.

По закону 19 августа 1906 г. были введены военно-полевые суды, приговоры которых приводились в исполнение в течение 24 часов. Особенно зверствовали царские опричники в деревне.

Издеваясь над «храбростью» бездарных николаевских генералов, проявляемой ими в борьбе против трудящихся, В. И. Ленин писал: «Царское войско, наголову разбитое японцами в Маньчжурии, берет реванш над безоружным народом, предпринимая экспедиции против внутреннего врага — против деревенской бедноты»[1].

В предыдущей главе уже говорилось, что 4 декабря 1905 г. на положение усиленной военной охраны была переведена Саратовская губерния, где борьба рабочих и крестьян приняла осенью 1905 г. особенно угрожающие для помещиков и царского правительства размеры. По этой же причине в начале 1906 г. переводится на исключительное (военное) положение Самарская губерния. В апреле 1906 г. была объявлена на положении усиленной военной охраны часть местностей, а ровно через год, в апреле 1907 г., и вся территория Симбирской губернии.

На 1 января 1906 г. командование войсками Казанского военного округа располагало для борьбы с восстаниями

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 204.

48 батальонами пехоты, 36 эскадронами кавалерии и сотнями казаков, 15 батареями артиллерии. Бо́льшая часть этих войск находилась в трех губерниях[1]:

Таблица 18

Губернии	Состав гарнизонов		
	батальонов пехоты	эскадронов кавалерии и сотен казаков	батарей артиллерии
Саратовская	12	7	4
Самарская	8	6	2
Симбирская	8	8	3

Однако весенние события 1906 г. показали, что властям губерний Среднего Поволжья не удается подавить восстания с помощью наличных войск. Понимало это и царское правительство. Вот почему оно быстро удовлетворяло просьбы губернаторов о присылке в их распоряжение новых воинских частей и подразделений.

О том, насколько возросла численность войск в районах крестьянских восстаний, говорят следующие данные. Летом 1906 г. в Саратовской губернии дислоцировались 4 полка 57-й резервной пехотной бригады; кроме того, здесь постоянно находились 13 сотен казаков, одна пулеметная рота, один дивизион артиллерии и так называемый Саратовский полк пехоты[2]. Гарнизон Казани насчитывал к концу 1906 г. около 6 тыс. солдат[3] и т. д.

Но это были далеко не все вооруженные силы, которые использовались для подавления движения. С одобрения правительства во всех губерниях Среднего Поволжья было сформировано около 20 сотен конных стражников, которые находились в личном распоряжении губернаторов.

Для борьбы с «крамолой» в деревне был резко увеличен штат стражников уездных полицейских управлений. Кроме того, многие крупные помещики завели собственную полицейскую стражу, которая обеспечивалась оружием с огнеприпасами за счет правительства. Так, напри-

[1] ЦГВАМ, ф. 400, д. 151, л. 61.
[2] ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1906 г., д. 9, ч. 57, д. 33.
[3] «Пролетарий», № 19, 1906 г.

мер, помещик А. А. Лебедев (Мамадышский уезд Казанской губернии) располагал собственной вооруженной охраной из 12 человек, помещик Н. Д. Сазонов (Спасский уезд той же губернии) — из 18 человек, у графа Орлова-Давыдова, большие имения которого находились в ряде местностей Симбирской и Самарской губерний, было до 100 своих стражников.

Из официальных данных Главного артиллерийского управления видно, что губернаторы получили для дополнительно созданной полицейской стражи следующее вооружение и боеприпасы[1]:

Таблица 19

Губернии	Винтовок	Револьверов	Шашек	Патронов винтовочных	Патронов револьверных
Казанская	1008	182	1190	100800	4550
Саратовская	1399	—	200	142000	—
Самарская	1301	305	1606	130100	7625
Симбирская	720	155	835	72000	3875

Опираясь на такие вооруженные силы, в том числе на многочисленную полицейскую стражу, губернаторы получили возможность даже в случае малейшего неповиновения властям без промедления направлять в деревни карательные отряды и жестоко подавлять любые выступления.

Однако было бы ошибочно думать, что, разгромив декабрьское вооруженное восстание, самодержавию удалось задушить революцию. Революционный пролетариат и крестьянство и после неудач 1905 г. еще долго продолжали борьбу; на отдельных этапах второго периода революции (лето 1906 г.) революционное движение обнаруживало даже тенденцию к подъему.

Все же с 1906 г. в ходе революции наступила такая полоса, когда борьба масс пошла по нисходящей линии. Так было по всей стране, так было и в губерниях Среднего Поволжья. Здесь крестьянские выступления продолжались на протяжении всего 1906 г. и первой половины 1907 г., но размах и характер этих выступлений был уже не тот, что в конце 1905 г.

[1] ЦГВИА, ф. 400, д. 68, лл. 103—104.

Если в 1905 г., особенно осенью, крестьянское движение, следуя за рабочим движением, носило характер непрерывного наступления на помещиков и царские власти, то теперь, в период 1906 и 1907 гг., оно (за исключением лета 1906 г.) отличалось уже оборонительным характером. В этом и была главная особенность второго периода революции 1905—1907 гг.

При всем этом второй период революции вовсе не был сплошным отступлением народных масс. Многочисленные документы убедительно свидетельствуют, что крестьяне, обороняясь от наступления реакции, совершали нередко новые нападения на помещиков и громили их имения.

Во второй период революции (1906—1907 гг.), как и в первый (1905 г.), крестьянские выступления в волостях, уездах и губерниях Среднего Поволжья проходили далеко не с одинаковой силой. Наиболее острый характер они приобрели в районах сосредоточения крупного помещичьего землевладения. В районах же, где преобладали государственные и удельные земли, выступления имели лишь незначительный, локальный характер или почти совсем прекратились.

Особенно резкий спад крестьянского движения наблюдался в Казанской губернии, где за весь 1906 г. было зарегистрировано лишь несколько выступлений. Здесь вся весна 1906 г. прошла относительно «спокойно». Не было крупных выступлений и в последующие месяцы года. Так, например, в феврале 1906 г. жители сельца Муллина Марасинской волости Спасского уезда объявили забастовку помещику Аристову и потребовали от него повышения поденной платы за выполняемые сельскохозяйственные работы. Однако забастовка была быстро подавлена вооруженной силой, а ее организаторы арестованы и отправлены в тюрьму[1].

В Чистопольском уезде наиболее заметным событием было вооруженное нападение 17 августа 1906 г. крестьян села Мамыково на небольшой отряд, состоявший из 10 стражников во главе с урядником. В результате перестрелки один человек из двухсот нападавших был убит и один тяжело ранен[2].

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. I, д. 3701, лл. 4—6.

[2] ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 187, 1908 г., ед. хр. 65, лл. 1—2.

В Цивильском уезде 10 ноября 1906 г. крестьяне чувашской деревни Первой Семеновки напали на казенный амбар и самовольно разобрали хлеб. 12 ноября в эту деревню прибыл уездный исправник в сопровождении 36 стражников, полицейского надзирателя и земского начальника. Требование исправника вернуть разобранный хлеб крестьяне сочли несправедливым и оказали вооруженное сопротивление. В результате шестеро из них были убиты и несколько получили ранения. Жестоко подавив выступление, власти арестовали и отправили в тюрьму 16 наиболее активных крестьян[1].

В 1907 г. самым крупным событием, характеризующим крестьянское движение Казанской губернии, было выступление жителей чувашской деревни Лебедкино (Ядринский уезд), когда они оказали вооруженное сопротивление отряду стражников при аресте их любимого агитатора И. М. Морева[2].

Совсем иное положение во второй период революции было в деревнях Симбирской губернии. Здесь массовые выступления происходили на протяжении всего 1906 г. и частично в первой половине 1907 г.

Начало 1906 г. в Симбирской губернии ознаменовалось вооруженным столкновением войск и полиции с крестьянами села Каранино и деревни Барковка Сызранского уезда. В рапорте от 8 января сызранский исправник доносил губернатору о том, как в ночь на 3 января 1906 г. жители села Каранино при отобрании у них самовольно нарубленного леса в имении графа А. А. Толстого оказали полиции вооруженное сопротивление.

В этот же день на имя губернатора поступило донесение из Барковки, где толпа в 300 человек не только запретила лесопромышленникам рубку леса, закупленного ими в экономии помещика Малиновского, но, вооружившись кольями, обратила в бегство находившихся здесь вооруженных стражников.

Для ликвидации восстаний в селе Каранино и деревне Барковка начальник сызранского гарнизона генерал-майор Косов направил туда полусотню казаков, но и это не испугало крестьян.

На место «беспорядков» прибыл также пристав Ива-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, 1906 г., д. 914, лл. 68—69.
[2] ЦГИАМ, ф. ДП, 00, IV, 1907 г., д. 24, ч. 1, лл. 4—6, 14—19.

нов с небольшим отрядом стражников. Началась неравная борьба, в результате которой многие крестьяне были тяжело ранены, а отряд казаков, как браво рапортовал о его «подвигах» сызранский исправник, «сломал о головы крестьян только 4 винтовки»[1].

На этом дело, однако, не закончилось. Избитые и разогнанные люди вскоре снова собрались и, вооружившись вилами, кольями, стали надвигаться на казаков и стражников, угрожая расправиться с ними. Перепуганный офицер приказал отряду зарядить винтовки боевыми патронами и открыть по толпе огонь. Крестьяне попытались путем набата вызвать к себе помощь из окрестных деревень, но верховые казаки и стражники успели занять церковную ограду и, применяя оружие, не допустили толпу к церкви. Только град пуль заставил ее отступить. Генерал Косов получил возможность сообщить губернатору, что в с. Каранино и д. Барковке установлен «законный порядок».

После этих событий в Сызранском уезде министр внутренних дел Дурново просил симбирского губернатора сообщить ему телеграфом о положении и дать свое заключение, нужно ли объявить губернию или некоторые местности на положении усиленной военной охраны[2].

Между тем события в с. Каранино и д. Барковке, происшедшие в начале 1906 г., отнюдь не составляли исключения для Симбирской губернии. Они лишь хронологически явились первыми в числе других вооруженных столкновений крестьян с полицией и войсками. Губернатор и полиция с полным основанием видели в этих событиях продолжение массового движения и поэтому принимали все меры к тому, чтобы окончательно подавить «беспорядки».

Симбирский губернатор князь Яшвиль, понимая, что ему придется еще долго держать крестьян под страхом применения военной силы, уже в первых числах января 1906 г. в телеграмме на имя министра внутренних дел Дурново просил, чтобы тот срочно выслал ему ранее обещанное подкрепление в составе одной пулеметной роты и двух сотен оренбургских казаков.

Январские события не на шутку встревожили и зем-

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 61, д. 163, л. 162.
[2] Там же, оп. 6, д. 85, стр. 38.

ских деятелей Симбирской губернии, видевших единственную возможность «умиротворения» масс в реформах, в осуществлении куцых конституционных начал, обещанных царским манифестом 17 октября 1905 г.

В своей верноподданнической телеграмме от имени губернского земского собрания они писали в начале 1906 г. на имя царя, что именно сейчас необходимо собрать Государственную думу, так как «всякое отдаление срока этого созыва и связанное с этим промедление в разрешении земельного вопроса внесет в нашу деревню нынешнею же весною такую стихийную смуту, которая грозит явным разрушением благосостояния всего землевладельческого класса. Земские люди решаются верноподданнически доложить Вашему Величеству, что только окончательное возвещение населению определенного срока созыва Думы послужит верным залогом прекращения брожения в крестьянской среде и установления порядка в дорогом нашем отечестве»[1].

Однако ни карательные меры правительства, ни вопли перепуганных земских деятелей не могли остановить движения. Наиболее заметным событием, происшедшим в губернии в феврале и марте 1906 г., было восстание крестьян села Большое Нагаткино Симбирского уезда, в котором можно видеть элементы организованной борьбы.

Открытые революционные выступления в этом селе, как свидетельствуют полицейские донесения и сами участники этих событий, ныне члены колхоза «Путь Ильича» Богдашкинского района, П. Ерофеев, А. Логинов, А Любавин, А. Пантелеев, начались еще весной 1905 г. Сначала крестьяне под руководством односельчанина М. Дикарева всеми способами бойкотировали помещицу Белякову, а затем в результате ряда поджогов почти полностью уничтожили ее имение.

20 сентября 1905 г. губернатор обратился в министерство внутренних дел с просьбой запретить М. Дикареву проживание в Симбирской губернии и смежных с ней уездах. Особое совещание о государственной охране, находившееся в Петербурге, постановило выслать М. Дикарева в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на три года[2].

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 129, л. 12.

[2] М. Дикарев и в настоящее время живет в Вологде, пенсионер.

Утром 10 февраля 1906 г. в село Большое Нагаткино явился пристав с несколькими конными стражниками, чтобы арестовать М. Дикарева, но крестьяне, узнав об этом, ударили в набат и к волостному правлению сбежалась большая толпа с кольями. Перепуганные пристав и стражники быстро ускакали из села.

14 февраля губернатор прислал сюда сотню казаков, роту пехоты и отряд конных стражников. Для общего руководства этой карательной экспедицией губернатор командировал непременного члена губернского присутствия графа А. А. Толстого, возложив на него обязанность «привести село к полному послушанию» силой оружия.

Прибыв на место, карательная экспедиция сразу приступила к наведению «порядка». В селе был учинен повальный обыск, в результате которого полиция арестовала 12 человек, причем восемь из них, как главные «подстрекатели беспорядков», были отправлены в губернскую тюрьму.

Вот что рассказывает о поведении нагаткинцев в симбирской тюрьме П. Ерофеев, находившийся тогда в числе заключенных:

«Считая, что администрация арестовала нас незаконно и никаких прямых улик нам не предъявила, мы, по настоятельному совету социал-демократов, сидевших тогда вместе с нами в губернской тюрьме, заявили протест против своего незаконного ареста и объявили голодовку, которая была поддержана не только всеми политическими заключенными, но и всем уголовным элементом. В тюрьме начался целый бунт. Вся тюрьма тогда требовала только одного: немедленного освобождения нас, восьми нагаткинских крестьян»[1].

Большевики Симбирска нашли целесообразным, прежде всего, сделать достоянием широких масс факт голодовки, объявленной заключенными крестьянами. Вместе с тем они использовали тогда все средства к освобождению их из тюрьмы.

Из числа заключенных была выбрана группа уполномоченных, которая, по совету большевиков, направила министру внутренних дел следующую телеграмму:

«Признавая справедливость требования заключенных крестьян села Нагаткино, голодающих четвертые

[1] Этот материал автор получил из личных бесед с колхозниками

сутки, протестуем против насилия. К голодовке присоединились все политические и требуют их освобождения»[1].

В то же время большевики срочно собрали сход в селе Большое Нагаткино и от имени схода послали депутату Государственной думы телеграмму, в которой говорилось:

«Мы, крестьяне села Б. Нагаткино Симбирского уезда, находя невозможным далее выносить произвол местных властей, выразившийся, между прочим, в заключении в тюрьму совершенно безвинных 8-ми наших крестьян, где они томятся и сейчас без предъявления им обвинения, и в присылке в наше село на постой сотни казаков, которые бесчинствуют до сего времени, сельский сход требует немедленного освобождения из тюрьмы своих односельчан и отозвания из села казаков»[2].

Посланная нагаткинцами телеграмма попала в руки думской фракции социал-демократов, и она тотчас же обратилась к министру внутренних дел с запросом:

«1. Осведомлен ли господин министр об изложенных фактах и, если они имели место, то —

2. почему до сих пор не предъявлено обвинение 8-ми крестьянам села Нагаткино и

3. почему стражники и казаки продолжают безобразия в виде повальных обысков и угроз в с. Нагаткино? Просим считать спешным»[3].

Из министерства сообщили симбирскому губернатору, что его представление о высылке под гласный надзор полиции в отдельные уезды Вологодской губернии восьми нагаткинских крестьян отклонено и дело об ответственности этих крестьян прекращено[4].

Столь удачный исход дела не мог, конечно, не ободрить крестьян села Большое Нагаткино, да и не только его. Дальнейшее отношение нагаткинцев к своей помещице Беляковой приняло настолько острый характер, что она, опасаясь теперь не столько за имение, сколько за свою жизнь, была вынуждена немедленно уехать на время из усадьбы. Губернатор в донесении от 20 августа 1906 г. на имя министра внутренних дел писал:

«Дерзкое поведение нагаткинских крестьян объясняет-

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 139, л. 80.

[2] Там же.

[3] Сб. «Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг.». Ульяновск, 1955, стр. 91.

[4] Там же.

ся именно тем, что крестьяне — руководители аграрных беспорядков в Нагаткино, будучи арестованы сначала в 1905 г., а затем в начале 1906 г., в обоих случаях были из тюрьмы освобождены, причем освобождены, — подчеркивает губернатор, — без какой-либо кары»[1].

Оценивая весенние события 1906 г. в Симбирской губернии, вновь назначенный, в апреле того же года, на пост министра внутренних дел — известный душитель крестьянского движения в 1905 г. в Саратовской губернии — Столыпин телеграфировал 30 мая 1906 г. симбирскому губернатору:

«В сельских местностях вашей губернии вновь стали возникать волнения и беспорядки, направленные к захвату чужих земель и разграблению помещичьих усадеб. По этому поводу считаю нужным подтвердить, что предупреждение таких мятежных проявлений и подавление их в самом начале должно по-прежнему составить одну из главных забот административной власти. Во всех подобных случаях следует действовать самым решительным образом, без всяких колебаний, на точном основании неоднократно преподанных указаний, дабы ни под каким видом не допускать распространения смуты и быстро восстановить прочный порядок»[2].

Выступления в симбирских деревнях в конце 1905 г. и в начале 1906 г. заставили правительство объявить в апреле 1906 г. Симбирскую губернию на положении усиленной военной охраны. На подавление крестьянской борьбы сюда были направлены новые карательные отряды, состоявшие, главным образом, из оренбургских казаков.

После некоторого спада движения весной 1906 г. оно летом вновь пошло на подъем. Снова запылали помещичьи имения. Одной из причин этого нового подъема крестьянской революции был надвигающийся голод.

Следует заметить, что о частых голодовках, которые всегда оказывались большим бедствием для крестьянства, было много разных суждений. Так, например, страшный голод 1891—1892 гг., который распространился на огромном пространстве от Черного моря до Уральского хребта, изображался буржуазными экономистами как результат

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 139, л. 95.

[2] Там же, д. 42, л. 167.

стихийного бедствия. Либеральные народники предлагали в качестве мер борьбы с голодом применение агротехнических мероприятий и организацию для крестьян дешевого кредита.

Однако революционные марксисты по-иному подходили к оценке причин голодовок в России и предлагали совершенно иной путь для спасения крестьян. Они считали, что истощение почвы и неурожаи были следствием господства крепостнических порядков в сельском хозяйстве страны и что освободиться от них можно только революционным путем, только в результате уничтожения помещичьего землевладения.

В. И. Ленин указывал, что кризис земледелия к концу XIX века обострился невероятно сильно именно потому, что процесс освобождения от средневековья слишком затянулся, что отработки и кабала надолго задержались в России. Хищническое хозяйство крепостников, отмечал он, покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства и закономерно вело к кризису в земледелии, частым неурожаям, страшным голодовкам и массовой гибели людей.

После голода 1891—1892 гг., которым было охвачено свыше 40 млн. крестьян, пришла страшная болезнь — холера, которая загнала в могилу очень многих. В связи с голодом и эпидемией в деревнях Среднего Поволжья прокатилась широкая волна так называемых «холерных бунтов», которые, несомненно, имели антиправительственный характер[1].

Голодовки и частые крестьянские волнения в конце XIX и начале XX века были закономерным явлением российской действительности, они были неизбежным результатом быстро растущей деградации сельского хозяйства и обнищания деревни. Сухая весна и лето 1906 г. полностью погубили как яровые, так и озимые посевы. Страшный голод снова надвигался на Среднее Поволжье.

Либеральная буржуазия в лице земских деятелей, учитывая, что неурожай, а вслед за ним и голод неизбежно повлечет за собой дальнейшую активизацию крестьянского движения, стремилась создать хотя бы некоторую видимость заботы о нуждах народа. С этой целью летом

---

[1] Особенно широкий размах «холерные бунты» приняли в Самарской и Саратовской губерниях.

1906 г. в губерниях Среднего Поволжья экстренно были созданы специальные комиссии при уездных земских управах, в задачу которых входило «выяснить степень неурожая и определить способы оказания помощи населению».

Насколько тяжелой была обстановка в деревне в связи с неурожаем, свидетельствуют материалы по Симбирской губернии. Перед собравшейся здесь 10 июня чрезвычайной сессией губернского земского собрания раскрылась исключительно мрачная картина как по уездам, так и в целом по губернии[1].

Так, например, урожаи озимых и яровых хлебов по Симбирскому уезду колебались в пределах от 10 до 25 пудов с десятины. Запасов же хлеба у крестьян и общественных продовольственных фондов в селах не было.

Чтобы спасти население от голода и создать хотя бы минимальные запасы семян для посева в 1907 г., Симбирскому уезду требовалась продовольственная и семенная ссуда в количестве 5200 тыс. пудов и на прокорм скота не менее 63 тыс. пудов разного зерна.

Было подсчитано, что для удовлетворения нужд населения Буинского уезда следует изыскать только для продовольственных целей 1 060 040 пудов.

Выяснилось, что население Курмышского уезда не может полностью обеспечить себя даже семенами на посевы озимой ржи, не говоря уже о продовольствии на зиму и яровых посевах в 1907 г. Чтобы засеять только озимый клин, крестьяне должны были получить семенную ссуду в размере 282 тыс. пудов. Кроме того, на продовольствие до урожая 1907 г. требовалось не менее 2 220 тыс. пудов[2].

Алатырскому уезду для засева озимого клина нужна была ссуда в количестве 240 тыс. пудов и на продовольствие до урожая 1907 г. 1530 тыс. пудов.

Ардатовскому уезду требовалось 300 тыс. пудов на семена и 1250 тыс. пудов на продовольствие[3].

Чтобы спасти население губернии от голодной смерти, нужно было изыскать не менее 12 700 тыс. пудов зерна. Кроме того, чтобы засеять полностью озимый клин осенью 1906 г., требовалась еще семенная ссуда в количе-

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 42, л. 160.
[2] Там же.
[3] Там же.

стве 2 300 тыс. пудов. Итак, общая недостача продовольственного и семенного зерна выразилась по всей губернии в 15 миллионах пудов[1].

Если учесть, что средняя рыночная цена на хлеб составляла в 1906 г. 80 коп. за пуд, то население губернии нуждалось в государственной денежной ссуде на сумму не менее 12 миллионов рублей.

Какую же помощь решила оказать царская власть голодающему народу? Как свидетельствуют документы, правительство сообщило, что из общего числа 1 636 600 душ, населяющих Симбирскую губернию, обеспечению продовольствием на средства имперского капитала подлежит только 570 000 душ, или 35 проц., а семенного фонда было обещано отпустить лишь в размере 20 проц. от потребного количества[2].

Иначе говоря, вместо оказания немедленной помощи остро нуждающемуся населению губернии правительство пообещало ассигновать на приобретение продовольствия в других губерниях 4626 тыс. рублей и на приобретение семян 493 тыс. рублей.

Даже симбирское губернское земское собрание и губернская земская управа, во главе которой стоял крупнейший феодал князь С. Баратаев, сочли такое решение «крайне несправедливым» и, пойдя на компромисс, вторично обратились в правительство с ходатайством, чтобы оно отпустило денежную ссуду хотя бы в размере 9875 тыс. рублей.

Стоявшие у власти крепостники, как это было и во время голода 1891—1892 гг., лишь делали вид, будто они действительно собираются помочь попавшему в беду народу. Переписка между губернской земской управой и Петербургом как нельзя лучше подтверждает, что главная забота администрации, о чем прямо говорил в своей директиве Столыпин, заключалась отнюдь не в быстрейшем преодолении тяжких испытаний, вызванных голодом, а в борьбе с безземельными и обездоленными тружениками, поднявшимися на революцию[3].

Возмущение крестьян антинародной политикой царского правительства обострялось еще и тем, что дело по-

---

[1] ГАКО, ф. 76, оп. 6, д. 42, л. 165.
[2] Там же, л. 166.
[3] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 42, л. 167.

мощи миллионам голодающих было отдано на откуп мошенникам и спекулянтам вроде Гурко и Лидваля, которые наживали на этой операции огромные состояния, преступно срывая поставку хлеба в районы с бедствующим населением[1].

Крайне тяжелая обстановка, сложившаяся в связи с неурожаем 1906 г., еще больше ухудшала отношения крестьян с помещиками и усиливала аграрное движение. Приведенные в отчаяние люди переставали верить правительственным обещаниям, они повсеместно подымались на новую борьбу с помещиками, громили их имения, захватывая не убранный с полей хлеб.

С первых чисел июля 1906 г. на имя губернатора стали беспрерывным потоком поступать телеграммы, в которых сообщалось о новых крестьянских «беспорядках». Вот несколько характерных в этом отношении телеграмм, полученных из Карсунского уезда.

Исправник Шемякин писал 3 июля, что «степановские крестьяне развезли по домам снопы с полей князя Куракина, а остальной хлеб князя подожгли на корню»[2].

4 июля 1906 г. гофмейстер Арапов сообщил: «У меня в имении Большие Березники крестьяне вот уже в течение пяти дней развозят с полей хлеб. Благоволите приказать войскам прекратить грабеж»[3].

5 июля из тех же Больших Березников помещица Грень жаловалась: «Крестьяне немилосердно рубят лес и развозят с полей хлеб. Убедительно прошу защитить»[4].

Хмельницкий, доверенный великобританского подданного Найта, сообщал 17 июля, что судосевские и пятнинские крестьяне ежедневно поджигают строения, рубят лес и развозят убранный хлеб. Указывая на беспомощность местных властей, он просил немедленной защиты, «иначе все имение будет разорено и выжжено»[5].

Спустя 10 дней Хмельницкий прислал новое донесение. Он писал, что хотя в имении безвыездно находятся полиция и казаки, тем не менее крестьяне сожгли молотильный сарай, скотные дворы и хлебный амбар. Управляющий жаловался, что крестьяне продолжают рубить

---

[1] ГАСО, ф. листовок, инв. № 4664.
[2] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 91, л. 42.
[3] Там же, л. 6.
[4] Там же, л. 8.
[5] Там же, л. 9.

сосновый и липовый лес и остановить их нет никакой возможности[1].

Десятки такого рода сообщений поступили в эти дни и из других уездов. Помещики слезно просили защитить их владения, прислав для этого побольше войска.

Будучи не в состоянии направить на место новые вооруженные силы, губернатор приказал уездным исправникам больше опираться на местных стражников. В директиве от 21 января 1906 г. он разъяснил, что укоренившаяся ссылка на слабость полиции ныне с введением конной стражи, не должна иметь места, так как по закону 5 мая 1903 г. на стражников возложены полицейские обязанности; поэтому исправники обязаны чаще использовать их в борьбе с крестьянскими восстаниями[2].

Симбирский губернатор генерал-майор Старынкевич[3], продолжая взятый курс на увеличение собственной вооруженной силы, пытался завести полицейскую стражу в каждом помещичьем имении. В письме на имя карсунского исправника от 28 августа он рекомендовал немедленно организовать в имении помещика Протопопова, за счет владельца, охрану из 12 конных стражников и одного надзирателя. Оружие предлагалось выдать из склада полиции[4].

Приведенные выше документы о крестьянских выступлениях в Карсунском уезде не являются исключением. Подобные выступления летом 1906 г. происходили и в других уездах Симбирской губернии. Статский советник Герасимов, наблюдавший тогда за положением в Буинском и Алатырском уездах, сообщал в докладной записке на имя министра внутренних дел Столыпина, что «настроение крестьян в указанных местностях весьма тревожное и требования крестьян к помещикам становятся с каждым днем все настойчивее и резче, причем сопровождаются не только угрозами, но и порубками лесов, поджогами хлебов, разгромом усадебных построек и т. д.[5]

Обстановка в деревне в то время была такова, что ча-

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 91, л. 13.

[2] Там же, д. 103, л. 89.

[3] Князь Яшвиль был освобожден от должности губернатора в июне 1906 г. за «слабость борьбы» с крестьянскими восстаниями.

[4] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 91, л. 32.

[5] Там же, д. 94, л. 131.

сто в имениях распоряжались не помещики и управляющие, а крестьяне. Вот один из характерных в этом отношении фактов. 22 июля помещик Маркиянович решил уволить несколько работников, набранных из числа местных крестьян деревни Обориной Карсунского уезда. Однако вместо того, чтобы получить расчет, батраки предъявили встречное требование: в целях прекращения деятельности экономии они предложили помещику уволить всех «посторонних», т. е. взятых со стороны рабочих и служащих. Через два дня крестьяне почти всей деревней явились к помещику и под угрозой смерти заставили его выполнить это требование[1].

Между тем объявление Симбирской губернии на положении усиленной военной охраны и участившаяся к осени 1906 г. посылка крупных карательных экспедиций в сельские местности не могли не сказаться отрицательно на крестьянском движении. Вот почему с конца августа 1906 г. выступления в деревне заметно пошли на убыль, а запоздалые или, как их называет В. И. Ленин, арьергардные бои пролетариата не были в состоянии придать этому движению наступательный характер.

Крестьяне все реже и реже поднимались на открытую борьбу с войсками и полицией, а иногда без достаточного сопротивления отдавали все, что было завоевано у помещиков в период наступательных боев в октябре — декабре 1905 г. Во второй половине 1906 г. были нередки случаи, когда с утра сельский исход составлял приговор о захвате помещичьей земли, хлеба, лесов, а к вечеру, увидев в деревне прибывших солдат и полицейскую стражу, крестьяне отрекались от своих намерений, каялись в «грехах», признавали «вину» перед царем и без малейшего сопротивления отдавали в руки полиции своих руководителей.

Так было 7 сентября 1906 г. и в деревне Кожевиной Алатырского уезда. Утром около двухсот человек, вооружившись кольями, напали толпой на уездного исправника Номофитова и выгнали его из деревни. Но когда через несколько часов исправник возвратился сюда с полуротой солдат, крестьяне разбежались по гумнам и оврагам. К вечеру был собран сход, на котором восставшие обещали во всем повиноваться властям. Руководитель аграрных

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 1, д. 35, л. 2.

выступлений в этой деревне крестьянин И. Дрововозов был арестован и отправлен в Алатырскую уездную тюрьму[1].

Однако, несмотря на спад революции, симбирское дворянство, губернатор и полицейские власти очень боялись повторения восстаний и поэтому настоятельно просили правительство о присылке дополнительных войск в Симбирскую губернию. В сентябре 1906 г. губернатор обратился с рапортом на имя директора департамента полиции и, отмечая все еще неспокойное настроение народа, просил поддержать его ходатайство перед министром внутренних дел и прислать в Симбирскую губернию несколько эскадронов кавалерии.

С января 1906 г. движение пошло на спад и в Самарской губернии, а к середине 1907 г. оно фактически сошло здесь на нет. По данным Ф. Я. Водоватова, изучавшего борьбу крестьян Самарской губернии в период первой русской революции, видно, что если в 1905 г. крестьянских выступлений было здесь 495, а в 1906 году — уже 310, то в 1907 г. количество их сократилось до 51[2].

Наиболее мощным (особенно летом) в 1906 г. оставалось крестьянское движение в Саратовской губернии. В ряде уездов этой губернии целые села, а иногда и волости поднимались на борьбу с помещиками и, несмотря на усиленную военную охрану, громили их усадьбы, уничтожали имущество эксплуататоров.

Большевистская газета «Эхо» в одном из майских номеров писала: «В настоящее время аграрное движение сильнее всего проявилось в Саратовской губернии, где им охвачены уезды: Саратовский, Аткарский, Балашовский. Бегство помещиков в города и местечки почти повальное. В министерстве находят, что новый саратовский губернатор Татищев действует недостаточно энергично. Возможно даже назначение нового губернатора или, в случае дальнейших осложнений, посылка в Саратовскую губернию лица из Петербурга, снабженного широкими полномочиями»[3].

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 130, лл. 12—13.

[2] Ф. Я. Водоватов. Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957, стр. 134, 178.

[3] «Эхо», № 3, 24 мая 1906 г.

Предположение газеты «Эхо» подтвердилось. В июне 1906 г. в губернию был командирован полковник барон фон Мандлер, наделенный особыми правами, а с ним прибыло десять сотен уральских и сотня астраханских казаков.

По данным В. М. Гохлернер, Саратовскую губернию в 1906 г. отличал еще довольно высокий уровень крестьянских выступлений. Все же, несмотря на это, крестьянская революция и здесь шла на заметный спад. Так, если в 1905 г. в Саратовской губернии насчитывалось 854 выступления, то в 1906 г. их было только 535, а в 1907 г. и того меньше — 69[1].

Но, как видно из приведенных материалов, царскому правительству, объявившему губернии Среднего Поволжья на положении усиленной военной охраны, не удалось быстро покончить с восстаниями. Революционная борьба в деревне продолжалась не только в течение всего 1906 г., но и захватила всю первую половину 1907 г. Это особенно было заметно в Симбирской губернии, где борьба и в 1907 г. принимала местами очень острый характер.

Говоря о крестьянском движении в Симбирской губернии, следует отметить, что столь затяжной характер борьбы объясняется не тем, что крестьяне испытывали здесь особую ненависть к помещикам (она была не менее острой и в других губерниях Среднего Поволжья), но тем, что эта губерния значительно позже, чем, например, Саратовская и Самарская, была объявлена на положении усиленной военной охраны.

Всего по четырем губерниям Среднего Поволжья (Саратовской, Самарской, Симбирской и Казанской) крестьяне совершили за годы первой русской революции 3495 выступлений[2].

По губерниям и годам революции эти выступления распределяются следующим образом:

---

[1] В. М. Гохлернер. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). Уч. записки Саратовского университета, т. V, стр. 245.

[2] Подсчет крестьянских выступлений и распределения их по губерниям и годам революции сделан на основании данных, опубликованных в работах В. М. Гохлернер (Саратов), Ф. Я. Водоватова (Куйбышев), И. П. Шмыгина (Ульяновск), М. И. Абдурахманова (Казань). В ходе изложения материала о крестьянском движении нами делались необходимые ссылки на работы указанных авторов.

Таблица 20

Губернии	1905 г.	1906 г.	1907 г.	Всего
Саратовская	854	535	69	1458
Самарская	495	310	51	856
Симбирская	432	307	106	845
Казанская	184	135	17	336
Итого . . .	1965	1287	243	3495

Изучаемый район насчитывал 37 уездов. Нами установлено, что в 22 уездах крестьянским движением были охвачены все волости, в 11 уездах — от 50 до 75 проц. волостей и только в четырех уездах в нем участвовало незначительное количество волостей.

Отмечая 22 уезда (из 37), где в движение были вовлечены 100 проц. волостей, мы, разумеется, не утверждаем, что выступления произошли там абсолютно во всех населенных пунктах. Документы свидетельствуют, что и в этих 22 уездах насчитывалось немало сел и деревень, в которых не было отмечено ни одного выступления. Характерно, что в таких населенных пунктах проживали преимущественно крестьяне, сидевшие на государственных и удельных землях.

Революционные выступления происходили чаще всего в тех селах и деревнях, где крестьяне обрабатывали бывшие помещичьи земли. Порой они наносили помещикам огромный материальный ущерб и для таких местностей были типичными факты вроде тех, о которых сообщала министру внутренних дел Столыпину помещица Гутеман:

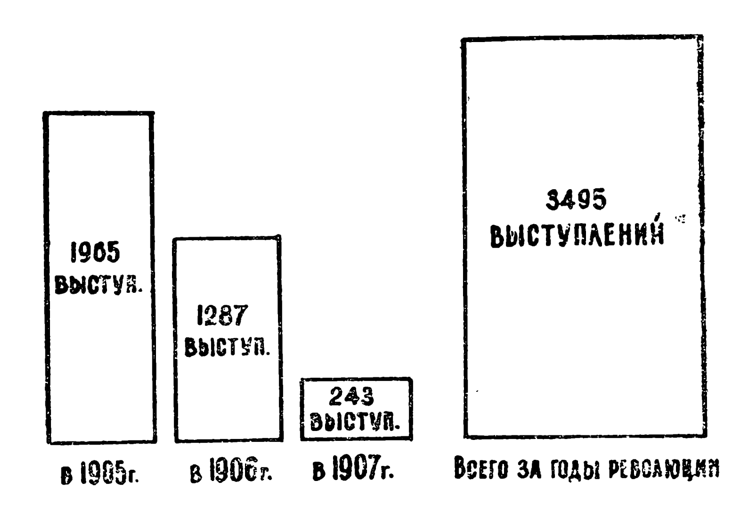
«С осени 1905 года, — говорилось в ее жалобе, — в Большеберезниковской волости Карсунского уезда Симбирской губернии крестьяне сел Айкино и Судосева начали беспорядки. 14 сентября 1905 года они сожгли у меня корм для скота, 24 октября сожгли винокуренный завод, 5 декабря разгромили хутор при имении. 24 марта этого (1906 г. — **И. Ш.**) года сожгли вновь только что выстроенный винокуренный завод. В течение лета несколько раз увозили хлеб с полей. 6 июля сделали воору-

женный налет на другой хутор и сожгли там дом, амбар, ригу. В июле начали в третий раз строить винокуренный завод, но крестьяне разогнали всех рабочих, строить не дают, грозят убить меня. Прошу вас защитить остаток моего имущества и обезопасить мою жизнь»[1].

В результате революционных выступлений по всему Среднему Поволжью было разрушено (частично и полностью) свыше 700 помещичьих и купеческих имений. По официальным данным министерства внутренних дел, убытки землевладельцев этого района страны составили

ВЫСТУПЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

(итоговые данные)

14 557 082 рубля. При этом сумма убытков саратовских помещиков выразилась в 9 550 320 рублях, что составляет одну треть убытков, которые понесли помещики 18 губерний Европейской России[2].

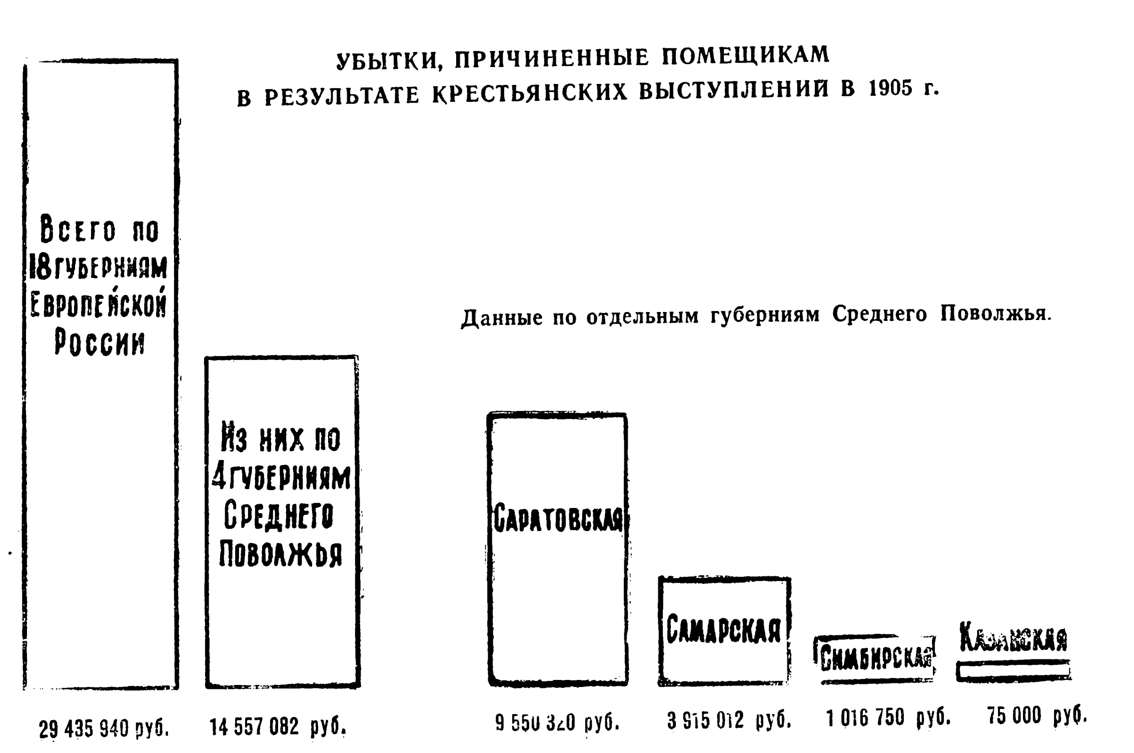
Огромными оказались убытки и у помещиков Самар-

---

[1] ЦГИАМ, ф. 102, 4 дел-во, д. 70, ч. 19, лл. 244—245.

[2] Общественное движение в России в начале XX века. СПБ, 1910 г., т. 11, ч. 2, стр. 260—261.

УБЫТКИ, ПРИЧИНЕННЫЕ ПОМЕЩИКАМ В РЕЗУЛЬТАТЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В 1905 г.

ской губернии. Они составили 3 915 012 рублей. За Самарской губернией по размерам помещичьих убытков шли Курская (3 052 148), Черниговская (3 000 500), Тамбовская (2 475 608), Херсонская (1 778 900), Воронежская (1 018 314), Симбирская (1 016 750)[1]. Казанская губерния по размерам убытков от крестьянских погромов стояла на 17-м месте, ущерб составил здесь лишь 75 тыс. рублей.

Крестьянские выступления произошли во всех 37 уездах Среднего Поволжья, а в таких уездах, как, например, Балашовский и Петровский Саратовской губернии, Бузулукский и Самарский Самарской губернии, Курмышский, Карсунский и Сызранский Симбирской губернии, Спасский и Чистопольский Казанской губернии, не было буквально ни одной волости, где бы за годы первой русской революции не состоялось ни одного выступления.

Говоря о формах массовой борьбы против помещиков и царского правительства, следует отметить, что крестьянские выступления по своему характеру не поддаются точной классификации. Документы свидетельствуют, что очень часто в одном и том же выступлении можно встретить захват земли и лугов, порубку лесов, конфискацию хлеба, разгром имений и вооруженное сопротивление войскам.

Изучая цифровые данные, характеризующие формы массовой борьбы, нужно иметь в виду, что общее количество выступлений, если учитывать отдельные виды борьбы, всегда значительно превышает количество крестьянских выступлений вообще. В силу этого судить о размахе движения по отдельным видам борьбы нельзя, как нельзя говорить, что в таком-то селе, уезде или губернии было несколько крестьянских выступлений: одно, завершившееся захватом помещичьей земли, второе — порубкой леса и т. д. Статистика форм борьбы крестьян за свободу и землю носит сугубо условный характер.

Из архивных данных видно, что в Симбирской губернии за годы первой русской революции состоялось 845

---

[1] В сводке МВД об убытках по Симбирской губернии ошибочно указана сумма — 420 550 руб. На самом деле убытки помещиков только за 1905 г. составили 1 016 750 руб. (см. об этом сб. «1905 год в Симбирске». Истпартотдел Ульяновского губкома РКП (б), 1925 г., приложение IX).

ВЫСТУПЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

(данные по губерниям)

крестьянских выступлений[1]. Вместе с тем анализ сохранившихся документов позволяет сказать, что в период этих выступлений было совершено около трех тысяч различных по формам революционных действий. Вот как представляется нам крестьянское движение в Симбирской губернии по основным видам борьбы:

Таблица 21

Отказы от аренды земли, самовольные запашки, порубки леса, покосы лугов, увозы сена, снопов, соломы с полей помещиков	Поджоги и погромы помещичьих имений	Отказы от уплаты податей, недоимок и налогов (принято приговоров на сходках)	Неповиновения представителям власти, вооруженные выступления против войск и полиции
1841	549	354	192

Массовые выступления крестьянства за годы первой русской революции нанесли мощный удар по самодержавно-крепостническому строю в целом. Аграрная революция в царской России сильно подорвала экономику помещичьего землевладения, но не ликвидировала ее основы, и помещики по-прежнему остались самыми крупными собственниками земли в России, злейшими врагами малоземельного крестьянства.

2. Деятельность большевиков Среднего Поволжья в деревне в период спада крестьянской революции

В новый, 1906, год большевистская партия вступила с твердой верой в то, что борьба рабочих и крестьян будет продолжена, что она неизбежно ознаменуется новым подъемом. Начинался второй год буржуазно-демократической революции, важнейшей особенностью которой был ее крестьянский характер.

Бурное развитие революции осенью 1905 г. и завоевание рабочим классом некоторой доли гражданской свободы создали новые, более благоприятные условия для ра-

[1] Этот подсчет сделан нами на основании документов, хранящихся в ГАУО, ЦГИАМ и ЦГИАЛ. Подсчет, разумеется, весьма приблизительный. Официальных итоговых данных в архивах не обнаружено.

боты большевистской партии. Начиная с осени 1905 г., местные организации партии действовали полулегально почти во всех районах Среднего Поволжья[1]. С их выходом из подполья стала шире развертываться и работа в деревне. Большевистские организации резко улучшили деятельность аграрных групп, начали повсеместно созывать съезды бедноты и середняков, создавать революционные крестьянские комитеты, боевые дружины.

В октябре—декабре 1905 г. по наиболее крупным селам Среднего Поволжья прокатилась мощная волна митингов и политических демонстраций, на которых деревенские работники партии выступали с речами, распространяли большевистские листовки с призывом к свержению царского самодержавия и к установлению в России самодержавия народа — власти рабочих и крестьян.

Активизация деятельности большевиков в новых условиях не могла не сказаться на расширении и укреплении связей партии с крестьянскими массами, на росте ее рядов. К началу 1906 г. большевистские организации были созданы в 26 из 37 уездов Среднего Поволжья[2]. Правда, не всюду они действовали с одинаковой силой и размахом. Наиболее активно вели работу большевистские группы в Тетюшском, Спасском и, особенно, в Чистопольском уездах Казанской губернии; в Алатырском, Курмышском и Сызранском уездах Симбирской губернии; в Ставропольском уезде Самарской губернии; в Камышинском и Балашовском уездах Саратовской губернии.

Следует отметить, что связи большевиков с деревней были далеко не похожи на те, которыми располагали эсеры. Насулив крестьянам кучи невыполнимых обещаний, эсеры обычно уезжали из села, не закрепив организационно свою работу. Большевики же свое пребывание в деревне всегда стремились завершить каким-либо определенным результатом: либо образованием революционного крестьянского комитета, либо созданием социал-демократического кружка из наиболее сознательных бедня-

---

[1] На конспиративном положении по-прежнему оставались только руководящие органы партии, от райкома до ЦК РСДРП включительно (см. письмо ЦК РСДРП о перестройке партийной работы. Институт истории партии Татарского обкома КПСС, ф. 36, д. 32, св. 5, лл. 54—64).

[2] См. приложенную в конце книги схематическую карту.

ков и батраков. Именно такой подход к делу способствовал росту рядов партии за счет передовых людей деревни, давал возможность создавать на местах более или менее деятельные большевистские организации.

В июне 1906 г. в Саратове состоялась первая губернская конференция РСДРП, на которой было представлено 1722 члена партии[1]. В Саратовской городской организации РСДРП насчитывалось тогда 840 человек. Значительно возросло количество членов партии и в уездах. Так, в Камышинской уездной организации насчитывалось 280, в Царицынской — 250, в Балашовской — 170, в Вольской — 102, в Аткарской — 50, в Кузнецкой — 30 человек[2].

Приблизительно по тысяче человек имелось в Самарской и Казанской губернских организациях[3]. И лишь в состав Симбирской организации входило тогда, летом 1906 г., немногим более 300 человек[4].

К тому времени небольшие большевистские ячейки появились и в ряде крупных сел. Так, например, ячейки были созданы в следующих селах Казанской губернии: Борисоглебском, Кашиметьеве, Алексеевской, Ромоданах, Белярах, Старо-Шемшинском, Богородско-Шереметьеве.

В Самарской губернии существовали ячейки в селах Старой Царевщине, Елшанке, Чекалине и в ряде других.

Несколько большевистских ячеек было создано в деревнях Саратовской губернии. Здесь особенно активно работала большевистская организация в селе Николаевский городок.

Рост большевистских организаций за счет передовых слоев рабочего класса и крестьянства не мог не сказаться на усилении деятельности большевиков в деревне. В январе, феврале и марте 1906 г. почти во всех губерниях Среднего Поволжья прошли под руководством большевиков волостные съезды крестьян, например в Самарской губернии — в Соколовской и Степно-Дурасовской волостях (Бугурусланского уезда), в Елшанке и Чекалино

---

[1] ГАСО, ф. СЖУ, д. 94, л. 34.

[2] ГАСО, ф. 4, д. 94, л. 34.

[3] М. М. Лоньшакова. Большевики Казани в революции 1905—1907 гг. МГУ, 1950, автореферат, стр. 13.

[4] Сб. «Прокламации Симбирской организации РСДРП в 1904—1907 гг.». Ульяновск, 1951, стр. 11.

(Самарского уезда), Камышевке и Новой Малыкле (Ставропольского уезда) и в ряде других волостей[1].

Нелегальная газета самарских большевиков «Борьба», публикуя отчет о работе одного из таких съездов, сообщала, что созывом съезда преследовалась цель «объединить борьбу в сельских местностях и согласовать ее с борьбой городских рабочих, выработать и согласовать способы революционного воздействия на широкие слои крестьян, еще не примкнувших к движению»[2]. В корреспонденции указывалось, что характерной особенностью этого делегатского съезда было то, что на нем присутствовали крестьяне только от сходов революционно настроенных сел и деревень. В состав делегаций входили, главным образом, представители беднейшей части сельского населения.

В отличие от эсеров, которые опирались на зажиточную часть деревни, большевики своей опорой считали крестьянскую бедноту, батраков. Бедняки и батраки, или, как называл их В. И. Ленин, сельские пролетарии, были главной силой революции в деревне. Эта часть сельского населения была тем боевым отрядом борцов за свободу и землю, который в ходе аграрного движения непосредственно осуществлял революционный захват помещичьих земель.

Организуя сельских пролетариев в самостоятельные отряды борцов за демократическую республику, большевики разъясняли непримиримость их интересов с интересами сельской буржуазии, указывали им на то, что только в социалистическом обществе не будет ни враждебных классов, ни эксплуатации человека человеком.

Из числа батраков и бедноты большевики создавали в деревнях политические кружки, социал-демократические группы, революционные крестьянские комитеты. Их актив играл главную, руководящую роль на всех сельских сходах, волостных и уездных съездах, созываемых как большевиками, так и организациями Крестьянского союза, а также партией эсеров.

В 1906 г. деятельность большевиков в деревне стала принимать более планомерный и наступательный харак-

---

[1] Сб. «Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1955, стр. 14.

[2] «Борьба», № 2, 1906 г.

тер. Комитеты РСДРП всюду пополняли аграрные группы наиболее способными работниками, знающими условия крестьянской жизни. Комитеты подбирали их из среды социал-демократических рабочих, связанных с деревней, и они под видом поездки на побывку к родственникам направлялись в деревню со специальными заданиями. Через эту часть рабочих большевики связывали целые коллективы предприятий с отдельными деревнями, а иногда и с несколькими населенными пунктами.

Так, например, работники аграрной группы Самарского комитета РСДРП Попов и Головчинский через рабочих Худякова и Журавлева связали рабочий коллектив завода металлистов с несколькими деревнями Бугульминского и Ставропольского уездов[1].

Рабочие железнодорожного района города Самары через рабочих-большевиков Калмыкова, братьев В. и А. Кузнецовых, Буянова, Елфимова, Долгополова, Нефедыча, Дубцова, Френкеля, Подрядова, Растихина, Кузьмина, Юнсева и других поддерживали связь со многими селами Самарского и других уездов губернии[2].

К лету 1906 г. Самарский комитет РСДРП установил тесную связь более чем с полсотней деревень, в которых работали не разъездные большевистские агитаторы, а люди, специально прикрепленные аграрной группой комитета. Кстати сказать, эта аграрная группа была к тому времени реорганизована в самостоятельную окружную организацию на правах райкома.

Руководителем указанной окружной организации стал один из виднейших в то время активистов Самарской организации большевиков Р. Н. Дмитриев (партийная кличка — «Разум»). Осенью 1906 г. под его руководством (только при Самарском комитете РСДРП) активно работали среди крестьян до 15 человек. По его же инициативе были созданы небольшие аграрные группы и при всех уездных комитетах РСДРП.

Р. Н. Дмитриев и его ближайший помощник А. А. Коростелев за период своей деятельности в аграрной группе Самарского комитета подобрали и подготовили из кре-

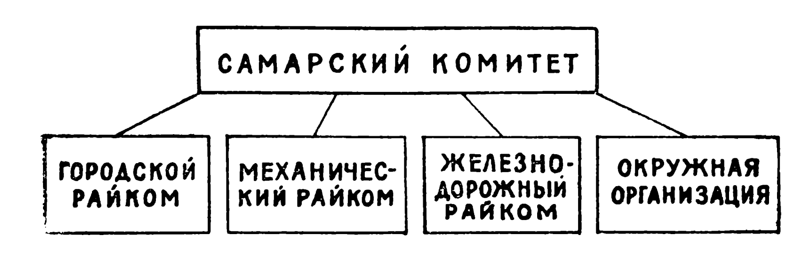
---

[1] Партархив Куйбышевского обкома КПСС, ф. 3, д. 88.

[2] Сб. воспоминаний участников революционного движения в бывших Самарской и Симбирской губерниях. Куйбышев, 1935, стр. 89—90.

стьян не один десяток хороших организаторов и руководителей аграрного движения. Так, в селе Царевщине (Самарского уезда) под их влиянием и при их помощи выдвинулись из местных крестьян как способные руководители революционной борьбы Г. Солдатов, Л. Щибраев, А. Князев и другие.

САМАРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РСДРП
(схема организационного строения в 1906 г.)

Примечание. Окружная организация существовала на правах райкома и ведала работой среди крестьян всей губернии.

Г. Солдатов стал большевиком, прекрасным организатором боевых дружин, сформированных из лучших представителей бедноты. На его обязанности лежала также поддержка связей с городскими рабочими.

А. Князев был авторитетнейшим человеком на селе. В период существования Старобуянского волостного самоуправления, или, как его называли, «Старобуянской республики» (конец 1905 г.), А. Князев выполнял обязанности председателя волостного ревкома.

Активным борцом за свободу и землю сделался в с. Царевщине и Л. Щибраев. Сначала он находился под влиянием эсеров, но, как только в селе начали действовать большевики (1904 г.), сразу же перешел в лагерь социал-демократов и под их руководством вел активную работу среди крестьян на протяжении всей революции. Он руководил кружком, который почти целиком состоял из бедняков — активных участников аграрного движения.

К осени 1906 г. развернули активную работу среди крестьян большевики Симбирской губернии. Они сумели наладить прочные связи с многими селениями. Аграрную группу возглавлял тогда В. И. Орлов — один из руково-

дителей Симбирской группы РСДРП. При обыске его квартиры (в сентябре 1906 г.) полиция изъяла список, из которого видно, что Симбирская группа РСДРП в 1906 г. поддерживала связь с 40 селениями, главным образом Симбирского уезда[1].

Однако это были далеко не все связи с деревней у большевиков Симбирской губернии. Известно, что довольно активно действовали в этом направлении также социал-демократические организации Сызранского, Курмышского, Буинского и Алатырского уездов.

Значительно шире, чем в Симбирской губернии, была поставлена большевистская работа среди крестьян в Казанской губернии. Это объясняется не столько тем, что у Казанского комитета было значительно больше сил (он достаточно удачно использовал в этих целях сильную социал-демократическую организацию университета), столько тем, что он располагал более сильной социал-демократической периферией. Она была представлена такими, например, организациями, как Лаишевская, Спасская и Чистопольская, в которых насчитывалось по нескольку сот человек в каждой и которые состояли почти целиком из большевиков. В названных уездах было немало сел, где существовали большевистские группы, социал-демократические кружки.

Окружная организация при Казанском комитете РСДРП была в 1906 г. немногочисленной (ее возглавлял тогда молодой большевик Н. С. Фролов[2]). Однако, несмотря на свою малочисленность, входившие в нее члены партии являлись крепко сплоченной и действовавшей по-боевому группой. Она принимала меры к тому, чтобы высоко поднять уровень всей организационной и политической работы среди крестьян.

Чтобы выработать наиболее подходящие формы организации масс и установить единство в тактических вопросах, связанных с бойкотом первой Государственной думы, окружная организация провела в феврале 1906 г.[3] первый съезд большевистских групп, ведущих политическую работу в деревне.

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 94, лл. 35—36.

[2] Н. С. Фролов — ныне профессор Саратовского финансово-экономического института.

[3] Точное время проведения этого съезда установить не удалось.

Стремясь получить наиболее полное представление о том, что делается на местах, а главное — помочь деревенским работникам партии лучше уяснить себе, что нужно делать и как нужно делать, Казанский комитет пригласил на съезд, кроме представителей всех окружных групп РСДРП, и представителей всех сельских большевистских организаций. На съезде участвовали также и большевики-одиночки, работающие на селе[1].

Большая и плодотворная деятельность в деревне была развернута большевиками Саратовской губернии. Состоявшаяся здесь в июле 1906 г. первая губернская партийная конференция, которая избрала губком в основном из большевиков[2], оказала значительное влияние на подъем партийной работы вообще и среди крестьян в особенности.

При губкоме была создана самостоятельная (независимо от существовавшей при Саратовском городском комитете РСДРП) аграрная группа, после чего стало возможным осуществлять более оперативное, централизованное руководство аграрными группами при уездных организациях партии, более планомерно распределять по уездам силы своих (деревенских) работников.

Наряду с обсуждением ряда текущих дел конференция рассмотрела и приняла развернутый план работы в деревне. Конференция рекомендовала всем местным организациям всемерно обострять и расширять революционное движение в сельской местности, направляя его так, чтобы крестьяне от аграрного террора переходили к сознательной политической борьбе против правительства и местных властей. Наиболее действенными лозунгами должны были являться — отказ от уплаты податей, налогов и от поставки рекрутов в царскую армию, массовый бойкот и всяческое игнорирование царской власти.

Конференция рекомендовала партийным работникам всемерно удерживать крестьян от частичных захватов помещичьей земли, но усиленно призывать их к полному захвату этой земли в момент всеобщего вооруженного

---

[1] ЦГИАМ, ф. ДП, 00, отд. 2, д. 5, ч. 27, лит. А, л. 4.

[2] Газета «Социал-демократ», орган ЦК РСДРП, в № 2 за 1906 г. сообщала, что в Саратове имеются две организации. Кроме городского комитета РСДРП, существует еще и губернский, в котором преобладают большевики. Во главе губкома стояли большевики А. Богданов, К. Пронин-Плаксин, З. П. Соловьев.

восстания, расценивая этот акт как одну из наиболее действенных форм борьбы против царского правительства в деревне.

При проведении крестьянами захвата помещичьих, казенных, удельных, церковных и монастырских земель партийные работники должны разъяснять им, что этот захват земли в революционное время не является окончательным актом, что закрепление этой земли за крестьянами может осуществить только всенародное Учредительное собрание, потому что только народные представители могут правильно и окончательно урегулировать земельные отношения.

Конференция призвала все местные партийные организации укреплять у крестьян сознание необходимости подготовки и осуществления всенародного вооруженного восстания. Для этого надо устанавливать прочные связи крестьян с рабочими, создавать в деревнях боевые дружины, чтобы они в момент всеобщего вооруженного восстания помогли городским рабочим захватить и удержать политическую власть[1].

Обращая внимание всех организаций партии на необходимость усиления агитационной работы в деревне, конференция призвала их к тому, чтобы они руководствовались при этом общими директивами партии, связывая экономические требования крестьян с политическими задачами революционного момента[2]. Вопрос о работе среди крестьян занимал одно из центральных мест и на последующих губернских партийных конференциях[3].

Следует отметить, что саратовские большевики уделяли крестьянскому вопросу значительно больше внимания, чем какая-либо другая большевистская организация Среднего Поволжья. Именно поэтому В. И. Ленин еще в 1905 г., публикуя в газете «Пролетарий» листовку Саратовского комитета РСДРП «К крестьянам», сопроводил ее примечанием от редакции, в котором отметил, что Саратовский комитет РСДРП наиболее связан с деревней[4].

---

[1] ГАСО, ф. СОО, д. 39, лл. 155—156.

[2] ГАСО, ф. СЖУ, д. 94, л. 37.

[3] Вторая губпартконференция состоялась в феврале 1907 г., третья — в июле 1907 г.

[4] «Пролетарий», № 24, 7 ноября 1905 г.

Здесь раньше, чем где-либо на Средней Волге, была создана при комитете РСДРП аграрная группа, а затем и окружная организация, занимавшаяся всецело работой среди крестьян.

Саратовские большевики систематически издавали специальные листовки большими тиражами (от пяти до 20 тысяч экземпляров), выпускали газету (сначала, в 1905 г., — «Крестьянский листок», а потом, в 1906 г., когда он был закрыт властями, — «За волю и землю»).

Большевики Саратовской губернии провели в конце 1905 г. и в начале 1906 г. ряд крестьянских съездов, а также активно участвовали во всех крестьянских (окружных и губернских) съездах, созванных руководством Крестьянского союза.

Многочисленные документы свидетельствуют, что в тех селах Саратовской губернии, где работали большевики, эсерам приходилось, как правило, прекращать свою деятельность. Основной причиной служило то, что требования рабочей партии в аграрной революции были значительно шире и осуществление их больше отвечало интересам крестьянских масс.

Значительному подъему идейного и организационного уровня работы среди крестьянских масс способствовали решения второй Поволжской конференции деревенских работников. По предложению большевиков Симбирска и Казани объездная (окружная) организация Самарского комитета РСДРП приняла на себя обязанность собрать вторую Поволжскую конференцию аграрных работников партии. Судя по письму объездной организации Самарского комитета, которое было перехвачено полицией, эта конференция состоялась в начале сентября 1906 г.[1]

На конференции в Самаре присутствовали представители Саратовской, Самарской, Симбирской, Казанской и Нижегородской губерний. Делегаты не только обобщили опыт почти двухлетней работы большевиков в деревне во время революции, но и наметили развернутый план дальнейшей борьбы большевиков за крестьянские массы.

Конференция приняла ряд решений и рекомендаций, которые в основном сводились к следующему. Отметив, что разгон первой Государственной думы и вся тактика

---

[1] ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1906 г., д. 25, ч. 17, л. 8.

правительства поставили перед народом непосредственную задачу завоевания власти, конференция рекомендовала всем поволжским организациям партии самым решительным образом готовиться к вооруженному восстанию[1]; в процессе массовых выступлений против помещиков связывать экономические интересы крестьян с политическими задачами момента; всемерно добиваться согласованности революционных выступлений крестьян с выступлениями рабочих.

В качестве конкретных форм массовой борьбы конференция рекомендовала применять отказ от уплаты податей, налогов (земских и правительственных) и от исполнения натуральных повинностей; бойкот администрации, правительственных учреждений, полиции; сближение с солдатами (принятие приговоров, посылка писем, ходоков); устройство политических демонстраций по поводу совершаемых правительством насилий; всяческое сопротивление арестам и освобождение арестованных за политические убеждения и за участие в аграрных «беспорядках»; отказ от поставки рекрутов и уничтожение рекрутских списков; отказ воинским начальникам в предоставлении подвод и помещений для призывных присутствий, укрывательство неявившихся к призыву, демонстрации около призывных присутствий и т. д.

Что касается помещиков, то конференция рекомендовала применить по отношению к ним следующие формы борьбы: устраивать «арендные» и рабочие забастовки, снимать с работы батраков и прислугу, запрещать помещикам вывозить хлеб из имений, рубить и продавать лес и т. п. В качестве основных мер, направленных против черносотенных элементов в деревне, рекомендовались бойкот и лишение наделов.

В момент наивысшего подъема борьбы, по рекомендации конференции, следовало переходить к обезоруживанию полиции и помещичьей охраны; захвату телеграфа, телефона, железнодорожных станций; формированию народных ополчений для противодействия карательным отрядам правительства; смещению администрации и выбо-

---

[1] Большевистская партия и после разгона I Государственной думы лозунг о вооруженном восстании не сняла, хотя крестьянство этот лозунг в 1906 г. не поддерживало.

рам властей по четырехчленной формуле[1]; захвату правительственных учреждений, казенных денег и передаче их в распоряжение революционных крестьянских комитетов.

О захвате хлеба в решениях конференции говорилось: «Принимая во внимание, что на почве обостряющегося голода неизбежно возникает стихийное крестьянское движение и что этому движению необходимо придать характер большей организованности и сознательности, — конференция признает необходимым: 1) доводить до сознания крестьян, что истинным виновником голода является самодержавное правительство и что дело помощи голодающим должно быть передано в руки народа; 2) поддерживать стремление крестьян к захвату помещичьей земли и казенных запасов хлеба с тем, чтобы захваченный хлеб был передан в распоряжение революционных крестьянских комитетов под контролем сельских обществ»[2].

В разделе о захвате земли указывалось на необходимость создания революционных крестьянских комитетов, которые должны заранее наметить земли, подлежащие захвату крестьянами той или иной местности в момент решительного выступления широких народных масс против самодержавия.

Конференция рекомендовала и наиболее жизненные формы организации крестьянства. Она отметила, что Крестьянский союз оказался недостаточно дееспособным и оперативным, чтобы в нужный момент быстро связать различные местности и организованно поднять массы на борьбу. Ввиду этого конференция определила, что наиболее целесообразной формой организации могут быть более частые созывы съездов крестьянских уполномоченных и создание беспартийных революционных крестьянских комитетов (сельских и волостных).

Конференция определила и круг обязанностей этих комитетов. В решении говорилось, что волостные (районные) комитеты устанавливают связи с ближайшими

---

[1] Четырехчленная формула («четыреххвостка») — сокращенное название демократической избирательной системы, включавшей четыре требования: всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. (См. В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 489).

[2] «Пролетарий», № 2, 23 ноября 1906 г.

селами и деревнями и создают такого же рода комитеты в селах; распространяют революционную литературу, организуют кружки для пропаганды, устраивают массовки, летучки, съезды и т. д.; выясняют степень продовольственной и земельной нужды крестьян своего района, намечают земли, которые должны отойти крестьянам той или иной деревни, предотвращают путем предварительных соглашений столкновения соседних обществ из-за земли; вступают в сношения с городскими рабочими организациями для получения литературы и агитаторов; для согласования деятельности на местах сносятся с местными организациями железнодорожных, фабрично-заводских рабочих, а также с рабочими помещичьих экономий; выясняют количество огнестрельного оружия у односельчан, у соседних помещиков, у стражников и правительственных властей; создают крестьянские боевые дружины; организуют помощь пострадавшим за освободительное движение, заключенным в тюрьмы, ссыльным беглецам, их семьям, устраивая для этого сборы. В момент решительной борьбы народных масс комитеты руководят борьбой на местах.

Конференция указала, что в задачу крестьянских съездов (областных, губернских, уездных и волостных), созываемых по инициативе и под руководством большевистских организаций, должно входить выяснение общих вопросов тактики, выработка плана борьбы применительно к местным условиям и определение способов организованного отказа от уплаты податей, поставки рекрутов, наконец, смещение властей и захват земли.

Конференция рассмотрела вопрос и о руководящих органах партии, которые должны заниматься исключительно работой среди крестьянства. В связи с расширением фронта работы большевиков в деревне возникла необходимость выделить при местных (городских) комитетах партии, вместо аграрных групп, особые окружные организации, действующие на правах райкомов. Охватывая большевистские ячейки всего округа, эти организации должны иметь специальных разъездных агентов и быть автономными в своей деятельности. При дальнейшем расширении и углублении деятельности окружных организаций они должны превращаться в самостоятельные органы партии, независимые от городских комитетов.

Конференция рекомендовала покрыть все губернии возможно более широкой сетью большевистских групп, которые бы под руководством окружных организаций вели работу среди крестьян; разделить всю область, охваченную окружными организациями, на районы, в зависимости от числа имеющихся большевистских групп; собирать, как можно чаще, съезды деревенских работников; подбирая из среды городских рабочих кадры крестьянских агитаторов, чаще направлять их для работы в деревню; при подборе агитаторов обращать особенное внимание на тех городских рабочих, которые не прекратили связи с деревней. Одной из важнейших задач большевистских организаций должна была стать подготовка из среды самих крестьян профессиональных агитаторов и организаторов крестьянского движения.

Для координации деятельности всех окружных организаций конференция сочла необходимым учредить Поволжское бюро. В его обязанности должно было входить следующее: регулярный обмен литературой, для чего каждая окружная организация посылает в Бюро по два экземпляра своих изданий, обмен крестьянскими работниками между организациями, объединенными Бюро; выяснение степени нужды в аграрных работниках и правильное распределение свободных сил для работы в окружных организациях; созыв очередных конференций через каждые шесть месяцев, а также экстренных конференций и съездов крестьянских работников тех организаций, которые входят в район деятельности Бюро; сношения с ЦК РСДРП.

Конференция высказалась за созыв в ближайшем будущем Всероссийского съезда деревенских работников партии, признала необходимым издание общепартийного печатного органа (если возможно, то легального), в котором был бы отдел, посвященный деревне, а также издание центральной газеты для крестьян с отделом, посвященным жизни рабочих.

Поволжская конференция крестьянских работников большевистской партии отметила, что последний общепартийный (Объединительный) съезд дал неправильную оценку политического момента и его решения препятствуют успешной работе на местах. Конференция заявила, что ЦК партии, избранный на этом съезде, дал ряд оши-

бочных и противоречивых лозунгов, что он недостаточно авторитетен в глазах многих организаций[1].

Для выхода из затруднительного положения, в которое поставлена партия, конференция признала необходимым немедленный созыв экстренного съезда РСДРП[2].

Выполняя решения второй Поволжской конференции крестьянских работников, многие большевистские организации Среднего Поволжья резко повысили уровень всей своей деятельности в деревне. Это особенно было заметно в Самарской губернии.

В сентябре 1906 г. Самарский комитет РСДРП провел губернское совещание представителей рабочих и крестьян. В нем участвовали представители 26 сел и 23 промышленных предприятий[3]. Крестьянам надо твердо помнить, говорилось в принятом решении, что пока в России существует царское самодержавие, у народа не будет ни земли, ни воли.

На совещании была достигнута договоренность о совместных революционных выступлениях города и деревни, о необходимости тесного союза рабочих и крестьян в борьбе против помещиков и царского правительства, а также были выработаны конкретные меры борьбы.

Крестьяне должны отказываться платить подати и налоги; не исполнять никаких требований правительства и местной администрации; бойкотировать земских начальников, становых и урядников, не являться на вызовы полицейских чиновников, царских судов и волостного начальства; отстранять от должностей сельских старост, которые выступают за начальство; писать солдатам письма, чтобы они не выступали против рабочих и крестьян; не давать рекрутов правительству.

Ряд пунктов решения был направлен исключительно против помещиков. Участники совещания призывали крестьян выживать помещиков из деревни, не платить им арендных денег, не покупать помещичьи земли, устра-

---

[1] Из 10 членов ЦК, избранных на IV (Объединительном) съезде, только три были большевиками, остальные являлись меньшевиками. Редакция Ц. О. — газета «Социал-демократ» — вся состояла из меньшевиков.

[2] «Пролетарий», № 8, 23 ноября 1906 г.

[3] Сб. «Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1955, стр. 376.

ивать забастовки сельскохозяйственных рабочих в экономиях и т. д.[1]

Самарский комитет РСДРП издал это решение губернского совещания представителей рабочих и крестьян в виде специальной листовки массовым тиражом (15 тыс. экземпляров)[2]. Ее содержание разъяснялось крестьянам при участии всего состава окружной организации Самарского комитета и аграрных групп уездных организаций партии.

О том, какое плодотворное воздействие оказывала на крестьянские массы большевистская агитация за всяческий бойкот царского правительства и местные органы власти, свидетельствуют данные об уплате податей, налогов и земских сборов.

Из отчетов самарского губернатора за 1905—1906 и 1907 гг. видно, что крестьяне почти совсем прекратили взнос выкупных платежей, уплату царскому правительству податей и налогов. Так, например, оставалось недоимок по выкупным платежам, податям и налогам:

Таблица 22

На 1 января 1906 г.	На 1 января 1907 г.[3]	На 1 января 1908 г.[4]
5129096 руб.	4143071 руб.	4036747 руб.

Не лучше для царизма обстояло дело и в других губерниях. В Симбирской губернии недоимки составляли:

Таблица 23

Виды налогов	На 1 января 1906 г.[5]	На 1 января 1907 г.[6]
Гос. поземельный налог . . .	48818 руб. 36 коп	245815 руб. 18 коп.
Выкупные платежи	771815 руб. 17 коп.	1260980 руб. 54 коп.
Губ. и уездн. земск. сборы	—	2226597 руб. 31 коп.

[1] Сб. «Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1955, стр. 376—379.

[2] Там же, стр. 379.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 4, 1907 г., ед. хр. 52, лл. 471—472.

[4] Там же, оп. 17, 1909 г., ед. хр. 83, л. 44.

[5] Там же, ф. 1284, оп. 194, 1906 г., ед. хр. 92, лл. 9—10.

[6] Там же, ед. хр. 111, л. 9.

Кроме того, крестьяне Симбирской губернии систематически не выходили из долгов имперскому продовольственному капиталу. Сумма долгов по этому виду платежей составила к началу первой русской революции 2 805 467 рублей[1].

Велики были недоимки, числившиеся и за крестьянами Казанской губернии. На 1 января 1906 г. задолженность по продовольственным ссудам достигала 2 736 007 рублей 65 коп., по выкупным платежам — 1 599 164 руб. 43 коп., по разного рода налогам — 1 618 972 руб. 44 коп. В 1905 г. следовало внести земских сборов 2 586 575 руб. 16 коп., а было сдано лишь 172 769 руб. 02 коп.[2]

Крестьяне Среднего Поволжья в 1905 и 1906 гг. почти всюду прекратили вносить арендную плату помещикам и до минимума свели арендные взносы по сделкам, заключенным с удельными имениями. В Саратовском удельном округе недоимки с крестьян-арендаторов в 1905 г. составили около полумиллиона рублей[3].

Огромная задолженность продовольственному капиталу, по выкупным платежам, разного рода налогам, податям, земским и мирским сборам свидетельствовала не только о разоренности крестьянских хозяйств, но и ярко выражала протест угнетенных и эксплуатируемых масс против всей грабительской системы управления царской империей.

Призыв большевиков к неуплате крестьянами выкупных платежей, податей и налогов являлся одной из составных частей революционной тактики, направленной на всемерное ослабление и, в конечном итоге, свержение царского режима.

Следует отметить, что победа, одержанная российским пролетариатом в октябре 1905 г., создала не только более благоприятные условия для работы большевистской партии, — в стране возникло и новое политическое положение. Как в революционном движении России, так и в революционном движении крестьян появились новые характерные моменты.

Царскому правительству не удалось с помощью манифеста 17 октября расколоть силы поднявшегося народа и приостановить дальнейшее развитие его борьбы. Одна-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, 1906 г., ед. хр. 92, л. 6.

[2] Там же, ед. хр. 72, лл. 56—57.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 33, 1906 г., ед. хр. 1894, л. 2 и далее.

ко было бы ошибочным полагать, что этот манифест царя как тактический маневр не нанес серьезного контрудара по революции.

Усиленное распространение враждебными народу партиями и, в частности, кадетами конституционных иллюзий — этого сильнейшего оппортунистического яда — отрицательно сказалось на дальнейшем поведении крестьянства.

Наиболее политически сознательная часть крестьян (а таких было тогда абсолютное меньшинство) верила большевистской партии, которая, разоблачая истинную сущность царского манифеста, называла его очередным обманом народа, тактической уловкой потерпевшего поражение врага[1]. Но большинство крестьян после выхода в свет царского манифеста 17 октября сделало шаг в сторону буржуазного либерализма, поверило тому, что земельный вопрос можно разрешить «мирным путем», т. е. с помощью Государственной думы, созванной царем.

Большевики отчетливо понимали, что царизм напрягает все силы, чтобы удержать власть в своих руках. Развращая сознание народа ложными обещаниями, правящие классы пытались отвлечь его внимание от непосредственных задач революционной борьбы, добивались выигрыша времени, чтобы, собравшись с силами, предательски напасть на борющийся народ и раздавить революцию. Именно в этом был смысл тактики царского правительства

Закон о выборах в первую Государственную думу был опубликован 9 декабря 1905 г., в самый разгар декабрьского вооруженного восстания. Большевистская партия, все сознательные рабочие и крестьяне с негодованием встретили новый закон о созыве пресловутого царского парламента и объявили бойкот Думе. В дни, когда первая русская революция достигла своего наивысшего подъема, когда вооруженный пролетариат дрался с оружием в руках на баррикадах, большевистская партия не могла применить никакой иной тактики в своей борьбе против царизма.

Руководствуясь решением Таммерфорсской конференции большевиков, которая в своей резолюции «О Государственной думе» призвала все местные организации

[1] См. Манифест ЦК РСДРП «К русскому народу» от 18 октября 1905 года.

партии к активному бойкоту Думы, большевики Среднего Поволжья развернули огромную работу по разоблачению антинародного избирательного закона и мобилизации рабочих и крестьян на решительную борьбу против этой новой подделки народного представительства[1].

Казанский комитет РСДРП в своем постановлении по поводу созыва Государственной думы обязал членов партии принимать все меры к тому, чтобы расстроить новый заговор царя и правительства против революции — решительно бойкотировать выборы, срывать избирательные собрания, разъяснять рабочим и крестьянам, что никакая царская Дума не даст им свободу и землю.

В этом постановлении Казанский комитет призывал рабочих и крестьян к подготовке всенародного вооруженного восстания. Он заявлял, что только с помощью победоносного восстания можно создать Временное революционное правительство, которое, выполняя волю народа, созовет всенародное Учредительное собрание и закрепит законом все завоевания революции[2].

Казанский комитет РСДРП издал несколько листовок по поводу бойкота выборов в Государственную думу. В мартовской листовке он призывал рабочих и крестьян еще тесней сплотиться вокруг большевистской партии и энергичней готовиться к всенародному вооруженному восстанию против правительства.

«До тех пор, — говорилось в листовке, — пока у царя и его чиновников остается хоть частица власти, до тех пор, пока остается постоянная армия, — народной свободы нет и не будет. Только победоносное вооруженное восстание сметет трон народных палачей. Только оно принесет народу долгожданную свободу»[3].

Идеей активного бойкота Думы, призывами развернуть подготовку всенародного вооруженного восстания против царского самодержавия были пронизаны и листовки большевистских организаций Симбирской, Самарской и Саратовской губерний.

В январской листовке под заголовком «Участники Думы — предатели народа!» Самарский комитет РСДРП

---

[1] См. «КПСС в резолюциях...». Госполитиздат, 1954, ч. 1, стр. 101.

[2] Архив Института истории партии Татарского обкома КПСС, ф. 30, д. 199, л. 84.

[3] Там же, д. 199, л. 82.

писал: «Царское самодержавие довело страну до полного разорения и создало невиданную еще доселе атмосферу бесправия и дикого произвола. Единственный исход для голодного, разоренного крестьянства и обреченного на голодную смерть рабочего класса — взять управление страной в свои руки»[1].

В листовке разъяснялось, что у рабочих и крестьян есть только один путь к освобождению от нищеты и гнета — это «всенародное вооруженное восстание, уничтожение царского правительства»[2].

В листовке «К крестьянам», изданной в январе 1906 г. аграрной группой Саратовского комитета РСДРП, говорилось, что выборы в Государственную думу устроены так, что туда попадут в основном чиновники, помещики да купцы. Рабочие в Думу не попадут совсем. Крестьяне также останутся в дураках, а если кто из них и пройдет в Думу, то это будут только кулаки-мироеды. Такая Дума не даст народам свободу, крестьянам — землю.

В заключение подчеркивалось, что только Учредительное собрание, свободно избранное из представителей трудящегося люда, может дать крестьянам землю и волю, установить в России справедливые порядки и законы[3].

С тактикой активного бойкота Государственной думы выступали и большевики Симбирской губернии.

Под влиянием большевистской пропаганды крестьяне многих сел и деревень Среднего Поволжья решительно отказывались от участия в думских выборах и требовали немедленного созыва Учредительного собрания. Так, крестьяне с. Альшеево Буинского уезда Симбирской губернии в приговоре схода отмечали, что «положение о выборах» в Государственную думу несправедливо и не удовлетворяет желаниям народа[4].

Передовая часть крестьянства сразу увидела антинародный характер избирательного закона. Достаточно сказать, что из общего количества 7211 выборщиков России в Думу помещики и крупная буржуазия имели 4249 выборщиков, или почти 59 проц. Один голос помещика

---

[1] Сб. «Революция 1906—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1955, стр. 309.

[2] Там же, стр. 310.

[3] Библиотека ИМЛ, Ц-23163.

[4] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 76, лл. 1—2.

равнялся трем голосам буржуазии, 15 голосам крестьян, 45 голосам рабочих. Вот почему крестьяне с. Альшеево, возмущаясь этой явной несправедливостью, на своем сходе приговорили: «Никакого участия в выборах в означенную Думу не принимать, а требовать немедленного созыва Учредительного собрания»[1].

За бойкот выборов в Думу высказались и многие другие сходы, состоявшиеся в губерниях Среднего Поволжья. Однако абсолютное большинство крестьян не поддержало большевистскую тактику бойкота Думы. Как известно, В. И. Ленин считал бойкот первой Думы небольшой, легко поправимой ошибкой.

Главная причина неудачного бойкота первой Государственной думы заключалась в том, что выборы в нее проходили после поражения декабрьского вооруженного восстания, в период начавшегося спада революции. Крестьяне, не смогшие силой отобрать землю у помещиков осенью 1905 г., когда революция достигла своего высшего подъема, решили теперь — в полосу ее спада — получить помещичью землю с помощью царской Думы.

Бойкот не удался и потому, что либеральная буржуазия изменила делу свободы. Воспользовавшись политической неопытностью большинства народа, главным образом крестьянства, либеральная буржуазия обманывала народ, уверяя его в том, что царское правительство может склониться перед требованиями Думы — добровольно уступить крестьянам землю.

Во многом мешала осуществлению большевистской тактики бойкота и предательская деятельность меньшевиков. Будучи мелкобуржуазными демократами, они не шли в своей политической деятельности дальше выпрашивания у царского правительства куцей конституции.

Но, говоря о большевистской тактике в отношении первой Думы, следует отметить, что бойкот, кроме неудач, принес и определенную пользу[2]. Бойкот значительно подорвал в народе авторитет царской Думы, разоблачил конституционные иллюзии, которые широко внедрялись в сознание крестьянских масс представителями главной буржуазно-монархической партии — кадетами.

Осуществляя тактику бойкота, большевики Среднего

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 76, лл. 1—2.

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 121.

Поволжья, однако, не самоустранялись от избирательной кампании на ее первом этапе. Они считали своим прямым долгом идти на сельские и волостные избирательные собрания с тем, чтобы использовать их как трибуну для массовой пропаганды задач рабочей партии и разоблачения хитрых маневров царского правительства, направленных на раскол сил революции. Большевики призывали крестьян выбирать из своей среды в состав уполномоченных и выборщиков таких людей, которые стояли бы не за царскую Думу, а за немедленный созыв всенародного Учредительного собрания.

Революционная тактика бойкота во многом способствовала высвобождению крестьянских масс из-под влияния либеральных помещиков и либеральной буржуазии, служила интересам создания прочного союза рабочих и крестьян в борьбе против царского самодержавия.

Однако этих положительных фактов в пользу большевистской партии было бы гораздо больше, если бы она приняла активное участие в выборах первой Государственной думы.

Тактика бойкота не дала возможности большевикам всесторонне применить силы партии в борьбе за крестьянские массы и помочь последним полностью осуществить свои избирательные права.

Кадеты удачно использовали тактическую ошибку большевиков и приняли все меры для того, чтобы расширить сферу своего влияния на массы. В таких губерниях, как Симбирская и Самарская, у кадетов в период выборов в первую Думу было почти безраздельное господство. В Самарской губернии, например, крестьяне имели право избрать в Думу 12 депутатов, а избрали только пятерых. Остальные места они «уступили» представителям других классов и сословий. За счет крестьян были избраны четыре помещика, один промышленник и два интеллигента[1].

I Государственная дума собралась 27 апреля 1906 г. Главным вопросом, который стоял на ее повестке дня, являлся аграрный вопрос. Для разработки законодательных мер Думой была создана специальная аграрная ко-

---

[1] В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции. М., 1955, стр. 198.

миссия, где главенствующую роль играли кадеты и трудовики.

Царское правительство было недовольно составом Думы. Ничтожное количество представителей реакции (черносотенцы и октябристы составляли лишь девять процентов депутатского состава) не могло задавать нужного властям политического тона. Думой верховодили кадеты.

9 июля 1906 г. указом царя Дума была распущена, просуществовав всего 72 дня вместо 5 лет, установленных законом.

Оценивая этот новый антинародный акт правительства, В. И. Ленин писал: «Роспуск Думы самым наглядным и ярким образом подтвердил взгляды тех, кто предостерегал от увлечения «конституционной» внешностью Думы»...[1]

Факт незаконного роспуска Думы был хорошо использован большевиками в целях политического воспитания крестьянства. Губернские комитеты РСДРП и все окружные (аграрные) группы Поволжья опубликовали по нескольку специальных листовок, в которых разъяснили массам антинародный характер политики царского правительства, его нежелание считаться с интересами рабочих и крестьян.

В листовке «К крестьянам» Казанский комитет РСДРП писал: «Товарищи крестьяне! Целых два месяца напряженно ждали вы от Государственной думы избавления от тяжкого гнета, бесправия и нищеты. Вы жадно ловили каждое слово о Думе и все надеялись, что Дума не сегодня — завтра издаст такой закон, который *уничтожит бедствие народное*. Но вы напрасно ждали. Дума не изменила вашей жизни. Дума больше не существует. Ваши избранные представители разогнаны»[2].

В другой листовке — «Товарищи крестьяне!» окружная (аграрная) группа при Казанском комитете РСДРП призывала всемерно бойкотировать царское правительство, разогнавшее Думу. Большевики рекомендовали крестьянам не давать правительству «ни одного солдата, ни одной копейки денег», советовали посылать письма

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 91.
[2] Сб. «Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.». Казань, 1955, стр. 197.

солдатам, — своим сыновьям, чтобы они не стреляли в рабочих и крестьян, поднявшихся на революцию, а выступали бы вместе с народом против царского правительства[1].

Интересную инициативу проявил в эти дни Самарский комитет РСДРП. Он опубликовал большим тиражом (20 тыс. экземпляров) письмо-обращение самарских рабочих к крестьянам. В нем говорилось, что царь и его министры разогнали Думу за то, что она исполнила наказ своих избирателей, т. е. потребовала землю и волю для крестьян. Рабочие советовали: немедленно выбрать на сельских сходах умных и верных людей и прислать их в город Самару для выработки совместно с рабочими общего плана дальнейшей борьбы за свободу и землю. Город и деревня, говорилось в письме, должны быть, как брат и сестра. Только общими усилиями в борьбе можно добиться земли и воли[2].

Однако роспуском первой Думы царское правительство не добилось желаемых результатов. Несмотря на усилившиеся репрессии, революционное движение рабочих и крестьян продолжалось. Царизм вынужден был объявить народу о созыве на 20 февраля 1907 г. II Государственной думы, рассчитывая, что Дума в ее новом составе будет более послушной.

В. И. Ленин писал по этому поводу: «Для правительства созыв Думы был вынужденной необходимостью. Надо было попытаться еще раз, при наивысших возможных репрессиях, созвать народное представительство ради соглашения с буржуазией»[3].

Однако опыт царизма, отмечал В. И. Ленин, явно не удался. «Военно-полевые суды и все прочие прелести столыпинской конституции чрезвычайно помогли революционной агитации в незатронутых дотоле массах и дали из глубины мужицких масс левую Думу»[4].

Из 468 членов II Государственной Думы фракцию правых составили лишь 54 члена (в I Думе правых было 44). Кадеты потеряли почти половину мест (с 179 до 98), зато левые фракции превратились в мощную силу: тру-

[1] См. сб. «Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.». Казань, 1955, стр. 203—204.

[2] См. сб. «Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1955, стр. 353—354.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 157.

[4] Там же.

довики получили 104 места, народные социалисты (энэсы) и социалисты-революционеры (эсеры) — 94 места. Социал-демократическая фракция получила в Думе 65 мест; правда, большинство из них принадлежало меньшевикам.

В обстановке спада революции большевистская партия применила новую тактику. В статье «О бойкоте», написанной В. И. Лениным в августе 1906 г., указывалось: «Теперь как раз наступило время, когда революционные с.-д. должны перестать быть бойкотистами»[1]. В. И. Ленин учил большевиков тому, как в новых условиях революции надо применять легальные формы борьбы против царизма, помещиков и буржуазии, как использовать думскую трибуну для упрочения своих связей с народом, для завоевания крестьянских масс на сторону революционного пролетариата.

Следуя ленинским указаниям, большевистские организации Среднего Поволжья развернули большую работу среди крестьянского населения. В период избирательной кампании большевики направили в деревни и села сотни агитаторов, издали десятки тысяч листовок, в которых, разоблачая царскую политику лавирования, призывали выбирать в Думу не ходоков-просителей, а настоящих борцов за свободу и землю. Большевики призывали голосовать за кандидатов РСДРП[2].

Стремясь привлечь крестьян к активному участию в избирательной кампании, большевистские организации не идеализировали царскую Думу. Большевики заявляли во всеуслышание, что царская Дума — это вовсе не то учреждение, которое может дать крестьянам свободу и землю. Дума только формально называется законодательной, фактически же она бесправна. Если II Дума серьезно поставит вопрос о земле и воле для народа, она будет так же разогнана, как и I Дума. Никакая царская Дума, разъясняли большевики, не даст крестьянам земли и воли. Это может сделать только полновластное Учредительное собрание, которое, выполняя волю народа, раз и навсегда отбросит прочь корыстные интересы помещиков и правящей шайки грабителей.

В своих избирательных платформах большевистские

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 122.
[2] ГАСО, ф. 6, д. 19, см. Воззвание к избирателям.

организации Среднего Поволжья требовали, чтобы основные законы государства были установлены свободно избранными представителями всего народа, чтобы для этой цели было созвано Учредительное собрание, которое необходимо сформировать на основе всеобщего равного избирательного права с прямой и тайной подачей голосов, без различия веры, пола и национальности[1].

Большевики настаивали на том, чтобы органы государственной власти, как на местах, так и в центре, а также все должностные лица выбирались и смещались народом; в стране не должно существовать иной власти, кроме поставленной народом и ответственной перед ним и его представителями.

В избирательных платформах всех губернских комитетов РСДРП выдвигались требования политического равноправия для всех, неограниченной свободы союзов, собраний, стачек и неприкосновенности личности.

Учитывая, что Россия является многонациональным государством, большевики высказывались за установление полного равноправия всех народов. Они считали, что в местностях, населенных нерусскими народностями, последние должны пользоваться в школах, судебных и государственных учреждениях своим родным языком. В стране должно быть покончено с угнетением одних наций другими.

Избирательные платформы большевиков требовали, чтобы вся земля, находящаяся в собственности помещиков, а также удельные, кабинетские, церковные и монастырские земли были конфискованы (без всякого выкупа) и переданы в распоряжение крестьянских органов самоуправления, которые и распорядятся ею по воле народа.

Призывая активно поддерживать избирательную платформу рабочей партии и отдавать свои голоса за кандидатов РСДРП, большевистские организации разъясняли крестьянам, что кроме социал-демократов в выборах участвуют еще и такие партии, как черносотенцы и кадеты. В листовках, на сельских сходах и митингах большевики Среднего Поволжья, разоблачая черносотенцев, членов «Союза русского народа», «Союза 17 октября», торгово-промышленной партии и мирнообновленцев,

---

[1] Сб. «Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.». Казань, 1955, стр. 233.

говорили, что все эти партии защищают царское самодержавие, выступают в поддержку полицейской власти и за сохранение помещичьей собственности на землю. Это прямые враги народа, и крестьяне ничего от них не получат, кроме штыка, тюрьмы и каторги.

Однако основной удар большевики наносили тогда по представителям партии «народной свободы», или кадетам (конституционным демократам). Это была тогда главная партия либерально-монархической буржуазии. Она, как отмечал В. И. Ленин, ужом вилась между революционным народом и самодержавием. На словах кадеты были против правительства, а на деле выступали против революции, добиваясь сделки с монархией за счет народа.

В Думе, где все руководство принадлежало кадетам, они предлагали реакционные законы против печати и собраний, выступали против передачи вопроса о земле на решение местных комитетов, выбранных всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Кадеты выражали также интересы либеральных помещиков, которые в период революции больше всего боялись, что крестьяне сами решат вопрос о земле.

Разоблачая кадетов как лживых защитников народной свободы и народных интересов, большевики говорили, что тот, кто не хочет, чтобы крестьянам вновь навязали столь же разорительный выкуп, как в 1861 г., тот пусть позаботится о том, чтобы вторая Дума не была опять кадетской, как первая.

В результате разоблачительной работы большевиков кадетское влияние в народе и, особенно, влияние этой партии на крестьянство резко снизилось. Об этом убедительно свидетельствуют итоги избирательной кампании во вторую Думу. В губерниях Среднего Поволжья кадеты потерпели полное поражение. Из 35 депутатских мандатов кадетам удалось заполучить лишь... два! В целом состав депутатов во вторую Думу, избранных от губерний Среднего Поволжья, распределяется по партийной принадлежности так[1]:

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 1, 1907 г., см. личные дела депутатов—№ 4, 12, 13, 16, 19, 25, 33, 35, 80, 89, 160, 178/187, 194, 198, 199, 204, 220, 231, 242, 249, 295, 296, 310, 334, 341, 345, 363, 371, 414, 416, 417, 419, 422, 454.

Таблица 24

Губернии	Социал-демократов	Трудовиков	Эсеров	Энесов	Кадетов	Октябристов	Беспартийных	Итого
Саратовская	4	2	3	2	0	0	0	11
Самарская	2	2	1	0	1	1	4	11
Симбирская	3	3	0	0	0	0	0	6
Казанская	0	3	0	0	1	1	2	7
Всего	9	10	4	2	2	2	6	35

Данные о партийности депутатов от Среднего Поволжья следует дополнить указанием на то, что среди 24 депутатов от Казанской, Симбирской и Саратовской губерний не оказалось ни одного помещика. А среди 11 депутатов из Самарской губернии был только один крупный землевладелец (Н. Н. Попов, имевший 2500 десятин земли), да и тот не являлся типичным помещиком. Полуграмотный буржуа, он нажился при помощи жестокой эксплуатации рабочих и крестьян[1].

Средневолжские губернии послали депутатами во вторую Думу, главным образом, крестьян-земледельцев и выходцев из крестьянского сословия. Такой успех сельских избирателей — безусловная заслуга большевистских организаций.

Решительно отвергая оппортунистическую тактику меньшевиков, призывавших осуществить думский блок с кадетами (главной, по их мнению, силой революции), большевистские организации Среднего Поволжья пошли на выборы как представители самостоятельной политической партии рабочего класса России. Большевики отказались[2] даже от временных частичных соглашений с эсерами, которые, не устояв перед «авторитетом» кадетов, заключили соглашение с ними в период выборов.

Думская тактика большевистской партии была рассчитана на создание «левого блока» с трудовиками, как

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 1, 1907 г., ед. хр. 345.

[2] Так, например, поступили большевистские организации Саратовской губернии. См. Г. Ходаков. Очерки истории Саратовской организации КПСС. Ч. 1. 1957, стр. 146—147.

представителями революционного крестьянства. Расчет большевиков был прост: обеспечить и в период избирательной кампании, и в самой Думе прочный союз рабочего класса и трудового крестьянства, изолируя кадетов и не допуская роста их политического влияния на крестьянские массы.

Линия пролетарской партии особенно удачно была проведена большевистскими организациями Саратовской и Симбирской губерний, где правые партии (октябристы и кадеты) потерпели на выборах полное поражение[1]. Большевистская политика создания «левого блока» обеспечила выборы в Думу многих подлинных представителей «из глубин мужицких масс» (Ленин).

Депутат II Государственной думы малограмотный крестьянин Тетюшского уезда Казанской губернии Г. И. Петрунин, отвечая на вопрос анкеты депутата Думы, между какими партиями желал бы сидеть, указал: «Имею три десятины надельной земли. Желаю сидеть в центре трудовой партии»[2].

Депутат Думы Н. С. Кирносов (Саратовская губерния) на вопрос анкеты «К каким политическим партиям принадлежите» ответил: «Принадлежу к голодным крестьянам». А на вопрос «Между какими партиями желал бы сидеть» ответил: «Желаю сидеть с революционерами»[3].

Большевистские организации Саратовской, Самарской и Симбирской губерний сумели обеспечить избрание в Думу мужественных борцов против царского самодержавия, против помещиков и капиталистов. Депутат от Саратовской губернии большевик В. М. Серов (учитель), выступая в Думе с защитой интересов рабочего класса и крестьянства, решительно отвергал всякие формы эксплуатации народа. Разоблачая антинародную сущность кадетов, утверждавших, что частная собственность помещиков на землю священна и что ее нельзя конфисковать, так же как и собственность капиталистов на фабрики, В. М. Серов говорил:

«Пролетариат, представителем которого является здесь социал-демократия... одинаково отвергает всякую

---

[1] См. таблицу 24 о политической принадлежности депутатов Думы от губерний Среднего Поволжья.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 1, 1907 г., ед. хр. 334.

[3] Там же, ед. хр. 194.

эксплуатацию, как феодальную, так и буржуазную. Для него, пролетариата, не существует вопроса, какой из этих двух видов эксплуатации справедливее; для него вопрос сводится к тому, назрели ли исторические условия для освобождения от эксплуатации»[1].

В. И. Ленин высоко оценил это выступление. Он писал: «Серов дал безупречно правильный, с марксистской точки зрения, ответ Кутлеру на довод, что нельзя конфисковать землю, не конфискуя капитала»[2].

Основным вопросом, по которому развернулись в Думе острые прения, стал земельный вопрос. В Думе была образована аграрная комиссия, которая получила со всех концов России десятки тысяч сельских приговоров, жалоб, писем, телеграмм с просьбой как можно скорее решить земельный вопрос в пользу исстрадавшегося крестьянства.

В аграрную комиссию были представлены проекты земельного закона каждой фракцией Думы. Проект закона, внесенный от группы большевистских депутатов, написал В. И. Ленин.

II Дума не оправдала надежд правящих кругов: она оказалась по своему составу левее первой. Чтобы избавиться от фракции РСДРП, которая являлась самой революционной частью российского парламента, правительство сфабриковало ложное обвинение против социал-демократических депутатов (в заговоре о «ниспровержении государственного строя») и потребовало лишения их депутатской неприкосновенности.

Мелкобуржуазные фракции трудовиков, эсеров и энесов не оказали при этом необходимого сопротивления царизму. Наоборот, они проявили вялость, или, как говорил В. И. Ленин, «анемичность», возникшую в результате «усталости» мелкой буржуазии от революции.

Воспользовавшись колебаниями кадетского руководства и не дожидаясь решения Думы о деятельности социал-демократической фракции, царь опубликовал 3 июня 1907 г. указ о роспуске Думы, просуществовавшей лишь 102 дня.

Вскоре царское правительство осуществило и расправу над социал-демократической фракцией. Большинство

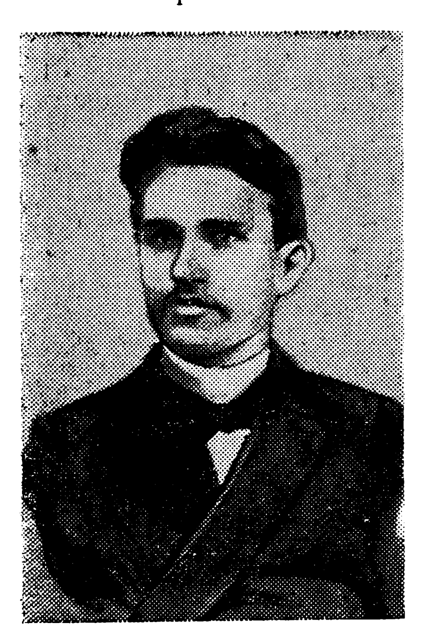
---

[1] Г. Ходаков. Очерки истории Саратовской организации КПСС. Ч. 1, 1957, стр. 148.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 382.

депутатов рабочей партии было осуждено на каторгу и ссылку. Среди осужденных насчитывалось шесть человек из Среднего Поволжья. Большевики В. М. Серов (из Саратовской губ.) и А. А. Кузнецов (из Симбирской губ.) были приговорены к пяти годам каторги каждый[1].

Разгоном II Государственной думы и опубликованием нового избирательного закона царское правительство фактически осуществило государственный переворот. Новый избирательный закон увеличил число выборщиков от помещиков почти на 33 проц. и уменьшил на 56 проц. число выборщиков от крестьян[2]. Резко сокращено было представительство в новую, третью, Думу от национальных окраин. Так, по Польше и Кавказу оно было уменьшено в в 2,5 раза, по Сибири — в 1,5 раза. Население Средней Азии было вообще лишено права выбирать депутатов.

В. М. Серов

Однако больше всего были урезаны избирательные права рабочих. В губерниях Среднего Поволжья (Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской), как и в абсолютном большинстве других губерний России, рабочим не разрешалось выбирать своих депутатов в III Государственную думу. Право выборов депутатов от рабочих было предоставлено лишь нескольким наиболее развитым в промышленном отношении губерниям (Петербургской, Московской, Костромской, Владимирской, Харьковской и Екатеринославской).

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 1, 1907 г., ед. хр. 220 и 417.

[2] Н. П. Ерошкин. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960, стр. 341.

В целом по России избирательным правом могло воспользоваться лишь 15 проц. населения. Новый избирательный закон оказался настолько реакционным, что даже при обсуждении проекта его в совете министров было отмечено, что он... «бесстыжий»![1] Оценивая избирательный закон от 3 июня 1907 г., В. И. Ленин отмечал, что царское правительство решило опереться только на помещиков и верхи буржуазии[2].

3. Поражение революции и расправа царизма над участниками крестьянского движения в Среднем Поволжье

С объявлением губерний Среднего Поволжья на положении усиленной военной охраны силы реакции начали заметно нарастать. Используя вновь прибывшие войсковые части и дополнительно созданные конные отряды стражников, губернаторы участили посылку карательных экспедиций в деревню, чтобы самым жестоким образом расправиться с «бунтовщиками».

Помещичье правительство, спеша возместить себя за дни страха в период подъема революции, устанавливало повсеместно такие порядки, при которых по одному лишь подозрению в «неблагонадежности» крестьяне подвергались арестам и угонялись в административную ссылку. Особенно зверским репрессиям подвергались вожаки движения, его активисты, члены большевистской партии.

Изощряясь в формах борьбы против революционных масс города и деревни, губернаторы издавали одно обязательное постановление за другим. Так, например, 20 октября 1907 г. симбирский губернатор издал четвертое по счету обязательное постановление, в котором запрещалась малейшая прогрессивная деятельность даже тех организаций, существование которых было дозволено царским правительством.

Согласно обязательному постановлению крестьяне не имели права проводить даже сельские сходы, если на проведение их предварительно не получено разрешение зем-

---

[1] См. Падение царского режима, т. V. Л., 1925, стр. 423.
[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 314.

ского начальника или чинов полиции. Крестьянам категорически воспрещалось участвовать на самовольно созванных сходах, тем более обсуждать на них вопросы, не подлежащие ведению сходов.

На разрешенных сельских и волостных сходах посторонние лица могли присутствовать только с позволения полиции, при этом нельзя было собирать деньги на нужды недозволенных обществ и организаций, оглашать или публично распространять какие-либо статьи, сообщения, возбуждающие враждебное отношение к правительству.

Крестьянам воспрещалось входить толпой в чужие владения, самовольно производить раздел или запашку чужой земли, а также смещать с должностей лиц крестьянского самоуправления.

Заниматься продажей газет, журналов, брошюр, книг разрешалось только тем лицам, которые, кроме свидетельства для такой торговли, получали еще и разрешение местной полиции[1].

В заключение губернатор предупреждал, что за неисполнение «обязательного постановления» виновные будут подвергаться строгому наказанию[2].

Но губернатор Дубасов напрасно делал эту приписку к 24 пунктам «обязательного постановления». В силе их реакционно-погромного направления и так никто не сомневался. Всем было ясно, что отныне в губернии, как и во всей царской России, простому люду «все запрещено, а остальное дозволено».

Стремясь быстрей подавить революционные выступления в губернии и ускорить победу реакции, Дубасов обратился в штаб Казанского военного округа, к генерал-лейтенанту Светлову, с просьбой выслать дополнительно для постоянного пребывания в сельской местности девять батальонов пехоты, полк кавалерии, 10 сотен казаков и три батареи[3].

Узнав о том, что войсковые части будут расквартированы в ряде пунктов каждого уезда, помещики начали наперебой просить губернатора прислать солдат и казаков в их имения. При этом они не скупились на всевоз-

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 9, д. 80, л. 4.

[2] За нарушение обязательного постановления губернатор мог заключить в тюрьму сроком до трех месяцев или подвергнуть денежному штрафу в размере до 500 рублей.

[3] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 284, л. 13, см. также д. 555, л. 32.

можные посулы, обязуясь предоставить самые различные удобства для личного состава.

Управляющий промзинским имением графа Рибопьера писал, что он готов отдать все свои лучшие помещения, чтобы разместить эскадрон драгун, и что командир 53-го Ново-Архангельского полка и бригадный генерал Мезенцев уже осмотрели эти помещения, найдя их удобными и вполне достаточными. Управляющий подчеркивал, что он не будет получать платы за квартиры, предоставленные господам офицерам, и, кроме того, обещал немедленно провести в квартирах весь нужный ремонт[1].

Помещицы Белякова (с. Большое Нагаткино) и Нечаева (с. Тетюши Симбирской губ.) заявляли, что они в любую минуту готовы принять к себе в имения по эскадрону драгун или по сотне казаков. С подобными же просьбами обращались к губернатору управляющий имениями графа Орлова-Давыдова (Сызранский уезд), помещица Перси-Френч (Сенгилеевский уезд) и многие другие.

После объявления губерний Среднего Поволжья на положении усиленной военной охраны и присылки в этот район новых войсковых частей Столыпин и его подручные могли теперь более решительно приняться за подавление революции. Теперь даже малейшее неповиновение крестьян немедленно вызывало ответные меры со стороны царской администрации. Аресты, суды, административная ссылка стали массовым явлением в деревнях. Десятки тысяч людей были подведены под действие «высочайшего указа» об усиленной военной охране и как нарушители обязательных постановлений губернаторов подверглись всевозможным наказаниям.

К осени 1907 г. губернские и уездные тюрьмы оказались переполненными до отказа. Так, например, уже в 1905 г. во всех 14 тюрьмах Казанской губернии содержалось 21 278 крестьян. И если принять во внимание, что в губернии насчитывалось тогда 4109 сел и деревень, то получается, что в среднем на каждое селение приходилось примерно не менее пяти заключенных[2]. Кроме того, были всюду переполнены волостные арестные дома и сельские каталажки.

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 555, л. 17.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, 1906 г., ед. хр. 72, лл. 1, 64.

Полицейские и административные власти жестоко мстили народу за его решительные действия в период подъема революции. Полиция готова была заключить в тюрьму каждого крестьянина, осмелившегося поднять руку на собственность помещиков и порядки, установленные царским самодержавием.

В селе Б. Нагаткино Симбирского уезда только за нарушение обязательного постановления симбирского губернатора об усиленной военной охране было арестовано одновременно 62 человека[1]. Активный участник крестьянских выступлений того времени Петр Ерофеев, ныне старейший член колхоза «Путь Ильича», рассказывает, что в арестное помещение при волостном правлении, или, как мужики называли его тогда, «каталажку», можно было вместить не более 20 человек. Поэтому, говорит он, нам приходилось тогда отбывать срок своей отсидки по очереди[2].

Поход реакции наиболее ярко проявился в судебной политике царизма. За 1906, 1907, 1908 и 1909 гг. в губерниях Среднего Поволжья были рассмотрены десятки тысяч дел, по которым сотни тысяч человек были привлечены к ответственности за участие в аграрном движении в период революции и, в частности, за разгром помещичьих имений в 1905 г.

В Балашовском уезде Саратовской губернии в начале января 1906 г. полиция возбудила 206 групповых дел, по которым только в качестве свидетелей было допрошено около тысячи крестьян. Во время допроса 261 свидетель был арестован[3].

В отдельных судебных процессах в качестве обвиняемых участвовало от 50 до 200 человек. Так, на судебное заседание выездной сессии Саратовского окружного суда в г. Петровске 2 декабря 1908 г. было вызвано 139 крестьян, обвиняемых в разгроме хутора купца Русинова в период 25—27 октября 1905 г. По этому делу было осуждено на разные сроки заключения 59 человек[4].

Самарский окружной суд в своем заседании 19—20 декабря 1908 г. из 195 крестьян д. Китовки и с. Ст. Дмит-

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 562, л. 4.

[2] Этот материал получен автором из личных бесед с колхозниками, бывшими участниками аграрного движения в 1905—1907 гг.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 194, 1908 г., ед. хр. 81, лл. 43—46.

[4] Там же, 1910 г., ед. хр. 357, лл. 6—11.

риевки (Самарский уезд), привлеченных к ответственности за разгром помещичьих имений, приговорил к тюремному заключению 143 человека[1].

Бузулукский уездный суд (Самарская губ.) за разгром хуторов Сапрыкина и Мшельского привлек к ответ-

Группа крестьян с. Ст. Дмитриевки Самарской губернии, арестованных за участие в погромах помещичьих имений в 1905—1906 гг.

ственности 351 крестьянина с. Герасимовки; из них 179 человек были приговорены к тюремному заключению на разные сроки[2].

С неменьшей силой свирепствовала реакция и в Симбирской губернии. В чувашском селе Мурзицы (Курмышский уезд) только по одному приговору окружного суда. состоявшемуся 30 мая 1907 г., за участие в аграрных выступлениях был осужден к тюремному заключению на разные сроки 31 крестьянин.

По данным органов министерства юстиции, в Симбирской губернии к судебной ответственности за участие в аграрном движении в период 1905—1906 гг. было привлечено огромное количество людей. Судебный процесс над крестьянами осуществляли все звенья царского «пра-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 212, 1909 г., ед. хр. 1659, л. 19.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 194, 1908 г., ед. хр. 61, лл. 43—44, а также см. оп. 193, 1907 г., ед. хр. 8024, л. 22.

восудия», начиная от земского начальника до губернского присутствия включительно. Вот эти данные[1]:

Таблица 25

Название судебного органа, куда поступило дело на рассмотрение	Количество поступивших дел	
	в 1905 г.	в 1906 г.
Губернские присутствия . .	3012	2920
Уездные съезды	8651	6955
Земские начальники	13950	15868
Волостные суды	57940	60481
Итого . .	83553	86224

В царской статистике нет итоговых данных о количестве осужденных за так называемые «аграрные беспорядки». Однако если судить по тем делам, которые разбирались выездными сессиями окружных судов, то можно легко представить себе масштабы судебной расправы над активными участниками движения.

Особенно широко реакция развернулась в 1906 г., когда крестьянская революция пошла на заметный спад. Сотни активных участников первой русской революции были без суда и следствия отправлены в административную ссылку. Газета «Волжские вести» в корреспонденции «О высылке крестьян» сообщала, как бесконечной вереницей тянутся в далекое изгнание труженики земли русской и ничто, кажется, не причиняет столько горя и страдания, как эта незаконная мера[2]. В корреспонденции перечисляются фамилии девяти крестьян с. Новодевичье и 14 крестьян с. Судосево (Симбирская губ.), которых отправляли в административную ссылку в Туруханский край.

Многие участники боевых дружин предстали перед военно-полевым судом. Так, 14 декабря 1907 г. 21 дружинник с. Кинель-Черкассы (Самарская губ.) был приговорен к разным мерам наказания: трое заключенных

[1] ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, 1906 г., ед. хр. 92, л. 20, см. также оп. 194, 1907 г., ед. хр. 111, л. 18.

[2] «Волжские вести», № 150, 6 июня 1907 г.

(П. Ф. Зубков, К. Г. Максимов и Г. С. Татаринцев) — к смертной казни через повешение, шесть человек осуждены к каторжным работам на 10 лет каждый, один — на 10 лет тюремного заключения и один — к заключению в крепость на два года[1].

В ряде мест бесчинства карательных отрядов переходили все границы. В селе Герасимовке Бузулукского уезда Самарской губернии карательная экспедиция подвергла телесному наказанию 180 человек. Здесь было выпорото нагайками и шомполами все взрослое мужское население. В момент схватки с полицией и казаками три крестьянина были убиты и многие ранены[2].

Еще более жестокая расправа была учинена над участниками крестьянского движения в Саратовской губернии. Здесь, пожалуй, как ни в каком другом районе Российской империи, правительство особенно зверски расправилось с революционным народом. Бывший саратовский губернатор Столыпин тем и стал «знаменит», что безжалостно подавлял даже малейший порыв к свободе.

Прибыв в июне 1905 г. с отрядом казаков для наведения «порядка» в селе Мордовский Корей Кузнецкого уезда, Столыпин собрал сход и заявил: «Я как хозяин губернии могу вас всех положить на камень и ногой придавить так, что от вас останется только мокренько»[3]. Крестьяне сразу притихли, но стоило только царскому палачу покинуть село, как они, взбунтовавшись, убили ненавистного урядника. Узнав об этом, Столыпин тотчас же вернул в село сотню астраханских казаков, и они учинили такую расправу над безоружными людьми, которая еще долго будет жить в памяти потомков.

Казаки выпороли плетьми почти всех жителей села, в том числе и стариков. Несколько человек были засечены насмерть. Многие получили страшные увечья: остались без рук, без ушей. Несколько десятков избитых мужчин были скручены веревками, свалены на телеги и увезены на железнодорожную станцию с тем, чтобы оттуда переправить их в губернскую тюрьму.

И. Ротермель, работавший тогда в этом селе от Сара-

---

[1] Партархив Куйбышевского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 75, лл. 62—64.

[2] «Самарский курьер», № 468, 1908 г.

[3] Там же, № 563, 28 июня 1905 г.

товского комитета РСДРП, в своих воспоминаниях указывает, что когда привезли эту иссеченную массу людей на станцию, то многих пришлось снимать с телег уже мертвыми[1].

Еще более ужасную расправу Столыпин произвел в селе Дурникино. Крестьяне этого села не раз поднимались на борьбу против помещиков, и Столыпин дал команду: направить в Дурникино сотню казаков и показать силу царской власти так, чтобы крестьяне до конца своей жизни не посмели больше ни разу поднять руку на помещичью собственность.

По прибытии карателей в селе был собран сход. Все шло «мирно». Но вдруг кто-то сделал провокационный выстрел в лошадь казачьего офицера. Это и оказалось сигналом к расправе, в результате которой было убито 179 человек и более 300 ранено[2].

Столыпин по своей жестокости выделялся из всех губернаторов России. Обобщая его «опыт» борьбы с крестьянскими восстаниями в Саратовской губернии в 1905 г., министр внутренних дел Дурново рекомендовал губернаторам «нагнать» на революционеров и на всю страну такой ужас, который жил бы еще в памяти внуков. В директиве говорилось, что «если на одного расстрелянного виновного будет расстреляно пять невиновных — это ничего»[3].

Уместно здесь заметить, что те губернаторы, которые не гнушались ролью палачей, получали за свое усердие на царской службе большие награды и, подобно Столыпину, делали головокружительную карьеру. Те же губернаторы, которые не проявляли особой жестокости при расправе над восстававшими рабочими и крестьянами, быстро заменялись правительством.

Так, например, за годы первой русской революции в Казанской губернии сменилось три губернатора: Хомутов, Рейнбот, Стражевский. Три губернатора сменилось и в Симбирской губернии. Здесь за годы революции побывали князь Яшвиль, генерал-майор Старынкевич, дейст-

---

[1] Партархив Саратовского обкома КПСС, ф. 199, оп. 3, ед. хр. 152, св. 46.

[2] Там же.

[3] «Самарский курьер», № 563, 28 июня 1905 г.

вительный статский советник Дубасов. Четверо (Кондоиди, Засядько, Блок и Якунин) назначались за это время на пост самарского губернатора.

Часто менялись в Среднем Поволжье и начальники губернских жандармских управлений. Не держались прочно на своих должностях командующие войсками Казанского военного округа. После событий 1905 г. генерал Зандер был заменен генерал-лейтенантом Светловым.

В борьбе с революцией царские власти использовали все методы, вплоть до полицейских провокаций. Раздувая национальную рознь, они всячески натравливали один народ против другого.

Так, например, казанский губернатор пытался вызвать столкновение (на почве споров из-за аренды лугов у баронессы Жомини) между русскими и чувашскими крестьянами сел Козловки, Кургана и Беловолжска Чебоксарского уезда[1]. Однако эта провокация успеха не имела: русские крестьяне в драку из-за помещичьих угодий не пошли.

Не смог спровоцировать резню между русскими и татарскими крестьянами из-за спорной земли и симбирский губернатор князь Яшвиль. История этого вопроса настолько примечательна и характерна для поведения царских властей, для положения крестьянства в Российской империи, что о ней стоит рассказать более подробно.

Еще в XVI веке большая группа татар за особые заслуги при завоевании Сибири получила от царя Ивана IV значительный массив земли в Буинском уезде Симбирской губернии. Селу было дано название — Малая Цильна. По владетельной записи 1701 г. эта земля была официально закреплена за крестьянами, собственниками ее они остались и после произведенного в 1795 г. генерального размежевания.

В 1810 г. несколько крестьян, жителей Малой Цильны, продали свои земли помещику Мотовилову, а тот при помощи подкупленного им землемера Воронина вместо 67 четвертей[2] захватил 849 десятин крестьянской земли. Возмущенные этим произволом крестьяне подали жалобу в уездный суд, однако последний решил дело не в их пользу. Такое же решение было принято и губернским

---

[1] ЦА ТАССР, ф. 1, оп. 1, д. 3893.

[2] Одна четверть равнялась 1,5 десятины.

судом. Тогда дело по жалобе пострадавших перешло в сенат.

В 1812 г. в тот период, когда началась Отечественная война против Наполеона I, сенат был вынужден принять решение в пользу крестьян. Однако и после этого решения им все же не удалось вернуть землю. Подати за нее платили правительству, а владел ею по-прежнему помещик.

В 1828 г. крестьяне вновь, уже во второй раз, добились от сената подтверждения своего права владения этой землей, но помещик с помощью подкупленных им губернских чиновников нашел новые доводы против «незаконных притязаний» тружеников Малой Цильны. И снова началась судебная канитель, возобновились тяжелые мытарства крестьян по судейским учреждениям.

25 лет — четверть века! — хлопотали крестьяне и, наконец, в 1853 г., в третий раз добились решения сената, подтвердившего их право владения. Но помещик Мотовилов при поддержке губернских властей и после того не возвратил крестьянам их законной земли лишь на том «основании», что у крестьян нет на руках... выписки из решения сената. Крестьянам потребовалось еще... 44 года (!), чтобы получить злополучную выписку из решения сената, а тем временем помещик Мотовилов осуществил новый маневр: он продал захваченный им участок другому толстосуму — Зиминскому.

В начале 1897 г. крестьяне, наконец, получили долгожданную выписку и весной того же года выехали всем селом в поле для пахоты. Но завладеть своей собственной землей и на этот раз им не удалось. В поле появился земский начальник Хорховский, который с помощью пристава и десятка стражников разогнал пахарей.

Шли годы. Новый владелец Зиминский, чтобы избежать в дальнейшем столкновений с крестьянами, заложил всю землю в Крестьянский поземельный банк, а банк, в свою очередь, распродал ее мелкими участками крестьянам деревни Русская Цильна Симбирского уезда. Тем самым хлеборобы двух соседних сел — татарского (Малая Цильна) и русского (Русская Цильна) были поставлены, независимо от их воли, во враждебные отношения.

В августе 1905 г. крестьяне татарского села, считая по-прежнему, что земля принадлежит им, выехали в поле,

разделили ее между собой и начали готовиться к озимому севу. 200 десятин успели засеять, но в село нагрянул губернатор с большим отрядом войск, и татары снова были вынуждены отступить.

Между тем губернатор, не устранив мирным путем конфликта между крестьянами двух сел, возвратился в Симбирск, оставив в селе Русская Цильна «для защиты от нападения татар» две сотни 8-го Оренбургского казачьего полка.

Так неразрешенный конфликт перешел на 1906 г. Всю зиму 1905/6 г. татарские крестьяне обивали пороги губернских присутствий, тщетно доказывая, что земля издавна принадлежит им и что ее незаконно, обманным путем, захватил покойный помещик Мотовилов.

Но вскоре, не найдя правды в царских судах, они решили насильно овладеть своей землей. Узнав об этом намерении татар, земский начальник 4-го участка и пристав 1-го стана Симбирского уезда принялись подбивать крестьян Русской Цильны выступить в защиту купленной земли, обещая им в случае необходимости всяческую подмогу военной силой.

Когда же русские крестьяне категорически отказались вступить в кровавую схватку с соседями и заявили: «Пропади она пропадом, эта земля», губернатор приказал поставить в селе Русская Цильна сотню казаков во главе с подъесаулом Кочуровым, а симбирскому уездному исправнику выехать туда с сильным отрядом конных стражников.

Руководителю карательной экспедиции, симбирскому исправнику, был дан приказ: при малейшей возможности пустить в дело оружие и показать, что правительство намерено строго наказывать тех, кто посмеет нарушить право частной собственности.

Присылка в село Русская Цильна до 200 вооруженных казаков и стражников, а также недвусмысленная директива твердо оберегать основы частной собственности — все это свидетельствует о том, что губернатор решил спровоцировать здесь кровавую трагедию. И она произошла.

Утром 6 апреля 1906 г. татарские крестьяне толпой более трех тысяч человек выехали в поле и начали засевать исконно принадлежавшую им землю. Однако, чтобы воспрепятствовать им, на место работ срочно прибыли

вооруженные казаки и стражники. По заявлению казачьего подъесаула Кочурова, когда он услышал выстрелы, якобы исходившие из толпы, то приказал дать «ответный» залп.

Огромная безоружная масса людей была охвачена ужасом. Все бросились врассыпную, а казаки начали пороть бегущих нагайками, а кое-кого и рубить «слегка» шашками. В результате этого «недоразумения», как официально сообщает об этом губернатор, крестьяне были «прогнаны» с поля, причем «трое татар оказались убитыми, двое тяжело и более десятка легко раненными»[1].

Однако губернатор значительно преуменьшил число жертв. По свидетельству участников этой кровавой трагедии Шакура Сулейманова, Карима Хайбуллова, Зайдука Айзитдулова — ныне членов колхоза «Гигант» Буинского района Татарской АССР, тогда было убито четверо и ранено не «более десятка» человек, как об этом сообщал губернатор, а около 200.

Следует отметить, что эту кровавую расправу над крестьянами татарского селения организовали не только царские палачи — губернатор и его подручные. Здесь немалую роль сыграли и буржуазные татарские националисты, которые всячески старались обострить многолетний спор из-за участка земли с целью усилить национальную рознь и нажить на этом политический капитал.

Говоря о революционных выступлениях крестьян нерусской национальности, следует отметить, что в период революции 1905—1907 гг. национальный вопрос в губерниях Среднего Поволжья не имел сколько-нибудь самостоятельного значения. В основе борьбы крестьян нерусской национальности против русского царизма лежал тогда не национальный, а аграрный вопрос. Борьба против пережитков крепостничества, за свободу и землю — вот что объединяло тогда в братский союз рабочих и крестьян всех национальностей.

В борьбе с крестьянской революцией царское правительство считало нужным опереться на зажиточную часть деревни — кулачество. Столыпин, еще будучи саратовским губернатором, в январе 1905 г. писал Николаю II, что «коренное разрешение аграрного вопроса заключается в создании класса мелких собственников, этой основ-

[1] Сб. «1905 год в Симбирске». 1925, стр. 87.

ной ячейки государства, являющейся по природе своей органическим противником всяких революционных теорий».

Первым актом, направленным к дальнейшему обогащению узкой прослойки зажиточных элементов деревни, явился закон от 12 августа 1906 г., по которому часть земель удельного ведомства передавалась в распоряжение Крестьянского поземельного банка для распродажи крестьянам.

Вслед за этим 27 августа был издан закон о передаче Крестьянскому банку для той же цели части удобных государственных земель, 19 сентября —закон, разрешающий продать переселенцам на Алтае часть кабинетских земель, 5 октября — закон об отмене некоторых сословных ограничений для крестьян, 14 октября — закон об уравнении процентов, взимаемых Дворянским и Крестьянским банками за выданные денежные ссуды.

Однако эффективность всех этих шагов была настолько незначительной, что правительству пришлось искать другие, более радикальные меры для того, чтобы осуществить свое намерение окончательно задушить революцию в деревне и предупредить ее в будущем. Такой радикальной мерой, по мнению царского правительства, и должна была послужить аграрная реформа, авторство которой принадлежит Столыпину.

Так появился на свет знаменитый закон от 9 ноября 1906 г., по которому «...ради привлечения на свою сторону «новых помещиков», — как отмечает В. И. Ленин, — реакционеры не остановились перед тем, чтобы всю деревню отдать им буквально на поток и разграбление»[1].

Помещики поняли смысл нового аграрного закона своего правительства и, будучи напуганы революцией, стали в огромных размерах предлагать Крестьянскому поземельному банку свои земли для распродажи крестьянам. Не отставали от помещиков в этом отношении и купцы, имевшие крупные землевладения. Вот данные об этом[2] (см. табл. 26 на стр. 328).

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 127.

[2] Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. С.-Пб., 1907.

Таблица 26

Губернии	Предъявлено к продаже в 1906 г. десятин		
	помещиками	купцами	итого
Казанская	110884	31760	142644
Симбирская	260955	4329	265284
Самарская	638507	212308	850815
Саратовская	779267	86608	865875
Всего	1789613	335005	2124618

Но это была не единственная линия, по которой шло создание в деревне класса мелких помещиков. Вторая, причем главная, линия сводилась к бесцеремонному грабежу и разрушению крестьянской общины.

По данным видного исследователя аграрного вопроса в России проф. П. Н. Першина, в губерниях Среднего Поволжья из крестьянских общин вышло, согласно закону от 9 ноября 1906 г., 194 033 крестьянских хозяйства[1]:

Таблица 27

Губернии	Число дворов, выделившихся из общин	Они имели земли (в тыс. десятин)	Средний размер земельного участка
Казанская	20478	135862	6 дес.
Симбирская	21126	148947	7 дес.
Самарская	87448	1927354	22 дес.
Саратовская	64981	740548	12 дес.

Из общин выходили не только кулаки, мечтавшие превратиться в мелких помещиков, но и середняки и даже бедняки. Одна часть этой категории крестьян выделялась на хутора и отруба с тем, чтобы разбогатеть, или, как говорили раньше, «выйти в люди», другая выделялась из

[1] Таблица составлена на основе данных П. Н. Першина (Участковое землевладение в России. «Новая деревня», М., 1922, стр. 48—49).

общины только ради того, чтобы быть свободной, раз и навсегда освободиться от полукрепостнических пут.

П. Н. Першин сообщает, что из 64 981 хозяйства Саратовской губернии, вышедшего из общин и получившего земельные наделы в личную собственность, 22 924 хозяйства впоследствии продали их[1].

Приведенные данные убедительно свидетельствуют, что примерно одна треть дворов, выделившихся из общины, продали кулакам свои нищенские наделы, а их бывшие «хозяева» ушли в отходные промыслы, на фабрики и заводы, пополнив собой армию промышленного пролетариата.

Данные о землепользовании в селе Крестникове (Симбирский уезд) показывают, что по столыпинскому аграрному закону одна, незначительная, часть крестьянского населения превращалась в «класс мелких помещиков», а другая, бо́льшая, часть деревни разорялась, превращаясь в сельских пролетариев. Здесь в конце 1906 г. было до 500 дворов, но землей распоряжалась лишь небольшая кучка кулаков. Из 5000 десятин общего количества пахотной земли, приписанной к этому селу, 2600 десятин, то есть свыше половины, принадлежали 51 кулацкому хозяйству. У крупного кулака-мироеда Василия Кузьмина находилось в собственности около 200 десятин.

Накануне столыпинской реформы в этом селе до двухсот дворов имели нищенский надел — по 10—20 сажен пахотной земли. Такие «хозяева», как С. Воронков и Г. Наумов, после «укрепления» земельных наделов в личную собственность сразу же продали их кулакам[2].

Столыпинская аграрная реформа, как и реформа 1861 г., была массовым насилием над крестьянством. Разница состояла лишь в том, что если при «освобождении» крестьян в 1861 г. помещики грабили крестьянскую землю, то теперь кулаки стали грабить общинную землю, получая лучшие участки, скупая по дешевой цене наделы бедноты, вышедшей из общины.

Цель такой аграрной политики была совершенно ясна. Столыпин рассчитывал, что ему удастся из кулацкой про-

---

[1] П. Н. Першин. Участковое землевладение в России. «Новая деревня», М., 1922, см. примечание № 1.

[2] Материал получен автором от крестьян этого села, и в частности из беседы со старейшим колхозником С. В. Воронковым.

слойки создать класс мелких помещиков и таким образом создать в деревне новую социальную опору для самодержавия в его борьбе против крестьянской революции.

Однако царизм просчитался. Ему не удалось похоронить идею крестьянской революции. Аграрная реформа Столыпина не только не покончила с классовой борьбой в деревне, но, наоборот, еще больше обострила ее. Теперь основная масса крестьян своими прямыми врагами стала считать не только помещиков, но и кулаков-мироедов.

В. И. Ленин отмечал, что столыпинская аграрная политика являлась огромной силы толчком для роста политической сознательности крестьянства, его организованности, его сплоченности в борьбе против помещиков и кулаков.

Проведение аграрной реформы Столыпина усилило раскол деревни на два враждебных лагеря: лагерь бедноты и лагерь кулачества, между которыми развернулась еще более острая классовая борьба.

Накануне принятия закона от 9 ноября 1906 г. царское правительство, пытаясь обмануть крестьян, решило образовать в уездах землеустроительные комиссии. Кроме представителей власти и дворян, в комиссии должны были входить и выборные от крестьян.

Однако сознательная часть крестьянских масс сразу поняла смысл новой затеи царского правительства и стала решительно бойкотировать выборы крестьянских представителей в эти землеустроительные комиссии. Вот данные о выборах по Саратовской и Самарской губерниям:

Таблица 28

Губернии	Число волостных сходов, на которых были назначены выборы	Число волостных сходов	
		избравших представителей от крестьян	отказавшихся от проведения выборов
Саратовская[1]	282	197	85
Самарская[2]	308	205	103

В ряде местностей Среднего Поволжья крестьянская беднота решительно протестовала против осуществления

[1] ГАСО, ф. 400, 1907 г., д. 7, л. 5.
[2] ЦГИАЛ, ф. 408, оп. 1, 1906 г., ед. хр. 20, л. 45.

аграрной реформы Столыпина. Под давлением бедноты сельские сходы принимали решения, запрещающие кому бы то ни было выходить из общины на выдел. Когда же крестьянские начальники самостоятельно решали этот вопрос, то беднота нередко огромной толпой являлась в поле и силой разгоняла представителей власти вместе с землемерами.

В с. Большом Крае Балашовского уезда Саратовской губернии полиция арестовала одного из местных крестьян за открытую агитацию против земельной реформы. Но когда полиция пыталась отправить агитатора в волостное правление, толпа крестьян напала на конвой, обезоружила его и освободила арестованного[1].

В. И. Ленин указывал, что аграрная реформа Столыпина была насквозь пропитана буржуазным духом. С ростом капиталистических отношений в деревне росла и экономическая дифференциация в крестьянстве, обострялся процесс классовой борьбы в деревне.

26 июля 1907 г. в Симбирском губернском присутствии разбиралась жалоба крестьянина мордовского селения Кузоватово Сенгилеевского уезда на незаконные действия местных властей. Князь Ухтомский, проверявший на месте эту жалобу, сообщил, что «крестьяне села Кузоватово резко делятся на зажиточных и очень бедных. Первые получают лес в удельном ведомстве для обработки, а вторые работают у них по найму. Раньше руководство всеми общественными делами находилось в руках зажиточных крестьян, но в последнее время партия бедняков начала резкую борьбу с партией зажиточных крестьян»[2].

Характерной особенностью движения в этот период было то, что теперь крестьяне вели борьбу не только с помещиками, но и с деревенской буржуазией—кулачеством. Если в 1905 и 1906 гг. горели, главным образом, помещичьи усадьбы, то в 1907 и последующих годах чаще всего стали гореть кулацкие дома.

В основе борьбы деревенской бедноты с кулачеством был тот же вопрос о «нехватке земли». В этой связи особую остроту приобрели, в частности, конфликты из-за найма помещичьей земли. Именно на этой почве произо-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. ДП, 00, 1907 г., д. 62, 23, л. 30.

[2] ГАУО, ф. 65, оп. 6, д. 94. Журнал Симбирского губернского присутствия, 26 июля 1907 г.

шел факт, когда крестьянами деревни Хмелевки Ставропольского уезда Самарской губернии был сильно избит матерый кулак Гудков. Его настолько напугали, что Гудков заявил на сходе о своем отказе в дальнейшем от аренды помещичьей земли[1].

В ряде селений Самарской губернии беднота организованно нападала на кулацкие хутора и устраивала в них погромы, а иногда даже захватывала земли. Так поступили, например, крестьяне смежных деревень Герасимовки и Корнеевки (Бузулукский уезд). Огромной толпой они обошли весной 1907 г. все соседние кулацкие хутора и предупредили хозяев, что если они добровольно не уступят землю крестьянам и в трехдневный срок не покинут хутора, то все их имущество будет уничтожено[2].

По данным Ф. Я. Водоватова, в 1907 г. наибольшее число выступлений крестьянской бедноты против кулаков было в Самарском уезде (24), в Бузулукском (7), Николаевском (7) и Ставропольском (5)[3].

Говоря о борьбе деревенской бедноты против кулачества в 1907 г., следует отметить, что эта борьба шла и в первые годы революции, хотя острота ее не везде являлась одинаковой. В Казанской губернии, например, она была менее развита. Но и здесь наблюдались случаи, когда доведенные до отчаяния крестьяне уничтожали кулацкие хозяйства, захватывали их землю. Такой случай, в частности, произошел в июне 1906 г. в селе Ракашиво Ерыклинской волости Чистопольского уезда, когда сход решил отобрать землю у восьми своих односельчан-кулаков и разделить ее между безземельными[4].

Наиболее острая борьба деревенской бедноты против кулачества шла с нарастающей силой в Саратовской губернии. Если в 1905 г. беднота совершила здесь 129 выступлений против кулаков, то в 1907 г. таких выступлений было уже 214[5].

---

[1] ГАКО, ф. 1, д. 1924-а, лл. 78—79.

[2] Там же, д. 415, лл. 36—37.

[3] Ф. Я. Водоватов. Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957, стр. 147.

[4] ЦА ТАССР, ф. 1, д. 3891.

[5] В. М. Гохлернер. Из истории крестьянского движения в Саратовской губ. в годы первой русской революции. Уч. записки Саратовского госуниверситета, т. V, 1955 г., а также материалы центральных госархивов Москвы и Ленинграда.

Борьба батрацко-бедняцкой части деревни против кулачества развертывалась и в Симбирской губернии. Об этом можно судить по многим событиям сельской жизни и особенно по фактам поджогов кулацких дворов. Из сохранившихся данных видно, что если в 1905 г. в кулацких хозяйствах произошло 52 пожара, то в 1907 г. их было отмечено около 150[1].

В классовой борьбе внутри крестьянства на стороне кулачества стояли органы государственной власти. Борясь с революционным движением в деревне, царское правительство пыталось создать кое-где из зажиточной части деревни так называемые «дружины самообороны», а вернее сказать — черные сотни.

Известно, например, что такая кулацкая «дружина самообороны» существовала в богатом торговом селе Астрадамовке (Симбирская губ.). Дружина имела свой «устав», по которому каждый, кто подымал руку на частную собственность, подлежал самому тяжелому телесному наказанию, вплоть «до отбития рук и ног».

В одном из сел Балашовского уезда Саратовской губернии кулаки создали «дружину» для охраны своих лавок на базаре.

В селе Абдулино Бугурусланского уезда Самарской губернии кулак Маслов организовал банду, которая не раз помогала полиции проводить погромы против наиболее активных деятелей революции.

Подобные черные сотни из кулаков полиция создавала кое-где и в других губерниях Среднего Поволжья. Известен, например, случай, когда большая группа кулаков села Малиновки Сердобского уезда Саратовской губернии учинила жестокий самосуд над активистами аграрного движения, в результате которого погибли 42 бедняка. Людей убивали в поле, на улице и возле церкви, в овинах, погребах и дома. Самосуд продолжался в течение шести суток.

Впоследствии по делу об убийстве был привлечен к уголовной ответственности 61 человек. Однако выездная сессия Саратовского окружного суда, рассматривавшая это дело в г. Сердобске 21 сентября 1906 г., оправдала

---

[1] Данные из донесений полицейских чиновников, уездных исправников и сообщений периодической печати.

убийц. За них выступили с ходатайствами местные помещики, духовенство и представители власти[1].

Революционное движение крестьян душили не только царь, его армия и полиция, помещики и кулачество. Не последнюю роль в развернувшемся реакционном погроме играло и духовенство. Правительство стремилось наряду с жестокими репрессиями против революционных крестьян использовать также идеологические средства борьбы.

В. И. Ленин указывает, что все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: функции палача и функции попа. Он писал: «Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость»[2].

Выступая против революционного движения, духовенство призывало крестьян сторониться «смутьянов», терпеливо и смиренно ждать удовлетворения своих просьб от «помазанника божия» — Николая II. Стараясь удержать крестьянство от выступлений против царя и помещиков, духовенство тем самым помогало им душить народную революцию.

Симбирский епископ Гурий открыто призывал духовенство к решительной и умелой борьбе против «крамолы». Он поучал церковников, как нужно в связи с революцией перестраивать свои проповеди и всю религиозную пропаганду. Гурий всячески подчеркивал сложность и напряженность борьбы против революционного движения, он говорил, что надо «броситься в пучину волн социализма с тем, чтобы разбить и уничтожить его».

Газета «Симбирские вести» в корреспонденции под заголовком «Находчивый проповедник» сообщала, как священник Покровского прихода Дамаскин разъяснял верующим, что такое свобода и для чего она нужна.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 108, 1907 г., ед. хр. 6868, лл. 1, 43.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 206.

Смысл проповеди Дамаскина заключался в том, что если ты крестьянин, то «свободно» трудись, плати налоги и подати, «свободно» почитай начальство, почаще ходи в церковь и поучай тому же других. Но крестьяне не желали слушать подобные проповеди о свободе и обычно, как только Дамаскин кончал богослужение и переходил к поучениям, покидали церковь.

Такое отношение прихожан пришлось не по душе священнику, и он однажды решил насильно заставить молящихся выслушать его. Этот «опыт» был осуществлен в воскресенье 20 мая 1907 г. Закончив обедню, Дамаскин приступил к проповеди. Крестьяне уже по привычке хотели было уйти из церкви, но двери ее оказались запертыми на замок. Многие стали протестовать, и сторож объяснил, что «до конца проповеди батюшка не приказывал кого-либо выпускать из церкви»[1].

О том, что православная церковь состояла на службе царского правительства и вела борьбу с революцией, свидетельствует и письмо архиепископа Казанского и Свияжского, адресованное казанскому губернатору. Архиепископ уведомлял последнего о том, что 12 июля 1907 г. им сделано через консисторию распоряжение духовенству Казанской епархии, чтобы оно стояло на высоте своего призвания и, проповедуя в храмах и в частных беседах, убеждало верующих не слушать внушений злонамеренных людей, восстающих «против царя и отечества», удерживало крестьян от «аграрных беспорядков»[2].

В «миру» крестьянина всячески «опекали» ненавистные царские чиновники и полиция, в церковь придет — и тут то же самое: вместо проповедника от Христа крестьянин встречал в лице попа того же государственного чиновника, агента полиции. Вот почему русский крестьянин во время революции 1905—1907 гг. начал терять веру не только в «царя-батюшку», но и в православие, которое веками вколачивалось в голову мужика как одна из важнейших основ незыблемости Российской империи.

Главной революционной силой в борьбе против царского самодержавия являлась в годы первой русской революции большевистская партия. Ее научная про-

[1] «Симбирские вести», 6 июня 1907 г.
[2] ЦА ТАССР, ф. 1, оп. 1, д. 3889.

грамма, все ее требования стратегического и тактического характера были направлены на завоевание подлинно демократических свобод для народа, на радикальное решение аграрного вопроса в интересах многомиллионных масс крестьянства. Вот почему силы объединенной реакции направляли свой основной удар на разгром большевистской партии, на физическое истребление ее кадров.

Официальная статистика того времени свидетельствует, что только в 1907—1909 гг. судами было вынесено пять тысяч смертных приговоров участникам революции, главным образом членам большевистской партии. К этой цифре печать добавляла еще 2,5 тысячи[1]. Однако и это уточнение далеко не раскрывало всех злодеяний царского режима.

Журнал «Народный учитель» сообщал в конце 1906 г., что только за один «конституционный» год (с 17 октября 1905 г. по 17 октября 1906 г.) в России погиб в результате черносотенных погромов и столкновений с войсками и полицией 22 721 человек[2]. За этот же срок был сослан на каторгу 881 человек и отправлен в административную ссылку 30 281[3].

В годы столыпинской реакции основной мерой наказания за политическую деятельность стала каторга. По данным правительственных органов, было осуждено на каторгу в 1908 г. — 11 654, в 1909 г. — 11 308, в 1910 г. — 10 600, в 1911 г. — 9 464 человека[4].

В. И. Ленин, отмечая чрезвычайную суровость карательной политики царизма, писал: «Царское правительство, помещики и капиталисты бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»[5].

Большевистские организации Среднего Поволжья понесли за годы первой русской революции большой урон в своих силах. Казанский, Симбирский, Саратовский

---

[1] М. Н. Гернет. История царской тюрьмы. М., 1956, т. 5, стр. 90.
[2] «Народный учитель», № 16, 1906 г.
[3] Там же.
[4] М. Н. Гернет. История царской тюрьмы. М., 1956, т. 5, стр. 90.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 325.

и Самарский комитеты РСДРП систематически подвергались полицейским разгромам.

Саратовская губернская партийная организация в начале 1907 г. насчитывала в своих рядах 2240 человек[1]. Однако спустя 4 месяца в ней осталось немногим более полутора тысяч человек. Особенно большой урон в этом отношении понесла Саратовская городская организация. Если к моменту первой губернской конференции (в июле 1906 г.) она насчитывала 840 членов партии[2], то к началу 1908 г. в организации сохранилось не более 300 человек[3].

Наступление реакции нанесло большой ущерб казанской партийной организации. В июле 1907 г. губернский комитет РСДРП подвергся полному разгрому. Все старые, более опытные кадры большевиков были арестованы. «Известия», орган ЦК РСДРП, сообщали в августе 1907 г., что казанская организация большевиков переживает тяжелое состояние[4].

По данным полиции, в первой половине 1907 г. в казанской губернской организации РСДРП по спискам значилось 1090 человек, а во второй половине года в ней оставалось фактически не более 500[5].

Наступление реакции сильно отразилось на печати левого направления, главным образом на состоянии большевистских газет. Начиная с 1906 г., власти то и дело закрывали газеты за публикацию антиправительственных материалов, а редакторов газет подвергали арестам и денежным штрафам.

Редакция журнала «Народный учитель» сообщила в конце 1906 г., что только за период с октября 1905 г. по сентябрь 1906 г. правительство закрыло 523 газеты и журнала, издававшихся в России, а за опубликование в них неугодных для царского режима материалов было арестовано 647 редакторов[6].

Реакционный поход против печати еще больше усилился после 3 июня 1907 г., когда первая русская револю-

---

[1] Г. Ходаков. Очерки истории Саратовской организации КПСС. Ч. 1, 1957, стр. 170.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 178.
[4] «Известия», № 2, 7 августа 1907 г.
[5] ГАСО, ф. СОО, д. 12, л. 174.
[6] «Народный учитель», № 16, 1906 г.

ция потерпела окончательное поражение. Во второй половине 1907 г. полиция выследила и разгромила все газеты, издававшиеся большевистскими организациями Среднего Поволжья.

Однако партийные организации, находясь в глубоком подполье, умели находить средства связи с деревней, доходить до крестьянских масс с живым словом большевистской правды.

Несмотря на суровый режим столыпинской реакции, большевистские организации Среднего Поволжья попрежнему издавали революционные листовки, в которых призывали крестьян продолжать борьбу с царским правительством, помещиками и кулачеством.

Большевики вселяли в сознание крестьянских масс веру в новый, неизбежный подъем революционного движения и призывали их к более тесному союзу с рабочим классом, как авангардом будущей победоносной революции.

* * *

После поражения декабрьского вооруженного восстания (1905 г.) первая русская революция пошла на спад. Отлив революционных сил наблюдался и в губерниях Среднего Поволжья. Но поднявшийся на борьбу народ отступал медленно, с боями. Крестьянское движение весной и особенно летом 1906 г. было еще достаточно сильным. Защищая завоеванное у помещиков в конце 1905 г., крестьяне нередко доводили свое сопротивление правительству до вооруженных схваток.

Успехи борьбы рабочих и крестьян, достигнутые в октябре 1905 г., создали более благоприятные условия для работы большевистских организаций в деревне. В 1906 г. большевики значительно расширили свои связи с крестьянством и в ряде сельских местностей создали первичные партийные организации.

В результате роспуска правительством II Государственной думы и наступившей затем столыпинской реакции условия для работы большевиков в деревне крайне усложнились. Все же и в обстановке сурового подполья большевики находили пути проникновения в деревню, принимали все меры к тому, чтобы обеспечить прочный союз рабочих и крестьян в грядущих боях за свободу и землю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большевистские организации Среднего Поволжья являлись в период первой русской революции одним из боевых отрядов созданной В. И. Лениным пролетарской партии нового типа. Они действовали в одном строю вместе со всей ленинской партией, выступавшей как ведущая сила народов в борьбе за демократическую республику, восьмичасовой рабочий день и конфискацию помещичьей земли.

В целях политического воспитания крестьянских масс и завоевания их на сторону рабочего класса большевистские организации Среднего Поволжья широко использовали все формы и методы работы. Они печатали для деревни революционные листовки, издавали газеты, создавали при комитетах РСДРП специальные аграрные группы, связывали с сельскими местностями целые коллективы фабрично-заводских, железнодорожных рабочих и др.

Стремясь внести в крестьянское движение высокую политическую сознательность и организованность, большевики Среднего Поволжья шли в гущу масс, сплачивали их вокруг себя, помогали им в выработке антиправительственной программы борьбы, принимали активное участие в волостных, уездных и губернских съездах Крестьянского союза, а в ряде мест самостоятельно проводили съезды бедноты и делегатские совещания представителей наиболее революционной части деревни.

Большевики устраивали в селах народные библиотеки-читальни и снабжали их марксистской литературой. В наиболее революционно настроенных селах они создавали социал-демократические кружки, крестьянские комитеты, ячейки большевистской партии.

Большую агитационно-пропагандистскую работу проводили большевики с новобранцами и солдатами царской армии, основная масса которой состояла тогда из крестьян. С помощью передовых солдат и офицеров большевики проникали в казармы и воспитывали личный состав войсковых подразделений в духе ненависти к царскому режиму и преданности делу революции.

Большевистские организации Среднего Поволжья были связаны с деревней тысячами незримых нитей. Вся их героическая деятельность в период революции 1905—1907 гг. была направлена на политическое воспитание крестьянских масс, на вовлечение их в активную борьбу под знаменем революционной социал-демократии.

Крестьянское движение в Среднем Поволжье, развиваясь под влиянием революционной борьбы рабочего класса, достигло в последней четверти 1905 г. наивысшего подъема. Это было время максимального творчества крестьянских масс в революции, период настоящей гражданской войны в деревне.

За три года первой русской революции крестьяне Среднего Поволжья совершили около 3500 выступлений, в результате которых было частично и полностью разрушено свыше 700 помещичьих имений. Однако, оценивая результаты этой борьбы в период 1905—1906 гг., В. И. Ленин отмечал, что «...крестьяне, собственно, только попугали царя и помещиков. А их надо не попугать, их надо *уничтожить, их* правительство — *царское* правительство — надо стереть с лица земли»[1].

Хотя крестьянское движение на Средней Волге и шло следом за рабочим движением, а в конце 1905 г. даже совпало с ним, оно все же было слабо связано с рабочим движением. Поднимаясь на борьбу против ненавистных помещиков в союзе с рабочими, большинство крестьян, однако, не понимало, что царь действует заодно с помещиками, что без свержения царя невозможно свергнуть помещиков.

В своей массе крестьяне еще верили царю и возлагали надежду на царскую Государственную думу, верили, что она принесет им долгожданную волю и землю. Вот почему основная масса крестьян не понимала значения союза с рабочими **против царя,** не хотела идти вместе

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 276.

с рабочими на свержение царского самодержавия и установление в России демократической республики.

Низкий уровень политической сознательности, слабая организованность и недостаточная наступательность крестьянского движения были одними из коренных причин поражения революции 1905—1907 гг.

Но, говоря об ошибках и слабостях крестьянского движения в период первой русской революции, следует отметить, что в целом крестьянство, как масса, самоотверженно боролось с помещиками и на всем протяжении указанного периода представляло собой огромную революционную силу.

Большевистским организациям Среднего Поволжья, как и в целом ленинской партии, не удалось в период первой русской революции обеспечить прочный союз рабочего класса и крестьянства. И в этом, разумеется, большевики вовсе не повинны. Беда состояла в том, что крестьянские массы не были тогда еще политически подготовлены к решительной борьбе против царского самодержавия.

В революции 1905—1907 гг. лишь небольшая часть крестьян, говорит Ленин, действительно боролась и поднималась с оружием в руках на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников, а большая часть крестьян плакала и молилась, мечтала о земле и воле, составляла приговоры и посылала их со своими «ходателями» в царскую Государственную думу.

Воздержание большинства крестьян от политики приводило на практике к тому, «...что за сознательным и революционным пролетариатом шло меньшинство, большинство же было добычей тех беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали с собрания трудовиков в переднюю Столыпина, клянчили, торговались, примиряли, обещали примирить, — пока их не выгнали пинком солдатского сапога»[1].

Однако, говоря о низком уровне сознания крестьянских масс, нельзя ни в коем случае переоценивать уровень сознательности рабочего класса, глубину понимания им всей сложности задач буржуазно-демократической революции, конечной цели революционной борьбы про-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 184.

летариата. Имея в виду именно это обстоятельство, В. И. Ленин подчеркивал тогда, что «...только самые наивные оптимисты могут забывать о том, как еще мало знает масса рабочих о целях социализма и способах его осуществления»[1].

Главным идейным врагом большевизма в борьбе за крестьянские массы выступала в период революции 1905—1907 гг. либерально-монархическая буржуазия со своей политической партией — кадетами. Претендуя на роль вождей освободительного движения в России, кадеты всячески срывали союз сил рабочих и крестьян, пытались отравить сознание крестьянских масс ядом конституционного либерализма, подчинить крестьянские массы своему влиянию и этим погубить революцию. Борьба большевиков с либерально-монархической буржуазией за крестьянство составляла главное содержание всей эпохи буржуазно-демократической революции, и эта борьба закончилась полной победой большевиков.

Созданию прочного союза рабочего класса и крестьянства против царского самодержавия мешали тогда и мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков. Они не верили в победу демократической революции и были готовы, как отмечал В. И. Ленин, удовлетвориться любой реформой «сверху».

Борьба большевиков с мелкобуржуазными партиями, и в частности с меньшевиками, нашла свое яркое проявление в борьбе рабочего класса и буржуазии за руководство крестьянством. Эта борьба за крестьянство, отмечал В. И. Ленин, шла во всех областях общественной жизни. Она неизменно находила свое отражение в ходе массового движения, в выступлениях органов печати, в процессе думской деятельности.

Однако ни царизму, ни партии кадетов не удалось сорвать объединение сил рабочих и крестьян в революции. Критикуя эсеров, которые утверждали, что союз рабочего класса и крестьянства существовал только в «идее», В. И. Ленин писал: «Союз сил пролетариата и крестьянства не «в идее существовал», ...а характеризовал весь первый период русской революции, все крупные события 1905—1907 годов»[2]. К сожалению, этот союз су-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 14.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 305.

ществовал тогда лишь в зачатке, и он не смог решить судьбу первой русской революции в интересах народа.

Революция 1905—1907 гг. потерпела поражение, но «поражение революции, — указывал В. И. Ленин, — ...обнаружило не неверность задач, не «утопичность» ближайших целей, не ошибочность средств и приемов, а недостаточную подготовленность сил, недостаточную глубину и ширину революционного кризиса...»[1].

Первая русская революция, хотя и не увенчалась успехом, но ее исторические уроки не пропали даром. В. И. Ленин подчеркивал, что «без такой «генеральной репетиции», как в 1905 году, революции в 1917 как буржуазная, февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны»[2].

За три года первой русской революции крестьянство России прошло такую школу политического воспитания, какую оно не могло бы пройти за десятки лет обычного, мирного развития. Революция, отмечал В. И. Ленин, «...глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян...»[3].

Революция 1905—1907 гг. явилась первой исторической проверкой жизненной силы ленинского учения о союзе рабочего класса и крестьянства. На опыте первой русской революции крестьяне начали убеждаться в том, что их борьба за свободу и землю может увенчаться успехом только в союзе с рабочими и под их руководством. Вот почему уже в ходе революции 1905 г., особенно в думский период, крестьяне все больше и больше стали переходить на сторону рабочего класса и его большевистской партии. Этот переход крестьянства на сторону рабочего класса и обеспечил победу февральской буржуазно-демократической, а затем и Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Опыт трех русских революций показал великую жизненную силу ленинского учения о союзе рабочего класса и крестьянства, подтвердил правильность революцион-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 322.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 284.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 291—292.

ной политики большевистской партии по отношению к крестьянству.

В. И. Ленин считал союз рабочих и крестьян самой чудесной силой на земле. Он писал: «Союз рабочих и крестьян — вот что дала нам Советская власть. Вот в чем ее сила. Вот в чем залог наших успехов и нашей окончательной победы»[1].

Великие успехи советского народа в строительстве коммунизма сделали ленинскую политику союза рабочего класса и крестьянства могучей интернациональной силой. Опыт борьбы за массы, и в частности за крестьянство, накопленный Коммунистической партией Советского Союза, во многом помогает коммунистическим и рабочим партиям за рубежом в их борьбе за социальное и национальное освобождение своих народов. Об этом многократно заявляли руководители братских партий. Эта мысль прошла красной нитью и во многих приветственных выступлениях зарубежных гостей на XXII съезде КПСС.

Благодаря осуществлению политики союза рабочего класса и крестьянства победили социалистические революции во всех странах народной демократии. На основе осуществления этой политики победила и кубинская революция. Рано или поздно, но победа будет завоевана и во всех других странах, где революционный народ борется сегодня против оков империализма под знаменем Ленина.

* * *

Коммунистическая партия нашей страны, созданная и воспитанная Лениным, прошла сложный и тяжелый путь развития. Возникнув в начале XX века как политическая партия рабочего класса, она в результате завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции и осуществления полной и окончательной победы социализма в СССР превратилась в авангард советского народа, стала политической партией всего народа.

Коммунистическая партия и народ едины и неразрывны. Связь партии с народом является одним из решающих условий, обеспечивающих ее силу и непобедимость. В свою очередь сила и непобедимость нашего народа со-

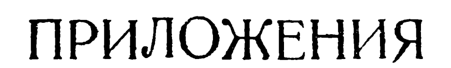
[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 221.

стоит в его беззаветной преданности делу коммунизма, в его сплоченности вокруг партии.

Обеспечение тесной, широкой связи с народом всегда было одной из первостепенных задач ленинской партии. Но эта связь с народом особенно необходима сейчас, в период осуществления величественной программы строительства коммунизма в нашей стране.

Принятая XXII съездом КПСС новая Программа отражает коренные интересы всего народа и поэтому развернувшаяся ныне борьба за ее претворение в жизнь стала кровным делом всего народа.

Одной из незыблемых основ, на которой создается великий подвиг советского народа в строительстве коммунизма, является нерушимый и все более крепнущий союз рабочих и крестьян. Начало этому союзу было положено большевистской партией еще в далекие героические дни первой русской революции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса

К. Маркс. Классовая борьба во Франции 1848—1849 гг. (1850). Соч., т. VIII, изд. 1.

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. (1852). Соч., т. VIII.

К. Маркс. Гражданская война во Франции. (1871). Соч., т. XIII, ч. II.

Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. (1850). Соч., т. VIII.

Ф. Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. (1894). Соч., т. XVI, ч. II.

Ф. Энгельс. Социальные отношения в России. См. Эмигрантская литература. (1874—1875). Соч., т. XV, гл. V.

Ф. Энгельс. Послесловие к статье «Социальные отношения в России». (1894). Соч., т. XVI, ч. II.

Произведения В. И. Ленина

Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. (1893). Соч., т. 1, изд. IV.

По поводу так называемого вопроса о рынках. (1893). Соч., т. 1.

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (1894). Соч., т. 1.

Экономическое содержание народничества и критика его в книге г-на Струве. (1894). Соч., т. 1.

Проект и объяснение программы социал-демократической партии. (1895—1896). Соч., т. 2.

К характеристике экономического романтизма. (1897). Соч., т. 2.

Задачи русских социал-демократов. (1897). Соч., т. 2.

Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности. (1897). Соч., т. 2.

От какого наследства мы отказываемся? (1897). Соч., т. 2.

Развитие капитализма в России. (1896—1899). Соч., т. 3.

К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. (1898). Соч., т. 4.

Заметка к вопросу о теории рынков. (1898). Соч., т. 4.
Рецензия. *Парвус. Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис.* (1899). Соч., т. 4.
Рецензия. *Р. Гвоздев. Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение.* (1899). Соч., т. 4.
Капитализм в сельском хозяйстве, (1899). Соч., т. 4.
Протест российских социал-демократов. (1899). Соч., т. 4.
Проект программы нашей партии. (1899). Соч., т. 4.
Рабочая партия и крестьянство. (1901). Соч., т. 4.
Гонители земства и Аннибалы либерализма. (1901). Соч., т. 5.
Крепостники за работой. (1901). Соч., т. 5.
Земский съезд. (1901). Соч., т. 5.
Аграрный вопрос и «критики Маркса». Главы I—IX. (1901). Соч., т. 5.
Борьба с голодающими. (1901). Соч., т. 5.
Внутреннее обозрение. (1901). Соч., т. 5.
Что делать? (1901—1902). Соч., т. 5.
Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии. (1902). Соч., т. 6.
Поправка к аграрной части программы. (1902). Соч., т. 6.
Аграрная программа русской социал-демократии. (1902). Соч., т. 6.
Письмо к земцам. (1902). Соч., т. 6.
Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? (1902). Соч., т. 6.
Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России. (1903). Соч., т. 6.
К деревенской бедноте. (1903). Соч., т. 6.
II съезд РСДРП. 17 (30) июля — 10 (23) августа 1903. Соч., т. 6.
Шаг вперед, два шага назад. (1904). Соч., т. 7.
Пролетариат и крестьянство. 10 (23) марта 1905. Соч., т. 8.
О нашей аграрной программе. (1905). Соч., т. 8.
Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. (1905). Соч., т. 8.
Аграрная программа либералов. (1905). Соч., т. 8.
Маркс об американском «черном переделе». (1905). Соч., т. 8.
III съезд РСДРП. 12 (25) апреля — 27 апреля (10 мая) 1905. Соч., т. 8.
Две тактики социал-демократии в демократической революции. (1905). Соч., т. 9.
«Единение царя с народом и народа с царем». (1905). Соч., т. 9.
«Либеральные» земцы уже идут на попятный? (1905). Соч., т. 9.
В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства? (1905). Соч., т. 9.
Отношение социал-демократии к крестьянскому движению. (1905). Соч., т. 9.
Социализм и крестьянство. (1905). Соч., т. 9.
Равновесие сил. (1905). Соч., т. 9.
Первая победа революции. (1905). Соч., т. 9.
Вставка в статью В. Калинина «Крестьянский съезд». (1905). Соч., т. 9.
Пролетариат и крестьянство. 10 (25) ноября 1905. Соч., т. 10.
Резолюция по аграрному вопросу конференции «большинства» в Таммерфорсе. *12—17 (25—30) декабря 1905 г.* Соч., т. 10.

Этапы, направление и перспективы революции (конец 1905 или начало 1906). Соч., т. 10.

Государственная дума и социал-демократическая тактика. (1906). Соч., т. 10.

Русская революция и задачи пролетариата. (1906). Соч., т. 10.

Пересмотр аграрной программы рабочей партии. (1906). Соч., т. 10.

Победа кадетов и задачи рабочей партии. (1906). Соч., т. 10.

Объединительный съезд РСДРП. 10 (23) апреля — 25 апреля (8 мая) 1906 г. Соч., т. 10.

Обращение к партии делегатов Объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции «большевиков». (1906). Соч., т. 10.

Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим). (1906). Соч., т. 10.

Крестьянская, или «Трудовая», группа и РСДРП. (1906). Соч., т. 10.

Вопрос о земле в Думе. (1906). Соч., т. 10.

Ни земли, ни воли. (1906). Соч., т. 10.

Вопрос о земле и борьба за свободу. (1906). Соч., т. 10.

Кадеты, трудовики и рабочая партия. (1906). Соч., т. 10.

Армия и народ. (1906). Соч., т. 11.

Думские партии и народ. (1906). Соч., т. 11.

Роспуск Думы и задачи пролетариата. (1906). Соч., т. 11.

Кого выбирать в Государственную думу. (1906). Соч., т. 11.

Пролетариат и его союзник в русской революции. (1906). Соч., т. 11.

Задачи рабочей партии и крестьянство. (1906). Соч., т. 11.

Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе. (1907). Соч., т. 12.

Аграрный вопрос и силы революции. (1907). Соч., т. 12.

Сила и слабость русской революции. (1907). Соч., т. 12.

Отношение к буржуазным партиям. (1907). Соч., т. 12.

Против бойкота. (1907). Соч., т. 13.

Аграрный вопрос и «критики Маркса». Главы X—XII. (1907). Соч., т. 13.

Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. (1907). Соч., т. 13.

Новая аграрная политика. (1908). Соч., т. 13.

О «природе» русской революции. (1908). Соч., т. 15.

К оценке русской революции. (1908). Соч., т. 15.

Аграрный вопрос в России к концу XIX века. (1908). Соч., т. 15.

Аграрная программа социал-демократии в русской революции. *Автореферат.* (1908). Соч., т. 15.

Лев Толстой, как зеркало русской революции. (1908). Соч., т. 15.

Аграрные прения в III Думе. (1908). Соч., т. 15.

Уроки революции. (1910). Соч., т. 16.

Что делается в деревне? (1910). Соч., т. 16.

Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России. (1910). Соч., т. 16.

Капиталистический строй современного земледелия. (1910). Соч., т. 16.

Пятидесятилетие падения крепостного права. (1911). Соч., т. 17.

«Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. (1911). Соч., т. 17.

Крестьянство и выборы в IV Думу. (1912). Соч., т. 17.
Землевладение в Европейской России. (1912). Соч., т. 18.
Трудовики и рабочая демократия. (1912). Соч., т. 18.
Сущность «аграрного вопроса в России». (1912). Соч., т. 18.
Переселенческий вопрос. (1912). Соч., т. 18.
Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы. (1912). Соч., т. 18.
Кадеты и аграрный вопрос. (1912). Соч., т. 18.
О народничестве. (1913). Соч., т. 18.
Что делается в народничестве и что делается в деревне? (1913). Соч., т. 18.
Некоторые итоги «землеустройства». (1913). Соч., т. 18.
Крупное помещичье и мелкое крестьянское землевладение в России. (1913). Соч., т. 18.
Поправляется или беднеет крестьянство? (1913). Соч., т. 19.
Помещичье землеустройство. (1913). Соч., т. 19.
К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства. (1913). Соч., т. 19.
Крестьянство и рабочий класс. (1913). Соч., т. 19.
Детский труд в крестьянском хозяйстве. (1913). Соч., т. 19.
Мелкое производство в земледелии. (1913). Соч., т. 19.
Мобилизация надельных земель. (1913). Соч., т. 19.
Как увеличить размеры душевого потребления в России? (1913). Соч., т. 19.
Железо в крестьянском хозяйстве. (1913). Соч., т. 19.
Новые меры земельной «реформы». (1913). Соч., т. 19.
Господа буржуа о «трудовом» земледелии. (1913). Соч., т. 19.
Землеустройство и деревенская беднота. (1913). Соч., т. 19.
Аграрный вопрос и современное положение России. (1913). Соч., т. 19.
К вопросу о задачах земской статистики. (1914). Соч., т. 20.
Сиятельный либеральный помещик о «новой земской России». (1914). Соч., т. 20.
Крестьянство и наемный труд. (1914). Соч., т. 20.
«Трудовое» крестьянство и торговля землей. (1914). Соч., т. 20.
Заработная плата сельских рабочих. (1914). Соч., т. 20.
Крепостное хозяйство в деревне. (1914). Соч., т. 20.
О двух путях. (1914). Соч., т. 20.
Земельный вопрос в России. (1914). Соч., т. 20.
Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. (1914—1915). Соч., т. 22.
Доклад о революции 1905 года. (1917). Соч., т. 23.
О задачах пролетариата в данной революции. (1917). Соч., т. 24.
«Добровольное соглашение» между помещиками и крестьянами? (1917). Соч., т. 24.
Солдаты и земля. (1917). Соч., т. 24.
Съезд крестьянских депутатов. (1917). Соч., т. 24.
VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП. 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г. 13. Доклад по аграрному вопросу 28 апреля (11 мая). 14. Реплика Н. С. Ангарскому во время прений по аграрному вопросу 28 апреля (11 мая). 15. Резолюция по аграрному вопросу. Соч., т. 24.
I Всероссийский съезд крестьянских депутатов 4—28 мая (17 мая — 10 июня) 1917 г. Соч., т. 24.

Как и почему крестьян обманули? (1917). Соч., т. 25.

Задачи революции. (1917). Соч., т. 26.

К рабочим, крестьянам и солдатам. (1917). Соч., т. 26.

Новый обман крестьян партией эсеров. (1917). Соч., т. 26.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. 1. Рабочим, солдатам и крестьянам! 4. Доклад о земле 26 октября (8 ноября). Декрет о земле. Соч., т. 26.

Ответ на запросы крестьян. (1917). Соч., т. 26.

Предисловие к брошюре: «Как обманули народ социалисты-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков». (1917). Соч., т. 26.

Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов 10—25 ноября (23 ноября — 8 декабря) 1917 г. Соч., т. 26.

Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. (1917). Соч., т. 26.

Предисловие к брошюре: «Материалы по аграрному вопросу». (1917). Соч., т. 26.

Речь на Втором Всероссийском съезде крестьянских депутатов 2 (15) декабря 1917 г. Соч., т. 26.

Речь на Всероссийском съезде крестьянских депутатов и земельных комитетов 28 января (10 февраля) 1918 г. Соч., т. 26.

Проект телеграммы всем Совдепам о союзе рабочих и крестьян. (1918). Соч., т. 28.

Ценные признания Питирима Сорокина. (1918). Соч., т. 28.

Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии. (Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г.). Соч., т. 28.

Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г. Соч., т. 28.

Заседание I съезда сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии 13 марта 1919 г. Соч., т. 29.

Проект программы РКП(б). (1919). Соч., т. 29.

VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Соч., т. 29.

Речи, записанные на граммофонных пластинках. 5. О крестьянах-середняках. (1919). Соч., т. 29.

Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком. (1919). Соч., т. 29.

Речь на I Всероссийском совещании по партийной работе в деревне 18 ноября 1919 г. Соч., т. 30.

Речь на I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей 4 декабря 1919 г. Соч., т. 30.

Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным. (1919). Соч., т. 30.

Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу. (1920). Соч., т. 31.

Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. Соч., т. 31.

X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г. Соч., т. 32.

О продовольственном налоге. (1921). Соч., т. 32.

Речи, записанные на граммофонных пластинках. 1. О продовольственном налоге, или продналоге. 3. О потребительской и промысловой кооперации. (1921). Соч., т. 32.

Наказ от СТО (Совета Труда и Обороны) местным советским учреждениям. (1921). Соч., т. 32.

X Всероссийская конференция РКП(б) 26—28 мая 1921 г. Соч., т. 32.

Обращение к крестьянам Украины. (1921). Соч., т. 32.

О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунистической партии. (1921). Соч., т. 33.

К четырехлетнему юбилею «Бедноты». (1921). Соч., т. 33.

О проекте резолюции XI съезда партии о работе в деревне. (1922). Соч., т. 33.

Речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. Соч., т. 33.

О кооперации. (1923). Соч., т. 33.

Сборники документов и материалов о революционном движении

Программа КПСС. Сб. Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, М., 1961.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I, изд. 7. Госполитиздат, 1954.

Протоколы II съезда РСДРП. М., 1932.

Протоколы III съезда РСДРП. М., 1934.

Протоколы IV съезда РСДРП. М., 1934.

Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов. М., 1955.

Большевики во главе Всероссийской политической стачки в октябре 1905 года. Сборник документов и материалов. Госполитиздат, 1955.

Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Документы и материалы. Ч. I и II. Изд. АН СССР, М., 1955.

Высший подъем революции 1905—1907 годов. Документы и материалы. Ч. I и II. Изд. АН СССР, М., 1955.

Второй период революции 1905—1907 гг. Документы и материалы. Ч. I. Кн. I. Изд. АН СССР, М., 1957.

Листовки большевистских организаций в первой русской революции (1905—1907 гг.). Ч. I, 23. Госполитиздат, 1956.

Листовки казанских большевиков 1903—1907 гг. Сборник. Татиздат, 1941.

Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг. Сборник. Казань, 1955.

Прокламации Симбирской организации РСДРП в период 1904—1907 гг. Сборник. Ульяновск, 1951.

Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП (б). 1902—1917 гг. Сборник. Куйбышев, 1959.

Листовки большевиков Среднего Поволжья к крестьянам в период революции 1905—1907 гг. Сборник. (Уч. записки Ульяновского пединститута, т. XIV, 1959).

Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии. Сборник документов и материалов. Куйбышев, 1955.

Крестьянское движение в Симбирской губернии в период револю-

ции 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Ульяновск, 1956.

Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовии. Сборник документов и материалов. Саранск, 1956.

Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Чебоксары, 1956.

Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Казань, 1957.

Крестьянское движение среди чувашей, мари, удмуртов во время революции 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Чувашиздат, 1935.

Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии в 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Горький, 1955.

Революционное движение в Пензенской губернии в период революции 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Пенза, 1955.

Статистические сборники

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.: а) Казанская губ., т. 14, 1904 г., б) Симбирская губ., т. 39, 1904 г., в) Самарская губ., т. 36, 1904 г., г) Саратовская губ., т. 38, 1904 г.

Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. С.-Пб., 1907 г. Выпуски 7, 9, 12 и приложение № 19.

Материалы учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по обследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. С.-Пб., 1903.

Свод статистических материалов. Изд. Комитета Совета министров. С.-Пб., 1894.

Юбилейный сборник Центрального статистического комитета 1863—1913 гг. С.-Пб., 1913.

Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. Изд. Главного управления землеустройства и земледелия. С.-Пб., 1906.

Военно-конская перепись 1899—1901 гг. С.-Пб., 1902.

Военно-конская перепись 1905 г. С.-Пб., 1907.

Материалы по статистике труда под ред. С. Г. Струмилина. Вып. 8. М., 1920.

Статистический обзор Симбирской губернии за 1905 г. Изд. Симбирского губ. земства, 1906.

Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 8. Вып. I. Изд. Самарского губ. земства, 1892.

Крестьянское землевладение Казанской губернии. Вып. 13. Казань, 1909.

Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Казань, 1896.

Материалы по вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности Саратовской губернии. Саратов, 1903.

Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. С.-Пб., 1908.
Протоколы учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза. С.-Пб., 1905.
Протоколы делегатского совещания Всероссийского крестьянского союза. М., 1906.
Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг. Сборник документов под ред. А. К. Дрезена. М., 1936.

Исторические исследования. Тезисы. Очерки. Статьи

а) Издания советского периода

Аграрные программы социалистических партий Западной Европы и России. Одесса, 1917.
Александров П. и Лопаткин А. Ленинская аграрная программа и ее роль в укреплении союза рабочего класса и крестьянства. Журн. «Коммунист», № 10, 1954.
Алексеева Н. В. Идея союза рабочего класса и крестьянства в ранних произведениях В. И. Ленина. Журн. «Вопросы истории», № 2, 1959.
Анфимов А. М. В. И. Ленин о характере аграрных отношений в России в начале XX века. Журн. «Вопросы истории», № 4, 1960.
Алексеева Н., Волковикова С. Стратегия и тактика большевиков в первой русской революции. Госполитиздат, 1956.
Балабанов М. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. I. М., 1926.
Башутин. Обоснование В. И. Лениным идеи союза рабочего класса и крестьянства в 90-х годах XIX столетия. Кызыл, 1959.
Бутаев М. А. Большевики Симбирской губернии в революции 1905—1907 гг. Ульяновск, 1956.
Василевский Е. Г. Социально-экономическое содержание крестьянских приговоров и наказов во 2-ю Государственную думу (1907 г.). Уч. записки МГУ, вып. 179, 1956.
Водоватов Ф. Я. Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957.
Волин Б. Ленин в Поволжье. Госполитиздат, 1956.
Воровский В. В. Избранные произведения о первой русской революции. Госполитиздат, 1955.
Воронович А. Аграрная программа КПСС и ее осуществление в СССР. Госполитиздат, 1954.
Востров Н. Ленинская аграрная программа в первой русской революции. Госполитиздат, 1953.
Галкин В. А. Иваново-вознесенские большевики в первой русской революции. Иваново, 1952.
Гальперин М. Ю. Разработка В. И. Лениным аграрной программы большевиков в первой русской революции. Журн. «Вопросы истории», № 11, 1955.
Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 5. М., 1956.
Гертман Ю. Б. Проблема союза рабочего класса и крестьян-

ства в произведениях В. И. Ленина 90-х годов XIX века. Изд. МГУ, 1960.

Гефтер М. Я. Экономические предпосылки первой русской революции. Институт истории АН СССР. Доклады и сообщения. Вып. 6. М., 1955.

Гончаров В. С. В. И. Ленин об аграрно-крестьянском вопросе в первой русской революции. Труды Воронежского ун-та, т. 41, 1956.

Гохлернер В. М. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). Уч. записки Саратовского ун-та, т. V, 1955.

Граве Б., Дубровский С. Аграрное движение в России в 1905—1907 гг. М., 1925.

Гриценко Н. П. Очерки истории города Симбирска и Симбирской губернии. Ульяновск, 1953.

Дмитриев С. С. Хрестоматия по истории СССР. Т. 3. Учпедгиз, 1948.

Дубровский С. М. Крестьянское движение в годы столыпиновщины. Журн. «На аграрном фронте», № 1, 1925.

Дубровский С. М. О предпосылках крестьянского революционного движения в 1905—1907 гг. Журн. «Вопросы истории», № 6, 1955.

Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. Изд. АН СССР, 1955.

Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960.

Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. Госполитиздат, 1954.

Захаров С. П. К вопросу об аграрных отношениях в Симбирской губернии накануне первой русской революции. Уч. записки Ульяновского désинститута, вып. 7, 1955.

Захаров Ф. Ф. Самарские большевики в годы первой русской революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1955.

История гражданской войны в СССР, т. 2.

Каротамм Н. Великая сила союза рабочих и крестьян, строящих коммунизм. Журн. «В помощь политическому самообразованию», № 8, 1959.

Климов П. И. Рабочий класс России за союз с крестьянством в 1905 году. Журн. «Вопросы истории», № 5, 1957.

Коробов С. А. Революционное движение в Марийском крае в период буржуазно-демократической революции в России в 1905—1907 гг. Йошкар-Ола, 1952.

Коробов С. А. Марийский край накануне и в период первой русской революции. 1905—1907 гг. Йошкар-Ола, 1955.

Королев Б. И. Борьба В. И. Ленина против ревизионизма и оппортунизма в крестьянском вопросе (1899—1907 гг.). Журн. «История СССР», № 2, 1960.

Костин А. Ф. Великая сила союза рабочих и крестьян. Госполитиздат, 1954.

Кузьмин А. З. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905—1907 гг. Пенза, 1955.

Куприяшкин Т. Е. Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовской АССР. Саранск, 1942.

Левашов В. Реформа 1861 г. в Самарской и Симбирской губерниях. Куйбышев, 1940.

Лившиц С. Казань в годы первой русской революции. Казань, 1930.

Лопаткин А. Н. Аграрная программа большевиков в первой русской революции 1905—1907 годов. М., «Знание», 1955.

Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Изд. 3 Т. 2, Госполитиздат, 1952.

Мороховец Е. А. Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции. Госиздат, 1926.

Мотылев В. Е. Об особенностях промышленного развития России в конце XIX и начале XX века. Журн. «Вопросы истории», № 7, 1955.

Наякшин К. Я. Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955.

Ненахов А. Ф. Борьба большевиков за союз рабочего класса и крестьянства накануне и в период революции 1905—1907 гг. Воронеж, 1955.

Нечкина М. В. О периодизации истории в советской исторической науке. Журн. «История СССР», № 4, 1960.

Николаев П. Н. Революционное движение в Чувашии в 1905—1907 гг. Чебоксары, 1956.

Осокин Е. В. Из истории классовой борьбы в деревне в революции 1905—1907 гг. Исторические записки, № 7. Изд. ин-та истории АН СССР, 1940.

Осипов. Саратовские организации РСДРП в 1905—1907 гг. Саратов, 1947.

Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1960.

Пажитнов К. П. Положение рабочего класса в России. Т. 1, Изд. 2. Л., 1925.

Першин П. Н. Участковое землевладение в России. М., 1922.

Першин П. Н. Крестьянство в революции 1905 года. Журн. «Вопросы истории», № 11—12, 1946.

Перцов. Очерки статистики и экономики Казанской губернии. Казань, 1919.

Писарев В. И. Ликвидация крепостного права в Приазовье (1857—1863 гг.). Ростов-на-Дону — Москва, изд-во «Прибой», 1924.

Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв. М., 1927.

Портянкин И. Большевистская печать в годы первой русской революции. Госполитиздат, 1956.

Преображенский П. А. Крестьянская реформа 1861 г. в Самарской губернии. Самарский ун-т, вып. V, 1923.

Протопопов И. А. Пятидесятилетие Самарской губернии (1851—1901 гг.). Самара, 1901.

Раимов Р. М. Революция 1905—1907 гг. в Среднем Поволжье и Приуралье. См. сб. статей Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России, изд. ин-том истории АН СССР, 1955.

Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940.

Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России. Сб. статей под ред. Л. М. Иванова, А. М. Панкратовой и А. Л. Сидорова. Изд. ин-та истории АН СССР, 1955.

Розенблюм К. Военные организации большевиков 1905—1907 гг. М.—Л., Соцэкгиз, 1931.

Саар Г. Саратовская промышленность 90-х и в начале 900-х годов. Саратов, 1928.

Семашко Н. А. Клочки воспоминаний (От зари революции до ее рассвета). М., 1930.

Семенов М. И. (Блан М.). Революционная Самара 80—90-х годов. Куйбышев, 1940.

Смородин А. П. Нижегородские большевики в первой русской революции 1905—1907 гг.

Соболев П. Н. В. И. Ленин о союзе рабочего класса и крестьянства в Великой Октябрьской социалистической революции. Журн. «Вопросы истории», № 4, 1960.

Студенцов А. Саратовское крестьянское восстание 1905 года (из воспоминаний саратовского разъездного агитатора). Пенза, 1926.

Сборник воспоминаний участников революционного движения в бывших Самарской и Симбирской губерниях. Куйбышев, 1935.

«1905 год». Сборник воспоминаний. Куйбышев, 1935.

«1905 год в Самарском крае». Сборник воспоминаний. Изд-во Самарского губкома РКП(б), 1924.

«1905 год в Симбирске». Сборник воспоминаний. Из-во Симбирского губкома РКП(б), 1925.

Федосеев Н. Е. Статьи и письма. Госполитиздат, 1960.

Филиппов А. 1905 год в Самарской и Симбирской губерниях. Куйбышев, 1941.

Фирсов И. Н. 1905 год в Казани. Казань, 1948.

Фирстов И. И. Мордовия в годы первой русской революции. Саранск, 1955.

Флеровский И. Первая народная революция в России. Изд. «Московский рабочий», 1955.

Фомичев Ф. И. Разработка В. И. Лениным идеи союза рабочих и крестьян в 90-е годы. Уч. записки Орехово-Зуевского пединститута, 1957.

Ходаков Г. Очерки истории Саратовской организации КПСС. Саратов, 1957.

Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М., 1950.

Циммерман К. И. 1905 г. в Среднем Поволжье. Журн. «Коммунист», Куйбышев, 1935.

Черменский Е. Д. Борьба большевиков за союз рабочего класса и крестьянства в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). Изд. «Знание», 1955.

Чернышов Е. И. Крестьянская реформа в Казанской губернии. Казань, 1948.

Чернышев И. В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Петроград, 1918.

Чернышев И. В. Аграрный вопрос в России от реформы до революции (1861—1917). Курск, 1927.

Шестаков А. В. Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России. Госиздат, 1926.

Шестаков А. В. Крестьянство и революция 1905 г. Госиздат, 1930.

Шестаков А. В. Борьба сельских рабочих в революции 1905—1907 гг. Госиздат, 1930.

Шестаков А. В. Агитация и пропаганда большевиков в деревне в революции 1905—1907 гг. Журн. «Историк-марксист», М., 1935.

Шестаков А. В. Аграрная программа большевиков в деревне в революции 1905—1907 гг. Журн. «Историк-марксист», М., 1935.

Шишкова А. А. Из истории борьбы большевиков за союз рабочих и крестьян в годы первой русской революции. Журн. «Вопросы истории», № 2, 1955.

Шмыгин И. П. Из истории крестьянского движения в Симбирской губернии в период первой русской революции. Ульяновск, 1955.

Шмыгин И. П. Крестьянское движение в Симбирской губернии в революции 1905—1907 гг. Уч. записки Ульяновского пединститута, т. VII, 1955.

Шмыгин И. П. О роли сельских учителей в крестьянском движении на Среднем Поволжье в период революции 1905—1907 гг. Уч. записки Ульяновского пединститута, т. X, 1958.

Шмыгин И. П. Из истории борьбы крестьян села Б. Нагаткино за свободу и землю. Ульяновск, 1955.

Шмыгин И. П. Рецензия на документальные сборники о революционном движении в Среднем Поволжье. (См. «Известия ученого совета ГАУО»). Ульяновск, 1959.

Шмыгин И. П. Листовки большевиков Среднего Поволжья к крестьянам в период революции 1905—1907 гг. Сборник. Изд. Ульяновского пединститута, 1959.

Шмыгин И. П. Борьба В. И. Ленина за аграрную программу РСДРП в период первой русской революции. Уч. записки Ульяновского пединститута, вып. VIII, 1956.

Шумилов М. Н. Движение сельскохозяйственных рабочих в 1905—1907 годах. Журн. «Вопросы истории», № 9, 1955.

Энгельгардт А. Н. Из деревни. Соцэкгиз, 1937.

б) Издания дореволюционного периода

Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 г. Самара, 1905.

Адрес-календарь Самарской губернии на 1907 г. Самара, 1907.

Бельский С. Новая земледельческая Россия. С.-Пб., 1910.

Бехтерев С. С. Хозяйственные итоги истекшего столетия. Т. II. Вопрос земельный. С.-Пб., 1906.

Быховский и др. Борьба за землю. Т. I. С.-Пб., 1908.

Витте С. Ю. Записки по крестьянскому делу. С.-Пб., 1904.

Воскресенский. Общинное землевладение и крестьянское малоземелье. С.-Пб., 1903.

Герценштейн М. Я. Национализация земли. Крестьянский банк и выкупная операция. М.—С.-Пб., 1905.

Голохвастов Г. Письма из деревни о «Письмах из деревни» г-на Энгельгардта. М., 1884.

Гвоздев Р. Кулачество — ростовщичество, его общественно-экономическое значение. С.-Пб., 1899.

Дарственное наделение землевладением крестьян. С.-Пб., 1907.

Дружинин Н. П. Очерки крестьянской общественной жизни. Изд. «Право». С.-Пб., 1905.

Ежегодник России. С.-Пб., 1905.

Ермолов А. С. Наш земельный вопрос. С.-Пб., 1906.
Зворыкин Н. Н. Крестьянское землеустройство и неотложная аграрная реформа в России. С.-Пб., 1905.
Календарь крестьянина на 1907 г. М., 1906.
Кофод А. А. Крестьянские хутора на надельной земле. М.— С.-Пб., 1905.
Лосицкий А. Л. Выкупная операция. С.-Пб., 1906.
Мануйлов А. А. Поземельный вопрос в России. М., 1905.
Мертваго А. П. Аграрное движение в России в 1905—1906 гг. Изд. Вольн. экономич. общества, 1908.
Общественное движение в России в начале XX века. Т. II, Ч. 2. М.—С.-Пб., 1910.
Огановский Н. П. Откуда пошла крестьянская земельная нужда. М., 1917.
Подворная перепись Самарской губернии. Самарский уезд. Самара, 1913.
Прокопович С. Н. Сколько в России земли и как мы ею пользуемся. М., 1907.
Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах. С.-Пб., 1907.
Прокопович С. Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912.
Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 6. Под ред. В. П. Семенова. С.-Пб., 1901.
Рожков Н. Судьба русской революции. С.-Пб., 1907.
Рожков Н. Современное положение аграрного вопроса в России. Журн. «Наша Заря», № 6, 1913.
Рожков Н. Аграрный вопрос и землеустройство. Журн. «Современный мир», № 3, 1916.
Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна, народ, сословия, классы. С.-Пб., 1912.
Самарин Д. Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. I. Крестьянское дело. М., 1903.
Святловский В. В. Мобилизация земельной собственности в России. М., 1911.
Семенов С. Т. Двадцать пять лет в деревне. Изд-во «Жизнь и знание», 1915.
Соковнин П. Н. Культурный уровень крестьянского полеводства на надельных землях. С.-Пб.
Сосновский И. В. Землевладение. (Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России). С.-Пб., 1904
Ходковский, проф. Земля и земледелец. С.-Пб., 1905

Архивные материалы

Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (архив ИМЛ)

Фонд 26, опись 27, дело 49—20082.
Фонд 26, опись 27, дело 49—20095.
Фонд 26, опись 27, дело 49—28366.
Фонд 26, департамента полиции (Д. П.), д. 5, ч. 16.
Б-ка ИМЛ, Ц-23163.

Архив Института истории партии Татарского обкома КПСС

Фонд 36, св. 13, д. 91.
Фонд 36, св. 13, дд. 32, 36.
Фонд 30, св. 13, д. 199.

Архив Ульяновского обкома КПСС

Фонд 57, оп. 1, д. 146.

Архив Куйбышевского обкома КПСС

Фонд 3, дд. 75, 76, 78, 79, 82, 88.
» 2, д. 12.
» 1, оп. 1, д. 75.

Архив Саратовского обкома КПСС

Фонд 99, оп. 3, д. 156.
» » св. 46, д. 52.
» » оп. 3, д. 4.

Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА)

Фонд 400, оп. 5, дд. 6, 15, 68, 80, 151.
» 1720, дд. 10, 12.
» 9, оп. 5/65, отд. 5, д. 273.

Центральный государственный исторический архив Москвы (ЦГИАМ)

Фонд 518, оп. 1, д. 44.
» ГД1, д. 287.
» д. 1489.
» 102 ДП, 00, д. 5.
» » » д. 4, ч. 64.
» » » д. 2550, ч. 45.
» » » д. 1350.
» » » д. 2540.
» » » д. 540.
» » » д. 2, ч. 17 (7 д-во).
» » » д. 2, ч. 52.
» » » д. 24 (4 д-во).
» » » д. 700, ч. 19 (4 д-во).
Фонд 102 ДП, 00, оп. 6, д. 2, ч. 38.
Фонд 102 ДП, 00, оп. 5, д. 1877, ч. 49.
Фонд 102 ДП, 00, оп. 5, д. 1877, ч. 78.
Фонд 102 ДП, 00, оп. 5, д. 1877, ч. 50.
Фонд 102 ДП, 00, оп. 5, д. 1877, ч. 52.
Фонд 102 ДП, 00, оп. 7, д. 700, ч. 13.
Фонд 102 ДП, 00, д. 9, ч. 57.
Фонд 102 ДП, 00, отд. 2, д. 5, ч. 27.
Фонд 102 ДП, 00, д. 25, ч. 17.

Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ)

Фонд 1405, оп. 108, д. 6828.
» » д. 6832.
» » 107, д. 7634.
» » 111, д. 436.
» » 194, дд. 61, 81, 357.
» » 212, д. 1659.
» » 193, д. 8024.
Фонд 1284, » 194, дд. 63, 72, 81, 92, 102, 111.
Фонд 1278, оп. 1, дд. 4, 12, 13, 16, 25, 33, 35, 80, 89, 160, 178, 187, 194, 198, 199, 204, 220, 231, 242, 249, 295, 296, 310, 334, 341, 345, 363, 371, 414, 416, 417, 419, 452, 9222.
Фонд 1263, оп. 4, д. 52.
» 1263, » 17, д. 83.
» 1291, » 122, д. 123.
» 1326, » 6, д. 4.
» 796, » 187, д. 65.
» 515, » 77, д. 124.
» 515, » 33, д. 1894.
Фонд 408, оп. 1, д. 20.
Фонд ДП, 00, д. 6223.
Б-ка, I отд., оп. 1, д. 88.

Центральный государственный архив Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (ЦГА ТАССР)

Фонд 1, оп. 1, д. 35.
» » д. 3177.
» » д. 1313.
» » д. 4110.
» » д. 177.
» » д. 3891.
Фонд 1, оп. 1, д. 3701.
» » д. 3893.
» » д. 3889.
Фонд 2, оп. 1, д. 1230.
» » д. 914.

Государственный архив Ульяновской области (ГАУО)

Фонд 76, оп. 6, дд. 38, 42, 48, 51, 70, 74-а, 76, 77, 85, 91, 94, 99, 103, 121, 129, 130, 139, 153, 164, 226, 227, 284, 655, 662.
Фонд 76, оп. 1, дд. 35, 932.
» » 9, дд. 23, 80, 85.
» 413 » 34, д. 2.
» ГЖУ, № 422, д. 33.

Государственный архив Куйбышевской области (ГАКО)

Фонд 2, оп. 1, дд. 21, 62, 182, 1911, 1920.
» 3, » 52, д. 45.
» 3, » 231, дд 1913, 2074.
» 8, » 1, дд. 279, 450, 452.
Фонд 8, оп. 56, д. 645.
Фонд 1С, оп. 1, дд. 415, 450, 451, 452, 1913, 1920, 1924, 1924-а.
Фонд—Коллекция нелег. изданий № 1, 48, 51, 89, 133, 146, 170.

Государственный архив Саратовской области (ГАСО)

Фонд 133, оп. 1, д. 198.
Фонд КСГ, оп. 1, дд. 45, 52, 55, 78, 102, 332, 4655.
Фонд 6, оп. 1, д. 19.
Фонд 400, оп. 1, д. 7.
Фонд ГЖУ, оп. 1, д. 7, т. 4.
» » » д. 184.
» » оп. 4, д. 1662.
» » » д. 1802.
» » » д. 1826.
» » » д. 210, т. 2.
Фонд ГЖУ, оп. 4, д. 94.
Фонд СОО, оп. 4, дд. 12, 26, 29. 39, 94.
Фонд ст. фабричн. инспектора за 1904, 1905 и 1906 гг.
Фонд Саратовской судебной палаты. Дело о бывш. учениках Мариинского земледельческого училища.
Фонд — Коллекция нелег. изданий № 26, 31, 3870.

Периодические издания

а) Газеты большевистской партии

«Вперед», № 14, 15 за 1905 г.
«Пролетарий», № 1, 4, 10, 11, 13, 22, 24 за 1905 г. и № 2, 8, 19 за 1906 г.
«Новая жизнь», № 4, 10, 11 за 1905 г.
«Эхо», № 3 за 1906 г.
«Известия», № 3 за 1907 г.
«Борьба», № 1, 2 за 1906 г.
«Рабочий», № 1 за 1906 г.

б) Газеты большевистских организаций Среднего Поволжья

1905 год

«Рабочий» (Казанский) — нелегально; три номера.
«Крестьянский листок» (Казанский) — нелегально; три номера.
«Сызрань» (Самарский) — легально; не установлено.
«Крестьянский листок» (Самарский) — нелегально; не установлено.
«Солдатский листок» (Самарский) — нелегально; не установлено.
«Типографский листок» (Самарский) — нелегально; не установлено.
«Солдатский листок» (Саратовский) — нелегально; не установлено.
«Крестьянский листок» (Саратовский) — нелегально; четыре номера.

1906 год

«Волжский листок» (Казанский) — легально; не установлено.
«Борьба» (Самарский) — нелегально; четыре номера.
«Самарская лука» (Самарский) — нелегально; 40 номеров.
«Волна» (Саратовский) — легально; восемь номеров.
«Рабочий» (Саратовский) — нелегально; два номера.
«За землю и волю» (Саратовский) — нелегально; два номера.

1907 год

«Наши дни» (Симбирский) — нелегально; не установлено.

ПРИМЕЧАНИЕ. В скобках дано название комитета РСДРП— издателя, далее сказано, как издавалась газета и сколько номеров вышло.

в) Журналы большевистской партии

«Пути революции», № 2 за 1922 г.
«Пролетарская революция», № 1 за 1939 г., № 10 за 1922 г. и № 12/47 за 1925 г.
«Красный архив», № 2 за 1939 г.
«Коммунист», № 10 за 1955 г. и № 15 за 1960 г.
«Вопросы истории КПСС», № 3 за 1957 г.
«В помощь политическому самообразованию», № 8 за 1959 г.
«Вопросы истории», № 11—12 за 1946 г., № 7 и 9 за 1955 г., № 2 за 1959 г., № 4 за 1960 г.
«История СССР», № 2 за 1960 г.

Прочие издания

а) Газеты

«Симбирские губернские вести», № 265 за 1900 г.
«Симбирские вести», № 177 за 1905 г. и № 150 за 1907 г.
«Самарский курьер», № 207, 465, 563 за 1905 г. и № 468 за 1908 г.
«Самарская газета», № 113, 119, 207, 226, 227, 230 за 1905 г.
«Приволжский край», № 52, 108 за 1905 г.
«Волжский листок», № 533, 537, 546, 551 за 1905 г.
«За волю и землю», № 2 за 1906 г.
«Волжский курьер», № 105 за 1906 г.
«Волжские вести», № 150 за 1907 г.

б) Журналы

«Русское богатство», № 8 за 1908 г.
«Народный учитель», № 16 за 1906 г.

в) Зарубежная литература

D. Mitrany. Marxismus und Bauerntum, München, 1956.

Alfred G. Meyer. Leninism. Harvard University Press, Camdridge, Massacusetts, 1957.

Stassar J. Malthus et la population. Liège, Faculté de Droit de Liège, 1957.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Н

О

П

Р

С

У

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Б

В

Г

Д

К

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ч

Э

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Ю

Я

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — архив ИМЛ.
Братья — бр.
Волость — вол.
Газета — газ.
Год, годы — г., гг.
Город — г., гор.
Господин, господа — г., г-н, гг.
Губерния — губ.
Государственный архив Саратовской области — ГАСО.
Государственный архив Куйбышевской области — ГАКО.
Государственный архив Ульяновской области — ГАУО.
Губернское жандармское управление — ГЖУ.
Деревня, деревни — д., дд.
Десятина — дес.
Документ — док.
Другие — др.
Дело, дела — д., дд.
Департамент полиции — ДП.
Департамента полиции Особый отдел — ДП, ОО.
Железная дорога — ж. д.
Издание — изд.
Инвентарный — инв.
Исполняющий обязанности — и. о.
Исполняющий должность — и. д.
Копейка — коп.
Лист, листы — л., лл.
Миллион — млн.
Областной партийный архив — облпартархив.
Общество — об-во.
Опись — оп.
Отделение — отд.
Приложение — прил.
Примечание — прим.
Река — р.
Российская социал-демократическая рабочая партия — РСДРП.
Рубль — руб.
Сборник — сб.
Связка — св.
Село, села — с., сс.
Смотри — см.
Социал-демократия — с.-д.
Сочинение — соч.
Станция — ст.
Страница — стр.
Товарищество — т-во.
Том — т.
Уголовное уложение — угол. улож.
Уезд — у.
Фонд — ф.
Центральный государственный исторический архив Москвы — ЦГИАМ.
Центральный государственный исторический архив Ленинграда — ЦГИАЛ.
Центральный государственный военно-исторический архив — ЦГВИА.
Центральный государственный архив Татарской АССР — ЦГА ТАССР.
Центральный государственный архив Мордовской АССР — ЦГА МАССР.
Центральный государственный архив Чувашской АССР — ЦГА ЧАССР.
Часов — час.
Часть — ч.
Человек — чел.
Экземпляр — экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приложения:

Иван Петрович ШМЫГИН

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В БОРЬБЕ
ЗА КРЕСТЬЯНСКИЕ МАССЫ
В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Редактор В. А. Никитин
Художеств. редактор Г. Е. Зуева
Технич. редактор Я. М. Хахам
Корректоры А. Н. Амелина
и А. П. Зиновьева.

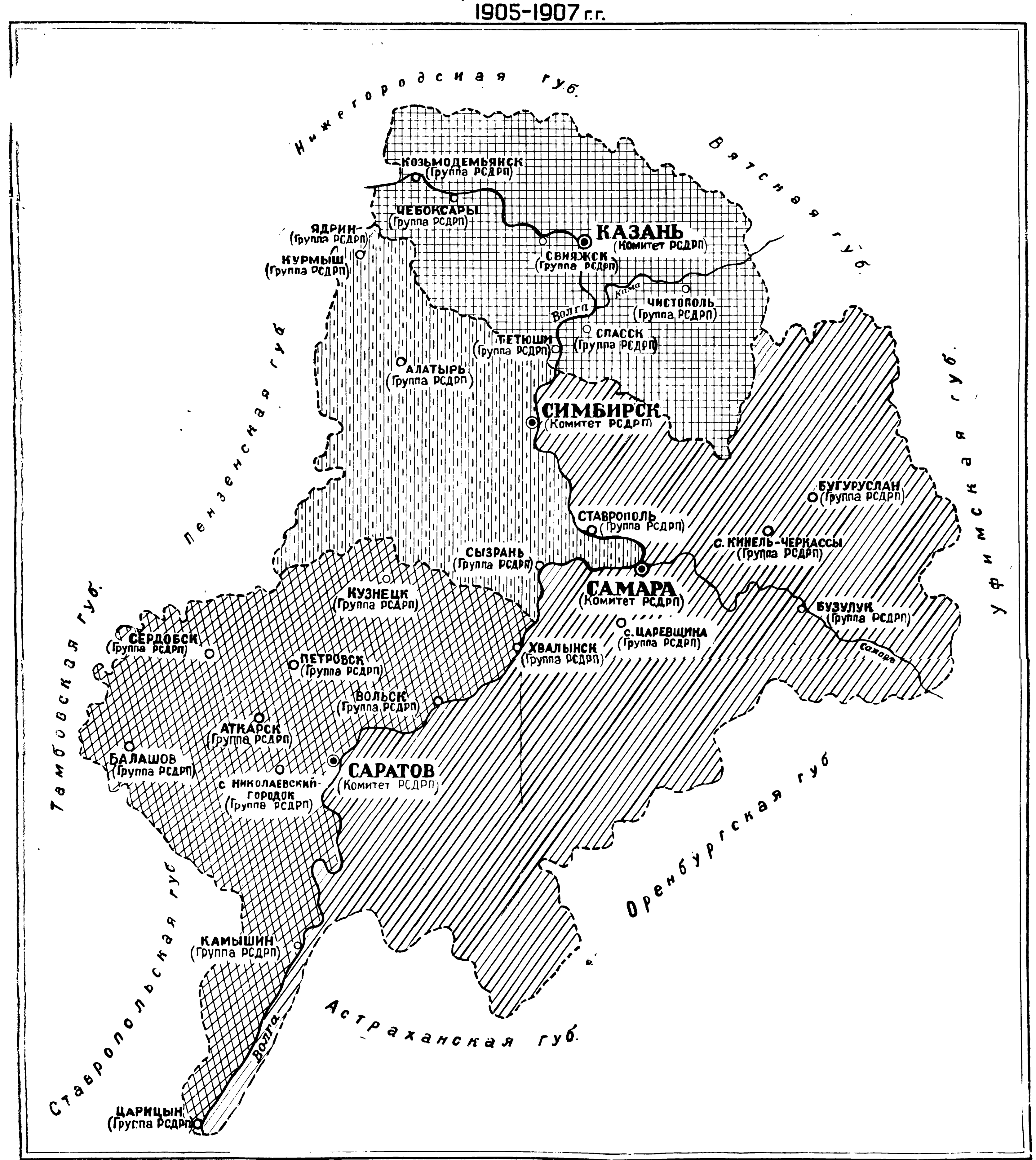
*

Сдано в набор 20/II 1962 г.
Подписано к печати 6/VIII 1962 г.
Формат бумаги 84×108/32 Объем:
12 п. л. + 2 вклейки (19,9 усл. п. л.);
20,8 уч.-изд. л. 3М00621. Зак. № 1972.
Тираж 2000 экз. Цена 1 р. 40 коп.

*

Ульяновское книжное издательство,
г. Ульяновск, ул. Труда, 7.
Типография облуправления культуры,
г. Ульяновск, ул. Ленина, 114.

ГУБЕРНСКИЕ И УЕЗДНЫЕ ГОРОДА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ СОЗДАНЫ БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 г.г.

1 р. 40 к.

УЛЬЯНОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962